

**Серія
«ГОГОЛЕЗНАВЧІ СТУДІЇ»
Ніжинського державного університету
імені Миколи Гоголя
Гоголезнавчий центр
Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України**

ГОГОЛЕЗНАВЧІ СТУДІЇ

Випуск V (22)

ГОГОЛЕВЕДЧЕСКИЕ СТУДИИ

Выпуск V (22)

2015

УДК 821.161.1.09 Гоголь

ББК 83.3(4Укр=Рос)5

Г 58

Серія «Гоголезнавчі студії», заснована в 1996 р.

Друкується за рішенням Вченої ради
Ніжинського державного університету
імені Миколи Гоголя
Протокол № 9 від 23.04. 2015 р.

Рецензенти:

Мазепа Н. Р., доктор філологічних наук, професор;

Самойленко Г. В., доктор філологічних наук, професор.

Редакційна колегія:

Михед П. В. (відп. ред.), Ковальчук О. Г., Абрамович С. Д., Воропаєв В. О.,
Казарін В. П., Кирилук З. В., Мацагура В. І., Федоров В. В.

Науковий редактор: Тетяна Михед

Літературний редактор: Надія Бондар

Постановою ВАК України (додаток від 11.04.2001 р. № 5-05/4) збірник включено до переліку наукових видань, публікації яких зараховуються до результатів дисертаційних робіт із філології (Бюлетень ВАК України, 2001. — № 3. — С. 5).

Г58 Гоголезнавчі студії: Вип. V (22). — Ніжин : ФОП
Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2015. — 500 с.

У збірник увійшли статті, в яких висвітлені різні проблеми творчої спадщини Миколи Гоголя, україно- і російськомовна бібліографія.

Книга розрахована на науковців, аспірантів, студентів і широке коло читачів, зацікавлених творчістю Миколи Гоголя.

УДК 821.161.1.09 Гоголь

ББК 83.3(4Укр=Рос)5

Видання здійснене за підтримки Благодійного фонду «Богуслав»
(Голова Правління — В. І. Романенко)
та благодійного внеску Л. Ф. Сиротенко

© Гоголезнавчий
центр, 2015

ЗМІСТ

Доповіді, статті та дослідження

Абрамович С. Д. (Черновцы) Рисунок Гоголя как когнитивное выражение сексуальной самоидентификации.....	6
Виноградов И. А. (Москва) История в наследии Гоголя.....	18
Воропаев В. А. (Москва) Оптинские знакомства Гоголя.....	71
Гажева И. Д. (Львов) О «духовном искусстве» Гоголя (поэтика авторских молитв).....	90
Голубева Е. И. (Москва) Сокровища земные и небесные: об одной евангельской параллели к произведениям Н. В. Гоголя.....	116
Джулай Ю. В. (Київ) Як І. Кант дуже довго і непомітно живе у тексті «Мертвих душ» М. Гоголя.....	126
Кошелев В. А. (Новгород Великий) «...вся Коломна и петербургская природа живая...»: «Домик в Коломне Пушкина и повесть Гоголя «Портрет»»	144
Кравченко О. А. (Донецк) Гоголевский образ Киева..	166
Кривонос В. Ш. (Самара) Гоголевский сюжет в пьесах Чехова.....	178
Люсый А. П. (Москва) Самофиксация Вия: Гоголь и «венский текст».....	197
Мацапура В. І. (Полтава) Фрагмент Гоголя <Начало исторического романа>: поэтика и контекст.....	217

Михед П. В. (Київ–Ніжин) Гоголь і Меріме: «<Заметки о Мериме>» Миколи Гоголя в контексті духовно-естетичних шукань 1840-х років.....	232
Подлісецька О. О. (Одеса) Рецепція творчості М. Гоголя Валерієм Шевчуком у циклі фольклорно-фантастичних новел «Голос трави».....	251
Свенцицкая Э. М. (Донецк) Н. В. Гоголь в поэтическом и критическом кругозоре И. Ф. Анненского...	264
Сенько И. М. (Ужгород) «Мертвые души» Н. В. Гоголя: этнологические аспекты.....	276
Сквіра Н. М. (Київ) Про непомічену паралель до «Страшної помсти» Миколи Гоголя.....	291
Тоичкина А. В. (Санкт-Петербург) Фольклорные источники и романтическая традиция в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (к вопросу о роли пародии в цикле)..	305
Шаргина К. В. (Москва) Знал ли Гоголь итальянский? Занятия Н. В. Гоголя иностранными языками: отзывы современников и документальные свидетельства.....	319
Шульц С. А. (Ростов-на-Дону) Гоголь, Филдинг, Кеведо.....	331

Из зарубіжного гоголезнавства

Чижевський Дмитро. Сковорода — Гоголь. До 60-річчя Ю. Г. Шевельова. Переклад А. Роліка (Ніжин)...	342
--	-----

Рецензії та відгуки

Ісаснко К. П. (Ніжин) Нова книга про Гоголя-гімназиста: Гоголь в Нежинской Гимназии высших наук: антология мемуаров / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. — СПб. :

Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. — 628 с. ; 85 ил. 355

Каплин А. Д. (Харьков) Душа и прочное дело жизни.
Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии.
2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014. — 336 с.: ил. 359

Сквіра Н. М. (Київ) Абрамович С. Д. Двоемирие
Гоголя: монографія / С. Д. Абрамович. — Каменец-
Подольський: Каменец-Подольський національний
університет імені Івана Огієнко, 2014. — 120 с. 365

Хвалин А. Ю. (Москва) «Душевный портрет»
с клеймами. О книге В. А. Воропаева «Однажды Гоголь...». 369

Анкета Гоголезнавчих студій

Инга Видугирите (Вильнюс)..... 373

Бібліографія

Бібліографія гоголезнавчих праць Самойленка Г. В.
Підгот. **Н. В. Кузьменко** 376

Д. І. Чижевський (Чижевский, Tschizewskij, Čyževskij)
про Гоголя. Уклала **О. В. Тоїчкіна** 388

Библиография произведений Н. В. Гоголя и
литературы о нем на русском языке (2009–2012):
дополнения Сост. **В. А. Воропаев** 391

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литера-
туры о нем на русском языке (2013). Сост. **В. А. Воропаев** ... 432

Бібліографія України про життя і творчість Миколи
Гоголя (2013). Підгот. **Н. В. Кузьменко** та **П. В. Михед**..... 472

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій»... 484

ДОПОВІДІ, СТАТТІ ТА ДОСЛІДЖЕННЯ

Семен Абрамович (Черновцы)

РИСУНОК ГОГОЛЯ КАК КОГНИТИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

«Зевс Олимпиец! О! ты неумолим в своей ярости! < . . > Ты создал женщину!».

«Опершись на истукан, она вся, казалось, превратилась в безмолвное внимание, и на прекрасном челе ее прорывались гордые движения богоподобной души».

Н. В. Гоголь «Женщина».

Спонтанные рисунки, все эти карандашные и перьевые граффити, особенно же т. н. *почеркушки* — когда человек машинально наносит на бумагу какое-либо изображение, — имеют, как отмечал Г. М. Ферс, опирающийся на учение К. Юнга, огромный психотерапевтический эффект. Тут в качестве исцеляющего средства используются символы, проявление бессознательного, которые вовлечены в процесс развития личности, названный Юнгом процессом индивидуации [9].

Рисунок, который мы попытаемся здесь проанализировать, взят из записной книжки Гоголя, названной самим автором «Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедия, составленная Николаем Гоголем. Нежин. 1826 г.». Он, впрочем, сделан еще в 1820 г., когда Гоголь учился в Полтаве, и не имеет названия; назовем его, скажем, «Женщина у колонны».

«Женщина у колонны».

Рисунок Гоголя из «Книги всякой всячины». 1820-е гг.

Сразу же скажу, что не ставлю перед собой особо масштабных задач, хотя в данной области их можно выделить немало. Так, методологически важны соображения Андрея Белого и Ю. Лотмана о живописной природе гоголевского писательского дара; вопрос о соотношении творческого метода Гоголя с творческим методом художника-живописца был обозначен в исследовании Н. Г. Машковцева «Гоголь в кругу художников» [6]; можно вспомнить и современную диссертацию, посвященную исследованию эстетическо-художественной системы Гоголя [7]. Но моей целью не является ни установление натурального прототипа, ни искусствоведческий анализ (хотя некоторые положения последнего я буду использовать).

Это было в привычках эпохи: вспомним море разлитое артефактов такого рода — от рукописных дамских альбомов, в которые заносились стихи, серьезные или дурашливые записи и профессиональные или дилетантские рисунки, — до черно-

виков Пушкина. Традиция карманной записной книжки как таковой вошла в русский быт, как заметил В. Э. Вацуро, в середине XVIII века, в эпоху жанровой конвергенции, в первую очередь — благодаря культуре сентиментализма, открывшего эру дневниковой исповеди перед самим собой, и первоначально привилась среди образованных дам [2].

Интересовали юного Гоголя вещи самые разнообразные. Среди различных сведений об аптекарском весе, о распространении диких деревьев и кустов в Европе, мыслей «об истории вообще», записей украинского лексико-фольклорного материала и пр., встречаются и рисунки: мосты, скамейки, узорные решетки и, наконец, фигуры людей. Словом, записывал и зарисовывал юноша все, что сколько-нибудь занимало его в тот или иной момент, создавая некий текст по принципу дневника, который пишется без всяких определенных правил.

Можно, конечно, сказать, что не очень-то все это и притяжательно. В отличие от личных альбомов молодых столичных литераторов, — например, находящихся в орбите гетеанизма членов петербургского Дружеского литературного общества, которые активно переживали духовные проблемы современной немецкой культуры, — здесь перед нами некий «сбор со всех цветов», моментами заставляющий вспомнить знаменитую плюшкинскую кучу. И это, в общем-то, отражает не столько уровень провинциальной школы, сколько личное духовное состояние пока не слишком обласканного удачей тинейджера (обстоятельные конспекты по отечественной и западноевропейской истории будут создаваться значительно позже). Рисование было для него средством самоутверждения. Да уже и в гимназии Гоголь не считался в первых учениках: он был успешен, как замечает И. Золотусский, в основном в рисовании, но и то в нем видели разве что кропателя виньеток [4]. Но этим сущность будущего великого писателя, понятно, не исчерпывается. Гоголь только начинал искать путь к самому себе. Дневниковая по характеру «Книга всякой всячины» была точкой, где он был достаточно искренен — или, по крайней мере, фиксировал те вещи и конденсировал те впечатления, которые были для него чем-то особенно важным. К записям

этим Гоголь относился серьезно, многократно исправлял и уточнял их. И в «бесцельных» рисунках будущего автора «Арабесок» явственно вырисовываются, если применить классическую методику психоанализа, проявления авторского Бессознательного: фаллические символы, лишенные украшений дома — символ маскулинности, наконец — выразительные мужские физиономии восточного типа:

Рисунок-«почеркушка» из «Книги всякой всячины». 1820-е гг.

К данному рисунку Гоголя приложимо в какой-то степени понятие *фрактал* (от лат. *fractus* — состоящий из частей, раздробленный), но при этом автор этого термина Б. Мандельброт определял фракталы как «структуры, состоящие из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [5, с. 175]. Можно сказать, что все эти изображения — вариации на тему Анимуса, архетипа Мужчины.

Но, скажете вы, что может быть более важным для юноши, нежели Женщина? «*Cherchez la femme!*» — велит французская

мудрость. Весьма интересно, как воспринимал Женщину Гоголь-гимназист — тем более, что в будущем его отношения с прекрасным полом никак не сложатся. Объяснением тому выдвигаются разные причины. Так, В. Воропаев видит ситуацию под знаком предопределенности Гоголя монашескому жребию [3], а вот английский исследователь С. Карлинский однозначно относит Гоголя к гомосексуалистам [10, с. 162]. Впрочем, одна другой эти точки зрения вовсе, увы, не противоречат, и, в общем-то, «можно лишь ужаснуться тем глубинам тьмы, в которых тонула гоголевская душа» [1, с. 21]. Поэтому наивный и не очень уверенный рисунок, о котором мы собираемся говорить, может стать неким свидетельством формирования сексуальной самоидентификации, чем заканчивается, как утверждает психология, пубертатный период развития. Это пора формирования когнитивного мышления, когда обозначается способность абстрагировать, и, вместе с тем, как утверждал видный психолог начала XX века С. Холл, это — полоса амбивалентности и парадоксальности, определяемая половым созреванием, когда детский способ познания мира окончательно уходит в прошлое.

С абстрактным восприятием Женщины, как можно судить по расположенным рядом записям, все уже было как-то ясно: через Жену, как учила Святая Церковь, в мир пришел грех. При этом характерно, что сигнифицируется эта идея весьма колоритной *«Вишей, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на светлый праздник Воскресения»*. Женщина воспринята как бы сквозь двойную призму: сквозь церковно-схоластическое суждение и, одновременно, сквозь женоненавистнический взгляд сурового воина-казака (думается, в этой коллизии содержится ментальное зерно будущей повести «Тарас Бульба»):

Бѣдна Ева одну с древа вирвала кисличку,
Збула власти, треба прясти на гребенѣ мичку.
За нею ж там бидный Адам щось, кажуть, прошкудив,
Землю пахав, цѣпом махав, бѣг з раю пропуdiv.
За ту ж ѣду Ева бѣду заслужила сію,
Честь Адаму аж за браму вибили у шию.

Глупа жона! сама она яблоти трошила,
За один плод увесь народ в пекло затопила.

Весьма красноречивы также выписки, сделанные юным Гоголем из «Энеиды» Котляревского:

Бо щоки терли манією,
І блейвасом і ніс, і лоб,
Щоб краскою, хоть не своєю,
Причаровать к собі народ.
Із ріпи підставляли зуби,
Ялозили все смальцем губи,
Щоб подвести людей на гріх,
Пиндючили якісь бочки
Мостили в пазусі платочки,
Все жарти їм були да сміх.

* * *

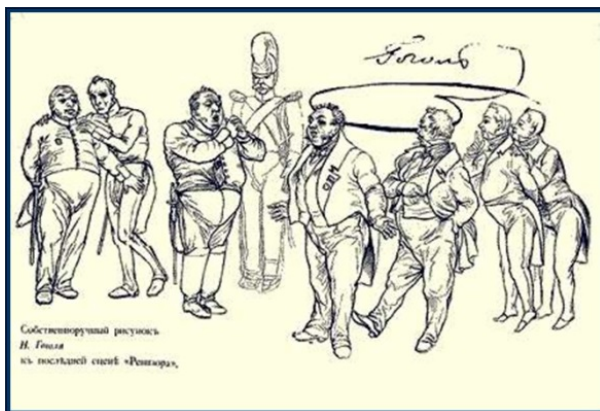
Іще як самі дівовали
Да з хлопцями як гарцювали,
Та й по дитині привели.

В этих позднейших записях отчетливо ощущается эмоциональный фон, который окружает рисунок: страх перед женщиной, отчуждение от нее и некое отстраненное любопытство.

А конкретно Женщина предстает на анализируемом рисунке в наглухо закупоренном одеянии, тщательно маскирующем и как бы даже уже и вовсе растворяющем спрятанную под ней живую плоть. Рисует юноша Гоголь не женское тело, спрятанное под платьем, а именно платье, во всех подробностях, отдавая, впрочем, больше внимания декоративным пятнам расцветки, нежели покрою (так и хочется воскликнуть: *глазки и лапки!*), — как бы стремясь отвлечься от того, что под ним таится.

Это особенно бросается в глаза, если сравнить данный рисунок с позднейшими зарисовками одетых мужских фигур — к «Ревизору» и др., в которых присутствует хорошее ощущение

анатомии (впрочем, к тому моменту Гоголь успел поучиться на курсах Академии художеств):

Тем не менее, фасон платья воспроизведен с должным вниманием: это ампирная мода. Данный фасон призван был подчеркнуть загадочность и пленительность Женщины, как бы окутанной одновременно и аурой классицистической строгости, и, одновременно, мягкой сентименталистско-романтической, «музыкальной» туманностью:

Дневное платье. 1825–1830.
Собрание музея Виктории и Альберта

На юношеском же рисунке Гоголя как бы нарочно подчеркнуты искусственность модной юбки в форме колокольчика, нелепость плеч-буфф, нарисованных как некие ни к чему логично не привязанные пузыри, штучный и надуманный характер горизонтальных линий в покрое. Несоразмерно широкий капор с ниспадающими лентами, призванный, согласно модному инварианту, изящно увенчать женский силуэт и таинственно затенить лицо, у Гоголя выглядит весьма небрежно нахлобученным (если не сбитым на затылок) *капелюхом*, к которому механически «прицеплены» ленты.

Дополняют ситуацию подчеркнута «раскаряченные», в духе детского рисунка, ножки в панталончиках и мягких туфельках — деталь, до сих пор скрывалась — юбка-колокол призвана была создать впечатление плывущей, «не опирающейся на землю» фигуры. Но как раз в 1820 г. открылись уже башмачки, а затем и вовсе щиколотки ног, что было подлинным переворотом: на протяжении всей истории христианской культуры женские ноги тщательно скрывались под одеждой. И юный Гоголь с явным интересом вытаскивает на свет божий эти ножки, облаченные в длинные до щиколотки панталоны, которые, впрочем, здесь производят впечатление как бы механически «приставленных» к платью, частью некоего перечня. Более того, ножки кажутся обутыми чуть ли не в лапти — во всяком случае, нежнейшая белая шнуровка, крест-накрест подерживающая атласные туфельки, дана резкими черными штрихами, а контур лодыжек «смят» в лишенной всякой эротичности грубой линии: моторика рук рисовальщика определялась не сладострастным импульсом.

Лицо изображенной женщины также не поражает утонченностью и изысканностью, скорее оно несколько вульгарно, хотя сохраняет некоторую живость. Женщина облокотилась на строгий классицистический обелиск, который, впрочем, функционально являет собой миниатюрную колонну-консоль, служащую подставкой для подсвечника, причем облокотилась, что называется, «по-хозяйски», как бы преграждая доступ к консоли зрителю. Если учесть прозрачную фаллическую символику этого предмета, то сцена приобретает

характер невольной иллюстрации к известной фрейдовой мифологеме Женщины, кастрирующей Мужчину. Непропорционально маленькие, сжатые в кулачки и как бы «спрятанные» кисти рук говорят о замкнутости. Обязательный для «чувствительной» эпохи аксессуар — как бы «отодвигающая» на второй план обелиск книжечка в левой руке изображенной персоны, данная в формате дамского альбома. Если так, то деталь может символизировать многое: занесение в некую Книгу Жизни или же в какой-то таинственный список (коллекцию сердцедайки?); но даже если это просто книга — она явно «предпочтена» обелиску. Можно сказать, что перед нами предчувствие будущей драмы поглощения бедного Ивана Федоровича Шпоньки чудовищем брака во всей ее полноте.

Несколько труден для истолкования набросок над головой изображенной, который может означать в силу своей невнятности что угодно — от перьев на шляпе до наброска лифа женского платья, из которого выглядывает странная, демоническая физиономия.

Но в целом можно со всей определенностью утверждать следующее: коль скоро нарисованная фигура, согласно психологии художественного акта, столь щедро насыщена деталями, то автор явно интересен самому себе, вплоть до некоторого самолюбования, даже нарциссизма. Ведь, исходя из распространенного в современной практической психологии постулата, изображенный персонаж так или иначе отражает подсознательное представление рисовальщика о самом себе [8]. Этому вовсе не противоречит то обстоятельство, что Гоголь, собственно, рисовал Женщину: ох, и смутит же через много лет нектати отворившего двери Аксакова напаянный Гоголем наедине с собой девичий кокошник...

Можно сказать, что в этом юношеском рисунке Гоголя реализовался процесс самопознания и сексуальной самоидентификации, в частности выразилось сложное отношение к Женщине как к Иному и, одновременно, «абсурдное» подсознательное психологическое отождествление нарисованного персонажа с собственным Я. При внутренней, психологической «автопортретности» изображения, рисовальщик от Женщины

как от «физического тела» старательно отмежевывается. Он облакает свой женский персонаж в непроницаемый и тщательно испещренный наряд, наделяет его угрожающей Мужчине атрибутикой кастрации и дезавуирует всякий намек на эротическую теплоту.

Литература:

1. *Абрамович С. Д.* Двоемирие Гоголя : монография / Семен Дмитриевич Абрамович. — Каменец-Подольский : Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, 2014. — 120 с.
2. *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1759–1840-е гг.) / Вадим Эразмович Вацуро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 г. — Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1979. — С. 3–57.
3. *Воропаев В. А.* Духом схимник сокрушенный: Жизнь и творчество Гоголя в свете Православия / Владимир Алексеевич Воропаев. — М. : Московский рабочий, 1994. — 159 с.
4. *Золотусский И.* Гоголь / Игорь Золотусский. — М. : Молодая Гвардия, 1979. — 511 с.
5. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы / Бенуа Б. Мандельброт. — М. : Институт компьютерных исследований, 2002. — 656 с.
6. *Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников / Н. Г. Машковцев. — М. : Искусство, 1955. — 170 с.
7. *Летин В. А.* Визуализация художественной картины мира Н. В. Гоголя / Вячеслав Александрович Летин. — Дисс. ... канд. культурол. н. — 24.00.02 — историческая культурология. — Ярославль, 1999. — 211 с.
8. Умелица.ру ; Душа и Дух ; Психология ; Анализ рисунков // Электронный ресурс. — Режим доступа : adexi.ru aib.ru ; psygorodok.ru.
9. *Ферс Г. М.* Тайный мир рисунка / Грегг М. Ферс ; перевод с англ. — СПб : Европейский Дом, 2000. — 288 с.
10. *Karlinsky S.* The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol / Simon Karlinsky. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1976. — 345 (XI + 333) pp.

References:

1. Abramovich S. D. Two Worlds of Gogol [Dvoemirie Gogolja]. Kamenec-Podol'skij, Kamenec-Podol'skij nacional'nyj universitet imeni Ivana Ogienko Publ., 2014. 120 p.
2. Vacuro V. Je. Literary Albums in the Collection of the Pushkin House (1759–1840-ies.) [Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo doma (1759–1840-e gg.)]. *Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House in 1977 [Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1977 g.]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. P. 3–57.
3. Voropaev V. A. Hermit Broken by Spirit: The Life and Work of Gogol in the Light of Orthodox [Duhom shimnik sokrushennyj: Zhizn' i tvorchestvo Gogolja v svete Pravoslavija]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1994. 159 p.
4. Zolotusskij I. Gogol [Gogol']. Moscow, Molodaja Gvardija Publ., 1979. 511 p.
5. Mandel'brot B. Fractal Geometry of Nature [Fraktal'naja geometrija prirody]. Moscow, Institut komp'juternyh issledovanij Publ., 2002. 656 p.
6. Mashkovcev N. G. Gogol in the Circle of Painters [Gogol' v krugu hudozhnikov]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1955. 170 p.
7. Letin V. A. Visualization of Gogol's Art Picture of the World [Vizualizacija hudozhestvennoj kartiny mira N. V. Gogolja]. Jaroslavl', 1999. 211 p.
8. Umelitsa.ru ; Soul and Spirit ; Psychology ; Analysis of Drawings [Umelica.ru ; Dusha i Duh ; Psihologija ; Analiz risunkov]. Electronic resource Access: adexi.ru ; psygorodok.ru.
9. Fers G. M. Secret World of Drawing [Tajnyj mir risunka]. Saint-Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2000. 288 p.
10. Karlinsky S. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Cambridge, MA, Harvard University Press Publ., 1976. 345 p.

Аннотация

РИСУНОК ГОГОЛЯ КАК КОГНИТИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассмотрен образец художественной графики Гоголя-юноши, в котором выразилась «очужденная» интерпретация Гоголем женской моды амбир начала 1820-х гг. и реализовался процесс само-

познания и сексуальной самоидентификации, в частности выразилось сложное отношение к Женщине как к Другому и одновременно подсознательное психологическое отождествление нарисованного персонажа с собственным Я.

Ключевые слова: графика, подсознательное, ампир, сексуальная самоидентификация.

Анотація

МАЛЮНОК ГОГОЛЯ ЯК КОГНІТИВНИЙ ВИРАЗ СЕКСУАЛЬНОЇ САМОІДЕНТИФІКАЦІЇ

У статті розглянуто зразок художньої графіки Гоголя-юнака, в якому виразилася «очуднена» інтерпретація Гоголем жіночої моди ампір початку 1820-х рр. та реалізувався процес самопізнання й сексуальної самоідентифікації, зокрема виразилося складне ставлення до Жінки як до Іншого й, водночас, підсвідоме психологічне ототожнення намальованого персонажа зі власним Я.

Ключові слова: графіка, підсвідоме, ампир, сексуальна самоідентифікація.

Summary

GOGOL'S GRAFIC FIGURE AS COGNITIVE EXPRESSION OF SEXUAL IDENTITY

The article deals with model of Gogol-lad's graphic arts, which expressed his "estrangement" interpretation of women's fashion empire of early 1820-th and realized the process of self-knowledge and sexual identification, in particular the complicated attitude towards Women as the Other and, at the same time, subconscious psychological identification of the drawn personage with his own I were reflected.

Keywords: graphicarts, subconscious, empire style, sexual identification.

Игорь Виноградов (Москва)

ИСТОРИЯ В НАСЛЕДИИ ГОГОЛЯ

В 1847 г., в «Выбранных местах из переписки с друзьями», Гоголь замечал: «Полный и совершенный поэт ничему не предается безотчетливо, не проверив его мудростию полного своего разума». Пятью годами ранее, устами одного из героев «Театральной разъезда...», он объяснял недоумение современников по поводу его художественных созданий: «Смысл внутренний всегда постигается после. И чем живее <...> образы, в которые он облекся <...>, тем более останавливается всеобщее внимание на образах. Только сложивши их вместе, получишь итог и смысл созданья».

Подчеркивая сознательный характер своего творчества, Гоголь одновременно указывал, что его произведения представляют «загадку» для читателя [1]. Проблема интерпретации гоголевского наследия многократно усложняется тем, что перед нами — писатель комический. Любой художественный образ, и без того многозначный, попадая в «амбивалентную» смеховую среду, становится еще более «полифоничным», и выявить его смысловую направленность бывает порой затруднительно. Обозначить вектор смысла в гоголевском образе становится возможным через привлечение других, «серьезных» произведений писателя: через авторскую оценку, изложенную в письмах, через реминисценции с сочинениями других жанров и др. Только комплексный подход к интерпретации произведений Гоголя позволяет в значительной мере избежать субъективных толкований и предложить научно аргументированную реконструкцию его творческих замыслов.

Первостепенное значение в этой связи приобретает изучение мировоззрения Гоголя, что, в свою очередь, возможно лишь с привлечением самого широкого исторического, культурного, религиозного и биографического контекста. Одним из существенных подспорий в решении этой задачи является анализ исторических взглядов писателя.

К сожалению, долгое время вопросу о влиянии исторических штудий Гоголя на его художественное творчество достаточного внимания не уделялось. Лишь недавно, благодаря архивным находкам, сложился целый том сочинений, характеризующих Гоголя как историка (см.: [2, с. 41–101]; [3, с. 8–322]). Как позволяет судить содержание этого тома, значительное место в нем занимают выписки из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — безусловно, главного во времена Гоголя труда по отечественной истории.

До последнего времени объем заимствований из Карамзина в гоголевских материалах по истории оставался невыясненным. В 1952 г. при публикации части этих материалов, один из исследователей, имея в виду ссылки самого Гоголя на Карамзина, отделался лишь общим замечанием, что «для заметок по истории Руси Гоголь использовал "Историю" Карамзина» [4, с. 624]. Спустя два года другой исследователь допустил совсем грубую ошибку, утверждая, что сохранившиеся выписки Гоголя (являющиеся, как показывает анализ, извлечениями из Карамзина) представляют собой результат изучения русской истории «по первоисточникам» — именно по начальной русской летописи, «Повести временных лет» [5, с. 165–167].

В количественном отношении выписки и заметки при чтении «Истории государства Российского» составляют почти половину из дошедших до нас гоголевских набросков по славянской, русской и украинской истории. Кроме этих гоголевских автографов, многочисленные реминисценции из Карамзина встречаются в статьях Гоголя «Взгляд на составление Малороссии», «О сословиях в государстве», в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а также в его художественных произведениях: в «Главе из исторического романа», в «Страшной мести», в «Тарасе Бульбе» (см.: [6, с. 123–139]; [7, с. 71, 72, 89–104, 112, 140, 168, 255, 323, 329, 361]; [8, с. 62–80]; [9, с. 424–427, 437–439]). О важном значении наследия Карамзина для творчества Гоголя может свидетельствовать и позднейшая гоголевская оценка историографа в статье «Карамзин». В 1833 г. Гоголь, вместе с А. С. Пушкиным, князем П. А. Вяземским, С. С. Уваровым, П. А. Плетневым и др., принял участие в сборе

пожертвований на сооружение памятника Карамзину, установленному позднее, в 1845 г., на родине писателя в Симбирске (см.: [10, с. 247]; и коммент. к изд.: [11, I, с. 763]). На открытии памятника побывал М. П. Погодин, который выступил там с речью «Историческое похвальное слово Карамзину...» [12]. Откликаясь на публикацию Погодина, Гоголь в статье «Карамзин» замечал: «Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин как бы весь очертывается самим собою... <...> Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять».

Возникает вопрос, когда же мог познакомиться Гоголь с «Историей государства Российского». Вопрос этот до сих пор не только не изучен, но даже не ставился. Между тем имеются достаточные основания, чтобы судить не только о времени знакомства Гоголя с трудом Карамзина, но и говорить о характере гоголевского восприятия карамзинской «Истории...» в то время, когда эта книга только вошла в круг его чтения.

Прежде всего следует обратить внимание на одно из малоизвестных гоголевских произведений. Это незавершенный очерк о славянах, создававшийся Гоголем в первой половине 1830-х гг. Малоизвестен этот очерк по нескольким причинам. Во-первых, потому, что славянский очерк Гоголя не был завершен и впоследствии был использован самим писателем при создании цикла лекций по истории Средних веков, читанных в Петербургском университете с осени 1834 г. [13]. Таким образом, в качестве отдельной статьи это гоголевское произведение опубликовано не было и тем самым на долгое время оставалось как бы в тени. С этой причиной тесно связана другая. Поскольку единого цельного текста этого произведения не существует: от него остались лишь отдельные наброски и более или менее завершенный заключительный фрагмент, — то все эти наброски долгое время не были разобраны и публиковались в собраниях гоголевских сочинений в совершенно произвольном порядке среди других исторических набросков Гоголя. Лишь в недавнее время обращение к гоголевским автографам

позволило определить принадлежность к незавершенной статье о славянах восемнадцати набросков Гоголя [14].

Главный пафос гоголевского очерка составляет мысль о единстве славянских народов, а наиболее принципиальными положениями являются выводы о многочисленности, богатой одаренности, развитой мифологии, миролюбии и исконной оседлости славян, сравнительно с кочевыми азиатскими племенами; представление о том, что славяне являются коренными, самыми древними обитателями восточной Европы. Таким образом, содержание этого незавершенного гоголевского произведения развеивает распространенное в гоголеведении мнение, что будто бы славянофильские взгляды Гоголя объясняются позднейшим влиянием Аксаковых. Сближение Гоголя с Аксаковыми состоялось уже тогда, когда Гоголь как художник и мыслитель вполне сложился, а потому объяснять глубокую осведомленность Гоголя в славянской истории влиянием Аксаковых, очевидно, неправомерно (подробнее см.: [15, с. 5–24]; [16, с. 20–27]). Текстологический анализ показывает, что в славянском очерке Гоголя находится сразу несколько выписок из «Истории...» Карамзина, и позволяет сделать вывод, что именно Карамзину Гоголь в значительной степени обязан своим «славянофильством». Известно, что в первом томе своего труда Карамзин значительное место отводит истории славянства.

Современная Карамзину историография почти игнорировала славян, и сама славянская история оставалась в то время в значительной мере неизученной. 8 мая 1833 г. Гоголь, в частности, писал Погодину: «...Случалось ли когда-нибудь тебе слышать про Историю Римской импер<ии> и славянских народов? Это чудо, а не книга, типографическая редкость! 1503 года и вся в печатках, а главное, что во введении прежде всего говорится о истреблении вшей и привезенных в Германию индейских клопов. Издана в Оснабрике».

Неудовлетворительностью тогдашних трудов по славянской истории и объясняется то обстоятельство, что, готовясь к своим лекциям, Гоголь сначала изучает историю славян отдельно — в основном по Карамзину, и лишь затем

использует главные выводы своего незавершенного очерка в курсе истории Средних веков.

Очевидно, что никто иной, как Карамзин, стоит в истоках обращения Гоголя к славянской истории и что формирование гоголевского интереса к славянству совершалось независимо от Аксаковых, Хомякова и Погодина. Более того. Гоголевские начинания в этом направлении отчасти даже опережали вызревание «московского» славянофильства. Не случайно известный богослов протопресвитер В. В. Зеньковский, автор двухтомной «Истории русской философии», более полувека посвятивший изучению гоголевского наследия, именно Гоголя — не Аксаковых, не Хомякова и не Шевырева, — называл «зачинателем» славянофильского течения русской мысли ([17, с. 63]; [18, с. 205]). Само формирование славянофильства и западничества было отчасти обязано произведениям Гоголя — и, в частности, выходу в свет повести «Тарас Бульба» (1835), восторженно встреченной не только Шевыревым и Погодиным, но и молодым Белинским; впоследствии она прямо способствовала становлению национального самосознания славянства [2, с. 494–495, 526–527, 554–556, 559–561, 569–574, 577, 580–581, 591–606]. Не меньшее значение имела публикация первого тома «Мертвых душ» (1842), полемика о котором Константина Аксакова и Белинского явилась *первым* публичным актом размежевания критиков двух лагерей [19, с. 17–75].

К слову сказать, и Хомяков пробел в современной историографии относительно славянства, отчасти восполненный Карамзиным, взялся восполнять лишь двумя годами позже Гоголя. Появление в сентябре 1836 г. в журнале «Телескоп» известного «Философического письма» П. Я. Чаадаева, в котором последний заявлял об «исторической ничтожности» России, сравнительно с прошлым других народов, побудило тогда Хомякова приняться за работу над записками о всемирной истории, одной из существенных задач которых было проследить путь славянства в древней истории [20, с. 538–540]. Это прямо предвещало попытку Гоголя, стремившегося вписать историю славян в мировой процесс еще в первой половине 1830-х гг. Примечательно в этом свете, что когда спустя полтора десятка

лет, в 1849 — первой половине 1850-го гг., Гоголь познакомился с трудом Хомякова, то, с легкой руки писателя, хомяковские записки получили тогда название «Семирамида» — по имени ассирийской царицы Семирамиды, постоянно упоминаемой в работе Хомякова как божество *славянского* происхождения (от Семи-рады, или Земи-рады, олицетворения «любви и красоты») ([21, I–II]; [11, III, с. 204]).

Когда же познакомился Гоголь с карамзинской «Историей...» и — следовательно — с первоначальными сведениями о славянах? Самая первая выписка из Карамзина находится в «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии», начатой Гоголем в Нежине в 1826 г. Еще несколько реминисценций из карамзинской «Истории...» встречается в классном выпускном сочинении Гоголя 1828 г., прямо посвященном истории славянства: «В какое время делаются славяне известны по истории, где, когда и каким деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение». Несомненно, знакомство Гоголя с «Историей государства Российского» состоялось еще в Нежине в середине 1820-х гг. Но мог ли юноша, пусть одаренный, самостоятельно освоить книгу, рассчитанную на взрослого читателя? Не было ли в этом постижении сложного исторического произведения проводника, наставника, сделавшего для юного Гоголя карамзинское летописание более доступным?

Вообще говоря, самым интересом к прошлому Гоголь был во многом обязан основательной постановке дела преподавания истории в нежинской Гимназии высших наук. По свидетельству его соучеников, в 1824 г. в Нежине даже «составилось историческое общество под председательством старших воспитанников Гимназии Редкина и Любича-Романовича. Со всею смелостию детского возраста принялись пять или шесть воспитанников составлять полную всемирную историю в огромном размере. На долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки — и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам...» [22, с. 329]; «В свободное от классных занятий время <...> <П. Г. Редкин> вместе с другими тремя товарищами — Базили, Кукольниковом и

Тарновским — предпринял огромный труд: возможно полное сокращение всеобщей истории, изданной обществом английских ученых и состоящей из нескольких десятков кварталтов [23]. Труд этот, хотя и не был окончен, много способствовал не только основательному изучению русского и французского языков, но и развитию исторического смысла...» [24, с. 443].

Несмотря на то, что в Нежинской гимназии были штатные преподаватели истории (профессор К. А. Моисеев, учитель А. И. Самойленко), однако первенство в вопросе о влиянии на Гоголя и его соучеников в формировании их интереса к прошлому следует отдать самому директору гимназии Ивану Семеновичу Орлаю. По свидетельству Кукольника, Орлай, отличавшийся энциклопедическим образованием, вел с учениками «беседы обо всем»: тут были «и китайцы <...> и греки, и римляне, и все науки, и все искусства» — медицина, физика, история, словесность, ботаника, минералогия... «Чистая энциклопедия в приятных рассказах», — отзывался Кукольник о беседах директора [25, с. 71]. Особо подчеркивал бывший воспитанник влияние Орлая на развитие среди учащихся исторических познаний: «С его прибытием в Нежин, Гимназия получила внешнюю организацию, которая имела весьма хорошие последствия. Заведение приобрело характер своеобразный, самостоятельный. <...> ...Юношество <...> укладывалось в благородные формы <...> рвалось быть образованным, даже ученым. Я помню, например, что П. Г. Редкин и я, между делом и бездельем, в часы досуга, перевели почти целый том продолжения истории Роллена Кревье [26]. У нас многие гнушались проходить историю по Кайданову [27]. Проходят крестовые походы — все читают Мишо [28] и отвечают иногда даже к видимому смущению учености профессора; проходят историю тридцатилетней войны — все читают собственный перевод Шиллера. <...> Во время преподавания истории Римского права были ученики, которые могли рассказать внутреннюю домашнюю жизнь римлян, как будто сами там в то время жили, а самое право учили по Римскому своду законов, то есть по Юстиниановым Институциям, на языке подлинника. <...> И всем этим мы были обязаны духу заведения, тому высокому,

поэтическому и веселому направлению, которое в воспитанников умел вдохнуть достойный начальник» [25, с. 75, 77].

Как выясняется, именно Орлай, ученый с мировым именем, бывший лечащий врач Императора Александра I, послужил впоследствии Гоголю прототипом «идеального» школьного наставника Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ» [29, 14–55]. Устные беседы и сочинения Орлая, в первую очередь, послужили основой формирования славянофильских воззрений Гоголя. Уроженец Карпатской Руси, Орлай самой своей судьбой, своей болью об отторжении части русского народа от общего корня оказал влияние на будущего писателя. Позднее именно карпатскими учеными было установлено, что мысли Орлая о единстве славянских земель — и губительности междоусобных раздоров — непосредственно отразились в содержании гоголевской «Страшной мести» и в «Тарасе Бульбе», — других материалов по истории Закарпатской Руси и Галиции в то время в печатном виде просто не существовало (см.: [30, с. 112]; [31, с. 140–141]).

Напомним, что главный пафос незавершенного очерка Гоголя о славянах составляет мысль о единстве славянских народов. «Ретивый славянофил» Орлай (так называл гоголевского учителя его одесский знакомый историк Н. Н. Мурзакевич [32, с. 79]) был прямым сторонником воссоединения всех славянских народов с Россией. В своей статье «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся» Орлай, в частности, писал: «Чем народ единоплеменнее и более усредоточен, тем он единомысленнее, сильнее и важнее; чем более находится между <н>им иноплеменных, тем более несогласий, неудачи в предприятиях... <...> Поэтому-то гораздо полезнее народ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять; гораздо выгоднее смежных единоплеменников соединить, нежели искать владений в отдаленности...» [33, с. 293].

При отмеченной скудости тогдашней литературы по славянской истории неудивительно, что уникальная по своему содержанию «История о Карпато-Россах...» Орлая привлекла внимание Карамзина, который сделал ссылку на это сочинение в

пятой главе первого тома «Истории государства Российского». Около того же времени, 26 сентября 1808 г., Карамзин писал А. И. Тургеневу: «Скажите от меня приветливое слово г. Орлаю. Желая узнать его лично, как достойного человека» [34, с. 84]. Орлай служил в то время ученым секретарем Медико-Хирургической академии в Петербурге, так что для знакомства с ним у Карамзина препятствий не было. По свидетельству Тургенева (в пояснениях к цитированному письму), «доктор Орлай предлагал Карамзину также некоторые книги, до Карпато-Русской Истории относящиеся» ([34, с. 84]; [35, с. 222]).

Как показывает текстологический анализ, для своих выписок из «Истории...» Карамзина Гоголь пользовался первым ее изданием — т. е. изданием в 1818 г. ее первых восьми томов. Именно при Орлае в первой половине 1820-х гг. карамзинский труд и выписывался для библиотеки Нежинской гимназии. Совсем недавно нежинскими учеными опубликован документ — распоряжение Конференции гимназии, свидетельствующее о том, что десятый и одиннадцатый тома «Истории...» Карамзина были выписаны для библиотеки в феврале 1824 г. (т. е. за месяц до первого выхода в свет обоих этих томов в Петербурге) ([36, с. 59]; [37]). И безусловно, гимназистам, в том числе Гоголю, было небезразлично встретить на страницах столь авторитетного труда имя уважаемого всеми директора — а, возможно, даже услышать рассказы Орлая о личных встречах с историографом.

В начале того же 1824 г. в пятом классе гимназии (в котором учился Гоголь) открывается курс русской истории. Читал этот курс старший профессор всемирной истории и статистики Кирилл Абрамович Моисеев. — По позднему свидетельству соученика Гоголя Н. И. Билевича, именно этому нежинскому наставнику «обязан» Городничий своей крылатой фразой: «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?...» [38]. Как бы то ни было, но если «учитель по исторической части» «объясняет с таким жаром, что не помнит себя», это свидетельствует по крайней мере о его неравнодушии к своему предмету. — В своих лекциях по отечественной истории профессор явно придерживался направления,

заданного директором. «Русскую историю преподавал Моисеев по <...> руководству, <изданному Главным правлением училищ> [39], "с дополнениями по Татищеву, Стриттеру, Карамзину и вообще тем историкам, в сочинениях коих более, нежели у других, видна любовь и почтение к нашему отечеству"; дополнения же касались только того, "что, производя в учащихся сильное впечатление о великости славяно-русского народа, может вместе развивать и возвышать в них до беспредельности почтение и любовь к своему Государю и своему отечеству"» [40, с. 180].

Такая программа точно «списана» у Карамзина (в равной степени отражая и взгляды Орлая). Одной из главных идей историографа при рассмотрении славянского прошлого является именно вывод о пагубности междоусобных раздоров, с представлением об исключительной роли в этой истории «славяно-русского народа». В заключении первой главы первого тома «Истории...» Карамзин указывает: «Представив читателю расселение народов славянских <...> скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием (говорим о российских славянах)» [41, с. 18].

Если обратиться опять к выпискам Гоголя из «Истории...» Карамзина, то, помимо тех, что встречаются в незавершенном очерке о славянах, довольно большое число их (именно двадцать восемь) также обнаруживают определенную цельность, вследствие чего объединены в новейших изданиях в отдельный раздел, названный непосредственно «Заметками и выписками при чтении "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина» [42]. Содержание этих выписок свидетельствует, что в процессе чтения Карамзина Гоголем был задуман очерк о единовластии, от которого до нас дошло лишь несколько набросков: «О городах», «Внутреннее устройство», «Обычай», «Великий князь», «Влияние упадка Киевского княжения», «Период второй». Главный интерес писателя сосредотачивался тогда на процессе объединения русских земель,

а также на роли в этом процессе городов и удельных князей. Размышления о власти князя и ее пределах являются определяющими и для составленного Гоголем в начале 1830-х гг. по «Истории...» Карамзина очерка «Новгород». (Из истории славян и древнего Новгорода был, по-видимому, взят и сюжет самой «первой прозаической вещи Гоголя» — которая, по свидетельству одного из его товарищей в Нежине, упомянутого Любича-Романовича, носила название «Братья Твердославичи, славянская повесть» [11, I, с. 558, 577]. Позднее вражда закарпатских «братьев»-славян Петра и Ивана составила содержание заключительной «повести бандуриста» в «Страшной мести».)

В целом можно заключить, что мысль о государственном единстве является красной нитью, пронизывающей исторические штудии Гоголя. Надо сказать, что это прямо отвечало тем задачам, которые ставились перед воспитателями юношества в изучении истории тогдашним правительством. «В народном воспитании преподавание Истории есть дело Государственное», — писал, в частности, по этому поводу будущий министр народного просвещения С. С. Уваров в 1813 г. (в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа) [43, с. 2]. В. А. Жуковский, назначенный в 1826 г. воспитателем Наследника Александра Николаевича, в свою очередь отмечал: «Сокровищница просвещения царского есть *история*, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть *главною наукою* наследника престола» [44, с. 146].

После Нежина новое обращение к Карамзину (как историку) последовало у Гоголя в то время, когда в первой половине 1830-х гг. он сам стал преподавать всеобщую историю в двух учебных заведениях Петербурга — в Патриотическом институте благородных девиц (с марта 1831 г. по апрель 1835 г.) и в Императорском университете (с сентября 1834 г. по декабрь 1835 г.). Именно тогда Гоголь задумывает свои очерки о славянах и о единовластии, обращаясь при этом к школьному образовательному багажу и решая те же задачи воспитания юношества, которые ставились правительством перед его не-

жинскими наставниками. Следуя Карамзину и Орлаю, Гоголь в своей университетской лекции «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи» (основу которой составил незавершенный славянский очерк), в частности, замечает о «древних обитателях восточной Европы» славянах: «Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиною их беспрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю». Во всех исторических штудиях Гоголя мысль о пагубности разделений с настойчивостью повторяется применительно к самым разным историческим эпохам и государствам, к историям — русской, украинской, европейской, новейшей и древнейшей (включая библейскую), получая затем художественное воплощение в сцене пагубного разделения казаков на два ополчения под стенами осажденного Дубно [45].

Так, в частности, содержание одной из заметок Гоголя, сделанной при чтении Карамзина, — «Обычай», прямо отзывается в репликах героев «Страшной мести». Сходство обнаруживается в упоминаниях в гоголевской повести о «подвалах» и «погребях» казацких «панов», вроде Данила Бурульбаша, — чему ближайшим историческим подобием служат «подвалы, кладовые и погреба» удельных князей в «Истории государства Российского». «Эй, хлопец! — восклицает пан Данило. — Беги, мальй, в погреб да принеси жидовского меду! <...> Что, Стецько, много хлебнул меду в подвале?» В черновой редакции «верному хлопцу» Стецько принадлежала сходная реплика о заветном «подвале», которую тот произносил после гибели пана Данила: «Ляхи уже услышали про наше горе и ворочаются назад. Сердце так <i> чует, что уже шумят они в подвале. Меды поотпечатаны, и вино хлещет из воронок». Обе реплики непосредственно перекликаются с содержанием заметки «Обычай»: «У князей бывало не мало богатства в подвалах, кладовых и погребах: железо, медь, вино, мед, на гумнах множества хлеба. У Святослава Черниговского, брата Игоря, нашли 900 000 скирд. <...> Меду в подвалах 500 берковцев и 80 корчаг вина [46]. <...> В междоусобных бранях обыкновенно дружина и вожди прежде

всего старались овладеть кладовыми и погребями...» — Настоящая заметка напрямую связана с размышлениями Гоголя о причинах замедления и «остановки» тогдашнего «хода развития» Руси, которую писатель усматривал в корыстолюбии соперничающих князей: «Уделами менялись и торговались, как воины своими оружиями. <...> Часто иные князья, когда нравился им чужой удел, изгоняли с сильною дружиною князя <...> Здесь-то нужно искать причины остановки хода развития в России» (заметка «Внутреннее устройство»). Эти же представления отразились в строках первой главы «Тараса Бульбы» о «враждующих и торгующих городами мелких князьях», а также в знаменитой речи Тараса Бульбы о товариществе: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их...»

Эти наблюдения составляют основу образа пана Данила в «Страшной мести» — который, с одной стороны, сетует, подобно Тарасу, на отсутствие «порядка» в Украине («...Полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. <...> Шляхетство наше все переменяло на польский обычай <...> продало душу, принявши унию»), с другой, — как неоднократно подчеркивает автор, — сам не лишен корыстолюбия — главной причины внутренних раздоров. Вспоминая о «золотом» времени казачества, герой, к примеру, восклицает: «Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие каменья шапками черпали козаки». Завершая свои сетования, герой вполне предсказуемо и неминуемо вновь вспоминает о «подвале»: «Ступай, малый, в подвал, принеси мне кухоль меду!» Столь нелицеприятная черта казацкого «пана» — предводителя «простых казаков», роднит его не только с озабоченными воинской добычей «удальцами» русскими князьями (способными хотя бы к ратным подвигам), но и с лишенным всякого «картинного вида» помещиком Плюшкиным, всей «мертвой душой» преданного кладовым, амбарам и подвалам.

Здесь изучение исторических взглядов Гоголя приоткрывает перед нами еще одну сторону в характере влияния на его творчество Карамзина. Речь идет о Гоголе как «сатирик», обличителе нравов. Возможно, само вызревание критического

пафоса Гоголя было связано с чтением «Истории государства Российского». За свой труд Карамзин, как известно, получил в свое время отдельные упреки в недостаточном патриотизме [47]. Свидетельством связи обличительного пафоса Гоголя с именем Карамзина могут служить строки гоголевской статьи «Несколько слов о Пушкине» 1834 г.: «Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: "Изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были". Но попробуй поэт <...> изобразить все в совершенной истине <...> она тотчас заговорит: "Это вяло, это слабо, это нехорошо, это нимало не похоже на то, что было". Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий; но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков!»

Как позволяет судить содержание одного из исторических набросков Гоголя той поры, в стремлении изображать «неприукрашенную» действительность им уже тогда руководили соображения духовного характера. В отрывке «Летописи», имея в виду преподобного Нестора-летописца, Гоголь замечал: «А тот монах был правдив, писал то только, что <было>, не мудрствовал лукаво и не смотрел ни на кого. И начали последователи его раскрашивать». Впоследствии именно эти размышления — о бескомпромиссной правде в трудах Нестора-летописца, Карамзина и Пушкина и о «массе народа», подобной «женщине, приказывающей художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий», — нашли воплощение в образе художника Черткова в «Портрете», начавшего льстить самолюбию своих заказчиков, а еще позднее отразились в противопоставлении в заключении шестой — начале седьмой глав первого тома «Мертвых душ» «возвышенного» Шиллера и «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами», а также в упоминании в одиннадцатой главе о «так называемых патриотах»: «...Они выбегут со всех углов <...> и подымут вдруг крики: "Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?"»

О том, что именно исторические — и вместе религиозные — взгляды Гоголя послужили основой той требователь-

ности, с какой он оценивал современную ему действительность, свидетельствует еще одно наблюдение. Замечено, что Гоголь, разделяя представление о Москве как «третьем Риме», рассматривал судьбу православной Византии как пример «срубленной» «бесплодной смоковницы» из притчи Спасителя (Лк., 13, 7), и саму историю «Римских Греков» соотносил с возможной — в случае такого же бесплодия — судьбой духовной наследницы Византии — православной Руси. (В своих размышлениях писатель исходил из слов св. апостола Павла в Послании к Римлянам, что «не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут»; гл. 2, ст. 13). Предотвратить этот нежелательный исход и были призваны «Ревизор» и «Мертвые души» с заключенным в них «религиозным» обличением соотечественников ради духовного их исправления и возрождения [48, с. 117–155].

* * *

Продолжая наблюдения об отражении взглядов Карамзина-историка в произведениях Гоголя (в части, касающейся междоусобных раздоров), добавим, что из «Истории государства Российского» почерпнуты писателем и строки в заметке «Обычаи» об охотах князей: «В каждом уделе лучшая для князя прибыль были места для охоты, за них иногда переменяли они уделы».

Такая оценка владельческой охоты встречается также в одном из набросков Гоголя к его незавершенной драме из английской истории «Альфред» (1835). Главным героем этой драмы должен был стать английский король Альфред Великий — пресекающий распри своевольных баронов, «беспокойных магнатов государства». (Внимание Гоголя к этому историческому лицу можно назвать вполне закономерным; за свои выдающиеся заслуги в религиозно-политическом объединении Англии Альфред Великий был причислен впоследствии в Англиканской церкви к лику святых). В наброске «К Альфреду» читаем: «Вельможи что толкуют. Что Альфред не занимается охотою». Непосредственным источником этого наброска

Гоголю послужили строки его конспекта книги английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века»: «Вкус к охоте произвел презрение всех полезных занятий и угнетение крестьян. <...> Охота как вечный источник ссор между баронами».

После детального знакомства с нелицеприятной картиной княжеских усобиц, изображенной Карамзиным (и — на другом материале — Галламом), Гоголь в первой главе второй редакции «Тараса Бульбы», говоря о происхождении казачества, к написанному ранее добавил: «Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. <...> ...Гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа». — Замечено, что называемое в повести число казацких куреней на Сечи — «шестьдесят с лишком», или 64, вместо реального, и хорошо известного Гоголю по источникам, 38 — призвано прямо указывать на число российских губерний во времена Гоголя; петровское же разделение России на губернии прямо соотносится с образованием казацких куреней [49, II, с. 453–454].

Завершая свои размышления о необходимости правдивого изображения как достоинств, так и «недостатков» в «делах наших предков», Гоголь в статье о Пушкине замечал: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был бесцветен...» — Другими словами, для Гоголя — молодого адъюнкт-профессора Петербургского университета — вся русская история до Петра, описанная Карамзиным (титул императора был принят в 1721 г. Петром I; «История государства Российского» была доведена до 1611 г.), оказывается, вследствие внутренних неурядиц и княжеских ссор, «скучной» и «бесцветной». «Скучно на этом свете, господа!» — таким восклицанием не случайно заканчивается гоголевская «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) (венчающая собой сборник «Миргород» — с его знаменитым «Тарасом Бульбой») [50]. Это

знаменательное «скучно», напоминающее о непрекращающейся «скуке» княжеских междоусобиц, заставляет обратить внимание на один весьма важный исторический — и даже всемирно-исторический подтекст этого произведения. Дело в том, что в самой повести Гоголь оставил вполне определенные указания на то, что начало многолетней судебной тяжбы героев приходится прямо на 1812 год — год всеобщего народного сплочения [51, с. 91–140]. В своем «Введении в Древнюю историю» Гоголь, говоря о соперничавших между собой древних «Греческих Республиках», в частности, замечал: «...Угрожал ли Греции какой-нибудь внешний неприятель <...> эти по-видимому разъединенные вечною ненавистью Республики кидали междоусобия и соединенным оружием, не дорожа ничем, защищали общее свое отечество». Однако занятые ссорой герои Гоголя о Двенадцатом годе даже не помышляют.

И это лишь вершина того «айсберга», каким предстают в творчестве Гоголя плоды его исторических наблюдений и, в частности, изучения Карамзина. Примечательно, что не только в статье «Несколько слов о Пушкине», но и позднее, в самих «Мертвых душах», Гоголь не удержался от выступления в защиту Карамзина от его недоброжелателей. Имеется в виду ироническое сравнение в девятой главе поэмы пустых догадок «приятных» дам с вопросами «нашей» ученой «братии»: «не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна?» В черновой редакции этих строк было: «...не с того ли <...> угла получила название Русь?..» Эта фраза представляет собой прямой отзвук полемики Гоголя 1836 г. с О. И. Сенковским, доказывавшим в печати, что «нравственное и политическое состояние России в первой эпохе ее истории» было «полным и ярким» отражением Скандинавии и что оттуда Русь и получила свое название [52, с. 26–77]. В статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» Гоголь возражал: «Как ученый, г-н Сенковский поместил довольно большую статью о сагах, статью, исполненную ипотез, <...> вовсе не принадлежащих русской истории. Эти саги, которые проницательный Шлёцер <...> признал за басни, <...> он ставит краеугольным камнем русской истории и не приводит ни одного доказательства,

поверенного критикую...» (Сенковский, критикуя Карамзина, ранее заявлял: «Прошедшее столетие, между многими ложными теориями, создало также теорию Исторической Критики... <...> ...Все ветхие, давно внесенные в Историю события подверглись подозрению... <...> Одним из ужаснейших мучителей благополучно состаревшихся по книгам исторических показаний был наш почтенный Шлёцер... <...> Мы упоминаем здесь преимущественно о Шлёцере, потому что <...> Карамзин, несмотря на свои дарования и редкий ум, <...> писал исключительно под влиянием его понятий...» [52, с. 7–8, 16]).

Полемика о Карамзине на страницах «Мертвых душ» служит своего рода подсказкой, что и здесь следует искать следы исторических штудий Гоголя. В самом деле, еще один гоголевский «наследник» княжеских корыстолюбивых распрей обнаруживается опять-таки в «Мертвых душах». Это воинственный помещик Ноздрев, любитель охоты, пиров и ссор. По наблюдению исследователя, реплика героя, показывающего гостям свои владения: «Вот граница!.. Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону... все мое», — невольно ассоциируется с речами враждующих удельных князей из «Слова о полку Игореве»: «...Рекоста бо брат брату: "се мое, а то мое же"» [53, с. 131]. Приведем строки «Слова о полку Игореве» в русском переводе: «Усобица князей походы на поганных прервала, потому что сказал брат брату: "Это мое, и то — мое же". И начали князья про малое "это великое" говорить, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» [54, с. 206]. — Эта плачевная картина, конечно же, с «полным правом» заслуживает гоголевского восклицания: «Скучно на этом свете, господа!»

Становится, наконец, понятным, почему автор Повести о ссоре, сообщая в 1834 г. М. А. Максимовичу о своем желании занять кафедру всеобщей истории в Киевском университете, восклицал: «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю» (письмо от 28 мая). Спустя две недели Гоголь пояснял: «Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя *скуке*» (курсив наш. —И. В.). Из дальнейших объяснений

Гоголя следует, что, не желая посвящать себя курсу русской истории, он избегал этим отнюдь не банальной скуки, но куда более серьезного душевного испытания — возможной, вдали от близких людей, «сердечной тоски», связанной с этими лекциями. Он писал: «...Оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю? <...> ...Здесь всё, что <...> мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился... <...> Бросивши всё это, нужно стараться всеми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всеми мерами то, что может вызывать ее». — Речь в письме идет, очевидно, о той самой «сердечной тоске», что звучит и в заключительном «скучно» Повести о ссоре, — а это, конечно, вновь приоткрывает в этой «бытописательной» повести особый прообразовательный смысл.

Само по себе показательно, что реальная история, положенная Гоголем в основу «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», по-видимому, не вызывала того томительного «скучно», какое почувствовал в ней Гоголь. По свидетельству матери писателя, «историю о гусаке он списал с натуры, точно были такие оригиналы <...>, что за подобные безделицы заводили дела не из гнева, потому что они езжали в одном экипаже нередко подавать друг на друга жалобу, считая это должным, чтоб другие их урезонивали» [11, I, с. 28].

Дело, очевидно, заключается, в том широком обобщающем значении, которое сумел придать своему рассказу Гоголь — и которое, к примеру, хорошо почувствовал в повести в 1911 г. преподобный Варсонофий Оптинский, беседуя с духовными чадами: «У Гоголя есть рассказ "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". В нем описывается, как из-за ничтожной причины два приятеля поссорились на всю жизнь. Они истощили все свои средства на суды, дошли до бедности, лишь только бы обвинить один другого. Печальная история! В конце повествования автор добавляет: "Скучно жить на этом свете, господа". Сейчас мы переживаем лютые времена. Люди восстают один на другого, не щадя ни родства, ни дружбы; восстают против законной власти. Все попорно — вера, добродетель, стыд. Не скучно, а страшно жить на этом свете, господа!» [55, с. 119].

* * *

Говоря о пристальном внимании Гоголя к междоусобным княжеским распрям, следует, наконец, однозначно признать, что сама по себе такая сосредоточенность на этом прискорбном явлении древнерусской старины никакого самостоятельного, оригинального «открытия» в отечественной истории не представляет. Эти усобицы хорошо известны и являют собой своего рода «общее место» (*locus communis*) нашего прошлого. Но, по-видимому, особенность Гоголя как писателя в том именно и заключается, что-никто не переживал этот общеизвестный факт так глубоко и остро, как он. А это еще раз позволяет поставить вопрос о характере «сатиры» Гоголя.

По словам не раз уже упомянутого соученика Гоголя Любича-Романовича, одно из важных отличий Гоголя от его школьных товарищей в том и заключалось, что критике будущего писателя часто подвергались явления, которые для большинства никакой нравственной проблемы не составляли, были делом «рядовым» и привычным. Вспоминая о пребывании Гоголя в стенах Нежинской гимназии, Любич-Романович рассказывал: «В числе странностей Гоголя было много его своеобразных взглядов на все окружающее его общество и на то, что общество признавало для себя законом или правилом жизни, как нечто неизбежное, чему следовало поклоняться, веровать... И это-то все Николай Васильевич игнорировал, называл баловством, недостойным делом, от которого надо было бежать, отрешившись, как от антихриста, и избавлять себя, как от врага, мечом мысли...» [56, с. 554]. Это не всегда понятное окружающим поведение, очевидно, уже в школьные годы объяснялось присущим Гоголю с детских лет христианским мировоззрением. Тот же Любич-Романович свидетельствовал, что религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе «еще с детского возраста, когда он воспитывался у себя на родном хуторе в Миргородском уезде и был окружен людьми богобоязливими и вполне религиозными». Когда впоследствии писатель «готов был заменить свою светскую жизнь монастырем», он лишь вернулся к этому

«первоначальному» своему настроению. «Все это так было понятно для нас, знавших Гоголя со школьной скамейки, но непонятно для тех, кто его знает только по отзывам историков», — добавлял Любич-Романович [57, с. 73–74].

Наблюдение мемуариста помогает не только объяснить «загадочное» поведение Гоголя, но отчасти проникнуть и в тайну долгого непонимания читателями его произведений. В данном случае это относится к гоголевскому изображению житейских дрязг, пагубность которых с такой эмоциональной силой выражена в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и других произведениях Гоголя. Те из читателей, кому призыв к любви и согласию представлялся лишь отвлеченным понятием, едва применимым к «устоявшимся», «законным» явлениям жизни, были, конечно, способны посмеяться над ссорящимися гоголевскими героями, но едва ли в состоянии были разделить с автором переживание по поводу утраты человеком его высокого предназначения — «быть святым во всех поступках», «во всеми житии» (1 Петр. 1, 15); «катастрофичность» привычного пребывания во грехе не была для них вполне очевидной. В связи с этим Гоголь даже полагал, что «христианское сознание грехов своих» часто и невозможно «без преувеличенья их в собственных глазах наших» («Театральный разъезд после представления новой комедии»). Непосредственно предназначенным к такому «преувеличенью» писатель считал свой писательский «дар выставлять так ярко пошлость жизни <...> чтобы та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем» («Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"»). Однако, при «окамененном нечувствии» читателя, даже и это — «главное (как считал Гоголь) свойство» его таланта к осознанию личных грехов — и, следовательно, к пониманию читателями его произведений — увы! — не приводило.

Мыслью об отсутствии в «доимператорской» русской истории объединяющего единодушия проникнуто у Гоголя и горько-ироническое замечание в черновой редакции повести «Портрет» 1834 г. о затруднительности для рассказчика «перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую

историю». Строки эти относятся в повести к «пошлым» обитателям петербургской Коломны, описать которых автору, согласно окончательной редакции фразы, «так же трудно», как (приводим исправленный текст) «поименовать всё то множество насекомых, которое зарождается в старом укусе»: «Старухи <...> старухи <...> старухи <...> которые <...> таскают с собою старые тряпья...» Эти слова 1834 г. вновь обращают нас к появившимся позднее образам гоголевских «мертвых душ» — опять к похожему на ключницу старику Плюшкину, — тем более что с насекомыми, зарождающимися в «старом укусе», прямо перекликается находящаяся в его заваленной хламом комнате «рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом». Значимо здесь, безусловно, не только то, что Плюшкин, забыв свое настоящее призвание, занимается мелочами, «мухами» («...У меня был славный ликерчик... <...> Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул...»), но и то, что ссорящиеся между собой поместные владельцы, «наполняющие Русскую историю», — с их «коморами», сараями и погребями, — косвенно уподобляются мелким насекомым. Это, в свою очередь, заставляет вспомнить реплику еще одного из главных героев поэмы, Собакевича, которую тот произносит, обращаясь к портрету Багратиона: «...И то сказать, что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди».

В том же 1834 г. в статье «Взгляд на составление Малороссии», говоря о раздорах русских князей в XIII в. — в эпоху «Слова о полку Игореве» — и размышляя о неумении, «незнании» настоятелей и митрополитов, «как схватить с помощью <...> веры власть над народом», «настроив» его «к великому», Гоголь замечал: «Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств, единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство (а отличали, видно, лишь формы голов — то «редькой хвостом вниз», то «редькой хвостом вверх»... — *И. В.*), — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. <...> ...Это

был хаос браней за временное, за минутное — браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиономию при сильных норманских князьях». — Слова о «сотнях мелких государств» вновь напоминают о Запорожской Сечи, с ее «знаковым» числом братских куреней (64 вместо 38), которое призвано указать на шестьдесят четыре сплоченные в единое целое российские губернии.

* * *

Добавим попутно, что о прообразовательном замысле гоголевского «Миргорода» говорит еще один примечательный факт. Хорошо известно, что запорожцы, подвиги которых одушевляли Гоголя по их контрасту с окружающей «пошлостью», всегда почитали своею покровительницею Божию Матерь. «Деревянная небольшая церковь» на Сечи была Покровской, т. е. освященной в честь иконы Покрова Пресвятой Богородицы. Именно к этой иконе — «на Покров, что на Запорожье», — казаки, по словам рассказчика, привезли однажды «оклад из чистого серебра».

В этом отношении героям «Тараса Бульбы», бывшим киевским бурсакам, оказываются вполне под стать воспитанники Гимназии высших наук в Нежине — или «нежинской бурсы», как в шутку называли свою *alma mater* Гоголь и его друг А. С. Данилевский. Судя по сохранившимся свидетельствам, в 1833–1835 гг., в период создания «Тараса Бульбы», ежегодные собрания выпускников «нежинской бурсы» в Петербурге традиционно устраивались именно в день Покрова Пресвятой Богородицы [58]. Гоголь при этом был не только участником, но и прямым организатором земляческих встреч. Судя по всему, сходки друзей-«бурсаков» на праздник Покрова являлись для него своего рода собраниями «товарищей-запорожцев». Имя одного из соучеников по гимназии, Н. Я. Прокоповича, Гоголь даже назвал затем в числе героев второй редакции повести: «...был Череватый, <...> Покотыполе, Лемиш, Прокопович...» (Как заметил в 1843 г. П. А. Кулиш, имена запорожцев в «Тарасе

Бульбе» Гоголь «сочиняет», т. е. придумывает новые, а не берет их из исторических памятников [59].) Замечено также, что в изображении школьных «битв» бурсаков в «Вии» Гоголь воспользовался статьей своего школьного приятеля П. А. Лукашевича «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник Рождества Христова и в Новый год» (1826) ([60, с. 108]; [9, с. 620–621]; в последний из указанных публикаций отмечен также целый ряд других бытовых черт из жизни воспитанников Нежинской гимназии, которые Гоголь использовал при описании бурсацкого быта в «Вии» и «Тарасе Бульбе»). Согласно содержанию «Тараса Бульбы», «бурсацкие» битвы друзей-школяров являются своего рода подготовительным этапом перед их будущими сражениями в качестве защитников Веры и Отечества. «Мы призваны в мир на битву, а не на праздник...» — замечал позднее Гоголь в «Правиле жития в мире» (1844).

* * *

Наряду с Карамзиным, размышления о пагубности междоусобий — и необходимости единовластия — Гоголь, создатель героической эпопеи о запорожцах и потомок казацкой старшины, находил, конечно, и в южнорусских летописях, в частности, в старейшей из них хронике Г. И. Грабянки «Действия презельной и от начала поляков кривавой небывалой брани Богдана Хмельницкого...» (1710; опубл. в 1793) [61]. Около 1829 или 1830 г., в период тесного сотрудничества Гоголя с П. П. Свиньиным (первым издателем «Отечественных Записок», располагавшим списком летописи), писатель мог прочесть во второй главе этого сочинения, «Сказании, како Малая Россия подпаде Лядскому игу», следующее рассуждение: «Егда <...> самодержец всея Русския земли <...> равноапостольный Великий Князь Владимир, временное Царство остави и к вечному поиде, разделися Царство его на дванадесать Княжений; тогда <...> Владимировы сынове, братия суще, вос<с>таша сами на ся и хотящи един другого Княжением обладати, начаша убивати брат брата <и> изгоняти себе от области, отцем

уделенной, род по род на многое время. Сего ради попущением Божиим найде на Рус<с>скую землю нечестивый Батый и пленив ю. <...> Но не довлекло сего за грехи Рос<с>ийскому роду. Вос<с>та еще Гедим<ин>, Великий Князь Литовский, и пришед на Киев, поби над рекою Ирпенем Князей рус<с>ких и прилучи Киев своей власти... <...> А <...> року 1471 Король Пол<ь>ский Казимир четвертый Княжение Киевское в Воеводство премени. Тако Бог грех ради человеческих попустив, яко в уничижение прииде Рос<с>ийский скипетр и от Царствия в Княжение, а от Княжения в Воеводство пременися» [62]. — Очевидно, с этими горькими уроками отечественной истории напрямую связана не только гоголевская Повесть о соре, но и знаменитая речь Тараса Бульбы о товариществе [63].

Подобно тому, как несчастья и страдания, выпавшие в ту пору на долю народа в Южной России, породили запорожское казачество и возглавивших его гетманов, так же, по Гоголю, позднейшие преобразования Петра I не только привели к образованию слаженного «организма управления губерний» («слышно, что Сам Бог строил незримо руками государей»), но и «огнем бед» высекли из народной груди бесчисленные искры блестящих талантов. Так, по словам Гоголя, в эпоху продолжительницы Петра Екатерины II, «царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений», «на всех поприщах стали выказываться русские таланты»: полководцы, государственные деятели, дипломаты, словесники, ученые и поэты. Судя по всему, в прямой связи с работой над продолжением «Мертвых душ», заключавших в себе задачу возрождения и «воскрешения» душ современников, находятся обращенные Гоголем к князю П. А. Вяземскому неоднократные призывы приняться за описание именно екатерининской эпохи. В письме к Вяземскому от июля — сентября 1842 г., использованном позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в статье о русской поэзии, он, в частности, писал о веке Екатерины II: «Есть царствования, заключающие в себе почти волшебный ряд чрезвычайностей, которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера [64] <...> Нет труда <...> который бы так сильно требовал глубокомыслия <...> Из него может быть

двенадцать томов чудной истории...» (столько же, сколько у Карамзина). Незадолго до смерти Гоголь вновь обращался к Вяземскому: «Мне все чувствуется, что если бы вы приняли за Историю Царствования Екатерины или если бы даже написали только статью о Царствовании Екатерины с мыслью дать в ней урок и Государям и подданным, — много бы это доставило пищи вашей собственной душе» (письмо от 1 января 1852 г.).

Размышлениями о значении послепетровской эпохи в формировании русского характера пронизана и сама гоголевская концепция развития русской поэзии, изложенная в «Выбранных местах из переписки с друзьями» — книге, написанной не только глубоким религиозным мыслителем и художником, но и оригинальным историком (на это еще не обращалось должного внимания). Здесь Гоголь в числе источников самобытной русской поэзии и своего творчества — служащих к «построению» русского человека — указывает пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны (следуя в этом опять-таки Карамзину [65]), и наряду с этим — важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства. Именно это событие, над которым Гоголь размышлял еще в 1834 г., породило, по его словам, «верховный лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина и поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремление к свету», т. е. спасение душ подданных, «приближение инога Царствия». В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь замечал: «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного...» В статье «О условиях в государстве» (1845), предварявшей создание «Выбранных мест...», Гоголь, следуя переложению слов летописи Карамзиным в «Истории государства Российского», писал: «История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти. "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами"...» С этими размышлениями связано и пророческое восклицание Тараса Бульбы в заключении повести: «...Подымется из Русской земли свой царь!..» —

Еще ранее Гоголь воплотил эти размышления в «Страшной мести», в сетованиях пана Данила.

Подчеркнем еще раз: мысли о созидательной роли двух начал в формировании русского характера — самобытной поэзии и единой державы, устремляющих народ «к великому», — были высказаны Гоголем еще в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Пушкин <...> это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. <...> Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость...» Это еще раз позволяет указать на последовательное единство взглядов «раннего» и «позднего» Гоголя. Не случайно, и давнишний гоголевский рассказ о том, как «два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою <...> за вздор, за гусака», неожиданно отзывается в заключительной главе первого тома «Мертвых душ» в упоминании о ссоре Чичикова с его приятелем: «...Чиновники <...> поссорились ни за что. Как-то <...> Чичиков назвал другого чиновника поповичем...»

Очевидно, как и при создании Повести о ссоре, в работе над «Мертвыми душами» Гоголя не оставляла мысль о прекращении на Руси всяких усобиц, а также о возрождении ее душ, ее талантов, чрез «соприкосновенье» с вдохновляющей силой монарха — «верховодца верховного согласия», «Божьего помазанника, обязанного стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог» («О лиризме наших поэтов»). По свидетельству архимандрита Феодора (Бухарева), беседовавшего с Гоголем о продолжении «Мертвых душ», именно царь должен был послужить будущему нравственному перерождению Чичикова: «...оживлению его послужит прямым участием сам царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма» [66, с. 138]. По убеждению Гоголя, высказанному устами Тараса Бульбы, и «у последнего падлюки, каков он ни есть <...> есть и у того, братцы, крупица русского чувства; и проснется он когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками; схватит себя за голову, проклявши громко подлюю жизнь свою...»

* * *

Подобно Бульбе и Бурульбашу, Гоголь в 1846 г., призывая графа А. П. Толстого «проездить по России», восклицал: «Все перессорилось: дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками...» — «И видишь, — заключал Гоголь по поводу непрекращающейся на Руси «повести о ссоре», — что весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина "Капитанская дочка", которая, пославши поручика рассудить городского солдата с бабой, <...> снабдила его такой инструкцией: "Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи"» («Сельский суд и расправа»).

Будучи решительным противником всяческих ссор, Гоголь однажды даже писал матери из Рима, что «как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности перемывать одну на другую» (письмо от 22 декабря (н. ст.) 1837 г.). По словам протопресвитера Василия Зеньковского, «яды секуляризма, развившиеся на Западе, достаточно глубоко овладели и православным миром. Именно потому тема обновления жизни на религиозных началах не есть только русская или — шире — только православная тема, она <...> достаточно созрела и на Западе. Это есть почти общехристианская тема <...> Гоголь очень чувствовал это, отчего у него (особенно в письмах) <...> дает себя знать холодноватое отношение к конфессиональным расхождениям» [67, с. 309].

Даже в «Тарасе Бульбе» Гоголь — будучи верен исторической правде в описании сражений казаков и ляхов — расценивает, однако же, войну между ними как братоубийственную. К такому взгляду Гоголя подводили опять-таки изучавшиеся им в процессе работы над повестью исторические памятники. Так, согласно одному из них, «Истории Русов», Богдан Хмельницкий после очередной победы над польскими войсками писал королю Владиславу: «Свидетельствуюсь небом и землею и Самим Богом Всемогущим... <...> что нимало неповинен есмь в крови сей Христианской и единоплеменничей!» [68, с. 79]. Убитый тогда в сражении гетман

Калиновский вместе с другими польскими офицерами был погребен казаками «при Польском костеле с подобающею воинскою почестью» [68, с. 78]. По-видимому, этими сведениями и предполагал воспользоваться Гоголь в седьмой главе второй редакции повести, где описывал погребение казаками павших в битве товарищей. Первоначальная редакция этого места изображала именно погребение казаками и своих и «чужих»: «...сложили честно вместе всех христиан» [9, с. 211]. Затем Гоголь зачеркнул «всех христиан» и продолжил: «...сложили честно вместе козацкие тела и засыпали землю, чтобы не досталось воронам и орлам выдирать и выклевывать козацких очей». На этом фраза заканчивалась, полстроки в автографе остались незаполненными. Однако, учитывая реальные отношения враждующих сторон, Гоголь, перевернув страницу, заканчивает фразу следующим образом: «...а нечистые и безбожные ляшские тела цепляли веревками и привязывали по десяткам к хвостам диких коней и пустили их далеко в поле...» Очевидно, создавая реалистическую картину, автор в данном случае держал между собой и своими героями определенную дистанцию.

Именно размышлениями о братстве и единстве, вопреки разделением и вражде, объясняются многочисленные переклички между содержанием «Тараса Бульбы» и «Выбранными местами из переписки с друзьями» (курсив наш. — *И. В.*), где главной является мысль о построении России на началах «небесного братства». Эта мысль выражена Гоголем и в предсмертной молитве «Молюсь о друзьях моих...» и в его завещании «Друзьям моим». А. О. Смирнова вспоминала: «Гоголь любил со всеми жить в мире. Он <...> стремился к тому, чтобы не только перезнакомить всех своих знакомых, но постоянным его желанием было сблизить друзей своих, чтобы все были связаны одними общими узами дружбы и "жили между собою в мире и согласии"» [11, II, с. 240].

В 1844 г. Гоголь, в частности, писал С. П. Шевыреву о стихотворении В. А. Жуковского «Две повести», которое тот отправил И. В. Киреевскому для публикации в «Москвитяине»: «...Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина вели-

кое дело, которого <...> побудителем <...> был я. <...> Стихотворение Жуковского <...> нужно пустить вперед других статей». Спустя две недели он повторял в письме к Н. М. Языкову: «Я <...> подзадорил Жуковского, и он <...> отмахнул славную вещь... <...> Уведоми меня, как она <...> читавшим ее показалась».

«Послесловие» Жуковского к его стихотворению «Две повести» содержит следующее наставление Киреевскому:

...С журналами другими не воюй,
Ни с *Библиотекой для чтения*, ни
С *Записками*, ни с *Северной Пчелой*,
Ни с *Русским Вестником*. Живи и жить
Давай другим; и обладать один
Вселенною читателей не мысли [69].

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, призывая графа Толстого вносить всюду примирение, восклицал: «Знаете ли, как это важно, как это теперь нужно России и какой в этом высокий подвиг! Спаситель оценил его едва ли не выше всех других: Он прямо называет миротворцев сынами Божьими».

* * *

Еще одно принципиальное для Гоголя как художника представление также связано с его историческими штудиями — и прежде всего с чтением труда Карамзина. Воспитание гоголевских современников на историческом материале сочеталось у их наставников с убеждением в участии Промысла в истории, и потому отечественная история непосредственно соотносилась с библейской. Это точно отвечало суждению о русской истории Карамзина: «Что Библия для Христиан, то История для народа» [70, с. 205]; с этой мысли начинается «История государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов <...>; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил...» (Эта фраза была в свое время пред-

метом беседы Карамзина с Пушкиным. Последний 4 декабря 1824 г. сообщал родным: «Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Ист<ории> Кар<амзина>. При мне он ее и переменял» [71, с. 127]). Эту главную мысль Карамзина повторял позднее еще один близкий друг Гоголя, историк Михаил Петрович Погодин: «Изучая историю, мы изучаем самих себя, достигаем до своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. Это *книга бытия нашего*» [72, с. 22]. Сам Гоголь в статье «Близорукому приятелю» 1846 г. замечал: «Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва... <...> Без Бога не выведешь из нее великих выводов...»

Тот же библейский исторический подтекст присущ и гоголевской религиозной критике современности, т. е. тому духовно-критическому пафосу, вызревание которого в творчестве Гоголя, как указывалось, было связано с чтением Карамзина и преподобного Нестора-летописца. Противопоставляя светской сатире религиозно-нравственное, или пастырское обличение, Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» восклицал: «Сатирой ничего не возьмешь; простой картиной действительности, оглянутой глазом современного светского человека, никого не разбудишь... <...> Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный Суд Божий, что встрепенется настоящее» («Предметы для лирического поэта в нынешнее время»).

Десятью годами ранее, в период начала работы над «Мертвыми душами», Гоголь замечал: «Божественный Учитель и Спаситель наш, первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божественные мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. <...> И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить <...> какую-нибудь мысль...»

Последние строки еще раз свидетельствуют не только о глубоко сознательном характере гоголевского творчества, но и о

прямом влиянии на Гоголя как художника его занятии историей. Закономерно поэтому, что именно в изучении исторических взглядов Гоголя открываются перспективные подходы к постижению замысла главного гоголевского творения [73, с. 77–93]. Такое направление поисков как бы изначально «задает» задолго предопределенный самим автором финал поэмы. Едва ли на заключительных страницах первого тома «Мертвых душ» могло появиться столь вдохновенное «лирическое отступление» — до слез «пронимающее» самого автора, — если бы в свое время Гоголь не отдал дань изучению славянской и русской истории по Карамзину: «...Может быть, в сей же самой повести почувются иные, еще доселе не бранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире... <...> Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов... [Брызнут, брызнут слезы...] Но к чему и зачем говорить о том, что впереди?» [74].

Литература и примечания:

1. В 1842 г., спустя три месяца после выхода в свет первого тома «Мертвых душ», Гоголь писал о восприятии поэмы в читательских кругах С. Т. Аксакову: «...Еще не раскусили, в чем дело <...> не узнали важного и главного <...> Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза "Мертвые души", совершенно справедливо и должно распространиться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне». Спустя пять лет, в «Авторской исповеди», он вновь отмечал, что первый том «составляет еще поныне загадку» для читателя.

2. Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. — М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.

3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. Т. 8. Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009.

4. Фридендер Г. М. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. — <Л.>, 1952. — Т. 8.

5. *Лапицкий И. П.* Мысли Гоголя при чтении «Повести временных лет» // Гоголь. Статьи и материалы. — Л., 1954.

6. *Виноградов И. Н. В.* Гоголь — читатель «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. К постановке проблемы // *Dissertationes Slavicae. Slavistische Mitteilungen.* Материалы и сообщения по славяноведению. *Acta Universitatis Szegediensis. Sectio Historiae Litterarum.* XXII. Szeged, 1997.

7. *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие. — 2000.

8. *Виноградов И. А.* Обретение жанра: Народная песня и «Тарас Бульба» Гоголя // Н. В. Гоголь и народная культура: Седьмые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции. — М., 2008.

9. *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009.

10. Лит. наследство. Т. 58. — М., 1952.

11. *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание : в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — Т. 1 ; 2012. — Т. 2 ; 2013. — Т. 3.

12. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства, академиком М. Погодиным. — М., 1845 ; То же // Москвитянин. — 1846. — № 1.

13. См.: *Гоголь Н. В.* Из университетских лекций по истории Средних веков <...> <8>. Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи // [3, с. 164–166].

14. Впервые итог этой работы был представлен в подготовленном в 1994 г. девятитомном собрании сочинений Гоголя, а затем занял свое место в юбилейном Полном собрании сочинений и писем Гоголя в 17 томах 2009–2010 гг. (см.: *Гоголь Н. В.* Наброски и материалы по славянской, русской и украинской истории. Наброски очерка о славянах // [49, VIII, с. 10–21]; То же // [3, с. 11–24]).

15. *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литературы. Доклады международной конференции / Ин-т мировой литературы им. М. Горького; Моск. гос. гуманитарный ун-т им. М. А. Шолохова. — М., 2007. — Т. 1.

16. *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 30 марта — 1 апреля 2012 г. — Новосибирск, 2012.

17 *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). — Париж, <1926>.

18. *Зеньковский В.*, проф., прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>.

19. *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр ; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. — Нежин, 2012. — Вып. 2 (19).

20. *Кошелев В. А.* Примечания // *Хомяков А. С.* Соч. : в 2 т. — М., 1994. — Т. 1.

21. *Гильфердинг А.* Предисловие // *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений / Алексей Степанович Хомяков ; издан. под ред. А. Ф. Гильфердинга. — М., 1873. — Т. 4 : Записки о всемирной истории. ; Ч. 2 : (Обзор всемирной литературы).

22. *Халчинский И. К. М.* Базили // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. — СПб., 1881.

23. Имеется в виду издание формата in quarto (*лат.*); в четвертую долю листа.

24. *Гербель Н. П. Г.* Редкин // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. — СПб., 1881.

25. *Кукольник Н. И. С.* Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. — СПб., 1859.

Кукольник также сообщил: «...Прилежные воспитанники по очереди приглашались к обеду к своему директору; участвовали в семейных вечерах, по воскресеньям, а иногда и по два раза в неделю...» (*Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко / издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. — СПб., 1859. — С. 19). «По воскресеньям и табельным дням избранные из гимназистов-пансионеров, не имеющих в городе родных, поочередно партиями человек 5–6 обедали и проводили время у директора» (*Круковский А. В.* Старое педагогическое гнездо. (Из воспоминаний о Нежинском Историко-филологическом институте) // Филологические записки. — 1911. — Вып. 6. — С. 810. ; см. также: Гоголь в Нежинской гимназии высших наук. Антология мемуаров / сост. и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. — СПб., 2014. — С. 309).

26. Имеется в виду шестнадцатитомная «Римская история», первые девять томов которой были написаны французским историком Ш. Ролленом (Ch. Rollin, 1661–1741), остальные тома — его учеником Ж. Б. Л. Кревье (J. B. L. Crevier, 1693–1765): *Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium: c'est-à-dire jusqu'à la fin de la République* (Paris, 1738–1748). В XVIII в. это издание было переведено В. К. Тредиаковским, слушавшим лекции Роллена в Париже: Римская история, от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание Республики, сочиненная г. Ролленом, преждебывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия и членом Королевской академии надписей и словесных наук. А с французскаго переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, профессора и члена Санктпетербургской Имп. Академии наук (СПб., 1761–1767. Т. 1–16). «Продолжением истории Роллена Кревье» может считаться также двенадцатитомная «История о римских императорах» Кревье: *Histoire des empereurs des Romains, depuis Auguste jusqu'à Constantin* (Paris, 1749–1756). Из этого издания тем же Тредиаковским были переведены только первые четыре тома: История о римских императорах, с Августа до Константина, сочиненная г. Кревиером, учеником Ролленевым, и самым заслуженным профессором красноречия. А с французского переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, надворного советника (СПб., 1767–1769. Т. 1–4). Возможно, Кукольник и Редкин, не без подсказки Орлая, занимались переводом одного из тех последующих восьми томов «Истории о римских императорах» Кревье, которые не успел перевести Тредиаковский.

27. Имеется в виду издание: Руководство к познанию Всеобщей политической Истории, сочиненное Профессором Императорского Царскосельского Лицея *Иваном Кайдановым*. СПб., 1821. Ч. 1–3; с синхронистическими таблицами. (2-е изд. вышло в 1823 г.)

28. Имеется в виду издание: История крестовых походов. Сочинение Г. Мишо, Члена Академии Французской. Перевел с Французского Иван Бутовский. СПб., 1822. Ч. 1, содержащая историю первого крестового похода. С картою Малой Азии, планами Антиохии и Иерусалима; 1823. Ч. 2, содержащая в себе повествование второго и третьего крестовых походов. С картою Христианских владений в Азии и планом города Птолемаиды. (Третья — пятая части перевода вышли в свет позднее, в 1835–1836 гг.)

29. *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. — Симферополь ; Киев, 2005. — Вып. 2 (13). С. 14–55.

30. *Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. — Ужгород, 1932.

31. *Линтур П. В.* Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века // Наукові записки Ужгородського державного університету. — 1956. — Т. 20.

32. *Мурзакевич Н. Н.* Автобиография. — СПб., 1889.

33. *Орлай.* История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся // Северный Вестник. — 1804. — № 9.

34. <*Погодин М. П.*> Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу, с 3 июня 1806 по 1826 год // Москвитянин. — 1855. — Т. 1. — № 1.

35. *Саитов В. И.* Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826) // Русская Старина. — 1899. — № 1.

36. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828) / *Жаркевич Н. М., Кирилук З. В., Якубина Ю. В.* // Гоголеведческие студии. — Нежин, 2002. — Вып. 8.

37. Двенадцатый том «Истории..» вышел весной 1829 г., т. е. уже тогда, когда Гоголь жил в Петербурге (см.: Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания *К. С. Сербиновича* // Русская Старина. — 1874. — № 10. — С. 271).

38. В июле 1852 г. со слов Н. И. Билевича С. П. Шевырев записал: «Учитель Всеобщей Истории рассказывал про подвиги Александра Македонского с большим жаром, — и заключив смертью, сказал: "Ну, Гоголь-Яновский, а по смерти Алекса<андра> М<акедонского> что последовало?" — "Похороны", — отвечал тот. Весь класс захохотал вместе с учителем» [11, т. 1, 535] (впервые пересказано, без ссылки на источник, в изд.: *Золотусский И. П.* Гоголь. — М., 1979. — С. 50).

39. Имеется в виду издание, употреблявшееся в гимназии: «<*Янкович де Мирцево Ф. И.*> Краткая Российская история, изданная в пользу Народных Училищ Российской Империи. Осмым тиснением. Ц<ена> без переплета 46 коп<еек>. СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1824, 16°, 210+II. — <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. — Киев, 1902. С. 279). 1-е издание книги вышло в 1799 г.; 7-е — в 1821.

40. *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. — 1879. — Т. 3, отд. 2.

41. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.) : в 12 т. (в 3 кн.). — М., 1988. — Т. 1.

42. *Гоголь Н. В.* Наброски и материалы по славянской, русской и украинской истории. <...> III. Заметки и выписки при чтении «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // [3, с. 41–70]; см. также: [49, VIII, с. 35–58].

43. <Уваров С. С.> *Попечитель Санктпетербургского Учебного Округа.* О преподавании Истории относительно к народному воспитанию. — СПб., 1813. — С. 2.

44. *Жуковский В. А.* План учения Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Полн. собр. соч. : в 12 т. — СПб., 1902. — Т. 9.

45. *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы Н. В. Гоголя // [2, с. 5–7].

46. Берковец — русская мера веса в десять пудов. Корчага — «большой сосуд», «глиняный горшок» (гоголевский «объяснительный словарь» русского языка).

47. См., в частности: Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина / публ. и коммент. Л. Я. Вильде ; вступ. ст. М. В. Нечкиной // Лит. наследство. — М., 1954. — Т. 59. — С. 557–568.

Попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий в конфиденциальной записке для Императора Александра I «Краткий опыт о народном воспитании» (1823), в свою очередь, замечал: «В истории отечественной, следуя истории государства Российского, некоторые помазанники Божии поносятся именами *тиранов* и *злодеев*...» (Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собств. Его Имп. Величества канцелярии. — СПб., 1876. — Т. 1. — С. 371).

Родственник Гоголей, бывший министр Д. П. Трошинский, отдельными чертами которого Гоголь воспользовался при создания образа Тараса Бульбы (см.: [9, с. 621–623]), 11 февраля 1821 г. писал из Москвы своему приятелю Л. И. Голенищеву-Кутузову (родственнику полководца): «П<авел> И<ванович> <...> по дружбе своей дал мне из Библиотеки своей Летописец Курбского, которого я доселе читать не имел случая. Ежели из сказанного сим знаменитым эмигрантом и десятая часть справедлива, то Россия подлинно имела в особе царя Иоанна Грозного страшного Тирана. — Нетерпеливо ожидаю я 9-го тома Истории Карамзина, чтобы уведать, какими красками изобразит

он царствование его, по многим отношениям весьма интересное» (РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 29 об.). 9 июля 1821 г., приехав на родину, Трошинский — человек, долгие годы близкий ко Двору, — сообщал: «Лишь только прислали из Петербурга девятый том Российской Истории, и я еще за него не успел и приняться; но царствование Иоанна Грозного сделалось мне отвратительным из истории Курбского, которую лишь удалось прочитать в Москве: о чем я, помнится, тогда же и писал к вам» (РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 94 об.).

48. *Виноградов И. А.* Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. — М.: Наследие, 2000.

49. *Гоголь Н. В.* Собр. соч. : в 9 т. — М., 1994.

50. Сделанные наблюдения позволяют отчасти прояснить саму историю создания Повести о ссоре. Для героя этой повести — «прекрасного человека» Ивана Ивановича, охотника, как в старые времена, до перепелов и уток, — поводом для вражды с приятелем является неудавшийся торг об охотничьем ружье. Этот мотив, в свою очередь, встречается в гоголевских выписках из Карамзина, в частности, в строках цитированной заметки «Обычай»: «Уделами менялись и торговались, как воины своими оружьями».

С другой стороны, по известному свидетельству П. В. Анненкова, в сентябре 1833 г. (в то время, когда Анненков был введен Н. Я. Прокоповичем в петербургский кружок Гоголя) предметом пристального внимания писателя стала бытовая история о любви бедного чиновника к ружью: «Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией <...> накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского ружья... <Лепаж — французский оружейник> <...> В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу <...> ружье было стянуто в воду густым тростником... <...> Все смеялись анекдоту, <...> исключая Гоголя... <...> Анекдот был первой мыслию чудной повести его "Шинель"...» (*Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // [11, III, с. 436].

Показание Анненкова не вызывает сомнений и вполне подтверждается содержанием статьи самого Гоголя «Петербургская сцена в 1835–36 г.», написанной в конце апреля 1836 г. (см.: *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Вып. 3. — Петрозаводск, 2001. С. 214–239). Однако в приведенном контексте обращает на себя внимание другое. По-видимому, задолго до создания «Шинели» (1842) история о всепоглощающей любви человека к ружью послужила

Гоголю толчком для написанного вскоре рассказа о ссоре из-за ружья. Именно это позволяет точнее определить, сравнительно с традиционными представлениями, временной промежуток, в продолжение которого была написана «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». По-видимому, ее создание следует отнести к первым осенним месяцам 1833 г. — сентябрю и октябрю (в письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. Гоголь говорит уже о своей повести как отправленной А. Ф. Смирдину для альманаха).

51. *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. — М. : ИМЛИ, 2013.

52. *Сенковский О. И.* Скандинавские саги // Библиотека для чтения. — 1834. — Т. 1, отд. III.

53. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция // Вопросы поэтики. — Изд-во Саратовского ун-та, 1980.

54. *Кожневиков В. А.* Тайны и загадки «Слова о полку Игореве». — М., 2012.

55. *Преподобный Варсонофий Оптинский.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». — Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2005.

56. *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич-Романовича) // Исторический Вестник. 1902. Февраль.

57. *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // Русская Старина. — 1910. — № 1.

58. 1 октября А. Н. Мокрицкий в 1835 г., в частности, отмечал в своем дневнике: «1 октября положено у нас праздновать...» [11, I, с. 599].

59. Кулиш писал: «Жаль только, что, вычисляя, как и в Илиаде, множество ратующих героев, он <Гоголь> сочиняет их имена. А я в этом случае взял бы все их или <из> народных песен, или из старинных бумаг» (Киевская Старина. — 1899. — № 2. — С. 188).

60. *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: Из истории интерпретаций // Н. В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения / под общ. ред. В. П. Викуловой. — М., 2007. — С. 108.

61. Об использовании Гоголем летописи Г. И. Грабянки в работе над первой редакцией «Тараса Бульбы» см.: *Машинский С. И.* Историческая повесть Гоголя. — М., 1940. — С. 95, 185; *Карпенко А. И.* О народности Н. В. Гоголя. (Художественный историзм писателя и его народные истоки). — К. : Изд-во Киевского ун-та, 1973. — С. 54; [9, с. 634]. О вероятном обращении при этом

Гоголя к изданию летописи Грабянки 1793 г. см.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // Соч. Н. В. Гоголя. — 10-е изд. — М., 1889. — Т. 1. — С. 569–570.

62. <Грабянка Г. И.> О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // *РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 2 об.—3.* Текст рукописи представляет первую половину летописи Грабянки, названной так по заглавию первой ее главы.

Как позволяет судить сравнение с текстом летописи Грабянки — впервые опубликованной, без указания имени автора, в 1793 г., а затем еще раз полностью напечатанной в 1854 г., — отрывок именно этой хроники (начальные главы) поместил также в 1833 г. И. И. Срезневский в своей «Запорожской Старине» (ср.: <Грабянка Г. И.> Сказание, откуда Козаки Запорожане, и чим славни // *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. — Харьков, 1833. — Ч. 1, кн. 2 (цензурное разрешение 28 августа). С. 15–33; <Грабянка Г. И.> Летописец Малыя России // *Российский Магазин. Труды Феодора Туманского.* — СПб., 1793. — Ч. 2. — С. 35–46; Действия презельной и от начала поляков кровавой небывалой брани Богдана Хмельницкого... Г. Грабянки. Року 1710. — К., 1854. — С. 3–35).

В письме от 8 марта 1834 г. Гоголь благодарил Срезневского: «Вы <...> сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины». С летописью Грабянки Гоголь был, однако, знаком еще до выхода в свет книги Срезневского. Обсуждая в письме к последнему список использованных для издания «Запорожской Старины» рукописей, Гоголь не упомянул, в числе других неизвестных ему летописей, труд Грабянки, который Срезневский привел в этом списке с заглавием, несомненно, знакомым Гоголю — «Летопись о проименовании Козаков...» В самой публикации та же рукопись была озаглавлена иначе: «Сказание, откуда Козаки Запорожане, и чим славни». Текст начинается здесь со второй главы источника, тогда как первоначальное название — «Летопись о проименовании Козаков...» — дано по заглавию первой, пропущенной в публикации Срезневского главы летописи. Но именно с названием, отражающим содержание первой главы хроники, Гоголь познакомился с этим историческим памятником еще до выхода в свет «Запорожской Старины». По-видимому, летопись Грабянки была известна Гоголю либо по первому изданию 1793 г., либо по списку, также озаглавленному по первой главе — «О начале проименования Козаков...» Этот список в конце 1820 — начале 1830-х гг. находился в Русском Музее П. П. Свиньина — как раз в то время, когда в «Отечественных Записках» Свиньина активное участие принимал Гоголь (в журнале Свиньина в 1830 г. Гоголь опубликовал одну из своих

повестей — «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», а также целый ряд документов и фольклорных материалов по истории Украины; подробнее см.: [9, с. 419]; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 17 т. — М. ; К., 2010. — Т. 17. — С. 751–752). В составленном в 1829 г. самим Свиным каталоге Русского Музеума, в числе «Рукописей, относящихся до царствования Алексея Михайловича», значится: «16. О начале и проименовании казаков. 17. Сказание, чего ради Хмельницкий поддался под Великого Князя Московского» (Краткая опись предметов, составляющих Русский Музей П. Свиньина 1829 года // Отечественные Записки. — 1829. — Ч. 39, июль, № 111 (цензурное разрешение 13 июля). С. 61; см. также: Краткая опись предметов, составляющих Русский Музей Павла Свинына. — СПб., 1829. — С. 122). Второе заглавие, которое приводит Свиный, представляет собой название еще одной из глав той же летописи: «Сказание, чего ради Хмельницкий поддастся под Великого Государя Московского...», или, по другим спискам, «Повесть, чего ради Хмельницкий поддался Великому Российскому Монарсе...», «Сказание, чесо ради Хмельницкий поддастся Рос<с>иянам...» (см.: <Грабянка Г. И.> О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 43 об.; <Грабянка Г. И.> Летописец Малыя России // Российский Магазин. Труды Феодора Туманского. — СПб., 1793. — Ч. 2. — С. 272; Действия презельной и от начала поляков крвашой небывалой брани Богдана Хмельницкого... Г. Грабянки. С. 120). Позднее о распродаже (аукционе) Русского Музеума Свинына, продолжавшейся со второй половины марта до лета 1834 г., Гоголь вспоминал при создании повести «Портрет» (1835) и при написании главы о Плюшкине в «Мертвых душах» (см.: *Гоголь Н. В.* Петербургские повести / вступит. ст., коммент. И. А. Виноградова. — М., 2001. — С. 282–283).

В хранящейся ныне в Российской государственной библиотеке рукописи начала XVIII в., с заглавием «О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского» (возможно, из собрания Свинына), цитированный выше текст второй главы летописи Грабянки — об «уничижении Российского скипетра» — (Л. 2 об.–3) полностью совпадает с публикацией Срезневского 1833 г. (Запорожская Старина. — Т. 2. — С. 15–17), а также с редакцией отдельного издания 1854 г. (С. 17–18). С редакторской правкой этот же текст напечатан в первом издании летописи Грабянки 1793 г., осуществленном Ф. О. Туманским: «...Когда Государь и Монарх всея России <...> равноапостольный Князь Владимир, по временном господствовании в Киеве, отходя к вечному, разделил государство свое на дванадцать

Княжений, тогда <...> Владимировы сынове, братия будучия, повстали на себе, и хотя един другого княжением завладети, начали убивати брат брата и изгоняти от владения, отцом им уделенного, и того ради попушением Божиим нашел на Рус<с>кую землю нечестивый Батый и, пленив оною, и церкви Божии и красоту их опроверг и соравнил со землею. Но не довлекло сего за грехи Российскому роду, вос<с>тал еще Гедимин, Великий Князь Литовский, и пришед на Киев, побил над рекою Ирпенем Князей Рус<с>ких и, прилучив Киев к Литовской земли, поставил наместника своего Миндора, Князя Олшанского... <...> ...А <...> Король Польский Казимир княжение Киевское на Воеводство пременял <...> И <...> в уничтожение Киевороссийский скипетр так пришел, что от царствия в княжение, а от княжения в воеводство пременялся» (см.: <Грабянка Г. И.> Летописец Малыя России // Российский Магазин. Трудами Феодора Туманского. — СПб., 1793. — Ч. 2. — С. 35–36).

63. В связи с гоголевской «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» примечательно также содержание одной из статей, принятых казаками в 1669 г. в Глухове, при избрании гетмана Д. И. Многогрешного. Эти статьи приводит, в частности, в своей летописи С. В. Величко (опубл. в 1848–1864 гг.) (О вероятном использовании Гоголем рукописного списка хроники Величко в работе над первой редакцией «Тараса Бульбы» см.: *Машинский С. И.* Историческая повесть Гоголя. С. 95, 185; *Карпенко А. И.* О народности Н. В. Гоголя. С. 54; [9, с. 634].) Один из пунктов Глуховских статей (двадцать второй), напоминающий содержание гоголевской повести, носит название: «О ссорах Малороссийских, если бы от кого произошли»: «А буде в Малороссийских городах учнут чиниться ссори, от жителей, от кого ни есть, и Гетману и старшине потому ж того смотреть и остерегать накрепко, и о том писать к Великому Государю, к Его Царскому Величеству; а тех людей, от кого какие ссори в Малороссийских городах учинятся, их унимать и наказывать и карать смертию в правах, и как о том постановлено на прежних радах. И Гетман и старшина и Козаки приговорили сей стати быть так» (Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720. Киев, 1851. Т. 2. С. 205. — «Логичным» развитием этой казацкой «статьи», предписывающей доносить о междоусобных ссорах не кому-нибудь, а самому государю — вероятно, являются у Гоголя мечты Манилова о том, как «они вместе с Чичиковым <...> обворожают всех приятностию обращения, и что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами».

64. Позднее критики и исследователи не раз указывали на ориентацию Гоголя при создании «Тараса Бульбы» на гомеровский эпос (подробнее см.: [9, с. 405, 499–500, 506, 513, 522, 534, 541, 546, 564–567, 574, 578, 581–583, 585, 622]).

65. В заключение четвертой, последней главы пятого тома «Истории государства Российского» (посвященной описанию «состояния России от нашествия татар до Иоанна III») Карамзин в качестве главных источников русской образованности того времени называет последовательно «церковные и душеспасительные книги» (включая сюда летописи, исторические произведения и «слова»), «народные пословицы» и «народные песни русские». Мыслью о необходимости обратиться к этим источникам, оставленным со времен Петра I светским образованным обществом, Гоголь завершает свою статью о русской поэзии: «Еще никто не черпал из самой глубины тех <...> источников, о которых упомянуто в начале <...> Все это еще орудия, еще материалы <...> еще в руде дорогие металлы <...> Скорбью ангела загорится наша поэзия и <...> вызовет нам <...> нашу русскую Россию <...> которую извлечет она из нас же...» (подробнее см.: [7, 103]).

66. <Феодор (Бухарев), архимандрит>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. — СПб., 1861.

67. Зеньковский В. В., *прот.* Памяти Н. В. Гоголя. (К 150-летию со дня рождения) // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. — М., 2002.

68. История Русов. — М., 1846.

69. Жуковский. Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину // Москвитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. — 1845. — Ч. 1, № 1 (цензурное разрешение 23 янв.). С. 24; с примечанием: «Эти стихи В. А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении Москвитянина».

70. Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. — СПб., 1862. — Ч. 1.

71. Пушкин. Полн. собр. соч. : в 16 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 13.

72. Взгляд на Российскую Историю. Лекция профессора Погодина // Уч. зап. Имп. Моск. ун-та. — М., 1833. — Ч. 1, № 1.

73. Виноградов И. А. Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. — Нежин, 2001. — Вып. 7.

74. Заключенный в квадратные скобки вариант черновой редакции впервые опубликован: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 23 т. — М., 2012. — Т. 7, кн. 2. — С. 224.

References:

2. Unpublished Gogol [Neizdannjy Gogol']. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2001.
3. Gogol' N. V. Full Collect. of Works and Letters: In 17 vol. Vol. 8. Class works. Lectures and Materials on the History and Geography. Notes on the Russian Way of Life. [Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. T. 8. Klassnye sochinenija. Lekcii i materialy po istorii i geografii. Zametki o russkom byte]. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Publ., 2009.
4. Fridlender G. M. Comments [Kommentarii]. *Gogol' N. V. Full Collect. of Works: In 14 vol. [Poln. sobr. soch.: V 14 t.]*. Leningrad, 1952. Vol. 8.
5. Lapickij I. P. Gogol's Thoughts while Reading "The Tale of Bygone Years" // Gogol. [Mysli Gogolja pri chtenii «Povesti vremennyh let»]. *Gogol'. Articles and Materials. [Stat'i i materialy]*. Leningrad, 1954.
6. Vinogradov I. Nikolai Gogol — the Reader of "History of the Russian State" by Karamzin. To the Formulation of the Problem [N. V. Gogol' — chitatel' «Istorii gosudarstva Rossijskogo» N. M. Karamzina. K postanovke problemy]. *Dissertationes Slavicae. Slavistische Mitteilungen. Materialy i soobshhenija po slavjanovedeniju. Acta Universitatis Szegediensis. Sectio Historiae Litterarum. XXII*. Szeged, 1997.
7. Vinogradov I. A. Gogol — the Painter and Thinker: Christian-based Worldview [Gogol' — hudozhnik i myslitel': Hristianskie osnovy mirosozercanija]. Moscow: IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000.
8. Vinogradov I. A. Finding Genres: Folk Songs and "Taras Bulba" by Gogol [Obretenie zhanra: Narodnaja pesnja i «Taras Bul'ba» Gogolja]. *Gogol and popular culture: Seventh Gogol Readings [N. V. Gogol' i narodnaja kul'tura: Sed'mye Gogolevskie chtenija]*. Moscow, 2008.
9. Gogol' N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical and Literary and Textual Comment [Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdanija. Istoriko-literaturnyj i tekstologicheskij kommentarij]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2009.
10. Literary Heritage [Lit. nasledstvo]. Vol. 58. Moscow, 1952.
11. Vinogradov I. A. Gogol in his Memoirs, Diaries, Correspondence of His Contemporaries. Full Systematic set of Documentary Evidences. In 3 vol. [Gogol' v vospominanijah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematiceskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. V 3 t.]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2011. Vol. 1; 2012. Vol. 2; 2013. Vol. 3.
12. Historical Panegyric to Karamzin, Spoken at the Opening of the Monument to Him in Simbirsk, August 23, 1845, at the Meeting of Simbirsk Nobility, by Academician M. Pogodin [Istoricheskoe pohval'noe slovo Karamzinu, proiznesennoe pri otkrytii emu pamjatnika v Simbirске,

avgusta 23, 1845 goda, v sobranii simbirskogo dvorjanstva, akademikom M. Pogodinym]. Moscow, 1845; the same: *Moskvitjanin*. 1846. № 1.

13. Gogol' N. V. From University Lectures on the History of the Middle Ages <...> <8>. Condition of non-Roman Europe and the Peoples, Based on the Land Which Does Not Belong to the Roman Empire [Iz universitetskih lekcij po istorii Srednih vekov <...> <8>. Sostojanie Evropy nerimskoj i narodov, osnovavshijsja na zemljah, ne prinadlezhivshih Rimskoj imperii]. *Gogol' N. V. Full Collect. of Works and Letters: In 17 vol. Vol. 8. Class works. Lectures and Materials on the History and Geography. Notes on the Russian Way of Life. [Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. T. 8. Klassnye sochinenija. Lekcii i materialy po istorii i geografii. Zametki o russkom byte]*. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Publ., 2009. P. 164–166.

14. Gogol' N. V. Sketches and Materials on Slavic, Russian and Ukrainian history. Sketches of the Essay About Slavs [Nabroski i materialy po slavjanskoj, russkoj i ukrainskoj istorii. Nabroski ocherka o slavjanah]. *Gogol' N. V. Collect. works. In 9 vol. [Sobr. soch.: V 9 t.]*. Moscow, 1994. Vol. 8, P. 10–21; the same: *Gogol' N. V. Full Collect. of Works and Letters: In 17 vol. Vol. 8. Class works. Lectures and Materials on the History and Geography. Notes on the Russian Way of Life. [Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. T. 8. Klassnye sochinenija. Lekcii i materialy po istorii i geografii. Zametki o russkom byte]*. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Publ., 2009. P. 11–24.

15. Vinogradov I. A. Gogol and Slavs (To the Problem of Linguistic Unity of the Slavs) [Gogol' i slavjanstvo (K probleme jazykovogo edinstva slavjan)]. *Language of classical literature. [Jazyk klassicheskoj literatury]*. Moscow, 2007. Vol. 1.

16. Vinogradov I. A. Gogol About the Unity of the Slavs [Gogol' o edinstve slavjan]. *Gogol and Traditional Slavic culture. Twelfth Gogol readings [Gogol' i tradicionnaja slavjanskaja kul'tura. Dvenadcatye Gogolevskie chtenija]*. Novosibirsk, 2012.

17. Zen'kovskij V. V. Russian Thinkers and Europe. (Criticism of European Culture at the Russian Thinkers) [Russkie mysliteli i Evropa. (Kritika evropejskoj kul'tury u russkih myslitelej)]. Parizh, 1926.

18. Zen'kovskij V. Nikolai Gogol [N. V. Gogol']. Parizh, 1961.

19. Vinogradov I. A. Dispute of K. Aksakov and V. Belinsky: Cultural and Historical Aspects of the Controversy About the Genre of "Dead Souls" [Spor K. S. Aksakova i V. G. Belinskogo: Kul'turno-istoricheskie aspekty polemiki o zhanre «Mertyh dush»]. *Gogol Studies [Gogolevedcheskie studii]*. Nezhin, 2012. Issue 2 (19).

20. Koshelev V. A. Notes [Primechanija]. *Homjakov A. S. Works in 2 vol. [Soch.: V 2 t.]*. Moscow, 1994. Vol. 1.

21. Gil'ferding A. Introduction [Predislovie]. Full Collect. of Works of Aleksej Stepanovich Homjakov [*Poln. sobr. soch. Alekseja Stepanovicha Homjakova*]. Moscow, 1873. Vol. 4. Notes on World History. Part 2. (Overview of World Literature) [Zapiski o vseмирnoj istorii. Ch. 2. (Obzor vseмирnoj literatury)].

22. Halchinskij I. K. M. Basili [Bazili]. *Gymnasium of High Sciences and Lyceum of Prince Bezborodko [Gimnazija vysshih nauk i licej knjazja Bezborodko]*. Saint-Petersburg, 1881.

24. Gerbel' N. P. G. Redkin [Redkin]. *Gymnasium of High Sciences and Lyceum of Prince Bezborodko [Gimnazija vysshih nauk i licej knjazja Bezborodko]*. Saint-Petersburg, 1881.

25. Kukul'nik N. I. S. Orlaj. (From a Commemorative Book) [I. S. Orlaj. (Iz pamjatnoj knizhki)]. *Lyceum of Prince Bezborodko [Licej knjazja Bezborodko]*. Saint-Petersburg, 1859; Kukul'nik N. Lyceum of Prince Bezborodko [Licej knjazja Bezborodko]. *Lyceum of Prince Bezborodko [Licej knjazja Bezborodko]*. Saint-Petersburg, 1859. P. 19); Krukovskij A. V. Old Pedagogical Nest. (From the Memoirs About Nizhyn Historical and Philological Institute) [Staroe pedagogicheskoe gnezdo. (Iz vospominanij o Nezhinskom Istoriko-filologicheskom institute)]. *Philological Notes [Filologicheskie zapiski]*. 1911. Issue. 6. P. 810; see also: Gogol in Nizhyn Gymnasium of High Sciences. The Anthology of Memoirs. [Gogol' v Nezhinskoj gimnazii vysshih nauk. Antologija memuarov]. Saint-Petersburg, 2014. P. 309.

26. Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium: c'est-à-dire jusqu'à la fin de la République. Paris, 1738–1748.

27. The Guide to the Knowledge of General Political History, composed by Professor of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum Ivan Kaidanov [Rukovodstvo k poznaniju Vseobshhej politicheskoy Istorii, sochinennoe Professorom Imperatorskogo Carskosel'skogo Liceja Ivanom Kajdanovym]. Saint-Petersburg, 1821. Parts 1–3.

28. History of the Crusades [Istorija krestovyh pohodov]. Saint-Petersburg, 1822. Part 1; 1823. Part 2.

29. Vinogradov I. A. "The Extraordinary Mentor": I. S. Orlaj as a Prototype of One of the Characters of the Second Volume of "Dead Souls" [«Neobyknovenyj nastavnik»: I. S. Orlaj kak prototip odnogo iz geroev vtorogo toma «Mertvyh dush»]. *New Gogol Studies [Novye gogolevedcheskie studii]*. Simferopol'; Kiev, 2005. Issue 2 (13). P. 14–55.

30. Nedzel'skij E. Essay of Carpatho-Russian Literature [Ocherk karpato-russkoj literatury]. Uzhgorod, 1932.

31. Lintur P. V. Influence of Russian Literature on Creative Works of Transcarpathian Writers of XIXth century [Vlijanie russoj literatury na tvorcestvo zakarpatskih pisatelej XIX veka]. *Scientific Notes of Uzhgorod State University [Naukovi zapiski Uzhgorods'kogo derzhavnogo univerzitetu]*. 1956. Vol. 20.
32. Murzakevich N. N. Autobiography [Avtobiografija]. Saint-Petersburg, 1889.
33. Orlaj. The history of the Carpatho-Russian, or Resettlement of Russians in the Carpathian Mountains and the Adventures That Happened to Them [Istorija o Karpato-Rossah, ili o pereselenii Rossijan v Karpatskie gory i o prikljuchenijah, s nimi sluchivshijsja]. Northern *Herald [Severnyj Vestnik]*. 1804. № 9.
34. Pogodin M. P. Letters of Karamzin to Turgenev, from 3 June 1806 to 1826 [Pis'ma N. M. Karamzina k A. I. Turgenevu, s 3 ijunja 1806 po 1826 god]. *Moskvitjanin [Moskvitjanin]*. 1855. Vol. 1. № 1.
35. Saitov V. I. Letters of Karamzin to Turgenev (1806–1826) [Pis'ma N. M. Karamzina k A. I. Turgenevu (1806–1826)]. *Russian Antiquities [Russkaja Starina]*. 1899. № 1.
36. Zharkevich N. M., Kiriljuk Z. V., Jakubina Ju. V. Chronicle of Nikolai Gogol's Life and Work. Nezhin Period (1820–1828) [Letopis' zhizni i tvorcestva Nikolaja Gogolja. Nezhinskij period (1820–1828)]. *Gogol Studies [Gogolevedcheskie studii]*. Nezhin, 2002. Issue 8.
37. Nikolaj Karamzin. Memories of K. S. Serbinovich [Nikolaj Mihajlovich Karamzin. Vospominanija K. S. Serbinovicha]. *Russian Antiquities [Russkaja Starina]*. 1874. № 10. P. 271.
38. Zolotusskij I. P. Gogol [Gogol']. Moscow, 1979. P. 50.
39. Speranskij M. N., Srebnickij I. A. Tutorials in Gymnasium of High Sciences [Uchebniki Gimnazii vysshih nauk]. *Gogol collection. Published by Gogol Commission in the Institute of History and Philology of Prince Bezborodko, edited by prof. M. Speranskij [Gogolevskij sbornik. Izdannyj sostojashhej pri Istoriko-Filologicheskom Institute Kn. Bezborodko Gogolevskoj Komissiej, pod redakciej prof. M. Speranskogo]*. Kiev, 1902. P. 279.
40. Lavrovskij N. A. Gymnasium of High Sciences of Prince Bezborodko in Nezhin. (1820–1832) [Gimnazija vysshih nauk kn. Bezborodko v Nezhine. (1820–1832 g.)] // *News of the Institute of History and Philology of Prince Bezborodko in Nezhin [Izvestija Istoriko-filologicheskogo instituta knjazja Bezborodko v Nezhine]*. 1879. Vol. 3. Partition 2.
41. Karamzin N. M. History of the Russian State. (Reprint edition of 1842–1844). In 12 vol. (In 3 books) [Istorija gosudarstva Rossijskogo. (Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1842–1844 gg.). V 12 t. (V 3 kn.)]. Moscow, 1988. Vol. 1.

42. Gogol' N. V. Sketches and Materials on Slavic, Russian and Ukrainian history. <...> III. Notes and writing out while reading "History of the Russian State" by Karamzin [Nabroski i materialy po slavjanskoj, russkoj i ukrainskoj istorii. <...> III. Zametki i vypiski pri chtenii «Istorii gosudarstva Rossijskogo» N. M. Karamzina]. *Gogol' N. V. Full Collect. of Works and Letters: In 17 vol. Vol. 8. Class works. Lectures and Materials on the History and Geography. Notes on the Russian Way of Life.* [Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. T. 8. Klassnye sochinenija. Lekcii i materialy po istorii i geografii. Zametki o russskom byte]. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Publ., 2009. P. 41–70; see also: Gogol' N. V. Collect. works. In 9 vol. [Sobr. soch.: V 9 t.]. Moscow, 1994. Vol. 8, P. 35–58.

43. Uvarov S. S. Trustee of Saint-Petersburg School District. About Teaching of History Relatively to Public Education [Popechitel' Sanktpeterburgskogo Uchebnogo Okruga. O prepodavanii Istorii otноситel'no k narodnomu vospitaniju]. Saint-Petersburg, 1813. P. 2.

44. Zhukovskij V. A. Plan of Teaching of His Imperial Highness the Grand Duke Tsarevich Alexander Nikolayevich [Plan uchenija Ego Imperatorskogo Vysochestva, Gosudarja Velikogo Knjazja Naslednika Cesarevicha Aleksandra Nikolaevicha]. *Zhukovskij V. A. Full Collect. of Works in 12 vol.* [Poln. sobr. soch.: V 12 t.]. Saint-Petersburg, 1902. Vol. 9.

45. Vinogradov I. A. Gogol's Unknown Autographs [Neizvestnye avtografy N. V. Gogolja]. *Unpublished Gogol [Neizdannyy Gogol']*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2001. P. 5–7.

47. Decembrist Mikhail Orlov — a critic of "History" by Karamzin [Dekabrist Mihail Orlov — kritik «Istorii» N. M. Karamzina]. *Literary Heritage [Lit. nasledstvo]*. Moscow, 1954. Vol. 59. P. 557–568.

48. Vinogradov I. A. Moscow and Rome in Gogol's Creative Works [Moskva i Rim v tvorchestve Gogolja]. *Moscow in Russian and World Literature [Moskva v russkoj i mirovoj literature]*. Moscow, Nasledie Publ., 2000.

49. Gogol' N. V. Collect. works. In 9 vol. [Sobr. soch.: V 9 t.]. Moscow, 1994.

50. Annenkov P. Memories about Gogol [Vospominanija o Gogole]. *Vinogradov I. A. Gogol in his Memoirs, Diaries, Correspondence of His Contemporaries. Full Systematic set of Documentary Evidences. In 3 vol.* [Gogol' v vospominanijah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistemateskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. V 3 t.]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2011. Vol. 3, P. 436; Vinogradov I. A. "I am Your Brother." About "The Overcoat" by Nikolai Gogol [«Ja brat tvoj». O povesti N. V. Gogolja «Shinel'»]. *Gospel Text in Russian Literature of XVIII–XXth centuries. Quote, reminiscence, motif, plot, genre. Collection of Scientific*

Works. Vol. 3. [Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vekov. Citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr. Sbornik nauchnyh trudov. Issue 3]. Petrozavodsk, 2001. P. 214–239.

51. Vinogradov I. A. 1812 and "Taras Bulba": Past and Present in the Gogol's Conception [1812 god i «Taras Bul'ba»: proshedshee i nastojashhee v zamysle N. V. Gogolja]. *1812 and World Literature [1812 god i mirovaja literatura]*. Moscow, IMLI Publ., 2013.

52. Senkovskij O. I. Scandinavian sagas [Skandinavskie sagi]. *Library to read [Biblioteka dlja chtenija]*. 1834. Vol. 1. Partition III.

53. Medrish D. N. Literature and Folklore Tradition. Questions of Poetics [Literatura i fol'klornaja tradicija. Voprosy pojetiki]. Saratov, Saratov University Publ., 1980.

54. Kozhevnikov V. A. Secrets and mysteries of "The Tale of Igor's Campaign" [Tajny i zagadki «Slova o polku Igoreve»]. Moscow, 2012.

55. Prepodobnyj Varsonofij Optinskij. Conversations. Exclusionary notes. Spiritual Poems. Memories. Letters. "Wreath on the Grave of Priest" [Besedy. Kelejnye zapiski. Duhovnye stihotvorenija. Vospominanija. Pis'ma. «Venok na mogilu Batjushki»]. Vvedensky Stauropelial Male Optina Pustyn' Monastery Publ, 2005.

56. Glebov S. I. Gogol in Nizhyn Lyceum. (From the Memoirs of Lubich-Romanovich) [Gogol' v Nezhinskom licee. (Iz vospominanij V. I. Ljubich-a-Romanovicha)]. *Historical Journal [Istoricheskij Vestnik]*. 1902. February.

57. Glebov S. Memories about Gogol [Vospominanija o Gogole]. *Russian Antiquity [Russkaja Starina]*. 1910. № 1.

58. Vinogradov I. A. Gogol in his Memoirs, Diaries, Correspondence of His Contemporaries. Full Systematic set of Documentary Evidences. In 3 vol. [Gogol' v vospominanijah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematicheskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. V 3 t.]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2011. Vol. 1. P. 599.

59. Kiev Antiquity [Kievskaja Starina]. 1899. № 2. P. 188.

60. Vinogradov I. A. The Story "Wii" by Gogol: From the History of Interpretation [Povest' N. V. Gogolja «Vij»: Iz istorii interpretacij]. *Nikolai Gogol and Modern Culture: Sixth Gogol Readings. [N. V. Gogol' i sovremennaja kul'tura: Shestye Gogolevskie chtenija]*. Moscow, 2007. P. 108.

61. Mashinskij S. I. The Historical Story by Gogol [Istoricheskaja povest' Gogolja]. Moscow, 1940. P. 95, 185; Karpenko A. I. About the National Character of Nikolai Gogol. (Writer's Art Historicism and His Folk Origins) [O narodnosti N. V. Gogolja. (Hudozhestvennyj istorizm pisatelja i ego narodnye istoki)]. Kiev University Publ., 1973. P. 54. Tihonravov N. S. Editor's Notes and Variant [Primechanija redaktora i

variant]. *Works of Gogol*. 10th ed. [Soch. N. V. Gogolja. 10-e izd.]. Moscow, 1889. Vol. 1. P. 569–570.

62. Grabjanka G. I. About the Beginning of Renaming of Cossacks and Their Liberation from the Polish Yoke [O nachale proimenovanija Kozakov i osvobozhdenija onyh ot iga Pol'skogo]. *Russian State Library*. Fund. 173. I. Storage unit 97. Sheet 2(turnover)–3.

63. Annals of Events in South-West Russia in the XVIIth Century. Compiled by Samoil Velichko, Former Scribe of Zaporizhia Army [Letopis' sobytij v Jugo-Zapadnoj Rossii v XVII veke. Sostavil Samoil Velichko, byvshij kanceljarist kanceljarii vojska Zaporozhskogo]. 1720. Kiev, 1851. Vol. 2. P. 205.

64. Gogol' N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical and Literary and Textual Comment [Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennnye izdanija. Istoriko-literaturnyj i tekstologicheskij kommentarij]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2009. P. 405, 499–500, 506, 513, 522, 534, 541, 546, 564–567, 574, 578, 581–583, 585, 622.

65. Vinogradov I. A. Gogol — the Painter and Thinker: Christian-based Worldview [Gogol' — hudozhnik i myslitel': Hristianskie osnovy mirosozercanija]. Moscow: IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000. P. 103.

66. Buharev Feodor. Three Letters to Gogol, written in 1848. [Tri pis'ma k N. V. Gogolju, pisannye v 1848 godu]. Saint-Petersburg, 1861.

67. Zen'kovskij V. V. In memory of Nikolai Gogol. (The 150th anniversary) [Pamjati N. V. Gogolja. (K 150-letiju so dnja rozhdenija)]. *The hard way. Foreign Russia and Gogol [Trudnyj put'. Zarubezhnaja Rossija i Gogol']*. Moscow, 2002.

68. History of the Rus [Istorija Rusov]. Moscow, 1846.

69. Zhukovskij. Two stories. The Present for the New Year to Moskvitjanin [Dve povesti. Podarok na Novyj god Moskvitjaninu]. *Moskvitjanin [Moskvitjanin]*. 1845. Part 1. № 1. P. 24.

70. Karamzin N. M. Unpublished Works and Correspondence. [Neizdannnye sochinenija i perepiska]. Saint-Petersburg, 1862. Part 1.

71. Pushkin. Full Collect. of Works in 16 vol. [Poln. sobr. soch.: V 16 t.]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1937. Vol. 13.

72. A look at Russian history. Lecture by Professor Pogodin [Vzgljad na Rossijskiju Istoriju. Lekcija professora Pogodina]. *Scientific Notes of Imperial Moscow University [Uch. zap. Imp. Mosk. un-ta]*. Moscow, 1833. Part 1. № 1.

73. Vinogradov I. A. Historical Views of Gogol and the Idea of His Poem "Dead Souls" [Istoricheskie vozzrenija Gogolja i zamysel pojemy «Mertvye dushi»]. *Gogol Studies [Gogolevedcheskie studii]*. Nezhin, 2001. Issue 7.

74. Gogol' N. V. Full Collect. of Works in 23 vol. Vol. 7. Book 2 [Poln. sobr. soch.: V 23 t. T. 7. Kn. 2.]. Moscow, 2012. P. 224.

Аннотация

ИСТОРИЯ В НАСЛЕДИИ ГОГОЛЯ

В статье использован комплексный подход к интерпретации произведений Гоголя, который позволяет воспроизвести научно аргументированную реконструкцию творческих замыслов писателя. Одним из существенных подспорий в изучение мировоззрения Гоголя является анализ исторических взглядов писателя. Прежде всего Гоголя как историка характеризуют его выписки из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которые составляют почти половину из дошедших до нас гоголевских набросков по славянской, русской и украинской истории. Многочисленные реминисценции из Карамзина встречаются в статьях Гоголя, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а также в его художественных произведениях («Глава из исторического романа», «Страшная месть», «Тарас Бульба»). О важном значении наследия Карамзина для творчества Гоголя свидетельствует и позднейшая гоголевская оценка историографа («Карамзин»).

Автор статьи приходит к выводу, что Карамзин стоит в истоках обращения Гоголя к славянской истории и именно ему писатель в значительной степени обязан своим «славянофильством». Знакомство Гоголя с «Историей государства Российского» состоялось еще в Нежине в середине 1820-х гг. благодаря основательной постановке дела преподавания истории в нежинской Гимназии высших наук в целом и устным беседам и сочинениям директора гимназии Ивана Семеновича Орлая в частности, которые и послужили основой формирования славянофильских воззрений Гоголя. Именно при Орлае в первой половине 1820-х гг. карамзинский труд выписывался для библиотеки Нежинской гимназии. После Нежина новое обращение к Карамзину как историку последовало у Гоголя в то время, когда он сам стал преподавать всеобщую историю в двух учебных заведениях Петербурга. Следуя Карамзину и Орлаю, Гоголь в своих исторических штудиях повторяет мысль о пагубности междоусобий и необходимости единовластия, которую как создатель героической эпопеи о запорожцах и потомок казацкой старшины, находил и в южнорусских летописях, в частности, в старейшей из них хронике Г. И. Грабянки, и в «Истории Русов». При создании повести о ссоре двух Иванов и в работе над «Мертвыми душами» Гоголя не оставляла мысль о прекра-

щени на Русі всяких усобиц, а также о возрождении ее душ, ее талантов, чрез «соприкосновенье» с вдохновляющей силой монарха. Размышлениями о значении послепетровской эпохи и созидательной роли двух начал — самобытной поэзии и единодержавия — в формировании русского характера пронизана гоголевская концепция развития русской поэзии, изложенная в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Ключевые слова: история, исторический контекст, исторические штудии, историософская концепция, историография, источник, библейский подтекст, духовно-критический пафос, славянофильство.

Анотація

ІСТОРІЯ У СПАДЩИНІ ГОГОЛЯ

У статті використано комплексний підхід до інтерпретації творів Гоголя, що дозволяє здійснити науково аргументовану реконструкцію творчих задумів письменника. Важливим у вивченні світогляду Гоголя виявився аналіз історичних поглядів письменника. Гоголя як історика передусім характеризують його виписки з «Історії держави Російської» М. М. Карамзіна, які складають майже половину гоголівських есеїв зі слов'янської, російської та української історії. Численні ремінісценції з Карамзіна зустрічаються у статтях Гоголя, у «Вибраних місцях із листування з друзями», а також у його художніх творах («Глава з історичного роману», «Страшна помста», «Тарас Бульба»). Важливе значення спадщини Карамзіна для творчості Гоголя засвідчує і пізніша гоголівська оцінка історіографа («Карамзін»).

Автор статті приходить до висновку, що Карамзін стоїть у витоків звернення Гоголя до слов'янської історії і саме йому письменник в значній мірі зобов'язаний своїм «слов'янофільством». Знайомство Гоголя з «Історією держави Російської» відбулося ще в Ніжині в середині 1820 х рр. завдяки ґрунтовній постановці справи викладання історії в Ніжинській гімназії вищих наук в цілому та усним бесідам і творам директора гімназії Івана Семеновича Орлая зокрема, які й послугували основою формування слов'янофільських поглядів Гоголя. Саме при Орлаї в першій половині 1820-х рр. працю Карамзіна було виписано для бібліотеки Ніжинської гімназії. Після Ніжина нове звернення Гоголя до Карамзіна як історика відбулося в той час, коли він сам став викладати загальну історію в двох навчальних закладах Петербурга. Услід за Карамзіним і Орлаєм, Гоголь у своїх історичних штудіях повторює думку про згубність міжусобиць і необхідність

єдиновладдя, яку як творець героїчної епопеї про запорожців і нащадок козацької старшини, знаходив і в літописах, зокрема, у хроніці Г. Грабянки, та в «Історії Русів». При створенні повісті про сварку двох Іванів і в роботі над «Мертвими душами» Гоголя не залишала думка про припинення усіляких усобиць на Русі, а також про відродження її душ, талантів, через «дотик» з надихаючою силою монарха. Роздумами про значення післепетровської епохи і творчу роль двох начал — самобутньої поезії та єдинодержав'я — у формуванні російського характеру пронизана гоголівська концепція розвитку російської поезії, викладена у «Вибраних місцях із листування з друзями».

Ключові слова: історія, історичний контекст, історичні штудії, історіософська концепція, історіографія, джерела, біблійний підтекст, духовно-критичний пафос, слов'янофільство.

Summary

HISTORY IN GOGOL'S HERITAGE

The comprehensive approach to the interpretation of Gogol's works in the article allows the scientific renovation of writer's creative ideas. One of the essential tools in the study of Gogol's world is to analyze writer's historical views. First of all, Gogol as a historian is characterized by his writing out from "History of the Russian State" by Karamzin. Numerous reminiscences of Karamzin are found in Gogol's articles, in "Selected Passages from Correspondence with Friends", in his creative works ("Chapter from the Historical Novel", "A Terrible Vengeance", "Taras Bulba"). The importance of Karamzin's heritage for the writer is shown in late Gogol's essay "Karamzin".

The author concludes that Karamzin became the reason of Gogol's interest to Slavic history and his "Slavophilism". Gogol got acquainted with "History of the Russian State" by Karamzin in the library of Nezhin Gymnasium of high sciences in the middle of 1820's. After that he referred to Karamzin as a historian teaching the general history in the two schools of St. Petersburg. Following Karamzin Gogol in his historical studies repeats the thought about the bad influence of civil wars and the necessity of autocracy.

Keywords: history, historical context, historical studies, historiographical concept, historiography, sources, biblical subtext, theological and critical pathos, Slavophilism.

ОПТИНСКИЕ ЗНАКОМСТВА ГОГОЛЯ¹

В Оптиной Пустыни Гоголь бывал трижды: в июне 1850 г. и в июне и сентябре 1851 г. Эти поездки и знакомства с оптинскими иноками оставили глубокий след в душе писателя. Спустя три недели после первого посещения монастыря он писал графу А. П. Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не спрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. <...> За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители...» (из письма от 10 июля 1850 г.) [1, XV, с. 337–338].

В предлагаемой галерее портретов представлены насельники Оптиной Пустыни, с которыми так или иначе соприкасался Гоголь в последние годы своей жизни.

Жерве Петр Александрович (1817–?), отставной поручик лейб-гвардии Семеновского полка, насельник Оптиной Пустыни (1843–1851).

Из дворян. Окончил Пажеский корпус. Служил в гвардии, вышел в отставку в чине поручика. В Оптину вступил в конце 1843 г., 4 ноября определен в число братии, находился под духовным окормлением старца *Макария (Иванова)*. В Летописи скита Оптиной Пустыни за 1844 г. отмечено, что в первых числах января «поступил в скит на жительство отставной поручик Петр Александрович Жерве, получивший

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00407а («Новые аспекты изучения биографии и творчества Н. В. Гоголя»).

воспитание в Пажеском корпусе. Послушание его канонархом (пение на клиросе. — *В. В.*), а в келейном занятии — токарное и письменное» [2, III, с. 596; 3, I, с. 97].

Некоторые сведения о Жерве содержатся в письмах преподобного Макария к монашествующим. Так, 14 декабря 1843 г. старец сообщал игумену Антонию (Путилову): «У нас живет на гостинице молодой человек г. Жерве, гвардейский офицер, пленившийся чтением Св. Писания, Библии на французском языке, и сим отторгший себя от прелестей мира. <...> Что дальше будет, неизвестно, а теперь располагает переселиться с нового года в наше скитское сообщество. Да укрепит его Господь» [4, с. 211]. В письме к монахине Тавифе (Варпаховской) от 25 октября 1849 г. старец Макарий снова упоминает о Жерве: «А еще Петр Александр<ович> Жерве, из одной крайности мнимой высоты жителства, перешел в другую, низшую; оставил скит, вышел в монастырь, стал жить порассеянной. Очень жаль его бедного; вот мое искусство в окормлении! А слепцы все слепцы, <но> мнятся нечто быти. Горе мне!» [5].

В 1851 г. Петр Жерве значится как послушник в скиту, но в записи от 29 августа скитской летописи указано, что он «паки (опять, снова. — *В. В.*) перешел из скита в обитель» [2, III, с. 596; 3, I, с. 206]. В том же году уволен из монастыря по собственному прошению и исключен из числа послушников.

С именем П. А. Жерве связано первое документальное свидетельство об интересе Гоголя к Оптиной Пустыни, относящееся к 1846 г. Камер-юнкер В. А. Муханов, лечившийся в ту пору за границей, писал 29 августа (н. ст.) этого года сестрам из Остенде: «Здесь мы нашли Гоголя, с которым познакомились. Он очень замечателен, в особенности по набожному чувству, христианской любви <...> Недавно читал он нам два прекрасных письма молодого Жерве к своему отцу, писанные из Оптиной пустыни. Мы слушали с умилением. Сколько веры и любви в молодом подвижнике, оставившем мир и все прелести в тех летах, когда они так обольщают человека, и посвятившем себя Богу! Какое тихое и торжественное спокойствие в этой душе, достигшей пристани» [2, III, с. 593]. Гоголь

мог встречаться с П. А. Жерве во время своих посещений обители.

Макарий Оптинский преподобный, старец (Иванов Михаил Николаевич; 20.11.1788, с. Железняки Калужской губ. – 7.9.1860, монастырь Оптина Пустынь), иеросхимонах Оптиной Пустыни, переводчик и издатель святоотеческих творений. Память его совершается 7/20 сентября и 11/24 октября.

Происходил из дворян Орловской губернии. Окончил приходское училище в г. Карачеве. Служил бухгалтером в Львовском уездном казначействе, затем в Казенной палате Курска. В 1806 г. после смерти отца вышел в отставку в чине губернского секретаря и поселился в родовом имении. В октябре 1810 г. поехал на богомолье в Богородицкую Площанскую пустынь Орловской епархии и домой уже не вернулся; в ноябре определен послушником, в декабре пострижен в монахи с именем Мелхиседек. В 1815 г. пострижен в мантию и наречен Макарием; в 1817 г. рукоположен в иеромонахи. Во второй половине 1810-х гг. становится духовным сыном старца Афанасия (Захарова), ученика преподобного Паисия (Величковского), и под его руководством познает святоотеческие творения, совершенствуется в мастерстве перевода. С конца 1820-х гг. — послушник и ближайший друг преподобного Леонида (в схиме Лев), положившего начало оптинскому старчеству. В 1834 г. прибыл на постоянное жительство в Оптину Пустынь (где уже подвизался старец Леонид); духовник монастыря с 1836 г., начальник Иоанно-Предтеченского скита с 1839 г. За два года до смерти принял тайную схиму.

Более четверти века преподобный Макарий нес в Оптиной Пустыни подвиг старчества, ежедневно принимая множество посетителей, приходивших в монастырь, и ведя обширнейшую переписку с монашествующими и мирянами. Во многом благодаря старцу Макарию и его ученикам-монахам у русских писателей появился интерес к святоотеческой литературе. В середине 1840-х гг. по инициативе преподобного Макария и его духовных чад И. В. и Н. П. Киреевских в Оптиной Пустыни началось издание классики аскетической

письменности. Были выпущены творения преподобных отцов Исаака Сирина, Нила Сорского, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Аввы Дорофея. Настоятель монастыря *архимандрит Моисей* вместе со старцем Макарием рассылали эту литературу по всей России, в первую очередь епископам, в Духовные академии и семинарии, в Афонские монастыри.

Знакомство Гоголя со старцем Макарием состоялось во время его второго посещения монастыря (2–3 июня 1851 г.) проездом с юга в Москву [6]. Сохранилось предание, что преподобный Макарий предчувствовал приход Гоголя. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Говорят, он был в то время в своей келье (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: "Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то". <...> В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь» [2, III, с. 1018].

Почти несомненно, что в беседе со старцем речь зашла и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В библиотеке Оптиной Пустыни хранился экземпляр книги с вложенным в нее отзывом святителя Игнатия (Брянчанинова), переписанным рукой преподобного Макария. Неизвестно, каким путем отзыв попал в Оптину; возможно, его привез сам Гоголь, узнавший мнение святителя (в ту пору архимандрита) еще в 1847 г.

По возвращении в Москву Гоголь пишет письма игумену Моисею и старцу Макарию, благодарит за гостеприимство, просит молитв и посылает деньги на обитель (двадцать пять рублей серебром). Старцы, в свою очередь, благодарят Гоголя, а преподобный Макарий, кроме того, благословляет его на написание книги по географии России для юношества. Замысел этого труда возник у Гоголя давно, и именно с ним связаны предполагаемые поездки по монастырям. В набросках официального письма (июль 1850 г.) высокому лицу, испрашивая материальной помощи на три года, он излагает свои соображения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы

русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев...» [1, XV, с. 341–342].

Старец Макарий благословил это начинание писателя, но предупредил его, чтобы он ждал препятствий в благом деле: «...по желанию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию; а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению. <...> Во благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам Свою помощь, когда будет на сие Его святая воля. Но, как пишут Св<ятые> отцы, что всякому благому делу или предыдет, или последует искушение; то и вам предложит<ся> в сем деле искуш, требующий понуждения» [1, XV, с. 425–426]. Гоголь не успел осуществить этот замысел.

Новая встреча Гоголя с преподобным Макарием произошла во время его последнего посещения обители в сентябре 1851 г. 22 сентября он выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры Елизаветы Васильевны, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Поездка породила разнообразные толки среди знакомых Гоголя. Достоверно известно следующее.

24 сентября Гоголь был у старца Макария в скиту и на другой день обменялся с ним записками, из которых видно, что Гоголь пребывал в нерешительности — ехать или не ехать ему на родину. Он обратился к старцу за советом. Тот, видя тайное желание Гоголя возвратиться в Москву, и посоветовал ему это. Но Гоголь продолжал сомневаться. Тогда отец Макарий предложил все-таки поехать в Васильевку. Очевидно, мысль о дальнем путешествии испугала Гоголя, и старец, в полном недоумении, оставил решение за ним самим, благословив его образком преподобного Сергия Радонежского, память которого совершалась в тот день.

Во время последней встречи Гоголя со старцем Макарием между ними состоялся какой-то разговор, содержание которого нам неизвестно. Возможно, Гоголь имел намерение

остаться в монастыре. Преподобный Варсонофий рассказывал в беседе со своими духовными чадами: «Есть предание, что незадолго до смерти он (Гоголь. — *В. В.*) говорил своему близкому другу: "Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял..." — "Чего? Отчего потеряли Вы?" — «Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?»» [2, III, с. 1018]. Это предание отчасти подтверждается свидетельством сестры Гоголя Анны Васильевны, которая писала В.И. Шенроку, биографу писателя, что брат ее «мечтал поселиться в Оптиной пустыни» [2, I, с. 153].

По словам преподобного Варсонофия, старец Макарий отнесся к желанию Гоголя с определенной осторожностью: «Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с батюшкой о. Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что батюшка Макарий и не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей жизни» [2, III, с. 1018–1019].

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать свято-отеческие творения. В Оптиной Пустыни он прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 г. старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу А. П. Толстому, а после его смерти переданный отцу Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. — *В. В.*), это вздор, природженные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей; теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о "гнилых словах", здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и

долго занимал меня и тормозил продолжение "Мертвых душ". Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитро-сплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [1, VI, с. 258].

Недавно было опубликовано по автографу письмо преподобного Макария к духовной дочери Анне Ивановне Воейковой (от 26 января 1849 г.), в котором речь идет о пребывании Гоголя на Корфу и о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского: «Кстати о св. мощах идет речь, скажу вам сообщенное мне в письме от Нат<альи> Петр<овны> [7], а им пересказывал Гоголь, бывший в прошлом году в Корфу; там есть мощи св. Спиридона Тримифунтского. На открытии английский путешественник, бывши там, желал видеть мощи св. Спиридона без покрова, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми, и представляют вид недавно умершего человека), начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезают кусок из спины, — чрез отверстие вынимают внутренность и наполняют тело ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть, иные и начинали сомневаться, тогда, *св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке, и перево<ро>тились к нему спиною!* Это так поразило англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал» [2, III, с. 615; 8, с. 298].

Это письмо преподобного Макария впервые было опубликовано в 1862 г. с исключением чудесного эпизода у мощей святителя Спиридона Тримифунтского [см. 9]. Письмо Н. П. Киреевской, на которое ссылается старец, не обнаружено. Эпизод у мощей святителя Спиридона Тримифунтского известен также в пересказе преподобного Амвросия Оптинского со слов инока *Порфирия (Григорова)*.

Моисей Оптинский преподобный, старец (Путилов Тимофей Иванович; 15.01.1782, г. Борисоглебск Ярославской губ. – 16.06.1862, Оптина Пустынь, погребен у алтаря Казанского собора), схииархимандрит, настоятель монастыря. Память его совершается 16/29 сентября и 11/24 октября.

Родился в благочестивой купеческой семье Его отец, Иван Григорьевич Путилов, был родом из Серпухова. Двое братьев Титмофея, Александр и Иона, впоследствии также приняли монашество: один — игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря преподобный *Антоний*, другой — игумен Саровской обители Исаия. В юности Тимофей служил у откупщика в Москве. Вместе с братом Ионой они были у затворницы Ивановского монастыря Досифеи и у новоспасских старцев Александра и Филарета. 13 мая 1805 г. оба брата против воли родителей поступили в Саровскую пустынь. В 1808 г. Тимофей, по совету отца Серафима, казначея Брянского Свенского монастыря, поступил в эту обитель; 3 августа 1809 г. определен в число послушников. В 1811 г., по совету иеромонаха Московского Симонова монастыря Алексия (Адриана), ушел к Рославльским пустынножителям. Там он прожил десять лет под руководством иеросхимонаха Афанасия и был им пострижен келейно в монашество. Во время нашествия французов в 1812 г. недолго жил в Севском монастыре, а затем еще восемь лет в Рославльских лесах. 6 июня 1821 г. с четырьмя пустынножителями, по благословению тогдашнего Калужского преосвященного Филарета (впоследствии митрополит Киевский), поселился на монастырской пасеке Оптиной Пустыни и основал там скит во имя Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. 3 июня 1822 г. была открыта мантия отца Моисея, 22 декабря того же года он был рукоположен в иеродиакона, 25 декабря — в иеромонаха и определен духовником монастыря. 17 августа 1826 г. отец Моисей назначен строителем Оптиной Пустыни и находился в этой должности тридцать семь лет. За эти годы монастырь преобразился и обустроился, развернулась его издательская деятельность, расцвело старчество. 6 июня 1862 г., незадолго до своей кончины, преподобный Моисей принял пострижение в схиму. К братии относился с полным доверием и

любовью, покрывая все недостатки любовью. Отличался крайней нестяжательностью, милосердием и кротостью.

Гоголь состоял в переписке с преподобным Моисеем. В середине июля 1851 г он послал в Оптину Пустынь двадцать пять рублей серебром и писал настоятелю, игумену Моисею: «Употребите их по усмотрению вашему на строительство обители вашей, о которой приятное воспоминанье храню всегда в сердце своем. Очень признателен вам за ваше дружеское гостеприимство и усердно прошу молитв ваших о мне грешном. Неотступно прошу, чувствуя в них сильную надобность» [1, XV, 423]. Старец отвечал Гоголю 21 июля того же 1851 г.: «Ваше почтеннейшее письмо и на обитель серебр<ом> двадцать пять рублей имел честь получить 19 сего июля. Христианское усердие Ваше и благорасположение к обители нашей обязывает нас общеправственно навсегда приносить у Престола Божия смиренные наши молитвы о здравии, благоденствии и спасении Вашем» [1, XV, 426].

В мае 1853 г. Мария Ивановна Гоголь послала в Оптину Пустынь письмо и деньги на помин души любимого сына. Игумен Моисей отвечал ей 30 мая из монастыря: «Почтеннейшее Ваше письмо от 19-го сего мая и при оном пятьдесят рубл<ей> серебром от усердия Вашего имел честь получить, согласно христианскому желанию Вашему на приношение в обители нашей при Божественной Литургии выниманием частей о упокоении незабвенного и достойного памяти сына Вашего Николая Васильевича. Благочестивые его посещения обители нашей носим в памяти неизгладимо. По получении нами из Москвы печального известия о кончине Николая Васильевича, с февраля прошлого года исполняется по душе его поминовение в обители нашей на службах Божиих и навсегда продолжаемо будет с общеправственным усердием нашим и молением премилосердного Господа; да упокоит душу раба Своего Николая во Царствии Небесном со святыми, а Вам да ниспослет свыше благословение, здравие и небесное утешение в огорчительном лишении единственного сына» [1, I, с. 120].

Мария Ивановна была в Оптиной на Пасху 1857 г. и прожила там девять дней со своим внуком Николаем.

Порфирий (Григоров Петр Александрович; около 1803 – 15.3.1851, монастырь Оптиной Пустынь), отставной подпоручик, монах Оптиной Пустыни, издатель, автор жизнеописаний подвижников благочестия.

Происходил из елецких дворян Орловской губ. В 1832 г. поступил в Задонский Богородицкий монастырь под руководство затворника Георгия (Машурина). 1 июня 1834 г. определен в скит Оптиной Пустыни. С 1836 г. — рясофорный послушник; 22 июля 1850 г. пострижен в мантию с именем Порфирий. Им были изданы «Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия» с кратким жизнеописанием, составленным по запискам его келейников (в том числе самого Григорова) [10]. Проживая в Иоанно-Предтеченском скиту, Петр Григоров продолжил издание оптинских книг, начало которому положил несколькими годами ранее иеросхимонах Иоанн (Малиновский). Помимо «Писем» затворника Георгия Задонского он издал жизнеописания схимонаха Феодора, настоятеля Санаксарской обители старца иеромонаха Феодора (Ушакова), юного подвижника Петра Мичурина, отшельника из Рославльских лесов отца Василиска и других [см. 11, с. 103; 3, I, с. 186–187]. С 1846 г. издания уже выходили под руководством старца Макария при поддержке святителя Филарета, митрополита Московского, и по строго определенному наперед плану.

Гоголь познакомился с Петром Григоровым, в то время рясофорным послушником, во время своего первого посещения Оптиной 17–19 июня 1850 г. В мире отец Порфирий был гвардейским офицером и служил в конной артиллерии; из прошлой его жизни широко известен забавный эпизод. Однажды на батарее Григорова близ Задонска появился штатский молодой человек; когда в нем был узнан Пушкин, пылкий артиллерист, поклонник великого поэта, немедленно произвел пушечный салют в его честь, за что и был посажен на гауптвахту [12].

По приезде Гоголя игумен Моисей поручил послушнику Петру показать гостю храмы и другие строения обители. Несмотря на краткость знакомства и беседы, Гоголь очень полюбил Григорова и впоследствии говорил о нем: «Он славный

человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев...» [2, II, с. 391].

Гоголь рассказывал своему новому другу много поучительного, в частности о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. В Оптиной сохранилось следующее предание, пересказанное преподобным Амвросием: «С IV века и донныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиною. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай» [2, III, с. 616–617].

По всей вероятности, Гоголь был не свидетелем чуда у мощей Спиридона Тримифунтского, а лишь слышал о нем от других горожан, и потом рассказывал об этом Н. П. Киреевской и отцу Порфирию (Григорову). В результате сопоставления имеющихся на сегодняшний день сведений современный исследователь приходит к заключению, что «только в конце января 1848 года Гоголь имел возможность посетить святой остров, почему не мог быть свидетелем чуда у мощей святителя Спиридона Тримифунтского, хотя только благодаря русскому писателю в мире стало известно об этом чудесном событии, прославляющем православную веру» [13].

По отъезде из Оптиной, уже из Васильевки, Гоголь написал Григорову письмо, прося показать обитель и своему

племяннику Николаю Трушковскому, едущему поступать в Казанский университет. О посещении монастыря Гоголь вспоминал с сердечной теплотой: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье» [1, XV, 344]. В заключение Гоголь просит молитв, «в особенности отца игумена», и передает деньги на молебен (десять рублей серебром) о благополучном путешествии к святым местам и о благополучном окончании сочинения своего — «Мертвых душ» — «на истинную пользу другим и на спасенье собственной души».

Николай Трушковский приехал в Оптину в очень неподходящий момент, Петр Григоров только что был пострижен в мантию с именем Порфирий и неисходно находился пять дней в храме. Но он поручил другому человеку показать юноше монастырь и дал ему рекомендательные письма к влиятельным лицам в Казани.

Переписка Гоголя с отцом Порфирием продолжалась зимой 1850/51 г. Очевидно, еще летом у них шел разговор о книгах затворника Задонского Георгия. Его письма Гоголь читал и раньше: выдержки из них есть в составленном им сборнике выписок из творений святых отцов и учителей Церкви. Тогда Гоголь пользовался изданием 1839 г. Теперь отец Порфирий посылает ему последнее издание — 1850 г. в трех томах, дополненное новыми письмами и «Кратким известием о жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия».

Отвечая на не дошедшее до нас письмо Гоголя из Одессы (от декабря 1850 г.), отец Порфирий писал ему из Оптиной Пустыни 26 января следующего 1851 г.: «Препровождаю к вам обещанные мною книги затворника Задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт и душа его стремилась к небу <...> Я надеюсь, что и жизнь его прочтете с удовольствием» [1, XV, с. 395].

Гоголь отвечал отцу Порфирию из Одессы 6 марта 1851 г.: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу [14] Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост! <...> Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами». [1, XV, с. 401].

Этого письма отец Порфирий, по всей видимости, получить не успел: он мирно почил о Господе 15 марта 1851 г. сорока семи лет от роду, приобщившись за несколько минут до кончины Святых Таин. Свою смерть отец Порфирий предсказал за неделю. Внешне она произошла как следствие сильной простуды. Во время своей предсмертной болезни инок имел извещение о близкой кончине, и ему трижды являлся во сне преставившийся за шесть лет перед тем послушник Николай (которому при жизни отец Порфирий оказывал особое благорасположение) и говорил ему, чтобы он готовился к исходу из сей жизни. А накануне его кончины девяностолетний старец отец Иларион Троекуровский, живший в Лебедянском уезде за триста верст от Оптиной и не знавший ничего о болезни отца Порфирия, прислал ему рубашку (в которой он и преставился), пузырек масла и кусок ржаного хлеба, выразив, однако, сомнение, что посланное застанет инока в живых. [17].

Во второй приезд в Оптину Гоголь узнал об обстоятельствах смерти отца Порфирия. Летописец обители, иеромонах Евфимий (Трунов), записал в дневнике 2 июня 1851 г.: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург (на самом деле в Москву. — В. В.) известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту Литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия» [2, III, с. 797].

Феодот (Кольцов Феодот Захарович; 1804 – 8.3.1873, монастырь Оптина Пустынь), иеросхимонах, старец.

Из государственных крестьян Тульской губ. В Оптину Пустынь поступил в 1834 г. В 1842 г. пострижен в монахи с именем Филарет. В 1846 г. рукоположен в иеродиакона, в 1849 г. — в иеромонаха. Находился под духовным окормлением сначала преподобного Льва (Наголкина), потом преподобного Макария. В 1851 г. перешел в Спасо-Преображенский монастырь Казанской губ., в том же году — в Гефсиманский скит

при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Назначен духовником братии. В 1854 г. принял схиму с именем Феодот. В 1858 г. основал Параклитову пустынь близ Гефсиманского скита. В 1863 г. вернулся в Оптину. Подавал братии пример своим усердием к молитве и церковному богослужению, а также смирением, простотою и нестяжательностью [11, с. 242–244; 3, I, с. 270, 686–687; 18, с. 365; 16, с. 139–141].

Гоголь познакомился с отцом Феодотом, в ту пору иеромонахом Филаретом, во время своего первого посещения Оптиной Пустыни в июне 1850 г. 19 июня Гоголь и его спутник М. А. Максимович выехали из обители в имение И. В. Киреевского Болдино, находившееся в сорока верстах от монастыря. Отсюда Гоголь на следующий день написал письмо иеромонаху Филарету: «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо...». Гоголь понял, что оптинский дух стал для него жизненно необходимым: «Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрызгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыне» [1, XV, 332–333].

В 1916 г. С.Н. Дурьлин процитировал эти гоголевские строки и дополнил их, обобщая духовный опыт многих людей: «Да, быть в Оптиной, — быть в ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь, страдаешь, умираешь далеко от нее — и быть все же в Оптиной <...> Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все — от Киреевского до плачущей бабы» [19; 18, с. 93–94]. Ср. отмеченное А. Б. Гольдвейзером 14 августа 1909 г. негативное отношение к гоголевскому письму Л. Н. Толстого: «Льву Николаевичу очень не понравилось письмо Гоголя в Оптин монастырь с просьбой, чтобы о нем молились. "Очень нехорошее письмо, — сказал Лев Николаевич. — Жалкое какое-то самоунижение и в то же время — преувеличенное значение своих писаний"» [20].

Литература и примечания:

1. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. / сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М. ; К., 2009–2010.

2. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание : в 3 т. / издание подготовил И. А. Виноградов. — М., 2011–2013.

3. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни : в 2 т. / сост. монах Марк (Хомич). — М., 2008.

4. Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам. Т. 1. А–В / сост., вступ. статья С. О. Захарченко, коммент. С. О. Захарченко, Т. В. Паниюковой. — Петрозаводск, 2014.

5. РГБ. Ф. 213. К. 80. Ед. хр. 01. Л. 485. Сообщено С. О. Захарченко.

6. Во время первого посещения Гоголем монастыря в июне 1850 г. преподобного Макария не было в скиту. См.: 3, I, с. 183, 185. Этим обстоятельством объясняются слова старца из письма к о. Антонию (Бочкову) от 2 октября 1851 г., что «Николай Васильевич» Гоголь два раза был в обители» [4, с. 94].

7. Имеется в виду Н. П. Киреевская, жена И. В. Киреевского, духовная дочь преподобного Макария Оптинского.

8. Собрание писем преподобного Макария Оптинского к мирским особам : в 3 т. Т. 1. А–И / вступ. ст. С. О. Захарченко, коммент. В. В. Кашириной, С. О. Захарченко, Т. В. Паниюковой. — Петрозаводск, 2010. — С. 298.

9. Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Т. 4 : Письма к монахиням. — М., 1862. — С. 430–432.

10. Книга впервые издана в 1839 г. и при жизни отца Порфирия дважды переиздавалась в значительно расширенном виде под названием: «Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных. Собранные Оптиной Пустыни иноком Петром Григоровым. С приложением портрета и почерка руки (fac simile) затворника». В трех частях (2-е изд. Ч. 1–2. М., 1844, Ч. 3. М., 1845; 3-е изд. Ч. 1–3. М., 1850).

11. <Архимандрит Леонид (Кавелин)> Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Издание 3-е, доп. / Репринтное издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни, <1995>.

12. Этот эпизод из жизни Григорова известен со слов Гоголя в пересказе М. П. Погодина (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. статья В. Э. Вацура ; сост и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. — М., 1985. — Т. 2. — С. 43–44) и Л. И. Арнольди (см.: 2, т. 2, с. 392). В обоих случаях Григоров назван Григорьевым.

13. *Захарченко С. О.* Гоголь на Корфу // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. — Петрозаводск, 2012. — № 5. — С. 74; Она же. Чудо у мощей Спиридона Тримифунтского // XI Гоголівські читання: зб. наукових праць Міжнародної наукової практичн. конференції (Полтава, 1-3 квіт. 2013 р.) / Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. — Полтава, 2013. — С. 139.

14. В издании 1850 г. все три части были переплетены под одной обложкой.

15. *Нилус С.* Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. — Сергиев Посад, 1911.

16. Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. — Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2012.

17. См.: 2, III, С. 800; 15, С. 71–72; 3, I, С. 203–204; 16, С. 346–349.

18. *Запальский Г. М.* Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. — М., 2009.

19. *Дурылин С. Н.* Русь прикровенная. — М., 2000. — С. 317.

20. *Гольдвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. — Б. м., 1959. — С. 293.

References:

1. Gogol' N. V. Full Collect. of Works and Letters. In 17 vol. [Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t.]. Moscow; Kiev., 2009–2010.

2. Gogol in the Memoirs, Diaries, Correspondence of his Contemporaries. Full Systematic Corpus of Documentary Evidences. In 3 vol. [Gogol' v vospominanjah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematičeskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. V 3 t.]. Moscow, 2011–2013.

3. Annals of the Skete of St. John the Baptist Located at Kozelsk Vvedensk Optina Pustyn: In 2 vol. [Letopis' skita vo imja svjatogo Ioanna Predtechi i Krestitelja Gospodnja, nahodjashhegosja pri Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj pustyni: V 2 t.]. Moscow, 2008.

4. Collection of Letters of St. Macarius of Optina to Monks [Sobranie pisem prepodobnogo Makarija Optinskogo k monaham. T. 1. A – V]. Petrozavodsk, 2014.

5. Russian State Library. Fund. 213. Carton 80. Storage unit 01. Sheet 485.

8. Collection of Letters of St. Macarius of Optina to Secular Individuals: In 3 vol. Vol. 1. A - I [Sobranie pisem prepodobnogo Makarija Optinskogo k mirskim osobam: V 3 t. T. 1. A. – I]. Petrozavodsk, 2010. P. 298.

9. Collection of Letters of Blessed Memory of Optina Starets Hieromonk Macarius. Vol. 4: Letters to Nuns. [Sobranie pisem blazhennyja pamjati Optinskogo starca ieroshimonaha Makarija. T. 4: Pis'ma k monahinjam]. Moscow, 1862. P. 430–432.

10. Letters of the Deceased Recluse of Zadonskiy Mother of God Monastery George, with Attached Brief Information About His Life, Compiled of Notes of Those Who Lived with Him in Monastic Cells. Collected by Optina Monk Peter Grigorov. With the Application of Portrait and Handwriting (fac simile) of the Recluse In three parts [Pis'ma v Boze pochivajushhego Zatvornika Zadonskogo Bogorodickogo monastyrja Georgija, s prisovokupleniem kratkogo izvestija o zhizni ego, sostavlennye iz zapisok zhivshih pri nem kelejnyh. Sobrannye Optinoj Pustyni inokom Petrom Grigorovym. S prilozheniem portreta i pocherka ruki (fac simile) zatvornika. V treh chastjah]. 2ed. Parts 1–2. Moscow, 1844, Part 3. Moscow, 1845; 3 ed. Parts 1–3. Moscow, 1850.

11. Arhimandrit Leonid (Kavelin). Historical Description of Kozelsk Vvedensky Optina Pustyn. Edition 3, ext. [Istoricheskoe opisanie Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj Pustyni. Izdanie 3-e, dop.] Reprint of Svjato-Vvedensky Optina Pustyn, 1995.

12. Pushkin in the Memoirs of His Contemporaries [A. S. Pushkin v vospominanijah sovremennikov: V 2 t. T. 2]. Moscow, 1985. P. 43–44.

13. Zaharchenko S. O. Gogol in Corfu [Gogol' na Korfu]. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University [Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta]*. Petrozavodsk, 2012. № 5. P. 74; the same: The Miracle at the Relics of Saint Spyridon Trimifunsky [Chudo u moshhej Spiridona Trimifunskogo]. *XI Gogol Readings [XI Gogolivs'ki chitannja]*. Poltava, 2013. P. 139.

15. Nilus S. Shrine Under a Bushel. The Mystery of the Orthodox Monastic Spirit [Svjatynja pod spudom. Tajna pravoslavnogo monashe-skogo duha]. Sergiev Posad, 1911.

16. Optina Pustyn Devotees of Piety of XIXth – early XXth century. Biographies. Essays. Documentation. [Podvizhniki blagochestija Optinoj

Pustyni XIX – nachala XX veka. Zhizneopisanija. Oчерki. Dokumenty]. Vvedensky Stavropigial Male Monastery Optina Pustyn Publ., 2012.

18. Zapal'skij G. M. Optina Pustyn and Its Pupils in the 1825–1917 years [Optina pustyn' i ee vospitanniki v 1825–1917 godah]. Moscow, 2009.

19. Durylin S. N. Covertly Russ [Rus' prikrovennaja]. Moscow, 2000. P. 317.

20. Gol'devejzer A. B. Near Tolstoy [Vblizi Tolstogo]. 1959. P. 293.

Аннотация

ОПТИНСКИЕ ЗНАКОМСТВА ГОГОЛЯ

В статье освещены отношения Гоголя с оптинскими иноками: старцами Макарием (Ивановым), Мойсеем (Путиловым), Феодотом (Кольцовым), монахом Порфирием (Григоровым), послушником Петром Жерве. Поездки в Оптину Пустынь и знакомства с насельниками монастыря оставили глубокий след в душе писателя: «Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное» (из письма Гоголя к графу А. П. Толстому от 10 июля 1850 г.).

Ключевые слова: Монастырь Оптина Пустынь, скит, старцы, монашество, духовное наставничество, Гоголь, творческие замыслы.

Анотація

ОПТИНСЬКІ ЗНАЙОМСТВА ГОГОЛЯ

У статті висвітлено стосунки Гоголя з оптинськими ченцями: старцями Макарієм (Івановим), Мойсеєм (Путиловим), Феодотом (Кольцовим), монахом Порфірієм (Григоровим), послушником Петром Жерве. Поїздки до Оптиної Пустині та знайомства з насельниками монастиря залишили глибокий слід у душі письменника: «Ніде я не бачив таких монахів. З кожним із них, мені здавалося, розмовляє все небесне» (з листа Гоголя до графа О. П. Толстого від 10 липня 1850).

Ключові слова: Монастир Оптина Пустинь, скит, старці, чернецтво, духовне наставництво, Гоголь, творчі задуми.

Summary

THE OPTINA CONTACTS OF GOGOL

The article highlights the relationships of Gogol with Optina monks: Macarius (Ivanov), Moses (Putilov), Theodotus (Koltsov), Porphyry (Grigorov), novitiate Peter Gervais. Trips to Optina Pustyn and acquaintances with the monastery inhabitants left a deep mark in the soul of the writer: "Nowhere I have seen such monks. It seemed to me, that Heaven was talking to each of them" (from Gogol's letter to Count Tolstoy on July 10, 1850).

Keywords: monastery Optina Pustyn, skete, monks, spiritual guidance, Gogol, creative ideas.

**О «ДУХОВНОМ ХУДОЖЕСТВЕ» ГОГОЛЯ
(ПОЭТИКА АВТОРСКИХ МОЛИТВ)**

До недавнего времени в гоголеведении было не так много работ, авторы которых следовали завету Гоголя «лучше видеть» в нем «христианина и человека, чем литератора». Это объясняется ангажированностью российского литературоведения XIX в., тон в котором задавали Белинский, Чернышевский, Добролюбов иже с ними, а позднее — советского литературоведения.

Характерно при этом, что в первой биографии Гоголя, автором которой был его современник П. Кулиш, реализован взгляд на него именно как на «мученика христианства» [19]. Однако в силу обозначенных выше причин «Записки...» П. Кулиша не переиздавалась со времен их первой публикации в 1854 г. и 1856 г. до 2003 г. [27].

Одна из фундаментальных на свое время попыток исследования духовной биографии писателя принадлежит представителю первой волны русской эмиграции К. Мочульскому. Его книга «Духовный путь Гоголя» вышла из печати в Париже в 1933 г. (переиздана в Москве в 2004 г. [28]). Другой представитель русского зарубежья этого периода, известный историк русской философии В. В. Зеньковский в своем многотомном труде отвел значительное место религиозно-философским взглядам Гоголя, в котором видел «пророка православной культуры» [13, с. 186]. Глубокий анализ религиозных исканий писателя представлен также в труде прот. Георгия Флоровского [41].

На протяжении последних трех десятилетий этот аспект жизни и творчества писателя активно исследуется в российском литературоведении, в частности в работах таких ученых, как И. А. Виногладов [5], В. А. Воропаев [6; 7], В. М. Гуминский [10], М. М. Дунаев [11], И. А. Есаулов [12] и др. В рамках отечественного гоголеведения П. В. Михед ставит вопрос об апостольстве Гоголя, осмысляя его не как метафору, но как реальность его жизненного подвига [26]. Проблемы духовной эволюции писателя осмысляются также в работах таких украинских

исследователей, как А. Г. Ковальчук [17], Н. Е. Крутикова [18], В. Б. Мусий [29], Е. А. Сверстюк [36] и др. В качестве материала в указанных исследованиях выступает духовная проза автора, в частности «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Размышления о Божественной Литургии», а также переписка. При этом Гоголь является и автором нескольких молитв, исследование которых практически еще не начиналось. Внимание привлекала себе лишь стихотворная молитва, по традиции приписываемая Гоголю: отечественные исследователи Ю. Лабинцев и Л. Щавинская рассмотрели ее в контексте украинской рукописной книжности XVI–XIX вв. [20]. Собственно же авторские прозаические молитвы Гоголя не становились еще предметом специального рассмотрения. Цель статьи — охарактеризовать направленность духовных исканий позднего Гоголя путем анализа композиции и языка его авторских молитв, в сравнении с молитвами каноническими.

Формирование жанра авторской (чаще всего — поэтической) молитвы в русской литературе можно рассматривать в ряду последствий ее секуляризации, начавшейся в XVII в. Пробудившееся в эту эпоху стремление к индивидуализации авторского сознания приводит и к возникновению русской поэзии, которое непосредственно связано с первыми опытами поэтических переложений Псалтири [см. об этом подробнее: 40, с. 255–286; 43, с. 3].

Степень субъективизации (и чувства, и слова) в авторской молитве может быть разной. Авторская молитва может существовать как переложение канонической молитвы, псалма с сохранением основного содержания, композиции, лексики, отдельных оборотов, а может представлять собой авторский текст, в котором выражено субъективное содержание: «свое желание», «свое волеизъявление», далеко не всегда совпадающее с Божьей волей относительно человека.

Между этими схематически очерченными полюсами находится ряд переходных случаев, написанных в том состоянии, когда голос своей воли, желания, непобежденной гордыни мешает молящемуся до конца солидаризоваться с голосом, звучащим в канонической молитве и выражающим готовность принять волю Господа; когда звучит как бы несколько голосов:

смирняющийся и еще не до конца смиренные — незаглушенные отголоски гордыни, своих хотений — в совокупности с мыслями, вообще никак с молитвой не связанными. Красноречиво писал об этом схииерархидриг Иоаким (Парр): «Возьмем опыт молитвы — или, скорее, отсутствие такового. Вы все представляете, что такое метеоритный дождь. Когда метеорит попадает в атмосферу, его охватывает пламя и он разрывается на множество кусочков, падающих подобно некоему метеоритному душу. В нашей голове, когда мы пытаемся творить молитву, происходит нечто подобное. Тысячи мыслей, которые с Богом никак не связаны, проносятся у нас в голове. Это потому, что мы любим себя, а не Бога» [15]. Эти мысли, которые проносятся в голове и звучат как бы параллельно голосу, выражающему готовность отказа от своей воли и приятие воли Господа, стремятся перебить, заглушить его, причем чаще всего они не вступают в открытую конфронтацию с ним, а примешиваются к нему (как шум к чистому звуку), виляя, маскируясь и путаясь с ним в сознании молящегося. И авторская молитва, в том числе и поэтическое переложение канонического текста часто являет собой результат именно такого смешения.

Характер осуществленных автором трансформаций на композиционном и языковом уровнях обусловлен именно этим смешением и говорит об авторских приоритетах. Весьма показательны в этом плане «Отцы пустынники» А. С. Пушкина, представляющие собой переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина. Как отмечает В. Непомнящий, это один из первых случаев переложения православной поэзии [30]. Интересны опыты рассмотрения пушкинского переложения в работах О. Седаковой [37] и О. Меерсон [24]. Авторы этих работ подводят читателя к мысли, что любое изменение композиции и лексического состава при переложении канонического текста приводит к значительным смысловым трансформациям, часто не вполне осознаваемым поэтом. Попытка дать поэтическое переложение — это неизбежное ограничение содержание молитвы личным жизненным опытом поэта, который, как правило, несопоставим с тем духовным опытом, из глубины которого создавалась молитва. Это тот «сегодняшний» смысл, то «слиш-

ком человеческое», которое молящийся — будь то поэт либо простой смертный — вкладывает в молитву. Молитвы, ставшие каноническими, пишутся святыми подвижниками из глубины такого опыта, до которого дорастать и вращать в который мы можем только постепенно на протяжении всей жизни путем ежедневного молитвенного труда и постепенного присваивания, усваивания в сердце свое того, что сказано в молитве. Однако сама «анонимность» молитв вселяет в молящегося веру в то, что та глубина, из которой подвижник воззвал в молитве к Богу, достижима для каждого¹.

В связи с этим хотелось бы сказать два слова о парадоксе субъективности в молитве. На первый взгляд, здесь всё как в лирике: чем субъективнее, тем общечеловечнее [см. об этом: 23]; предельная субъективность, когда каждый может слиться с тем «я», от лица (от сердца, вернее) которого произносится стихотворение и молитва. Однако тот «предел субъективности» (заветности желаний), который доступен только молитве, состоит в прошении и стремлении отречься от своего «Я» и исполнить волю Господа; то есть предел субъективности — в отказе от нее, в готовности к этому отказу. Этот предел почти не достижим для лирики, вот почему этот принцип — казалось бы общий — неодинаково работает в лирике и в молитве, ибо в лирике не доходит до предела, а не доходя до него и не реализуя себя полностью, искажает свою чуть, ибо предел субъективности, заветности желаний каждого в добровольном отказе от себя, каждого, и этот отказ от «я» есть наиболее полная реализация «я».

В свое время об этом писал С. С. Аверинцев применительно к «Книге скорбных песнопений» Григора Нарекаци: «...в тот способ восприятия, на который со времен романтизма обычно рассчитана так называемая исповедальная лирика, входит известная мера самоотождествления по формуле «вот и

¹ Ср.: «...чужое слово подчас, в самые критические моменты невыразимой боли или радости, или невыразимо мучительной мысли, лучше выражает твоё сокровенное, чем твоё собственное — будь то доморощенные дилетантские стихи или молитва “от себя”, которую столь опрометчиво всегда предпочитают традиционной в традиционном же протестантизме» [24].

я — такой», однако в соединении с пафосом дистанция «и я» уже значит «не он», «такой» уже значит «не тот же». Личность поэта от Байрона и Лермонтова до Цветаевой и Лорки мыслится как исключительная; созерцая ее в воображении, читатель соотносит с ней свою личность по тому же признаку исключительности («как он, гонимый миром странник»), но личностное отношение не может быть отношением тождества («нет, я не Байрон, я другой...»). Но с духовной литературой средних веков дело обстоит иначе — и куда проще. Слияние чувств поэта и читателя — для молитв и покаянных плачей не парадоксальный и неожиданный результат противостояния двух индивидов, их диалектического контраста, но само собой разумеющееся задание. Здесь никто не удивится тому, как это поэт умудрился сказать обо всех и за всех; ничего иного и не предполагалось уже априорно» [2, с. 99].

При поэтическом переложении молитвы в ней появляется характерная для лирики соотнесенность, но нетождественность автора и читателя, вследствие того, что на ее содержание накладывается определенная призма индивидуализирующего восприятия. И. Б. Роднянская в этой связи противопоставляет духовную поэзию, питаемую собственно верой, поэтическим молитвам, питаемым так называемым «религиозным чувством» [35]. О не совпадении этих понятий и о постепенном растворении веры в религиозном чувстве писал о. Александр Шмеман. Религиозное чувство «живет и питается ... самим собою, то есть тем удовлетворением, которое оно дает и которое в конечном итоге подчинено ... субъективным и индивидуальным «духовным нуждам». Вера, в той мере, в какой она подлинная вера, не может не быть внутренней борьбой: «Верую, Господи, помоги моему неверию...». Религиозное чувство ... потому и «удовлетворяет», что оно пассивно, и если на что и направлено, то больше всего на помощь и утешение в житейских невзгодах» [Цит. по: 35, с. 158]. Как отмечает И. Б. Роднянская, собственно из «религиозного чувства», а не веры написаны многие жемчужины жанра «поэтической молитвы», в частности «Молитва» («Я, Мать Божия, ныне...») Лермонтова, его же «Когда волнуется желтеющая нива...» и др. [Там же].

В молитвах, написанных Гоголем, можно видеть характерное смещение слов, питаемых верой, со словами, питаемыми религиозным чувством. Это тот случай, о котором говорил Феофан Затворник: навывая молиться по молитвослову, молящийся возгорается желанием продолжить беседу с Богом своими словами: «как из сосуда — переполненного — сама собой переливается вода; так из сердца, посредством молитвословий исполнившегося святых чувств, сама собой начинает исторгаться своя к Богу молитва» [41]. Однако святитель тут же предупреждает, что такие слова не более, чем лепет перед Господом, и этот каждодневный «лепет» не предназначен естественно для того, чтобы быть зафиксированным. «Молитву можно сравнить с музыкой, в которой имеются классические, безукоризненные, всеми признанные как превосходные образцы, и может быть исполнение свободных импровизаций. Последние будут более отвечать потребностям души христианина — автора, однако других они не будут удовлетворять. А поэтому своими молитвами молиться можно и нужно, но одному» [31].

Однако судьба слов писателей такого уровня, как Гоголь, иная: коль слова эти были записаны, им суждено быть прочитанными и осмысленными в рамках определенной традиции.

Об обстоятельствах создания молитв Гоголем подробнее других писал В. А. Воропаев: «Суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно *духовная* проза), и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам позднего творчества Гоголя можно отнести и составленные им молитвы, а также систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви — труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора. Молитвы Гоголя, написанные во второй половине 1840-х годов, свидетельствуют о

его богатом молитвенном опыте и глубокой воцерковленности его сознания» [7]. Заключать, что либо о своем или чужом молитвенном опыте и глубине воцерковленности — дело весьма ответственное, а и при том неблагодарное. Архимандрит Софроний по этому поводу писал: «Когда я измеряю себя заповедями Христа: любить Бога всем существом и ближнего, как самого себя, тогда я не имею возможности судить о том, насколько я далек от стоящей передо мною цели. Мне кажется тогда, что я еще не достиг покаяния...» [39, с. 51]. Да и проводить параллели с И. Брянчаниновым — тоже представляется поспешным. Сам святитель Игнатий по поводу книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» писал, как известно, следующее: «...можно сказать, что она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его (Гоголя — И. Г.) понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного. Он писатель, а в писателе непременно «от избытка сердца уста глаголют», или: сочинение есть непременно исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая, а понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств, в ней различил свет от тьмы; книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение; тут между многими правильными мыслями много неправильных. Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу Истины, где начало всех духовных благ» [14, с. 512]. Из того же смешения, как было сказано выше, написаны и молитвы Гоголя и убедиться в этом можно, проанализировав их композицию, синтаксис, лексический состав.

Как известно, по содержанию различают разные виды молитв: хвалебные, покаянные, просительные, благодарственные, ходатайственные (молитвы о других). При этом в молитвах просительных необходимо присутствует момент восхваления Господа и момент покаяния в своих грехах, ибо не пристало говорить Господу «Дай», не помянув Его величие, не поблагодарив Его за милости и не помянув о своих грехах. Тем не менее, по слову митр. Антония Сурожского, не стоит думать,

что прошение являет собой низшую степень молитвы, ибо «благодарность и хвала выражение менее глубоких взаимоотношений» [3]. Чтобы просить о чем-то, нужны истинное смирение и доверие, в то время, как «бывают такие минуты приподнятости, когда каждый способен петь Богу» [3].

Молитва Гоголя «На 1846 год»² являет собой пример такой доверительной, хотя вряд ли смиренной, молитвы-прошения. Она начинается с традиционной просьбы о благословении на грядущий год, непосредственно после чего формулируется прошение: обратить его весь в плод и труд. При этом обращает на себя внимание последовательность ожидаемых даров: на первом месте — плод, а на втором — труд. В Молитве же Ефрема Сирина во главу угла поставлен именно духовный труд, приводящий к стяжанию покаяния и неосуждения (*дай мне зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего*), а у Пушкина — оживление (*и дух терпения, смирения, любви // и целомудрия мне в сердце оживи*), то есть способность внимать и отзываться, творить во вдохновении (*и внял я неба содраганье и горний ангелов полет...*). При разности прошений Ефрема Сирина и Пушкина их объединяет жажда стяжания обостренной чуткости и незамутненного взгляда умных очей: для зренья своих прегрешений (у Ефрема Сирина) — для прозренья замысла Господня в Его творении (как то описано в пушкинском «Пророке»: *и внял я...*). Гоголь же весь руководим сверх-задачей — духовным водительством, лишь необходимыми ступенями и средствами к которому мыслятся и личное очищение, и просвещение ума, и писательский труд. М. М. Дунаев, вслед за св. Игнатием, пишет о том, что ощущение духовного избранничества и претензия на

² «Господи, благослови на сей грядущий год! Обрати его весь в плод и в труд многотворный и благодотворный, весь на служение Тебе, весь на спасенье душ. Буди милостив и разреши руки и разум, осенив его светом высшим Твоим и прозреньем пророческим великих чудес Твоих. Да Святыи Дух снидет на меня и двигнет устами моими и да освятит во мне все, испепелив и уничтожив греховность и нечистоту и гнусность мою и обратив меня в святыи и чистый храм, достойный, Господи, Твоего пребывания. Боже! Боже! не отлучайся от меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспеть и восхвалить Тебя, и возвести всех к хваленью святого имени Твоего» [9, VI, с. 387].

духовное учительство есть следствие подверженности писателя страсти любоначала, которую трудно было распознать его неопытной душе, но которая была очевидна уже для многих его современников³ [11, с. 137]. Именно отсюда представление о своем труде как о служении Господу («весь на служение Тебе»), направленном «на спасенье душ» (выделено нами — И. Г.). Грамматическая форма множественного числа («душ») и отсутствие ожидаемого в постпозиции местоимения «наших» (ср.: «...и спаси, Блаже, души наша»), включающего говорящего в число тех, о ком ведется речь, весьма красноречиво указывает на то, что Гоголь мыслит себя «со-Спасителем душ», ибо молится не о спасении своей души вместе с душами близких, но о том, чтобы плод **его** писательского труда весь был обращен на спасение **других**: не спасаться, но спасать. Это же стремление выражено в контексте: *...дай... возлюбить Тебя, воспеть и восхвалить Тебя, и возвести всех к хвалению святого имени Твоего...* Вместо ожидаемого контекста с включающим местоимением «нас» («ки возведи всех нас...»), мы снова встречаемся с позицией разведения себя и «всех», с осознанием своей «особости», избранничества, внушающим дерзновенное прошение о могуществе и даже о стяжании пророческого дара. Ср.: *Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспеть и восхвалить Тебя, и возвести всех к хвалению святого имени Твоего.* «Могущество» в данном контексте в силу управления разными по типу значения глаголами также приобретает неоднозначность, ибо чтобы «*возлюбить, воспеть и восхвалить*» нужна способность души, а чтобы «*возвести всех*» — власть. Именно в значении «мощь», «всемогущество», «власть» [34], соответствующем его значению в современном русском языке, употреблялось это слово (*могущество*) и в богослужебных текстах на церковнославянском языке, однако, как правило, применительно к Господу, Кресту, Святым,

³ «И она (книга «Выбранные места из переписки с друзьями» — И. Г.) категорически не понравилась ни о. Матвею, ни Игнатию Брянчанинову, ни Григорию Постникову, ни Иннокентию. Под «гордостью», в которой они упрекали Гоголя, разумели они именно этот дух утопического активизма... Аксаковы не без основания увидели в этой книге западное влияние и западное зло» [42, с. 265].

ср.: *Песнословим тя Кресте, и облобызаем верою просяще, твоим могуществом изми нас от сетей вражских, и управи ны вся ко пристанищу спасения почитающия тя* (из Канона Честному и Животворящему Кресту). Стремление к «могуществу», то есть власти, возводить других ко Господу и «со-спасать» связано для Гоголя со стремлением к стяжанию пророческого дара, ср.: *Буди милостив и разреши руки и разум, осенив его светом вышним Твоим и прозреньем пророческим великих чудес Твоих*. Последнее прошение (о стяжании пророческого дара) звучит откровенной гордынею, ибо хотя и были пророки, но в ветхозаветной истории ими становились не по внутреннему чувству и не по молитве своей, а по воле и выбору Господа, ср.: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1: 21). В этой связи снова вспоминается А. С. Пушкин, его «Пророк». Отчего осознание своего поэтического дара Пушкиным как пророческого никогда не было поводом для упреков автора в гордыне? Во-первых, оттого что оно представлено не как прошение, а как событие — событие стяжания, на наших глазах становящееся фактом. Во-вторых, от того, что в пророческом даре, который открывается в пушкинском пророке, нет ничего назидательного, социального, узко прагматического. В свое время об этом писал В. Соловьев: «Настоящая чистая поэзия требует от своего жреца лишь неограниченной восприимчивости душевного чувства, чутко послушного высшему вдохновению» [38, с. 323]. Пушкинскому пророку, в отличие от пророков библейских, открывается не тайна исторических судеб народов, а тайны природы, тайны всемирной жизни, именно поэтому В. Соловьев говорит об отвлеченном универсализме его «пророческого» призвания. Мышление же Гоголя и его отношение к художественному творчеству, по определению прот. Георгия Флоровского, «насквозь практично и утилитарно» [42, с. 264], свои произведения — после духовного кризиса — он мыслит исключительно как общественно- и душеполезные, а от второго тома своих «Мертвых душ», также как и от «Одиссеи» Жуковского, ждет немного немало как нравственного переустройства России.

Как отметил уже в XX в. Абрам Терц, Гоголь рассчитывал «исправить человечество чтивом и добиться «Одиссеей» успехов, не достигнутых тысячелетним проповедованием Евангелия» [1, с. 17]. Именно отсюда в его молитвенных текстах очевидная сосредоточенность на себе. Это проявляется и в обилии разных форм местоимений «я», «мой» в его молитвенных текстах, ср.: *Да Святыи Дух снидет на меня и двигнет устами моими и да освятит во мне все, испепелив и уничтожив греховность и нечистоту и гнусность мою и обратив меня в святыи и чистый храм...; Влеки меня к Себе, Боже мой, силою святой любви Твоей. Ни на миг бытия моего не оставляй меня; соприсутствуй мне в труде моем, для него же произвел меня в мир....* Гоголь молится не как грешник, но как избранник: из осознания своего призвания, а не из ненависти к себе и своего ничтожества, как к тому призывают подвижники. Примечательны в этой связи слова арх. Софрония: «..всякий раз, когда человек приносит молитву Богу не как грешник, молитва его не достигает Престола Божия, потому что Сын Божий пришел призвать не тех, кто мнит себя праведником (1Ин. 1:8), и следовательно стоит вне истины, а тех кто осознает себя грешником...» [39, с. 47]. Рождаясь из ненависти к себе, к своему греху, молитва, однако, не останавливается на этом, но стремится молящегося прочь от себя, навстречу Господу, его бесконечной любви. Арх. Софроний так пишет об этом: «Выброшенные на просторы вечного Духа молитвою, исторгающиеся из ненависти к самому себе, **мы молимся без возврата внимания на себя** (выделано нами — И. Г.)» [39, с. 52]. Внимание же Гоголя постоянно возвращается к нему самому, причем не только собственное внимание в молитве Гоголь обращает к себе, но и внимание других людей: мы встречаемся здесь с удивительным феноменом раздвоения, когда человек молится о себе от лица других, говоря о себе в третьем лице, ср.:

Боже, содейлай безопасным путь его, пребывание во Святой Земле благодатным, а возврат на родину счастливым и благополучным!

Преклони сердца людей к доставленью ему покровительства (повсюду, где будет проходить он); восстанови тишину морей и укроти бурное дыхание ветров!

Тишину же души его исполни, благодатных мыслей во все время дороги его! Удали от него духа колебаний, духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий, ничтожного духа робости и боязни!

Дух же твердости и силы и несокрушимой надежды в Тебя, Боже, всели в него! Да окрепнет во всем благом и угодном Тебе!

Исправи молитву его и дай ему помолиться у Гроба Святого о братьях и кровных своих, о всех людях земли нашей и о всей отчизне нашей, о ее мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о водворении в ней любви и о воцарении Твоего царства, Боже!

Боже, не погляди на недостойнство его, но, ради молитв наших, усердных и горячих молитв, воссылаемых нами от глубины сердец наших, и ради молитв людей, Тебе угодных, о нем Тебе молящихся, удостой его, недостойного, грешного о сем помолиться и не возгнушайся принять сердечные прошения его, простя ему за все!

И сподоби его, Боже, восстать от Святого Гроба с обновленными силами, бодростью и рвением возвратиться к делу и труду своему, на добро земле своей и на устремленья сердец наших к прославлению святого имени Твоего!

Эта молитва была написана Гоголем для его друзей, когда, отправившись в Иерусалим, он задержался в Неаполе из-за непогоды. Сама идея создания подобных молитвенных текстов — о себе для других — в свете всего сказанного выше о субъективности в молитве кажется странной. Здесь нарушается интимно-доверительный и сокровенный смысл диалога, разговора двух сердец, который становится доступен невидимому соглядатаю — автору молитвенных прошений, выступающему одновременно их объектом. Существует «жанр» молитвы-прошения о «другом» — так называемая «ходатайственная молитва». Но невозможно этому «другому» диктовать слова, которыми, по его мнению, следует молящемуся просить о нем: он может присутствовать в молитве только в качестве объекта любви и боли о нем молящегося и ожидания для него спасения.

Он не может быть третьим субъектом, но только объектом, так же как молитва никогда не может превратиться из диалога в полилог, ибо если молящийся молится «чужими» словами, то они, как сказано, воспринимаются как свои, интимно рожденные в самой глубине человеческого сердца, и такому полному их присвоению способствует их анонимность и освященность традицией. Когда же автором молитвенного текста выступает «наш добрый приятель», написавший молитвенный текст-прошение о себе самом и по конкретному случаю, молящемуся, думается практически невозможно избавиться от ощущения соглядатайства и определенного конфуза, происходящего от самого тона этих текстов, который Гоголь определил как «несвойственный и уж вовсе неприличный еще живущему человеку» [9, VI, с. 205].

Кроме того, когда читаешь молитвенные тексты Гоголя подряд, как они представлены, например, в собрании сочинений, то неожиданное изменение точки зрения нарушает автоматизм восприятия соотношения участников речевого акта, подобно тому как это описано Ю. Лотманом применительно к поэзии Тютчева. В сдвигах местоименных отношений у Тютчева проявляет себя стремление поэта отождествиться со своим адресатом и объектом любви, усвоить ему весь мир вместе с собой и посмотреть на себя самого его вопрошающим взглядом. Лотман пишет, что эти сдвиги направлены на то, чтобы «разрушив норму грамматического построения, ... выявить саму сущность этих отношений, показать своих героев по всех возможных психологических позициях» [22, с. 557]. У Гоголя же указанная динамика авторской позиции, проявляющаяся в тексте, принципиально не допускающем ее, вскрывает его смятение, неуверенность в себе, лихорадочные метания, постоянные оглядывания на других, обеспокоенность чужим мнением о себе, какую находим и во многих других его произведениях, например, в «Авторской исповеди». Примечательно, что эта тенденция: постоянной оглядки на читателей, ощущение зависимости от них, стремление посмотреть на себя их глазами (читателей, а не адресата лирического диалога, единственного в мире человека — души своей души, как у Тютчева), пред-

восхитить их реакцию — станет потом одной из доминантных черт модернистской художественной прозы. В частности, впервые в полной мере она проявит себя в русской литературе в творчестве А. Белого, писателя, наиболее близкого Гоголю по духу и по писательской манере, — в его романах «Серебряный голубь», «Петербург» с характерными для них исповедальностью и поэтикой смены повествовательных масок [8, с. 215–220], в принципе с исповедальностью несовместимой и обусловленной на личностно-психологическом уровне децентрализацией авторского сознания.

Эти метания и чувство вины перед людьми, чьи недостатки Гоголь высмеял в своих художественных произведениях, прозрение «уничтожающей природы»⁴ своей любви к людям выливаются у него в горячую мольбу: *Боже, дай полюбить еще больше людей...* Однако оборот «еще больше» вновь говорит о том, что не из ничтожества возносится молитва, не из покаянного осознания того, что нет и не может быть ничего — и прежде всего любви — у человека без Бога, ибо весь «слякохся до конца»..., а из авторского допущения, что «много» уже он возлюбил людей и к еще большей стремится любви. Так «тайное» человека вопиет в отдельных привносимых в привычные молитвенные обороты словах вопреки общему смыслу, во многом и отрицая его, ср.: ‘ничтожен, Господи, дай мне способность любить’ VS ‘уже потрудился я, Господи, и стяжал любовь к людям, помоги преуспеть в этом’. Подобного рода тайные самолюбивые надежды сердца доступны бывают взору святого подвижника, ср.: «У Тебе, Владыко, прошу благодати, но **тайную надежду полагаю в крепости моей**; величаю и благодарю Тя, но **славы не лишаю самолюбивая души моя**» [32, с. 53]. Однако в сознании писательском они почти неотличимы, как видим, от чистых глаголов истины. Сама формулировка прошения «Боже, дай полюбить еще больше людей...»,

⁴ Ср., Н. Бердяев о Гоголе и Андрее Белом: «По складу своего художественного дарования А. Белый, подобно Гоголю, не призван раскрывать и воспроизводить положительное, светлое и прекрасное... Он любит Россию уничтожающей любовью и верит в ее возрождение лишь через гибель. Такая любовь свойственна русской природе» [4, с. 444–445].

предполагающая допущение, что любовь — это то, что может проявляться в человеке в меньшей, большей и, следовательно, максимальной степени (а не «глас хлада тонка...» (3 Цар 19:11–12)), в перспективе как малое с большим соотносима с известным молением «о двух милостях» Франциска Ассизского, вторая из которых : «это, чтобы... я мог почувствовать... ту неограниченную любовь, которою горел Ты, Сын Божий» [21, с. 109]. Видимо, здесь невольно проявляют себя симпатии Гоголя к западному христианству, которое, несомненно, повлияло и на концепцию социального служения церкви, которую он представил в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями». Ведь проблема, «как жить здесь, на земле», — это, как отмечает В.Непомнящий, — главная проблема западной культуры [30]. В общем-то и направленность молитв Гоголя та же: это, в первую очередь, прошение о помощи в реализации своего пророческого призвания, в котором Гоголь полагает свой долг, свой подвиг и залог спасения. Прот. Георгий Флоровский пишет о том, что у Гоголя была своя теория молитвы, которую характеризует как «очень опасную» [42, с. 265], ср. приводимую выдержку из письма Гоголя к Н. М. Языкову: «Как узнать хотение Божие? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и исследовать себя: какие способности, данные нам от рождения, выше и благороднее других. Теми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение Бога; иначе они не были бы нам даны. Итак, прося о пробуждении их, мы будем просить о том, что согласно с Его волей; стало быть, молитва наша прямо будет услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. Если такое постоянное напряжение хотя на две минуты в день соблюсти в продолжении одной или двух недель, то увидишь действия ее непременно. К концу этого времени в молитве окажутся прибавления... И за вопросами в тут же минуту последуют ответы, которые будут прямо от Бога. Красота этих ответов будет такова, что весь состав уже сам собою превратится в восторг» [9, IX, с. 213–214]. Стремление «узнать хотение Божие», уверенность в том, что Господь даст ответы, да еще и в положенный срок, выдают неосознанное стремление к

манипуляции, к определенного рода магическому «воздействию» и вскрывают языческий характер такого взгляда на молитву⁵. Ап. Павел писал: «Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26), и подвижники, подражавшие Христу «шаг за шагом» (преп. Максим Исповедник), устремлялись в молитву лишь с одной целью — слиться с дыханием Божиим. Святые отцы подчеркивали, что молитве надо учиться под руководством опытного наставника, и именно этот аспект подчеркнут в определении молитвы как «духовного искусства»: «как искусству человек не может научиться сам собою без искусного художника: так и этому мысленному деланию молитвы, без искусного наставника, навывкнуться невозможно» [31].

Гоголь говорил, что провел несколько лет внутри себя, и думал, что этот опыт достаточен для того, чтобы выступать в качестве наставника по отношению к другим [9, VI, с. 208], в то время как святые подвижники по мере познания себя все более открывали свою скверность и все более усилий направляли на очищение своей души. Обратиться внутрь себя и врачевать себя советовал Гоголю, как известно о. Матвей. И это обращение, как отмечает, прот. Георгий Флоровский, давалось Гоголю тяжело [42, с. 266]. В любом случае оно во многом осталось скрытым от посторонних глаз, и любые предположения по этом поводу бессмысленны и опасны. В. С. Непомнящий собственные предположения по поводу веры Пушкина благоразумно пресекает именно гоголевской сентенцией: «Говорить о вере брата твоего во Христе — дело страшное» [30, с. 2001]. Однако и вовсе не говорить о ней невозможно, ибо, как отметил тот же исследователь: «Творящий гений — это потребность в идеале, указанном Христом, приведенная в *творческое действие*; творящий гений — это религиозная потребность человека, *являемая в процессе*, в пути его духа..» [Там же]. Этапы этого пути неизбежно запечатлеваются в произведениях гения, в том

⁵ О неразличении молитвы и заклинания у Гоголя и о перешивании заклинательной стихии над молитвенной в его поэтике писал В. И. Мильдон [25].

числе — как мы пытались показать — в языке его произведений. Осмыслить эти этапы собственно как **этапы** реализации религиозной потребности человека, которая «может воплощаться как в художественном, так и в ином творчестве, а на высших степенях возможностей человека — в христианской жизни, в христианском подвиге, святости как «высшем искусстве» [30] — одна из актуальных задач современной теории словесности.

Литература:

1. *Абрам Терц*. В тени Гоголя / Абрам Терц. — München, 2009. — 258 с.
2. *Аверинцев С. С.* Роскошь узора и глубины сердца : поэзия Григора Нарекаци / С. С. Аверинцев // Аверинцев С. С. Поэты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 97–118.
3. *Митрополит Антоний Сурожский*. Молитва и жизнь [Электронный ресурс] / Антоний Сурожский, митрополит. — М., 2001. — Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/antons5/Main.htm>
4. *Бердяев Н. А.* Астральный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2-х т. — М. : Искусство, 1994. — Т. 2. — С. 438–446.
5. *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания / И. А. Виноградов. — М. : ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. — 449 с.
6. *Воропаев В. А.* Духом схимник сокрушенный...: Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете Православия / В. А. Воропаев. — М. : Моск. Рабочий, 1994. — 159 с.
7. *Воропаев В. А.* «Этот необыкновенный лиризм...». Гоголь и церковнославянский язык. Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/philology/37377.php>
8. *Гажева І. Д.* Творчість А. Белого в контексті культури Срібної доби: Навчальний посібник для студентів філологічного факультету / І. Д. Гажева. — Львів, 2009. — 284 с.
9. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений : в 9 т. / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. — М., 1994.
10. *Гуминский В. М.* Жизнь и творчество Гоголя в контексте православной традиции / В. М. Гуминский // Гоголевский вестник / под ред. В. А. Воропаева ; науч. совет РАН «История мировой культуры» ;

[отв. ред. И. А. Виноградов.] — М. : Наука, 2007. — Вып. 1. — С. 21–25.

11. *Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках / М. М. Дунаев. — М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. — С. 135–168.

12. *Есаулов И. А.* Рождественская и пасхальная традиции в поэтике Гоголя / И. А. Есаулов // Гоголь как явление мировой литературы. По Материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. — М., 2003. — С. 56–60.

13. *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2-х т., 4-х ч. Т. I, Ч. 1 / В. В. Зеньковский. — Ленинград : ЭГО, 1991. — 222 с.

14. *Игнатий (Брянчанинов)* Полное собрание творений : в 8 т. — М. : Паломникъ, 2002. — Т. 4. — 776 с.

15. *Схиархимандрит Иоаким (Парр)*. Беседы на Русской земле : пер. с англ. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 256 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/put/60112.htm>

16. *Ковальчук О.* Гоголь — «русский Христос»? (Текст поэмы «Мертвые души» як засіб самоіндетифікації автора) / О. Ковальчук // Гоголезнавчі студії. — Ніжин, 1999. — Вип. 4.

17. *Ковальчук О. Г.* Гоголь: буття і страх / О. Г. Ковальчук. — Ніжин : Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2009. — 127 с.

18. *Крутикова Н. Е.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя как утопия и ее западноевропейские параллели / Н. Е. Крутикова // Дослідження й статті різних років. — К. : Стилос, 2003. — С. 292–320.

19. *Кулиш П.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и его собственных писем / вст. ст. и коммент. И. А. Виноградова. — М. : ИМЛИ РАН, 2003. — 704 с.

20. *Лабинцев Ю., Щавинская Л.* Рукописная книжность гоголевского края / Ю. Лабинцев, Л. Щавинская. — М., 2009. — 52 с.

21. *Лодыженский М. В.* Свет незримый / М. В. Лодыженский. — Пг, 1915. — 304 с.

22. *Лотман Ю. М.* Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб : «Искусство–СПб», 2001. — С. 551–564.

23. *Меерсон О.* Литургическое наследие прот. А. Шмемана (2007) [Электронный ресурс] / О. Меерсон. — Режим доступа : http://www.damian.ru/Cerkov_i_sovremennost/Meerson/SchememannLiturgicalHeritageLast27Oct2007.html

24. *Меерсон О.* Литургическое цитирование в контексте субъектной организации поэтики и лирической поэзии в частности (2009) [Электронный ресурс] / О. Меерсон. — Режим доступа : http://christthesaviornyc.org/ru/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=63

25. *Мильдон В. И.* Заклинание и молитва. Об одном из архаических источников поэтики Гоголя / В. И. Мильдон // Н. В. Гоголь и народная культура. Седьмые гоголевские чтения. — М., 2008. — С. 109–114.

26. *Михед П.* Об апостольском проекте Гоголя (опыт реконструкции) / П. Михед // Гоголь как явление мировой литературы. По Материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. — М., 2003. — С. 42–55.

27. *Михед П.* Біля витоків «православного» гоголезнавства: Пантелеймон Куліш / П. Михед // Київська Русь : Літературний журнал. — 2007. — №1. — С. 121–144.

28. *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя / К. Мочульский. — М. : Наш дом – L'Age d'Home, 2004. — 160 с.

29. *Мусий В. Б.* О жанровых особенностях «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя / В. Б. Мусий // Гоголезнавчі студії. — Ніжин, 2008. — Вип. 17. — С. 166–173.

30. *Непомнящий В.* Христианство Пушкина: проблема и легенды // Непомнящий В. «Да ведают потомки православных...» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pagez.ru/olb/134_4.php

31. *Преподобный Паисий (Величковский)* Об умной или внутренней молитве [Электронный ресурс] / Преподобный Паисий (Величковский). — Режим доступа : http://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/molitva/3

32. *Пестов Н. Е.* Современная практика православного благочестия [Электронный ресурс] / Н. Е. Пестов. — Режим доступа : http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/osnovy/pestov_praktika_pravoslavnogo_blagochestiya_01-all.shtml

33. Покаянный канон Иеромонаха Василия Оптинского (Рослякова) // Откуда начну плакаты океанного моего жития. Редкие покаянные молитвословия. — Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. — С. 51–59.

34. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. свящ. Григорий Дьяченко. 1900 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://slavdict.narod.ru/>

35. *Роднянская И.* Новое свидетельство. Духовная поэзия. Россия. Конец XX – начало XXI века / И. Роднянская // Новый мир. — 2011. — № 3. — С. 153–167.

36. *Сверстюк Є.* Гоголь і українська ніч: есеї / Є Сверстюк. — К. : Кліо, 2013. — 328 с.

37. *Седакова О. А.* Молитва Ефрема Сирина: смена координат / О. А. Седакова // «Нескучный сад» (12.03.2013) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nsad.ru/articles/molitva-efrema-sirina-smena-koordinat>

38. *Соловьев В.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В. С. Литературная критика / В. С. Соловьев. — М. : Искусство, 1991. — С. 316–370.

39. *Архимандрит Софроний (Сахаров).* Видеть Бога как он есть. — Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011.

40. *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI–первой трети XVIII века. Теория литературных формаций / А. Н. Ужанков. — М. : Издательство итературного институт им. А. М. Горького, 2008. — 528 с.

41. *Святит. Феофан Затворник* Четыре слова о молитве [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://azbyka.ru/otechnik/?Feofan_Zatvornik/chetyre-slova-o-molitve=2

42. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. — Киев, 1991. — 599 с.

43. *Химич Г. А.* Стихотворные переложения псалмов в отечественной поэзии XVII–XX веков : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец 10.01.01 «Русская литература» / Г. А. Химич. — М., 2002. — 16 с.

References:

1. Abram Terc. In the Shadow of Gogol. [*V teni Gogolja*]. München, 2009. 258 p.

2. Averincev S. S. Luxury of Pattern and Depth of the Heart: the Poetry of Grigor Narekaci [Roskosh' uzora i glubiny serdca : poezija Grigora Narekaci]. *Averincev S. S. Poets [Averincev S. S. Pojety]*. Moscow, Shkola «Jazyki russoj kul'tury» Publ., 1996. P. 97–118.

3. Mitropolit Antonij Surozhskij. Prayer and Life [*Molitva i zhizn'*]. Available at: <http://www.wco.ru/biblio/books/antons5/Main.htm> (accessed 1 February 2015).

4. Berdjaev N. A. Philosophy of Creativity, Culture and Art. [*Filosofija tvorcestva, kul'tury i iskusstva*]. Vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. P. 438–446.

5. Vinogradov I. A. Gogol — the artist and thinker: Christian-based Worldview. [*Gogol' — hudozhnik i myslitel': hristianskie osnovy mirosozercanija*]. Moscow, IMLI RAN «Nasledie» Publ., 2000. 449 p.
6. Voropaev V. A. Hermit Crushed by Spirit...: Life and Works of Nikolai Gogol in the Light of Orthodoxy [*Duhom shimnik sokrushennyj...: Zhizn' i tvorchestvo N. V. Gogolja v svete Pravoslavija*]. Moscow, Mosk. Rabochij Publ., 1994. 159 p.
7. Voropaev V. A. "This Extraordinary Lirizm ...". Gogol and Church Slavonic Language [*"Jetot neobyknovennyj lirizm..."*]. *Gogol' i cerkovnoslavjanskij jazyk*. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37377.php>
8. Gazheva I. D. Creativity of A. Bielyi in the Context of Culture of Silver Age [*Tvorchist' A. Belogo v konteksti kul'turi Sribnoi dobi*]. L'viv, 2009. 284 p.
9. Gogol' N. V. Works in 9 Volumes [*Sobranie sochinenij: V 9 t.*]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994.
10. Guminskij V. M. Life and Work of Gogol in the Context of the Orthodox Tradition [*Zhizn' i tvorchestvo Gogolja v kontekste pravoslavnoj tradicii*]. *Gogol Gazette [Gogolevsky vestnik]*. Moscow, Nauka Publ., 2007. №.1. P. 21–25.
11. Dunaev M. M. Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the Seventeenth – Twentieth Centuries [*Vera v gornile somnenij: Pravoslavie i russkaja literatura v XVII–XX vekah*]. Moscow, Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Publ., 2003. P. 135–168.
12. Esaulov I. A. Christmas and Easter Traditions in Gogol's Poetics [*Rozhdestvenskaja i pashal'naja tradicii v pojetike Gogolja*]. *According to the Materials of International Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Death of Nikolai Gogol [Po Materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 150-letiju so dnja smerti N. V. Gogolja]*. Moscow, 2003. P. 56–60.
13. Zen'kovskij V. V. History of Russian Philosophy: In 2 Vols., 4 Parts. Vol. I., Part 1. [*Istorija russkoj filosofii: v 2-h t., 4-h ch. T. I., Ch. 1.*] Leningrad, JeGO Publ., 1991. 222 p.
14. Ignatij (Brjanchaninov). Complete Collection of Works: in 8 volumes [*Polnoe sobranie tvorenij: v 8 t*]. Moscow, Palomnik Publ., 2002. Vol. 4. 776 p.
15. Shiarhimandrit Ioakim (Parr). Talks on Russian Soil [*Besedy na Russkoj zemle*]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2013. 256 p. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/60112.htm>
16. Koval'chuk O. Is Gogol — "Russian Christ"? (Text of the Poem "Dead Souls" as way of author's self-identification) [*Gogol' — «russkij*

Hristos»? (Tekst poemi “Mertvye dushi” jak zasib samoindetifikacii avtora)]. *Gogol Studies. Issue 4 [Gogoleznavchi studii. № 4]*. Nizhin, 1999.

17. Koval'chuk O. G. Gogol: Being and Fear [*Gogol': buttja i strah*]. Nizhin, NDU im. M. Gogolja Publ., 2009. 127 p.

18. Krutikova N. E. "Selected Passages from Correspondence with Friends" by Gogol as an Utopia and its Western European Parallels [«Vybrannye mesta iz perepiski s druž'jami» N. V. Gogolja kak utopija i jeje zapadnoevropejskie paraleli]. *Krutikova N. E. Studies and Articles in Different Years [Doslidzhennja j statti riznih rokov]*. Kiev, Stilos Publ., 2003. P. 292–320.

19. Kulish P. Notes on the Life of Nikolai Gogol, Composed of Memories of His Friends and Acquaintances and His Own Letters [*Zapiski o zhizni Nikolaja Vasil'evicha Gogolja, sostavlennye iz vospominanij ego družej i znakomyh i ego sobstvennyh pisem*]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 704 p.

20. Labincev Ju., Shhavinskaja L. Handwritten Bookishness of Gogol Region [*Rukopisnaja knizhnost' gogolevskogo kraja*]. Moscow, 2009. 52 p.

21. Lodyzhenskij M. V. Invisible Light [*Svet nezrimyj*]. Saint Petersburg, 1915. 304 p.

22. Lotman Ju. M. About Poets and Poetry [*O pojetah i poezii*]. Saint Petersburg, Iskusstvo-Saint Petersburg Publ., 2001. P. 551–564.

23. Meerson O. Liturgical Heritage of prot. A. Schmemann (2007) [*Liturgicheskoe nasledie prot. A. Shmemana (2007)*]. Available at: http://www.damian.ru/Cerkov_i_sovremennost/Meerson/SchmemannLiturgicalHeritageLast27Oct2007.html

24. Meerson O. Liturgical Citation in the Context of the Subjective Organization of Poetics and Lyrical Poetry in Particular (2009) [*Liturgicheskoe citirovanie v kontekste subjektnoj organizacii pojetiki i liricheskoi poezii v chastnosti (2009)*]. Available at: http://christthesaviornyc.org/ru/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=63

25. Mil'don V. I. Spell and Prayer. About One of the Archaic Sources of Gogol's Poetics [Zaklinanie i molitva. Ob odnom iz arhaicheskikh istochnikov pojetiki Gogolja]. *Nikolai Gogol and Popular Culture. Seventh Gogol Readings. [N. V. Gogol' i narodnaja kul'tura. Sed'mye gogolevskie chtenija]*. Moscow, 2008. P. 109–114.

26. Mihed P. About Apostolic Project of Gogol (Experience of Reconstruction) [Ob apostol'skom proekte Gogolja (opyt rekonstrukcii)]. *Gogol as a Phenomenon of World Literature. According to the Materials of International Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Death of Nikolai Gogol [Gogol' kak javlenie mirovoj literatury. Po*

Materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 150-letiju so dnja smerti N. V. Gogolja. Moscow, 2003. P. 42–55.

27. Mihed P. At the Roots of "Orthodox" Gogol Studies: Panteleimon Kulish [Bilja vytokiv «pravoslavnogo» gogoleznavstva: Pantelejmon Kulish]. *Kyiv Rus: Literary Magazine [Kiivs'ka Rus : Literaturnij zhurnal]*. 2007. № 1. P. 121–144.

28. Mochul'skij K. Spiritual Path of Gogol [*Duhovnyj put' Gogolja*]. Moscow, Nash dom –L' Age d'Home Publ., 2004. 160 p.

29. Musij V. B. Genre Features of "Author's Confession" by Nikolai Gogol [O zhanovyh osobennostjeh «Avtorskoj ispovedi» N. V. Gogolja]. *Gogol Studije. [Gogoleznavchi studii]*. Nizhin, 2008. № 17. P. 166–173.

30. Nepomnjashhij V. Christianity of Pushkin: Problem and Legends [*Hristianstvo Pushkina: problema i legendy*]. Available at: http://pagez.ru/olb/134_4.php

31. Pestov N. E. The Modern Practice of Orthodox Piety [*Sovremennaja praktika pravoslavnogo blagochestija*]. Available at: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/osnovy/pestov_praktika_pravoslavnogo_bлагоchestiya_01-all.shtml.

32. Prepodobnyj Paisij (Velichkovskij). About Mental or Interior Prayer [*Ob umnoj ili vnutrennej molitve*]. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/molitva/3

33. Penitential Canon of Optina Hieromonk Basil (Rosliakov) [Pokajannyj kanon Ieromonaha Vasilija Optinskogo (Rosljakova)]. *From Where to Start to Mourn My Cursed Life. Rare Penitential Prayers [Otkudu nachnu plakati okajannogo moego zhitija. Redkie pokajannye molitvo-slovija]*. Svjato-Uspenskaja Pochaevskaja Lavra Publ., 2005. P. 51–59.

34. Complete Church Slavonic Dictionary (With Addition of Most Important Old Russian Words and Expressions) [*Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' (s vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskih slov i vyrashenij)*]. Available at: <http://slavdict.narod.ru/>.

35. Rodnjanskaja I. The New Testimony. Spiritual Poetry. Russia. The End of XXth – the Beginning of the XXIth Century [Novoe svidetel'stvo. Duhovnaja poezija. Rossiya. Konec XX – nachalo XXI veka]. *New World [Novyj mir]*, 2011. № 3. P. 153–167.

36. Sverstjuk Ye. Gogol and Ukrainian Night: Essays [*Gogol' i ukrains'ka nich: eseji*]. Kiev, Klio Publ., 2013. 328 p.

37. Sedakova O. A. Prayer of Ephrem Sirin: Change of Coordinates [*Molitva Efrema Sirina: smena koordinat*]. Available at: <http://www.nsad.ru/articles/molitva-efrema-sirina-smena-koordinat>

38. Solov'ev V. Value of Poetry in Pushkin's Poems [Znachenie poezii v stihotvorenijah Pushkina]. *Literary Criticism [Literaturnaja kritika]*. Moscow, Iskuststvo Publ., 1991. P. 316–370.

39. Arhimandrit Sofronij (Saharov) To See God as He Is. [*Videt' Boga kak on est'*]. Svjato-Ioanno-Predtechenskij monastyr', Svjato-Troickaja Sergieva Lavra Publ., 2011.

40. Uzhankov A. N. Stadial Development of Russian Literature of XIth – first third of XVIIIth century. The Theory of Literary Formations [*Stadial'noe razvitie russkoj literatury XI – pervoj treti XVIII veka. Teorija literaturnyh formacij*]. Moscow, Literary Institute Publ., 2008. 528 p.

41. Svjatit. Feofan Zatvornik. Four Words About Prayer [*Chetyre slova o molitve*]. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/?Feofan_Zatvornik/chetyre-slova-o-molitve=2

42. Florovskij G. V. Ways of Russian Theology [*Puti russkogo bogoslovija*]. Kiev, 1991. 599 p.

43. Khimich G. A. Poetic Transcription of the Psalms in the National Poetry of XVII–XXth centuries. Cand. of philology diss. [*Stihotvornnye pereložhenija psalmov v otechestvennoj poezii XVII–XX vekov. Diss. kand. filol. nauk*]. Moscow, 2002. 16 p.

Аннотация

О «ДУХОВНОМ ХУДОЖЕСТВЕ» ГОГОЛЯ (ПОЭТИКА АВТОРСКИХ МОЛИТВ)

Проблемы духовной эволюции Гоголя на протяжении трех последних десятилетий активно исследуются как в отечественном, так и в российском литературоведении. В качестве материала исследования выступает духовная проза автора, в частности «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Размышления о Божественной Литургии», а также переписка. Однако Гоголь является и автором нескольких молитв, исследование которых практически еще не начиналось. Внимание привлекала к себе лишь стихотворная молитва, по традиции приписываемая Гоголю. Авторские же прозаические молитвы Гоголя не становились еще предметом специального рассмотрения. Цель статьи — охарактеризовать направленность духовных исканий позднего Гоголя путем анализа композиции и языка его авторских молитв, в сравнении с молитвами каноническими.

Степень суб'єктивізації текста в авторській молитві, по сравнению с канонической, может быть разной. Авторская молитва может существовать как переложение канонической молитвы, псалма с сохранением основного содержания, композиции, лексики, отдельных оборотов, а может представлять собой авторский текст, в котором выражено субъективное содержание: «свое желание», «свое волеизъявление», не всегда совпадающее с Божьей волей относительно человека. Между этими схематически очерченными полюсами находится ряд переходных случаев, один из которых представлен «духовным искусством» Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: молитва, исповедальность, поэтическое переложение, трансформация, авторская позиция, анонимность.

Анотація

ПРО «ДУХОВНЕ ХУДОЖЕСТВО» ГОГОЛЯ (ПОЕТИКА АВТОРСЬКИХ МОЛИТОВ)

Проблеми духовної еволюції Гоголя протягом трьох останніх десятиліть активно досліджують як у вітчизняному, так і в російському літературознавстві. Як матеріал дослідження використовують духовну прозу письменника, зокрема «Вибрані місця з листування з друзями», «Авторську сповідь», «Роздуми про Божественну Літургію», а також листування. Проте Гоголь є й автором кількох молитов, дослідження яких практично ще не починалося. Увагу привертала до себе лише віршована молитва, яку за традицією приписують Гоголю. Авторські прозові молитви Гоголя не були ще предметом спеціального розгляду. Мета статті — охарактеризувати спрямованість духовних шукань пізнього Гоголя шляхом аналізу композиції та мови його авторських молитов, у порівнянні з молитвами канонічними.

Ступінь суб'єктивізації тексту в авторській молитві, у порівнянні з канонічною, може бути різним. Авторська молитва може існувати як переклад канонічної молитви, псалми із збереженням основного змісту, композиції, лексики, окремих оборотів, а може являти собою авторський текст, в якому висловлено суб'єктивний зміст: «своє бажання», «своє волевиявлення», що не завжди збігається з Божою волею щодо людини. Між цими схематично окресленими полюсами знаходиться ряд перехідних випадків, один з яких представлений «духовним искусством» Н. В. Гоголя.

Ключові слова: молитва, сповідальність, поетичне перекладення, трансформация, авторська позиция, анонімність.

Summary

«ON THE ARTISTIC SPIRITUALITY» OF N. GOGOL (THE POETICS OF THE AUTHOR'S PRAYERS)

For the last three decades the problems of Gogol's spiritual evolution have been intensively explored both in the field of Ukrainian and Russian literary criticism. An area of research is the author's spiritual prose, namely "Selected Extracts from the Correspondence with Friends", "The Author's Confession", "The Meditations on the Divine Mass" and the correspondence as well. However, Gogol is the author of several prayers, whose investigation hasn't begun yet. Only the poetic prayer, traditionally attributed to Gogol, attracted the attention. And yet, the author's prosaic prayers haven't become the subject of special research. The aim of the article is to characterize the spiritual searches of Gogol in his latest creative period, analyzing the contexture and the style of the language in the author's prayers, comparing them with the canonical prayers.

The degree of subjectivism in the author's prayers and canonical prayers may be different. The author's prayer can exist as versification of the canonical prayer or psalm, preserving the essence of the contents, contexture, vocabulary, separate phrases and at the same time the author's prayer can represent the author's text which contains subjective contents: "the author's own desire" and "the author's own will" which do not coincide with the Lord's will concerning the man. Between these outlined poles there are a number of transitional cases, one of them is represented by the artistic spirituality of N. V. Gogol.

Keywords: prayer, poetic transcription, transformation, the author's position, anonymity.

Екатерина Голубева (Москва)

**СОКРОВИЩА ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ:
ОБ ОДНОЙ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ К
ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Н. В. ГОГОЛЯ**

Н. В. Гоголь, с детства хорошо знавший Священное Писание, в своих произведениях нередко обращался к библейским образам и темам. Евангельские истины писатель стремился донести и до своих читателей. По словам М. М. Дунаева, Гоголь «был художником высочайшего уровня, но он обладал и обострённой религиозной одарённостью, и она возобладала в нём над чисто художественною жаждою творчества. Гоголь сознавал: искусство, как бы высоко оно ни возносилось, останется пребывать среди сокровищ на земле. Для Гоголя же всегда были потребнее сокровища на небе» [1, с. 388–389].

Новозаветное наставление о сокровищах земных и небесных было близко Гоголю. Об этом свидетельствуют и пометы на принадлежавшей ему Библии:

– помета «*Стяжание*» [2] напротив слов «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6: 19);

– помета «*Хотящие богатиться впадают во все сети*» [3, IX, с. 158] напротив слов «А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами подвергли себя многим скорбям» (1 Тим. 6: 9–10);

– помета «*Не любите мира*» [3, IX, с. 150] напротив слов «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2: 15–16).

Отзвук евангельского наставления «не собирайте сокровищ на земле» впервые встречается в повести «Старосветские помещики», где нет прямого упоминания, но есть смысловые

параллели, отмеченные М. М. Дунаевым. Исследователь обращается к противопоставлению «покой» — «беспокойная суета», возводя покой к христианскому пониманию — как совершенство святости, а его отсутствие — как признак несовершенства. «Мир старосветских помещиков, ограждённый от суеты внешнего мира, — «внематериален» в своем бытовом обустройстве, насколько это вообще возможно в земной жизни: никакие чисто меркантильные стремления, никакая корыстная суетность не могут озаботить существование добрых старичков», — так видит жизнь гоголевских героев Дунаев [1, с. 403]. И сам автор «Старосветских помещиков» отмечает это: «Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно» [3, II, с. 287].

Вместо собирания сокровищ Евангелие призывает раздать их, вершиной этого становятся слова Спасителя: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19: 21). Но такой вариант не для всех, и апостол Павел призывает своего ученика Тимофея: «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения, чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1 Тим. 6: 17–19). Гоголь отметил эти строки, написав на полях своей Библии: «Как быть с богатыми» [3, IX, с. 158].

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна всю жизнь стремились — возможно, неосознанно — следовать этим евангельским заповедям. По замечанию Дунаева, их жизнь «пребывает вне пагубного тяготения к земным сокровищам, напротив, сам смысл этой жизни, кажется, сосредоточен был в намерении отдавать всё другим» [1, с. 403]. Чета Товстогубов отличалась радушием и гостеприимством: «Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у них ни было лучшего, все это выносилось. Они наперерыв старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство. Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так

кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ» [3, II, с. 290–291]. Примечательно, что Гоголь в принадлежащей ему Библии отметил новозаветное упоминание о гостеприимстве: напротив слов апостола Павла «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13: 2) Гоголь написал: «Наставление, как быть со всеми» [3, IX, с. 160]. И в своей жизни Гоголь старался следовать завету апостола. В письме к матери и сестрам (1846 год) Гоголь просит, чтобы «дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обители помещика; чтобы всякий, кто ни приезжал, был ими принят как родной и сердцу близкий человек» [3, VI, с. 555–556].

Гоголевская «Шинель» не содержит прямых ссылок на библейский текст, но, по словам Дунаева, в этой повести «опора на новозаветную мудрость у Гоголя несомненна, непрямо цитирование Писания слишком очевидно» [1, с. 428]. В статье «Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н. В. Гоголя» П. Е. Бухаркин обращает внимание на созвучие между текстом повести и 19–21 стихами 6 главы Евангелия от Матфея («Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше»). Хотя в тексте повести нет прямых отсылок к данным стихам, их смысловое сходство несомненно. В этом евангельском отрывке как бы содержится в свернутом виде вся гоголевская история.

Евангельские слова «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6: 19) напоминают героям повести и нам о ненадежности, изменчивости материальной жизни. Действительно, появляются воры и крадут. Нападение на Башмачкина не случайность, а закономерный итог его ложно направленной жизни, на это указывают слова одного из грабителей: «А ведь шинель-то моя!» [3, III, с. 134]. Здесь акцент ставится не на то,

что шинель принадлежит грабителю, а что она не принадлежит Акакию Акакивичу — как все земное, она не может навечно остаться с героем.

С приобретением шинели Башмачкин меняется — но не в лучшую сторону, как писали многие исследователи. Он изменяет своему любимому делу, прогуливает службу, которую раньше выполнял не ревностно даже, а с любовью, в смысловой ореол героя входит тема разврата, растления (вспомним, преследование дамы, «у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения» [3, III, с. 134], и как герой рассматривал картинку женщины с обнаженной ногой). Таким образом, пробуждение героя оборачивается обращением ко злу. И даже после смерти он не может найти покой, «ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21). «Финал «Шинели», — делает вывод Бухаркин, — говорит о том, что собирание сокровищ на земле не просто бессмысленно, ибо они исчезнут — «тatie подкапывают и крадут». Это и опасно в высшей степени — привязанный к ним человек не только терпит жизненную неудачу, он приходит, что несоизмеримо важнее, к духовной катастрофе, губит свою душу; не узрев Царствия Небесного, остается в руках князя мира сего» [4].

Собирание земных богатств неизбежно ведет к смерти души. И впервые к проблеме «живых» и «мертвых» душ Гоголь обратился в повести «Портрет». Е. А. Смирнова отметила, что еще в первой редакции «Портрета» (1835) была «намечена схема мертвой души богача-накопителя, предвосхищающая основные черты образа Плюшкина» [5, с. 10].

Повесть «Портрет» показывает нам, к чему может привести стремление к стяжанию земных богатств. Воплощением небесного сокровища в повести становится истинное произведение искусства — картина, которая способна возвысить человека, смотрящего на нее, помочь ему вспомнить о своем предназначении, увидеть свои пороки. Искусство — то небесное сокровище, к которому должен стремиться каждый художник, преодолевая соблазны, встречающиеся на пути. Эту идею Гоголь вложил в уста художника-монаха, дающего наставление своему сыну: «Намек о божественном, небесном рае заключен для

человека в искусстве, и по тому одному оно уже выше всего. <...> Ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства. Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к Богу» [3, III, с. 114–115].

Не случайно монах стал образом идеального художника — для служения творчеству надо очистить душу. Эту важную для Гоголя мысль монах высказывает в своем наставлении сыну: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится» [3, III, с. 115]. Именно так поступает сам монах-художник: осквернив себя написанием пагубного портрета ростовщика, он уходит в монастырь, и, «приутопив себя подвижнической жизнью отшельника, он возвращается к творчеству и создает картину, которая поражает зрителей как бы исходящим из нее светом духовности» [6]. Гоголю были близки идеи монашества, некоторое время он думал об уходе в монастырь. И хотя писатель и не принял постриг, всю жизнь он старался следовать монашеским обетам — послушанию, целомудрию, нестяжанию.

На распутье — между земным и небесным — оказался главный герой первой части повести, Чартков. Судьба предоставила ему выбор: либо идти тернистым путем, терпеть бедность, но развивать талант, который может принести пользу людям, возвышая и исцеляя прекрасным их души. Либо стать «модным живописцем» [3, III, с. 70], богатым и знаменитым, но чьи картины будут привлекать внимание лишь поначалу и стираться из памяти, не оставляя в душе ничего. Чартков поддался соблазну и отдал себя в рабство земным сокровищам — богатству, славе. За это он не только лишается небесных сокровищ, но и дара, данного свыше — таланта.

Иной — тернистый — путь избрал товарищ Чарткова, он отринул все земное — богатство, славу, друзей и близких — ради искусства. И в итоге стяжал небесное богатство: его картина, написанная «небесной кистью» [3, III, с. 93], становится небесным сокровищем, перед которым невольно замирает каждый. Сам Чартков, увидев ее, осознал ошибочность выбора своего жизненного пути, «с очей его вдруг слетела повязка» [3, III, с. 95]. Потрясение перед картиной было так велико, что Чартков не смог

произнести критического отзыва. Но пробуждение не приносит пользы герою, оказывается уже слишком поздно. В погоне за земными сокровищами он навсегда потерял сокровища небесные.

Плюшкин представляет собой другой тип богача-скупца. Чарткова уже в молодости, по замечанию его наставника-профессора, «начинает свет тянуть» [3, III, с. 70], и при стесненных обстоятельствах он порой приобретал то щегольской платок, то шляпу с лоском, а после обретения богатства герой первым делом занялся своей внешностью, снял квартиру и пошел в ресторан. Плюшкин же своим богатством не пользуется, Собакевич говорит о нем: «Восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!» [3, V, с. 97]. Плюшкина можно описать с помощью пословиц. Е. А. Смирнова в своем исследовании «Поэма «Мертвые души»», отмечая огромную роль пословиц в поэме, приводит для примера некоторые пословицы из собрания В. И. Даля. По мнению исследовательницы, эти пословицы соответствуют тексту шестой главы «Мертвых душ», где говорится о Плюшкине, и помогают полнее раскрыть его образ: «Живота не копи, а душу не мори; Житье скупое — платье носит худое; Не от скудости скупость вышла, от богатства; В могилу глядит, а над копейкой дрожит; Смолоду прорешка — под старость дыра; Владеет городом, а погибает голодом; Скупой богач беднее нищего; Скупой запирает крепко, а потчует редко; Скупые умирают, а дети сундуки отпирают [7]. В этом ряду пословиц как будто запрограммированы все основные мотивы, звучащие в названной главе» [5, с. 38–39].

А. Х. Гольденберг в статье «Библиейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя», сравнивая пушкинского Барона из «Скупого рыцаря» и гоголевского Плюшкина, отмечает: «Своей страсти они отдаются вполне бескорыстно, даже в убыток себе. Поглощенный заботой о мелочах вроде кусочка сургуча или клочка бумаги, Плюшкин теряет огромное богатство: «сено и хлеб гнили, клади и стога обращались в... навоз, мука превратилась в камень, ... холсты и домашние материи... в пыль»» [8, с. 140]. Исследователь отмечает «косвенное указание на литературный источник этой проблемы — евангельское поучение о собирании сокровищ» [8, с. 141] и высказывает предположение, что в пушкинской пьесе и в гоголевской поэме

евангельские слова представлены в «обращенном виде» [8, с. 141] — как антипоучение: «Платой за богатство становятся души Барона и Плюшкина, что актуализирует в рассматриваемом контексте всю парадигму смыслов «живой» и «мертвой» души» [8, с. 141].

Когда у Гоголя спросили, воскреснут ли герои первого тома «Мертвых душ», он с улыбкой ответил: «Если захотят» [9]. Но победить страсть очень трудно, и «мертвая душа» Чарткова воскреснуть не смогла. У Плюшкина же такая возможность остается. Об этом свидетельствует гоголевская статья «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», написанная в 1844 году, где он говорит, обращаясь к поэту Н. М. Языкову: «Воззови, в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку. Брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спасал свою бедную душу: уже он далеко от берега, уже несет и несет его ничтожная верхушка света, несут обеды, ноги плясавиц, ежедневное сонное опьянение; нечувствительно облекается он плотью и стал уже весь плоть, и уже почти нет в нем души. Завопи воплем и выставь ему ведьму старость, к нему идущую, которая вся из железа, перед которой железо есть милосердие, которая ни крохи чувства не отдает назад и обратно. О, если б ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома «Мертв<ых> душ!»» [3, VI, с. 69].

Постепенно Гоголь пришел к мысли, что литература должна выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных писателей — просвещать душу, вести ее к совершенству. В октябре 1843 года он писал П. А. Плетневу: «Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений» [1, XII, с. 276]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал о том, что назначение искусства — служить «незримой ступенью к христианству», так как современный человек «не в силах встретиться прямо со Христом» [3, VI, с. 58–59]. Смысл своего писательского труда он видел в обращении читателя к евангельским истинам, к Церкви.

Каждый человек так или иначе оказывается перед выбором земного и небесного. И потому чрезвычайно важен призыв Гоголя задуматься об этом. В своих произведениях писатель ведет читателя к истине «сокровищ на небе» как духовной жажде в ее цельности и глубине. И в этом смысле его произведения можно воспринимать как своеобразные поучения о собирании небесных сокровищ.

Литература:

1. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. I–II. Издание второе, исправленное, дополненное. — М.: Христианская литература, 2001. — 736 с.
2. РО ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 73.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.–Киев, 2009–2010.
4. Бухаркин П. Е. Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н. В. Гоголя (к проблеме внетекстовых факторов смыслообразования в повествовательной прозе) // Концепция и смысл. Сборник статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича. — СПб., 1996. — С. 207.
5. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души». — Л.: Наука, 1987. — 202 с.
6. Воропаев В. А. Николай Гоголь: опыт духовной биографии. — М., 2014. — С. 67.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1957. — С. 109, 85, 110, 355, 109, 111.
8. Гольденберг А. Х. Библейский контекст в поэтике Пушкина и Гоголя // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: Сборник докладов. — М.: Книжный дом «Университет», 2005. — С. 139–152.
9. <Феодор (Бухарев), архимандрит.> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. — СПб., 1861. — С. 138.

References:

1. Dunayev M. M. Orthodoxy and Russian literature [Pravoslaviye i russkaya literatura]. In 6 parts. Part I–II. Moscow, Christian Literature, 2001. P. 736.
2. RO Pushkin House. F. 652. Op. 1. Unit. storage 73.

3. Gogol N. V. Complete Works and Letters in 17 volumes [Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh]. Moscow-Kiev, 2009–2010.

4. Bukharkin P. E. "An evangelical parallels to "The Overcoat" by Nikolai Gogol (to the problem of extra-textual factors of meaning in narrative prose)" [«Ob odnoj evangel'skoj paralleli k «Shineli» N. V. Gogolja (k probleme vnetekstovykh faktorov smysloobrazovaniya v povestvovatel'noj proze)»]. *Concept and meaning. Collection of articles in honor of the 60th anniversary of Professor V.M. Markovic [Konceptcija i smysl. Sbornik statej v chest' 60-letija professora V. M. Markovicha]*. Saint-Petersburg, 1996. P. 207

5. Smirnova E. A. Gogol's "Dead Souls" [Pojema Gogolja «Mertvye dushi»]. Leningrad, Science, 1987. P. 202.

6. Voropaev V. A. Nikolai Gogol: experience of spiritual biography [Nikolaj Gogol': opyt duhovnoj biografii]. Moscow, 2014. P. 67.

7. Dal' V. I. Proverbs of the Russian people [Poslovicy russkogo naroda]. Moscow, 1957. P. 109, 85, 110, 355, 109, 111.

8. Gol'denberg A. H. Biblical context in the poetics of Pushkin and Gogol [Biblejskij kontekst v pojetike Pushkina i Gogolja]. *Pushkin and Gogol: Fourth Gogol read: Collection of reports [Gogol' i Pushkin: Chetvertye Gogolevskie chtenija: Sbornik dokladov]*. Moscow, Book House "University", 2005. P. 139–152.

9. <Feodor (Buharev), arhimandrit.> Three letter to Gogol, written in 1848 [Tri pis'ma k N. V. Gogolju, pisannye v 1848 godu]. Saint-Petersburg, 1861. P. 138.

Аннотация

СОКРОВИЩА ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ: ОБ ОДНОЙ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается проблема отражения евангельских слов о небесных и земных сокровищах в сочинениях Н. В. Гоголя, которая проходит лейтмотивом через все творчество писателя. К ней он обращался в повестях «Старосветские помещики», «Портрет», «Шинель» и в поэме «Мертвые души». Автор статьи анализирует наиболее показательные фрагменты гоголевских произведений в свете поставленной проблемы и в тесной связи с соответствующими ей личными пометами писателя на принадлежавшей ему Библии 1820 года издания. В этих фрагментах прослеживается, как Гоголь приводит читателя к истине «сокровищ на небе», понимаемой как духовная

жажда в ее цельности и глубине. И в этом евангельском смысле гоголевские произведения можно воспринимать как своеобразные поучения о собирании небесных сокровищ.

Ключевые слова: сокровища земные и небесные, евангельские слова, Портрет, Шинель, Старосветские помещики, Мертвые души, пометы.

Анотація

СКАРБИ ЗЕМНІ ТА НЕБЕСНІ: ПРО ОДНУ ЄВАНГЕЛЬСЬКУ ПАРАЛЕЛЬ ДО ТВОРІВ М. ГОГОЛЯ

У статті розглядається проблема відображення евангельських слів про небесні та земні скарби у творах Н. В. Гоголя, яка проходить лейтмотивом через усю творчість письменника. До неї він звертався в повістях «Старосвітські поміщики», «Портрет», «Шинель» і в поемі «Мертві душі». Автор статті аналізує найбільш показові фрагменти гоголівських творів у світлі поставленої проблеми і в тісному зв'язку з відповідними їй особистими позначками письменника на Біблії 1820 р. видання. У цих фрагментах простежується, як Гоголь приводить читача до істини "скарбів на небі", що розуміється як духовна прага в її цілісності і глибині. І в цьому евангельському сенсі гоголівські твори можна сприймати як своєрідні повчання про збирання небесних скарбів.

Ключові слова: Скарби земні і небесні, евангельські слова, Портрет, Шинель, Старосвітські поміщики, Мертві душі, послід.

Summary

THE TREASURES OF EARTH AND HEAVEN: ONE GOSPEL PARALLEL TO THE WORKS BY NICOLAI GOGOL

The author of the article researches the problem of the reflection of the words of the gospel about the heavenly and earthly treasures in the works by Nikolai Gogol and analyzed fragments of his works, reminding readers about these gospel words. The theme of the gathering treasure is a leitmotif, which runs through all the work of the writer, Gogol turned to it in the novels of "Old-world landowners", "Portrait", "the Overcoat" and in the poem "Dead souls". Also is researched letters of the writer belonging to him the Bible 1820 edition, confirming the interest of Gogol to this topic.

Keywords: The treasures of earth and heaven, the Gospel, Portrait, Overcoat, Old World Landowners, Dead Souls, letters.

**ЯК І. КАНТ ДУЖЕ ДОВГО І НЕПОМІТНО ЖИВЕ
У ТЕКСТІ «МЕРТВИХ ДУШ» М. ГОГОЛЯ**

Імануїлу Канту повезло отримати на самому початку ХІХ століття два переклади російською мовою. Перший переклад було зроблено Яковом Рубаном з праці І. Канта «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», що вийшла 1785 року друком у Ризі. У 1803 році переклад цієї праці було надруковано у Миколаєві. Він мав назву — «Кантово основание для метафизики нравов». Другий переклад належав Цебрикову Роману Максимовичу. Це був переклад праці І. Канта «Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen», що вийшла у Кенігсберзі на початку 1764 року. Переклад вийшов під дуже цікавою назвою: «Иммануила Канта наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного, в рассуждении природы и человека вообще и характеров народных, особенно служащие к объяснению некоторых мест Вилиомовой практической логики» [3]. Звичайно, що це суміщення у назві двох праць має пояснення, яке лежить ніби на поверхні. Перекладачем праці Петера фон Вільйома «Practische Logic für junge Leute, die nicht studieren vollen von Villaume» («Практическая логика для молодых людей, которые не желают учиться фон Вильйома») надрукованої у Берліні у 1787 році, був той самий Цебриков Р. М., який згодом переклав «Розмисли над почуттям прекрасного і піднесеного» І. Канта. Правда назва праці П. Вільйома у перекладі Цебрикова Р. М. стала більш дидактично нейтральною. Це була «Практическая логика или умсловие, руководствующее легчайшим способом к познанию истины и здравому суждению о разных предметах» [1].

Звичайно, що такий орієнтир читання, доданий до самої назви праці Канта, мав за мету передати власний досвід порівняння деяких суджень злогіки Вільйома, що вчать «вмінню зберігати напрямок у чуттях» із досвідом суджень людини, захопленої почуттями від прекрасного та піднесеного у викладі І. Канта. Можливо, що досвід порівняння цих логік так і

залишився б інтелектуальним особистим порівнянням перекладача, якби не трапилася ще одна інтелектуальна подія. Вона стосується утворення низки рецензій щодо поширення в аудиторіях європейських університетів навчання філософії через вивчення історії філософії, в якому заперечується остаточна істинність будь-якої філософської системи або ідей окремого філософа.

У Франції та Англії це стало можливим після системного донесення читачеві, відповідно, професором Віктором Кузеном та колишнім членом Ради Водхам коледжу — Артуром Джонстоном, змісту «Нарису з історії філософії» (*Grundriss der Geschichte der Philosophie*) Вільгельма Готліба Тіннемана. У 1812 році «Нарис» Тіннемана було надруковано одинадцятьма невеликими томами в одну восьму аркушу. Твір мав успіх у німецького читача. Невдовзі, у 1815 році, нариси вийшли новим тиражем. Після смерті автора над цим циклом з 1820 року працював ординарний професор Лейпцигського університету Йохан Амадеус Вендт, який вносив у текст власні додатки, зокрема суттєво розширив розділ про німецьких філософів — сучасників Канта, виправляв та уточнював списки літератури до розділів, чим намагався посилити роль «нарисів» в якості інтелектуального орієнтира, посібника (*Handbuch*) з тим, щоб ґрунтовно забезпечити подальшу поглиблену самостійну роботу читача. З лейпцигського видання 1829 року, відкоригованої праці Тіннемана, і було зроблено двотомний переклад французькою В. Кузена — «*Manuel de L'histoire De la Philosophie*», датованих, відповідно 1829 та 1830 роком видання [8]. У 1832 році в Оксфорді з'явився англomовний переклад праці В. Г. Теннемана («*A manual of the History of Philosophy*») [6]. У передмові до цього перекладу А. Джонстон повідомив, що він, як і В. Кузен, мусив виключити деякі розширення текстів, які не належали авторові. Зокрема, це стосувалося розповіді про деяких філософів Німеччини останньої третини XVIII ст. та багатьох філософів першої третини XIX ст. Автори перекладів виявилися одностайними у цій справі, коли скоротили виклад німецького мережива філософування цього періоду до викладу основних ідей цих систем, а також зберегли відповідні списки оригі-

нальних праць та праць з критики та аналізу відповідних філософських систем [6, с. VI].

За цією методикою скорочення, виклад ідей Ф. Шеллінга із відповідним списком праць, займає в оксфордському виданні три сторінки, а його послідовників — неповних дві. Список ідей Г. В. Ф. Гегеля разом із списком літератури набрав ще менше — тільки одну сторінку. А от виклад ідей філософії І. Канта кантіанцем В. Г. Тіннеманом разом із списком літератури зайняв аж дев'ятнадцять сторінок. Але справа не стільки в сторінках, а в тому, що послідовнику філософії І. Канта вдалося не тільки поєднати ерудицію, прекрасний аналіз багатьох оригінальних текстів, але й поставити вперше єдність проблемного поля двох «Критик» Канта у центр нової філософії без претензії заміщення нею всіх історичних варіантів попередньої філософської думки.

Але резонанс від перекладу праці В. Г. Тіннемана французькою отримав додаткове значення, завдяки вдалій демонстрації В. Кузеном у передмові (Preface) до першого тому «Посібника до історії філософії» В. Г. Тіннемана («Manuel de l'histoire la Philosophie») розуміння сутності подальшого розвитку філософії через набутий нею досвід зісторії власних системних рухів [5, с. V–XXVII].

Саме цю передмову В. Кузена у перекладі Миколи Петровича Огарьова було надруковано у двадцятому номері журналу «Телескоп» за 1832 рік [7]. На думку М. П. Огарьова, яку він виклав у дуже коротенькій власній примітці перекладача, широким колам публіки, серед яких починає зароджуватися заняття філософією, слід звернути увагу на розуміння її сучасного стану у Франції, де «Кузена слід визнати, по справедливості, її сучасним представником» [7, с. 415]. Згідно В. Кузена, у сучасній філософії присутні три орієнтири для філософування в умовах насичення філософії великою кількістю систем та відсутності філософських систем, що уникли критики. У цій ситуації, як зазначав В. Кузен, крок до збереження тільки «авторитетних» систем означав би повернення до стилю філософування середніх віків. Але, так само небезпечно, залишатися тільки в колі існуючих найновіших систем, що нищать одна одну через критику, через що взагалі

постає тривожне питання про позитивне значення заняття філософією. Тому найбільш доцільним в цій ситуації, буде заняття позиції неспішного виокремлення з філософських систем істинного та хибного знання [7, с. 415]. У самій же історичній послідовності філософських систем слід брати до уваги не останній їхній поділ, а поступове складання у колективних зусиллях філософів досконалої ідеї розвитку її предмету [7, с. 419]. Ідеологією, яка одночасно не відкидає жодної з систем філософії, але і не наслідує жодної з них абсолютно, може стати, на думку В. Кузена, еkleктизм [5, с. XIII–XVIII; 7, с. 423]. Саме еkleктизм обіцяє принести у саму філософію з історії філософії поміркованість та системну виваженість оцінок як єдино плідну основу самостійного вивчення філософії, що стає дуже поширеним явищем сучасної європейської культури [7, с. 426].

З огляду на таке подання ролі еkleктизму, у сучасному вивченні філософії, неважко помітити, що досвід коригування ідей практичної логіки П. Вільйома працею І. Канта, на яку звернув увагу Цебриков Р. М., до певної міри, відповідає майбутній логіці еkleктицизму. На думку автора перекладу, праця Канта суттєво розширює основу відповіді про сумісність послідовності мислення і послідовності суджень смаку, як одного з різновидів практичних суджень. На звороті титульної сторінки кантової роботи було вміщено текстову формулу розуміння П. Вільйомом головної умови сприйняття тривалих впливів піднесеного та прекрасного на чуттєвий світ накопичених насолод людини. Для успішного включення у чуттєвий світ людини дії піднесеного та прекрасного ця дія має співпадати за місцем і часом із позитивним настроєм людини. «Щоб нам зробити задоволення, привабити наше почуття та вразити приємним, творіння природи та мистецтва має завжди з'являтися нам у такі хвилини, коли серце наше на це налаштоване» [1, с. 230]. Але з позиції І. Канта, цей висновок П. Вільйома не може репрезентувати проблемний об'єкт цікавості філософів до узагальнення ефекту впливу прекрасного та піднесеного на чуттєвий досвід людини. І. Кант вважав, що мудрість філософів навряд чи зводиться до того, щоб стати

вчителями додавання послідовності судженням смаку схожої на послідовності мислення у відомих фігурах силогізму [3, с. 25]. Цим фактично І. Кант зміг виділити на майбутнє один із варіантів заниження філософського рівня аналізу включення прекрасного і піднесеного у судження смаку, який мав місце у практичній логіці Вільйома (позитивний настрій не провокує порушення законів логіки у судженнях). Але теза про те, що сама епоха залучення до навчання філософії не університетських аудиторій сама зробила вибір і довірила навчання мудрості І. Канту, а не П. Вільйома, могла б взяти до уваги відому критику П. Вільйома двох форм навчання мудрості у філософів. Перша мудрість філософів — це мудрість вчителів. Друга форма мудрості — власний досвід формування ідей. «Ось цією улюбленою ідеєю все і ознаменовано буває. Всяк філософ має свої помилки» [1, с. 252].

Але треба розуміти, що Гоголь не міг йти шляхом методології «послідовної еkleктики» В. Кузена з тим, щоб долучатися до дослідження переваг кантової точки зору на судження смаку порівняно із точкою зору П. Вільйома у всіх деталях. В той же час, Гоголь зміг помітити, що І. Кант розглядав можливість перегляду існуючих оцінок дуже і дуже поширеного явища: переходу людської чуттєвості через сприйняття прекрасного і піднесеного на рівень всезагальних почуттів із можливістю подальшого коригувального повернення до чуттєвості людини, що у значній частині вже набули характеру звичок. Гоголь помітив і те, що попри всю силу впливу прекрасного і піднесеного, ефект від «виховання почуттів» у світі людей, вже від самого початку, має межі. Гоголь не міг не помітити, хоча б за назвами розділів «Спостережень», експозиції цієї ідеї меж «виховання почуттів». У І. Канта будь-яке вдосконалення чуттєвого досвіду людини через насичення його сприйняттями прекрасного і піднесеного, не може відмінити самого по собі існування великої кількості розбіжностей між людьми за смаками, в основі яких надовго засіли уподобані чуттєві насолоди або їхні комбінації. Гоголь не міг не побачити, що для І. Канта будь-яке вдосконалення чуттєвого досвіду людини шляхом його насичення сприйняттям прекрасного і

піднесеного, не може відмінити саме існування різниці у чуттєвих сприйняттях схожих явищ у людей взагалі, або різницю, обумовлену існуванням чотирьох, за темпераментом, типів людей. Крім цього, «виховання почуттів» аж ніяк не може змінити поділ світу на чоловічий та жіночий світи та відмінити узагальнення відповідного чуттєвого досвіду їхнього спільного та окремого існування, не може змінити національні характери людини, а може діяти та змінювати чуттєвість людей лише в цих межах.

Без сумніву, Гоголь звернув увагу на те, що в першому підрозділі «Спостережень щодо почуття прекрасного і піднесеного» — «Різних предметів відчуття стосовно піднесеного та прекрасного», І. Кант відрозуміє акцент на тому, що починає розмову про джерела чуттєвої насолоди не як філософ, а як спостерігач. «Тепер я кину погляд на тільки деякі місця, які в цій царині найбільш помітні, але звертаю погляд свій як більш спостережний, ніж філософський» [3, с. 2; 4, с. 127]. Цей «не-філософський», спостережний погляд І. Канта фіксує картину щастя пересічної людини як життя із встановленою відповідністю схильностей особи та предметів, здатних приносити насолоду, або як потребу із чіткими орієнтирами їхнього задоволення. Саме такий, простий і зрозумілий механізм дії щастя є аксіоматичним судженням людей без особливих обдарувань та талантів. І саме опис цього, — «не філософського» розуміння щастя як картини довільної суми відповідностей схильностей і насолод «звабив» Гоголя. «Для огрядних людей винахідливішим творцем є кухар, а тонкий смак цих людей розкидано по льохах, разом із простими страмними та грубими речами але і вони відчують таку ж радість, з якою вінчані благородні люди» [3, с. 2–3; 4, с. 127–128]. До опису радощів пересічної людини, який започаткований описом радощів огрядної людини, І. Кант додає перелік не менш самодостатніх простих радощів життя. «Покійлива людина полюбить читання книжок для неї вголос, бо при цьому дуже добре може засинати; купець, щасливий коли обраховує уторговані бариші, а всі інші задоволення видаються йому хлопчачими, разом із тими, якими насолоджується благородна людина; будь-хто, хто кохає іншу стать виключно тому, бачить її серед речей, призначених для

насолоди; охочий до ловлі звірів, хоча при цьому тільки ловив би мух як римський цар Доміціан, або диких звірів як А...» [3 с. 3; 4, с. 128]. І Кант підсумовує цей перелік тезою : «У всіх цих людей є почуття, що сприяють їхній здатності насолоджуватися, мати задоволення на власний розсуд без ніяких заздрощів іншим та без потреби мати уяву про них [3, с. 3; 4, с. 128].

В підсумку цього «не-філософського екскурсу» І. Кант робить зауваження, що його увагу буде далі спрямовано не на почуття цих, самодостатніх у насолоді, людей, а на почуття людей, що існують під впливом прекрасного і піднесеного. І тому він більше нічого не додає до «картини щастя» мудрого повсякдення і полишає цю тему. А от Гоголь, навпаки, не тільки створює свою, схожу на Кантову картину задоволень мудрого повсякдення, а й звертає увагу на таку обставину. Він помічає, що І. Кант вказав на існування почуття, що наближає людину до справдження насолод тим, що дороблює бажання і здатність до насолоди, до справдження насолоди, але не виділив його окремою назвою [3, с. 2; 4, с. 127]. Це почуття Гоголь називає запалом (рос. азарт). Саме на тлі аксіоми пересічної людини про множинність та рівноцінність життєвих насолод, досягнення яких постійно живиться відчутним запалом, Гоголь і побудував власний «аргумент насолоди». Він складається, по-перше, з картини рівноцінності людських насолод; по-друге, з урахування необхідності існування «запалу» в якості основи отримання бажаної насолоди; по-третє, з демонстрації того, що робить відсутність такого «запалу» з характером, на прикладі поміщика Манілова (життя у світі бажань і задоволень без запалу) [2, с. 24–25].

З точки зору оформлення картини смаків пересічної людини («у всякого своє») Гоголь, так само як і Кант, вдається до переліку, списку рівноцінних життєвих насолод. В цьому переліку Гоголя присутні сім запалів, де наступний іноді веде людину до більш складної, специфічної насолоди, бо вимагає існування у неї певних талантів, чого у переліку насолод від пересічних людей І. Кант не вимагав. Зокрема, такою складною для пересічної людини буде запал від зараження уявою, що «він великий любитель музики й напрочуд відчуває всі глибокі місця

в ній» [2, с. 24]. У переліку запальних насолод можна зустріти картину бажаної комбінації «картюра-тріумфатора» — «заломити ріжок якому-небудь бубновому тузові або двійці» [2, с. 24]. Але цього переліку запальних бажань було достатньо, щоб побачити, в якості умови їхнього постійного відтворення, власно зосередженість на підтримці «самого свого» бажання. За такої логіки, Гоголь не випадково робить Манілова, як мінімум, приреченим на словесні і мрійні проекти здійснення бажань [2, с. 25–26]. І тому сенс використання Гоголем тези про стійке відтворення множинності смаків відрізняється від сенсу цієї ж тези у І. Канта. Останній фіксує наявність стійкого збереження насолод в часі у людей поза заздрощами один одному з тим, щоб саме цей об'єм змісту поняття «насолоди» виключити з подальшого філософського аналізу, тому що «відчуття першого (грубого) роду можуть існувати і за умов абсолютної бездумності» [3, с. 4; 4, с. 128]. Не важко побачити, що вивчення впливу прекрасного і піднесеного на більш тонкі почуття, що мають стати не менш тривалими і дієвими, виключає факт множинності та автономії простих насолод з подальшого філософського аналізу і цим вказує, від імені Канта, на межу ідейної глибини варіацій на тему «у кожного своє».

У другому розділі зазначеної Кантової праці, що має назву «Про якості піднесеного та прекрасного в людині», відбувається важлива подія — вибір доречного жанру письма для цієї теми. Саме нестачу виразності мови в оповідях про людські слабкості мають усунути описи цих слабкостей, обраним ідеалом точності для яких можуть виступити гравюри з під різця Хогарта [3, с. 23; 4, с. 135]. Для опису людських слабкостей І. Кант запропонував опис в жанрі «нарису з курйозів». Ось один з нарисів І. Канта «під Хогарта» про «любов до дрібничок» (*esprit des bagatelles*), в якому досягається найвищий ступінь виключення дії «піднесеного». Цей нарис І. Канта складено з опису книг у кабінеті, в якому взагалі відсутній прояв та згадка про високий вимір книги. «Смак до всього, що по циркулю розміряно і досить означено порядком, хоча і без ніякої користі, наприклад, книги досить красиво розставлені довгими рядами у шафі і порожня при цьому голова,

що захоплено роздивляється їх» [3, с. 53; 4, с. 148]. А ось, для порівняння, нарис Гоголя про «людські слабкості» — опис книжкових шаф полковника Кошкарьова, які розглядає Павло Іванович Чичиков. За логікою схожості виразності «нарису курйозів» з Кантових «Спостережень», близької до виразності картин, нариси мають говорити не більше і не менше, ніж підписи до кінця сторінки аркуші, під гравюрою Хогарта. В рамках «нарису курйозів» Чичиков мав би захоплено розглядати книги, не маючи можливості зачепитися за них своїм розумом. Гоголь розбиває цю неможливість зачепитися розумом за книжку у спогляданні, разом із своїм головним героєм, у нарисі з декількох картин. Першу заміну читання спогляданням у бібліотеці Кошкарьова Гоголь частково пояснив тим, що книжкові шафи у полковника займають велику залу і цим перетворюють її аж на книгосховище. Погляд Чичикова разом із поглядом автора і читача, біжить і читає тільки назви книжок та журналів і в підсумку, німіє перед зібранням книжок з усіх галузей, цим своєрідним забезпеченням знаннями до найменших дрібниць. «Це книжки «з лісництва, скотарства, свинарства, садівництва, спеціальні журнали з усіх галузей, які тільки розсилають за обов'язковою передплатою, аж ніхто не читає» [2, с. 310]. На перший погляд, оглядини очима Чичикова назв першої шафи, ніби лише повторили захоплення порожньої голови від побачених рядів книжок з відповідного нарису І. Канта, але у Гоголя, це було аж ніяк не захоплення, а легке мовчазне розтавання із книжками, що стоять вище книжок, «призначених для приємного проведення часу» [2, с. 310].

Крок Павла Івановича до іншої шафи — нова картина. Це картина книг «з вогню та полум'я: всі книги філософські» [2, с. 310]. Саме ідеї з філософських книжок спалюють розум і душу людей, бо вбивають своїми назвами всізвичаєві поняття. Розгорнуті Чичиковим книжки лякали повторенням малозрозумілих напряму понять: «прояв, розвиток, абстракт, замкнутість і зімкнутість», та ще додавали відчуття власної нікчемності наявністю ще більшої кількості понять з філософії, для розуміння яких не вистачить ніякого життя. І нарешті, третя шафа і нова картина. Саме ця шафа, рядами книжок з мистецтва,

робить Чичикова щасливим. Але і тут, щастя приходить не від читання, а від розглядання книжок. Книжки з мистецтва здатні задовольняти своєрідну цікавість порожньої голови до нескромних міфологічних малюнків оголеного тіла. Звичайно, що заради повноти, в цьому циклі має бути початкова і кінцева картини. На місці початкової картини може бути зображення запрошення та введення Чичикова до бібліотеки, яка втілює імператив — «Освіта мусить бути відкрита всім» [2, с. 310]. Останньою картиною може бути, зображення перерваних Кошкарьовим, розглядин Чичиковим міфологічних малюнків. Але відтворення повноти картин у циклі з уявною назвою — «Чичиков у бібліотеці», дає можливість побачити і оцінити всі реакції героя у світі «освіти, що належить всім». Разом із цим, в нарисі про перебування Чичикова у бібліотеці Кошкарьова, Гоголь спромігся дати, не тільки художньо розширену паралель, до виділеного І. Кантом, курйозного нарису захоплення від порядку рядів книжок, що відбувається без читання та мінімальним дотиком до піднесеного. Гоголь спромігся ввести у картини зачарованих розглядини книжок цікаве позначення нового чоловічого явища — прояву захоплення від роздивляння «прянощів» міфологічних малюнків, що дублюється ще й старикашками, «які підбадьорюють себе балетами» [2, с. 211].

І нарешті, дуже важливими, як виявляється, для Гоголя були розглядини неочікуваних наслідків сприйняття прекрасного і піднесеного людиною, що зробила справою свого життя один із різновидів добродійності — послужливість [3, с. 28–29; 4, с. 138]. Тут на нас, як потенційних добродійників очікує, за І. Кантом, дві стійкі загрози. Перша загроза добродійності походить з того, що послужливість поширює свою дію тільки на вузьке коло «обраних близьких» і, аж ніяк, не на далеких. Другою загрозою добродійності людини може стати її згода на порочні вчинки, виправданням яких стає бажання принести насолоду кому-небудь з обраного кола людей. «З ласкавої співдружності та любові до товариства, він буде брехуном, гулякою дармоїдом, пияком і таке інше, бо чинить не за правилами благої поведінки взагалі, а за схильністю, яка сама по собі хоча і прекрасна, але порушена хоч одного разу,

стає непристойною» [3, с. 29; 4, с. 138]. Саме ця послужливість, що дозволяє людині йти на будь-який, навіть неприйнятний вчинок заради того, щоб принести задоволення знайомому або приятелю, здавна закріпилася у «Мертвих душах» за поміщиком Ноздрьовим.

Якщо у І. Канта послужлива людина, зберігає дистанцію «можливого кроку» до паскудних вчинків, частково наведених у списку пороків, то у Гоголя за синонім можливості паскудства послужливої людини стає його несподіваність, бо воно йде від людини, що не має за положенням так чинити, але робить це. Цікаво, що картина паскудства з неочікуваного боку у Гоголя обмежується наведенням прикладів ганебних вчинків високих чиновників, що є правилом колезьких реєстраторів, але, аж ніяк, не людей із зірками. Але саме після паскудства колезьких реєстраторів, де воно є правилом життя, Гоголь повертається у кантівський простір ближнього кола послужливої людини і описує, від імені автора, імператив дії паскудства Ноздрьова в цьому колі ближніх: «Чим хто ближче з ним сходився, тому він найшвидше насолював» [3, с. 71].

І на кінець, Гоголь розумів, що теза І. Канта про можливість існування добродійного паскудника не є тезою про якусь ваду, яка загрожує людству. Ця неприємна можливість, за Кантом, нікуди не зникає, а співіснує поруч із більш послідовною і незламною добродійністю, що надійно об'єднано із високими почуттями. І майже та ж теза з'являється у Гоголя. На Ноздрьові, як ідеалі «добродійного паскудника», Гоголь повторює відому тезу про можливість повторення гріхів послужливої добродійності, бо Ноздрьов «усюди, між нами і, може, тільки ходить в іншому каптані» [3, с. 72].

Але встановлення цих безперечних відповідностей між текстами Канта і Гоголя не лежить в площині відновлення формалістичної ідеології моделювання наслідування класичної літератури письмом «швидких» геніїв. По-перше, сам І. Кант написав працю «Спостереження над почуттям прекрасного і піднесеного» в уявному стилі співпраці з всіма «не-філософами», а пересічними людьми, що ствердились вже у певних тезах мудрості. Саме ці тези мудрості І. Кант описав з легкою іронією,

яка існує у художньому переліку права на «свою насолоду» на самому початку праці. Але іронія відчувається на своєму місці не тому, що цей опис належить філософу, а тому що ця іронія, посмішка та спокійне неприйняття чужих радощів життя є такою ж складовою мудрості права кожної людини на власне бажання. Тому в описах цього права немає нічого глибокого філософського, крім фіксації того, що саме за межами цих суджень і починають виникати більш складні ситуації практичного оволодіння насолодами до опису яких філософ і обіцяє перейти. Все це означає, що І. Кант нічого філософського не стверджує своїм художнім образом самодостатності різних власників бажання. Філософською є лише теза І. Канта про те, що подальший аналіз не буде стосуватися цього автоматичного права бажання будь-якої людини, тобто людини взагалі. Тому у цьому фрагменті праці І. Канта немає нічого від філософа І. Канта. Але, саме цим художньо вдалим описом ствердження автономного права кожної людини на «своє» у світі насолод, І. Кант звабив Гоголя. У «відповідь», Гоголь створив свій іронічний список автономного права кожної людини на «своє». І набрав, з одного боку помилок, бо з позиції німецького філософа, Гоголь необачно наштовхав у ці насолоди такі таланти, які навряд чи зроблять людину автоматичним захисником насолоди тільки в межах автономії «права на своє». З іншого боку, виділів «запал» (рос. азарт) в якості беззаперечної основи ствердження свого бажання як свого та в реальності і цим заклав для себе і читача певне розуміння емоційної долі «запальної людини», яку з віком усвідомлює кожна людина.

Співпрацю з «не-філософами», а вмільцями писати «нарис курйозів», І. Кант вважав необхідною, для підвищення виразності опису дивних форм життєвого завзяття, в яких мінімізовано присутність «високих почуттів». Про такі почуття слід навчитися писати коротко, чого філософи не вмюють. Тому гравюрний відбиток картини В. Хогарта разом із описом події під гравюрою був для І. Канта прототипом для повторення у «нарисі курйозів» виразності хогартових історій. Останні дуже добре зв'язували в уяві читача невелику кількість зображених знакових речей та реакцій на них персонажів і разом із коротким

коментарем утворювали єдине коло виразності. Саме такий, не зі слів філософа побудований опис, у форматі «нарису курйозів» слід поширити на всі «слабкості людини», з тим, щоб виразно показати їхню мінімальну причетність до прекрасного та піднесеного. Гоголь, який непогано знався на техніці В. Хогарта, «де-факто», у власних картинах деяких дивних насолод поміщиків дотримувався Кантового розуміння відсутності у жанрах сучасної філософії вміння зображувати це явище. Тому у зображенні кур'йозних відвідин Чичиковим бібліотеки полковника Кошкарьова від Канта, саме як філософа, нічого не запозичується.

Література:

1. *Вильом П.* Вилиома практическая логика или деятельное умословие, руководствующее легчайшим способом к познанию истины и здравому суждению о разных предметах / Петер Вильом ; [перевод с немецкого Р. М. Цебрикова]. — СПб : При Губернском Правлении, 1802. — 308 с.

2. *Гоголь М. В.* Твори в трьох томах. Мертві душі. Вибрані статті / Микола Васильович Гоголь ; [переклад з російської за редакцією І. Сенченка]. — К. : Державне видавництво художньої літератури, 1952. — Т. 3. — 578 с.

3. *Кант И.* Иммануила Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» в рассуждении природы и живых вообще характеров; служащие к объяснению некоторых мест Вилиомовой практической логики / Иммануил Кант ; [перевод с немецкого Р. М. Цебрикова]. — Санкт-Петербург : Театральная типография, 1804. — 141 с.

4. *Кант И.* Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного / И. Кант // Сочинения в шести томах ; [перевод с немецкого В. А. Фохта]. — М. : Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1964. — Т. 2. — С. 125–183.

5. *Cousin V.* Preface / Victor Cousin // A Manuel de L'histoire De la Philosophie / Wilgelm Gotlib Tenneman ; [Traduit del' allemande de Tenneman par V. Cousin, prof. A la facultat des Lettres de L'academie de Paris]. Tome premier. — Paris: A Sautetet G¹⁸, 1829. — S. V–XXVII.

6. *Jonston A.* Translator preface/Arthur Jonston // A manual of the History of Philosophy // Wilgelm Gotlib Tenneman ; [Translated from the German by the Rev. Arthur Jonston M. A. Late fellow Wadham Colledge, Etc.]. — Oxford: Talboys and Browne, MDCCCXXXII. — P. V–XI.

7. *Малахов В.* Кант и Гоголь: двойной портрет / Виктор Малахов // Уязвимость любви. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. — С. 273–294.

8. Огарев Н. Современное назначение философии / Николай Огарев // Телескоп. — 1832. — № 20. — С. 415–426.

9. Tenneman W. G. A Manuel de L'histoire De la Philosophie / Wilgelm Gotlib Tenneman ; [Traduit del'allemande de Tenneman par V. Cousin, prof. Alafacultat des Lettres de L'academie de Paris]. Tome premier. — Paris : A Sautet et G¹⁸, 1829. — 392 s.

10. Tenneman W. G. A manual of the history of Philosophy / Wilgelm Gotlib Tenneman ; [Translated from the German by the Rev. Arthur Jonston M. A. Late fellow Wadham Colledge, Etc.]. — Oxford: Talboys and Browne, MDCCCXXXII. — 494p.

References:

1. Vil'om P. Viliom's Practical Logic or Reasonable Word Usage, Guiding to the Easiest Way to Knowing the Truth and Making Sound Judgment about Various Subjects [*Vilioma prakticheskaya logika ili deyatel'noe umoslovie, rukovodstvujushcheje legchayshim sposobom k poznaniyu istiny i zdravomusuzhdeniyu o raznyh predmetah*] [Translated from German by R. M. Tsebrikovov]. Saint-Peterburg, Pri Gubernskom Pravlenii Publ., 1802. 308 p.

2. Gogol' M. V. Works in three volumes. Dead Souls. Featured Articles [*Tvory v triokh tomah. Mertvi dushi. Vybrani statti*] [translated from Russian, edited by I. Senchenko]. Kyiv, Derzhavne vydavnicтво hudozhnioji literatury Publ., 1952. V. 3. 578 p.

3. Kant I. Immanuel Kant's "Observations on the Sense of Beauty and the Sublime" in the Argument (Judging about) of Nature and all Living Characters; Serving to Explain Some Places from Viliom's Practical Logic [*Immanuila Kanta «Nablyudeniya nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo» v rassuzhdenii prirody i zhivykh voobshche kharakterov; sluzhashchije k obyasneniyu nekotorykh mest Viliomovoy prakticheskoy logiki*]. [Translated from German by R. M. Tsebrikovov]. Sankt-Peterburg, Teatral'naja tipografija Publ., 1804. 141 p.

4. Kant I. Observations on the sense of beauty and the sublime. Works in six volumes ; [translated from German by V. A. Foht]. [*Nabljudeniya nadchuvstvomprekrasnogo i vozvyshennogo. Sochineniya v shestitomakh; [perevod s nemeckogoV. A. Fohta]*]. Moscow, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury«Mysl'» Publ., 1964. V. 2.- P. 125–183.

5. Cousin V. Preface. A Manuel de L'histoire De la Philosophie. Wilgelm Gotlib Tenneman; [Traduit del'allemande de Tenneman par V. Cousin, prof. A lafacultat des Lettres de L'academie de Paris]. Tome premier. Paris, A Sautet et G¹⁸, 1829. P. V–XXVII.

6. Jonston A. Translator preface. Wilhelm Gotlib Tenneman; [Translated from the German by the Rev. Arthur Jonston M. A. Late fellow Wadham Colledge, Etc.]. Oxford, Talboys and Browne, MDCCCXXXII. P. V–XI.

7. Malakhov V. Kant and Gogol: a Double Portrait. Vulnerability of Love [Kant i Gogol': dvoynoj portret. Uyazvimosť Ljubvi]. Kyiv, DUKH I LITERA Publ., 2005. P. 273–294.

8. Ogarev N. Modern Purpose of Philosophy [*Sovremennoe naznachenie filosofii*]. Teleskop Publ., 1832. № 20. P. 415–426.

9. Tenneman W. G. A Manuel de L'histoire De la Philosophie [Traduit de l'allemande de Tenneman par V. Cousin, prof. A la facultat des Lettres de L'academie de Paris]. Tome premier. Paris, A Sautetet G18, 1829. 392 p.

10. Tenneman W. G. A manual of the history of Philosophy. [Translated from the German by the Rev. Arthur Jonston M. A. Late fellow Wadham Colledge, Etc.]. Oxford, Talboys and Browne, MDCCCXXXII. 494 p.

Анотація

ЯК І. КАНТ ДУЖЕ ДОВГО І НЕПОМІТНО ЖИВЕ У ТЕКСТІ «МЕРТВИХ ДУШ» М. ГОГОЛЯ

У статті з'ясовано причини непомітної присутності у тексті «Мертвих душ» М. Гоголя ідей І. Канта з праці «*Veobachtungen über das Gefühltes Schönen und Erhabenen*» — «Спостереження над почуттям прекрасного і піднесеного», що вийшла друком у 1764 році і була перекладена російською Р. М. Цебриковим у 1804 році.

Співставлення текстів «Спостережень» та «Мертвих душ» вимагає врахування поширення у 30-ті роки XIX ст. «ідеології еkleктики». Ідеологія поміркованості в оцінках ідей філософів як припис з вивчення історії філософії, стає відомою у Росії з критичних коментарів до перекладу В. Кузена французькою «Посібника з історії філософії» В. Г. Тіннемана.

Присутність ідей зі «Спостережень» у «Мертвих душах» можна кваліфікувати як зникаючий зразок для створення М. Гоголем «фрагмента-синоніму» в межах тем, які аж ніяк не репрезентують ідейний бік філософського вчення І. Канта і тому роблять цю присутність непомітною.

Перша тема у І. Канта — це картина автономії смаків людей із сталими звичками. У Гоголя — це список смаків, в якому присутній азарт, який відсутній у Манілова. Друга тема — це визнання І. Кантом в описах «дивних насолод», наприклад, розглядинах книг на полицях

без згадки про їхнє високе призначення, першості не за поняттями філософів, а за «нарисами курйозів» устілі В. Хогарта. У другому томі «Мертвих душ» Гоголя — це опис отримання Чичиковим насолоди від розглядин бібліотеки полковника Кошкарьова. Третя тема — це досвід парадоксів життя, присвяченого добродійності, до яких люди вже пристосувалися. Так основою парадоксу служіння часто стає заміна добродійності на послужливість, яка стає носієм паскудних вчинків заради служіння близьким. У Гоголя — це добродійність паскудника Ноздрьова та приховані паскудства добродійних чиновників.

Ключові слова: В. Кузен, П. Вільюм, І. Кант, еkleктизм, насолода, нарис курйозів, послужливість.

Аннотація

КАК И. КАНТ ОЧЕНЬ ДОЛГО И НЕЗАМЕТНО ЖИВЕТ В ТЕКСТЕ «МЕРТВЫХ ДУШ» М. ГОГОЛЯ

В статье выяснены причины незаметного присутствия в тексте «Мертвых душ» Н. Гоголя идей работы И. Канта «Beobachtungen überdas Gefühldes Schönenund Erhabenen» — «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», вышедшей в свет в 1764 году и переведенной на русский Р. М. Цебриковым в 1804 год.

Сопоставление текстов «Наблюдений» и «Мертвых душ» требует учета распространения в 30-е годы XIX в. «идеологии еkleктики». Идеология умеренности в оценках идей философов как предписание по изучению истории философии, становится известной в России из критических комментариев к переводу В. Кузена на французский «Руководства по истории философии» В. Г. Тиннемана.

Присутствие идей из «Наблюдений» в «Мертвых душах» можно квалифицировать как исчезающий образец для создания Н. Гоголем «фрагмента — синонима» в пределах нескольких тем, которые не представляют идейную сторону философского учения Канта и поэтому делают это присутствие незаметным.

Первая тема из И. Канта — это картина автономии вкусов людей с постоянными привычками. У Н. Гоголя — это список вкусов, в котором присутствует азарт и который все отсутствует у Манилова. Вторая тема — это закрепление И. Кантом в описаниях «странных наслаждений», например, разглядывания книг на полках без упоминания об их высоком предназначении, первенства не за понятиями философов, а «очерками Курьезов» в стиле В. Хогарта. Во втором томе «Мертвых душ» Н. Гоголя — это описание возникновения у Чичикова

наслаждения из разглядывания библиотеки полковника Кошкарева. Третья тема — это опыт парадоксов жизни, посвященной добродетельности, к которым люди уже приспособились. Основой парадокса «служения людям» часто становится подмена добродетельности услужливостью, которая становится носителем порочных поступков ради служения близким. У Гоголя — это беспринципная услужливость Ноздрева и неожиданно «изысканные» гадкиепоступки среди чиновников.

Ключевые слова: В. Кузен, П. Вильом, И. Кант, эклектизм, наслаждение, очерккурьезов, услужливость.

Annotation

AS IMMANUEL KANT LIVES VERY LONG AND QUIETLY IN THE TEXT OF GOGOL'S «DEADSOULS»

The article give reasons for explanation of undetectable presence in Gogol's "Dead Souls" some ideas from Kant's «Beobachtungenüber das Gefühl des Schönenund Erhabenen» — «Observations on the sense of beauty and the sublime», which was published in 1764 and translated into Russian by R. M. Tsebrikov in 1804.

A comparison of texts "Observation" and "Dead Souls" requires to include in it as very important element for it's realization the ideology of eclecticism which was one of the dominant forms of ideology in 30-ies of the XIX century. The moderation in the estimates of the ideas of philosophers as a prescription for the study of the history of philosophy have become the most important consequence from the eclecticism. This prescription is known in Russia thanks to critical comments to the translation into French W.G.Tenneman's "A manual of the History of Philosophy" by V. Cousin.

The presence Kant's ideas from "Observation" in Gogol's "Dead Souls" can be described as a template for creating a vanishing Gogol's "track — a synonym for" a few topics that are not ideological side Kant's philosophical doctrine and therefore make very invisible such presence for a long time.

The first Kant's theme — this is a picture of autonomy tastes of people which was established as habits. In Gogol's text — a list of tastes in which there is ardor and that is completely absent in any Manilow's action.

The second theme — Kant's ascribing the primacy "Sketches of curiosities" in the style of W. Hogarth to the concept of philosophy in the description of "strange pleasures," for example, description of looking on the books on the shelves without mention of their high destiny. In the

second volume of "Dead Souls" we can find the similar description of the moment for occurrence of enjoyment in Chichikov through examining magazines and books from the Koshkarev's library.

The third theme from Kant's work — the experience paradoxes of life, devoted to virtue, emerged as usually through the substitution this serving on suppleness, but to which people have been adapted. The suppleness for neighbors becomes a carrier of vicious acts. In Gogol's case, it will be Nozdryov's unprincipled complaisance and unexpectedly "exquisite" nasty deeds among officials

Keywords: V. Cousin, P. William, I. Kant, eclecticism, essay curiosities, pleasure, suppleness.

**«...ВСЯ КОЛОМНА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРИРОДА
ЖИВАЯ...»: «ДОМИК В КОЛОМНЕ» ПУШКИНА И
ПОВЕСТЬ ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»**

В письме к А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. Гоголь сообщал о своем раннем общении с «живыми классиками» петербургской словесности: «Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. <...> Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая. — У Жуковского тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут» [1, X, с. 214].

Уже в начале XX столетия исследователи Гоголя довольно скептически воспринимали это свидетельство. «Личная близость Гоголя к Пушкину в гоголевской литературе заподозрена, и прежняя идеализация их личных отношений — поколеблена» — констатировал еще в 1924 г. В. В. Гиппиус [2].

В самом деле: если рассмотреть чисто «житейскую» ситуацию лета 1831 года в жизни Пушкина, Жуковского и Гоголя, то нельзя не «заподозрить» это гоголевское свидетельство в некотором хвастовстве. Пушкин впервые услышал о Гоголе из письма П. А. Плетнева от 22 февраля 1831 г.; Плетнев сообщал: «Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Сев<ерных> Цветах отрывок из исторического романа, с подписью ОООО, также в Литературной Газете “Мысли о преподавании географии”, статью “Женщина” и главу

из малороссийской повести “Учитель”. Их писал Гоголь-Яновский. <...> Жуковский от него в восторге» [3, XIV, с. 153].

Пушкин (живший тогда с молодой женой в Москве, но уже собравшийся переселяться на летние месяцы в Царское Село) не очень доверял литературным «восторгам» Плетнева — и ответил на его «рекомендацию» не сразу, а только через два месяца (и «через два письма»), в середине апреля: «О Гоголе не скажу тебе ничего потому, что доселе [ничего] его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского села, где, ради Бога, найми мне фатерку...» [3, XIV, с. 162]. Еще через месяц, 20 мая 1831 г. на вечере у того же Плетнева ему представили молодого Гоголя. Но он как будто его не очень запомнил: его гораздо больше занимало первое знакомство его молодой жены с петербургским литературным миром, произошедшее на том же вечере. Во всяком случае, когда в июне того же года Пушкин разговаривал с В. А. Соллогубом, то на вопрос последнего, «знает ли он Гоголя, отвечал, что еще не знает, но слышал о нем и желает с ним познакомиться» [4].

Пушкин с женой поселились в Царском Селе (в доме вдовы царского камердинера А. Китаевой) 25 мая 1831 г. С середины июня 1831 г. Гоголь живет по соседству, в Павловске, в качестве учителя умственно неполноценного сына А. И. Васильчиковой Василия. Перед отъездом из столицы он отдал в типографию первую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», — и ждет выхода книжки. Между тем, в Петербурге началась эпидемия холеры (и даже произошел холерный бунт), что осложнило работу почты. Почта в Павловске оказалась неисправна — и в конце июня Гоголь воспользовался этим, попросив у Пушкина (дом которого находился в четырех верстах) разрешения пользоваться его царскосельским адресом для пересылки корреспонденции (этот адрес он тогда же с гордостью написал в двух письмах к матери — 1, X, с. 200, 201). Кажется, его «литературное общение» с Пушкиным на первых порах этим и ограничилось.

9 июля в Царское Село приехал В. А. Жуковский, а на другой день — и весь царский двор, во главе с Николаем I. Тихий дачный пригород тут же превратился в шумное «придворное» место. Николай Павлович находился в Царском Селе

около двух недель (до отъезда в Старую Руссу для подавления холерных бунтов в военных поселениях) — и за это время, по свидетельству А. О. Смирновой-Россет, встречался с Пушкиным во время прогулки в парке и предложил ему поступить на службу [5]. В ответ на предложение императора поэт подал записку о возможности собственного устройства и о программе задуманного им политического и литературного журнала на имя А. Х. Бенкендорфа [3, XIV, с. 279–285]. Именно тогда он сочинял «по желанию государя» [6] послание «Клеветникам России». Александр II вспоминал, что поэт «прежде всего прочел» это написанное им стихотворение членам царской семьи [7]. В июле-августе 1831 г. Пушкин, живя в Царском Селе, был более, чем когда-либо близок к власти. «Царь со мною очень милостив и любезен, — сообщал он П. В. Нащокину 21 июля. — Того и гляди попаду во временщики...» [3, XIV, с. 196].

В этой суетливой обстановке Пушкину, увлеченному вновь открывшимися житейскими возможностями и занятому соответственными хлопотами, было, честно говоря, не до ежевечерних встреч с Гоголем (тем более что вечерами Пушкин с Жуковским зачастую бывали, как пишет Смирнова-Россет, у нее в фрейлинском доме [8]).

Между тем, Жуковский, переживавший в этот период творческий подъем, весьма заинтересовался новыми пушкинскими произведениями, созданными осенью 1830 г. в Болдине. Он ежедневно общается с Пушкиным — и с жадностью читает всё, недавно написанное поэтом. Вот записка Жуковского к Пушкину, тоже относящаяся к середине июля: «Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердись на Чуму: она едва ли не лучше Каменного Гостя. На Моцарта и Скупого сделаю некоторые замечания. Кажется, и то и другое еще можно усилить. — Пришли Онегина, Сказку октавами, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные» [3, XIV, с. 203]. Жуковский демонстрирует в данном случае завидную осведомленность в творческих замыслах Пушкина, реализованных «болдинской осенью».

Но и к молодому Гоголю Жуковский относился с расположением — и с самого начала оказался в более тесных, чем

Пушкин, отношениях с начинающим писателем. Именно с его подачи Гоголь действительно мог побывать на двух-трех вечерах и несколько познакомиться с новыми, не опубликованными еще, пушкинскими вещами. Пушкин уже, вероятно, прочел ранние опыты Гоголя (на которые ему указал Плетнев); он, возможно, слышал в авторском чтении (или прочитал в рукописи) повести из первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (В. А. Соллогуб вспоминал об авторском чтении «Майской ночи» в Павловске) [9]. В свою очередь, и Пушкин мог познакомить его со своими новыми вещами вроде упомянутых в приведенном письме «Домика в Коломне» и «Сказки о попе и работнике его Балде». Без сомнения, при этом знакомстве присутствовал и Жуковский.

В. Е. Хализев указал на «неслучайность» того обстоятельства, что Пушкин прочитал «Домик в Коломне» именно Жуковскому и Гоголю («как и то, что после болдинской осени с “Повестями Белкина” он обратился к Е. А. Боратынскому, а с литературно-критической прозой — к П. А. Вяземскому») [10]. Между прочим, с «Повестями Белкина» автор «Вечеров...» тем летом так и не познакомился, хотя Пушкин послал их в Петербург (для передачи Плетневу) именно «с Гоголем» (отъезжавшим из Павловска 15 августа — 3, XIV, с. 209). Содержание передаваемой посылки осталось для него неизвестным [11].

Примечательно, что Жуковский и Гоголь, первые из русских писателей, познакомившиеся с «совершенно русскими» сказками Пушкина, оказались как будто единственными, кто сумел по достоинству оценить их. Другие литераторы пушкинского круга считали занятие «сказками» если не «ошибкой», то странной пушкинской «прихотью». П. А. Вяземский к этим потугам относился (как констатировал сын) «всегда недоверчиво и враждебно» [12], а Е. А. Боратынский, в 1833 г. прочитавший пушкинскую «Сказку о царе Салтане...», недоуменно заметил в письме к И. В. Киреевскому: «Это совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется ее недостаток. Что за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-Птицу?..» [13].

Гоголь как будто придерживается принципиально иной точки зрения. 8 сентября 1831 г. его навестил в Петербурге

Пушкин (приезжавший на день из Царского Села). Среди прочего, он сообщил, что уже закончил ту «сказку русскую народную», которую сочинял, «соревнуясь» с Жуковским на глазах Гоголя. 10 сентября Гоголь сообщает в письме к Жуковскому: «Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам...» [1, X, с. 207].

В этом «соревновании», затеянном в Царском Селе, и Пушкин, и Жуковский ориентировались на народное сознание и на творчество «для народа». Сюжеты для сочиняемых сказок были напрямую взяты из пушкинских записей сюжетов Арины Родионовны (их поэт записал еще в михайловской ссылке в рабочей тетради ПД № 836): «Некоторый царь задумал жениться...» и «Некоторый царь ехал на войну...» [14]. А заглавия их были прямо стилизованы под лубочную литературу: «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» и «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кошеля Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кошечей дочери». «Соревнующиеся» поэты как будто приблизились к той вершине творчества, «где высокая литературность соединяется с простонародностью» [15].

В данном случае Гоголь откровенно торжествует: где-то «между» сентябрьским приездом Пушкина и письмом к Жуковскому (скорее всего, 9 сентября) он, наконец, получил из типографии экземпляры первого тома «Вечеров...», который составили подобные же «сказки». В данном случае он как будто «попал» в то значимое направление словесности, вокруг которого начинает «строиться» новая русская литература.

Другой текст, с которым Пушкин познакомил Гоголя, он оценил совсем иначе, чем Жуковский. Для Жуковского «Домик в Коломне» — не более, чем «сказка октавами»: он, как и большинство поэтов следующей за Пушкиным эпохи, оценил прежде всего стихотворную форму, соединившую классическую

традицию «торкватовых октав» с непритязательной «сказкой» ни о чем. Именно подобное соединение рождало ту особенную прелесть по видимости «пустого» пушкинского повествования. Именно его сделали основой для своих подражаний этой поэме и Лермонтов («Тамбовская казначейша», «Сашка», «Сказка для детей»), и Фет («Талисман», «Сон», «Две липки», «Студент»), и Майков («Машенька»), и Огарев («Ровесники», «Юмор»), и Тургенев («Параша», «Поп», «Андрей»), и Полонский («Братья»), и А. Толстой («Сон Попова», «Портрет»)… «По количеству вызванных подражаний “Домик в Коломне” может сравниться только с “Кавказским пленником”…» — констатировал Б. В. Томашевский [16]. Все эти подражания, растянувшиеся на полвека после создания пушкинской поэмы, шли от того странного открытия «разговорной октавы», которое поначалу даже самому Пушкину представлялось основным ее содержанием: не случайно он, в письмах и перечнях произведений, упоминал поэму в 1830–31 гг. именно под названием «Октавы» [17].

Гоголь же, познакомившийся с пушкинской поэмой, воспринял ее принципиально иначе: это — *«повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая»*. То есть Гоголь обратил внимание прежде всего на «событийный» ряд пушкинской поэмы, на петербургскую топографию, в ней отразившуюся — и на странный, не объясненный в сюжете, анекдот о «кухарке», оказавшейся мужчиной.

Подобное восприятие обнаруживает некоторые странности. Гоголь мог читать (или слышать в авторском чтении) только «болдинскую» редакцию поэмы (еще не имевшую привычного нам заглавия). Эта редакция состояла из 48 октав (текст, опубликованный в 1833 г., включал лишь 40 октав) — и «петербургская природа живая» отнюдь не составляла ее содержательной основы. Композиция «повести, писанной октавами», кажется весьма причудливой. Первые 16 октав занимает некая «болтовня» об октаве, александрийском стихе и гекзаметре, о Буало и «поэтах юга», о Рысаке и Пегасе и о многом другом — некие «шалости» Музы. Далее автор переходит, наконец, к «петербургской природе»:

XVII

Усядься, Муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки — не вертись, резвушка.
Теперь начнем. Жила была вдова
(Тому лет 9), бедная старушка,
С одною дочкою. У Покрова
Стояла ветхая ее лачужка —
За самой будкой. Вижу, как теперь,
Светлицу, три окна, крыльцо и дверь.

XVIII

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым, вечерком, пешком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало тут сидевших под окном —
О той поре, когда я был моложе —
Я думал, живы ли оне? и что же?

XIX

Мне стало грустно. И на новый дом
Глядел я мрачно. Если б в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя...

Собственно, «петербургская природа» тут и кончается. Далее следует неторопливое, с многочисленными отступлениями в сторону, описание жизни хозяек этого дома — из него можно вычленишь такие «природные» детали быта петербургской Коломны вроде раннего закрытия ставен, «мяуканья котов по чердакам», тихих ночных улочек, походов на службы «к Покрову» и т.д. Наконец, уже ближе к концу, с XXXV октавы, начинается собственно фабула: то, что Гоголь обозначил в своем заглавии повести — «Кухарка»...

Современное пушкиноведение представило целый веер интерпретаций этой фабулы. Поэма предстает то бытовой святочной «шуткой», соответствующей традиционному укладу

русской жизни: обряд святочного «ряжения» [18], то — изысканной «самопародией» на только что завершённого «Евгения Онегина» [19]. Чаще всего она рассматривается с точки зрения реализации формы стихотворной новеллы комического характера [20] — не случайно же Жуковский ставил ее («сказку октавами») в один ряд с «прозаическими сказками», то есть «Повестями Белкина».

Но что же, в конце концов, скрывалось за «недосказанным», хотя и снабженным «моралью» сюжетом? Какую роль в этой истории играла «дева томная» — Параша, которая привела в «ветхую лачужку» дешевую кухарку, на поверку оказавшуюся мужчиной? То ли просто «обмишурилась» — то ли спешила реализовать то проснувшееся чувство любви, которое будоражило ее сердце: «Сердце девы томной, / Бывало, слышно ей, когда оно / В упругое стучалось полотно». Автор даже обещает «ответить» на задаваемые им вопросы, касающиеся поклонников Параша: «Меж ими кто ж был сердцу девы ближе / Или равно для всех она была / Душою холодна? *Увидим ниже...*».

Но «ниже» — ничего не разъясняется. Во всяком случае, мнимая кухарка убежала, «не наделав слишком много бед / У красной девушки и у старушки»... Показательно, что В. Ф. Ходасевич, включивший «Домик в Коломне» в цикл «петербургских повестей Пушкина», предположил наличие некоей «демонической» составляющей в облике «мнимой кухарки»: это «мелкий бес», «где-то, когда-то сумевший прельстить неопытное сердце Параша» [21]. Но и в этом случае фабула повести остается недосказанной.

Да и то, что действие повести происходит в Петербурге, — оказывается, в конечном счете, условностью. Подобный сюжет мог бы развернуться в любом российском городе: везде можно найти и «заставу», и «ветхую лачужку», и церковь, — в общем-то, этими указаниями ограничиваются приметы того топоса, в котором существуют герои. Помимо «мирной Коломны» упоминается еще церковь Покрова, «супруга Гоф-фурьера», живущая «при дворе» и кладбище на Охте, куда отвезли покойную кухарку. Других собственно «петербургских» примет в повести нет.

Зато есть яркий автобиографический подтекст. Действие происходит «назад тому лет 9», — а в 1817–1820 гг. Пушкин, после окончания Лицея, действительно жил у родителей в петербургской Коломне, в доме адмирала Клокачева, близ той самой церкви Покрова. В пушкинские времена Коломна была самым бедным и самым демократичным районом Петербурга: там жили ремесленники, торговцы, отставные унтер-офицеры. Квартиры были дешевы, — поэтому там селились небогатые дворяне. Жизнь отличалась специфическими чертами. А. Г. Яцевич в книге о пушкинском Петербурге привел свидетельство некоего «современника»: «Здесь, при свете сальной свечи, согнувшись, сидит трудолюбие; в тесной квартирке, обращенной во двор окнами, скрывается огромный талант; в бельэтажах здешних домов не бывает раутов; есть лавки, но нет магазинов; по улицам не только гуляют, но и ходят пешком; здесь встают, когда там еще спят, и ложатся спать, когда там только собираются к вечерним выездам» [22].

Дом Клокачева был трехэтажным, в 10 окон по фасаду каждого этажа (квартира Пушкиных, в семь небольших комнат, была в третьем этаже). Дом выходил на набережную Фонтанки и очень выделялся на фоне небольших деревянных домиков, расположенных рядом и действительно пришедших в «ветхость» (район Старой Коломны начал осваиваться еще при Елизавете Петровне [23]). Пушкин жил в нем около четырех лет — и, в сущности, этот его первый петербургский адрес остался самым «устойчивым»: во всех остальных съёмных петербургских квартирах он жил не более полугода. А до 1830 года (до времени создания поэмы) это был вообще его единственный петербургский адрес (не считая Демурова трактира). В юности он подолгу болел; его домашняя обстановка была весьма непритязательной [24], — и он вынужден был из окон третьего этажа присматриваться к той «другой жизни», которую вели бедные обитатели окрестных «ветхих лачужек».

Может быть, этой «ностальгией по юности» и объясняются неожиданные инвективы по адресу «трехэтажного дома», который вырос на месте «лачужки», заявленные в той картине «петербургской природы», которая привлекла Гоголя? В цити-

рованном выше фрагменте выражено странное желание уничтожить этот дом и «озлобленно» наблюдать охватившее его пламя — желание, в общем, несвойственное Пушкину, любившему «строгий, стройный вид» российской столицы.

Но это желание вполне соответствует пушкинскому тяготению к поэтизации именно *«уединенного домика»*, *«ветхой лачужки»*. Эта пушкинская мифология отразилась не только в лирических стихах (вроде стихотворений *«Домовому»* или *«Зимний вечер»*), но более всего как раз в «петербургских повестях»: кроме *«Домика в Коломне»*, мы отыщем ее и в *«Уединенном домике на Васильевском»*, и в *«Медном всаднике»*, герой которого тоже «живет в Коломне» — но мечтает о счастливой будущем с Парашей в *«ветхом домике»* «у самого залива» [3, V, с. 139]. Пушкин, который, в сущности, с детства оказался лишен поэзии «своего дома» («поэзия усадьбы» — это нечто иное), восстанавливал ее тяготением к подобной «мещанской» мифологии.

Подобный неожиданный поворот в осмыслении «петербургской природы живой» оказался соответствен мыслям Гоголя, который тоже немало наблюдал строящийся Петербург. «Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся...» [1, VIII, с. 56] — заявляет он в очерке «Об архитектуре нынешнего времени» (1833–1834). И далее — основная претензия: «Всем строениям городским стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей. Совершенно гладкая их форма ничуть не принимала живости от маленьких правильных окон, которые в отношении ко всему строению были похожи на зажмуренные глаза. <...> Оттого новые города не имеют никакого вида: они так правильны, так гладки, так монотонны, что прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую. Это ряд стен и больше ничего» [1, VIII, с. 61].

Здесь — не только протест против «типовой» архитектуры Петербурга (хотя бы и «ампирной»). «Беспрерывно строящиеся» новые здания поневоле уничтожают те «уединенные домики», каждый из которых носил печать индивидуальности тех хозяев,

которые в них жили. На место индивидуальности становится «стройность одинаковости», «совершенно гладкая», как то место, которое осталось после пропажи носа майора Ковалева. Эта «заданная» одинаковость попросту убивает человека, вынужденного жить в мире огромного, определяющего законы социального бытия, непостижимого города. Так из наблюдений над двумя октавами пушкинской поэмы, где отразилась «петербургская природа живая», выкристаллизовалась основная идея гоголевских «петербургских повестей».

С. А. Фомичев обратил внимание, что наибольшее число петербургских реалий содержится не в собственно пушкинских «петербургских» повестях и поэмах, — а там, где Петербург поминается лишь попутно — в «Станционном смотрителе». В этой повести петербургский «занимает всего две страницы, но во всей предшествующей русской прозе нельзя, пожалуй, собрать такого количества петербургских примет, выраженных с пушкинским лаконизмом и предельной мерой точности: “остановился в Измайловском полку”, “живет в Демутовом трактире”, “шел по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих” и т.д. Между тем, например в «петербургской» «Пиковой даме» реальные черты города намеренно размыты: “”очутился в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры”, “вошел в кондитерскую лавку”, “отправился в *** монастырь”, “обедал в уединенном трактире”» [25]. Автор считает, что именно эта «размытость» «позволяет исподволь нагнетать фантастическую атмосферу в повести».

Но дело не только в «фантастической атмосфере». Для Пушкина, жителя Петербурга, не менее существенно другое: точные столичные адреса имеют смысл только применительно к провинциальному смотрителю Самсону Вырину, приехавшему в Петербург единственный раз и по важному для него делу. Постоянный житель столицы просто «не замечает» этих адресов: он фактически *не живет* в Петербурге.

Гоголь в своих «петербургских повестях» конструирует подобную же топографию. Если представить изображенный им Петербург с точки зрения литературной «географии», то увидим, что опорным топосом бытия городских жителей оказы-

вается географический *центр* города, примыкающий к «улице-красавице нашей столицы»: «Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект!». Именно на нем происходят все значимые события. Там встречаются два приятеля, разные по профессии и по всему остальному: художник Пискарев и поручик Пирогов. Они видят двух прекрасных незнакомок — и устремляются за ними; каждому «хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда».

Но последнее как раз скоро открывается: одна из них живет в «доме, что в Литейной», другая — «в Мещанской улице». Остается неизвестным, где живут сами Пискарев и Пирогов. Точно так же — как и герой «Шинели» Башмачкин, и герой «Записок сумасшедшего» Поприщин. Установка автора проста: «в *одном департаменте служил один чиновник*». И жил, соответственно, в *одном из домов* (правда, определено не «в лучшей части города»). Гоголь специально уточняет: «всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде».

Да и зачем «доставать»? Все петербургские дома, как заметил Гоголь «похожи один на другого» — для живущего в них человека разница только что в этаже (на котором расположена съёмная квартира). Но и здесь разница только в отношении «престижа»: герои гоголевских повестей не живут в бельэтажах и в модных частях города — к чему же тогда уточнять? Ни Поприщин, ни Башмачкин не ходят вечерами гулять по Невскому проспекту: рядовой житель столицы не нуждается во «всеобщей коммуникации». Его собственная «коммуникация» бытия состоит из ежедневного похода на службу и непринудительного отдыха дома — *Петербург* является лишь условным знаком его бытия, от естественного «дома» оторванного...

Поэтому — не всё ли равно, где именно в столице он снимает квартирку? Всякий житель «живет без вывески на небольшой улице» — как портной Петрович.

Иное дело — когда сам такой «адрес» оказывается знаковым. Подобные «адресные знаки» рассыпаны в повестях «Нос» и «Портрет». Майор Ковалев не упускает сказать уличной торговке: «ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой...». А при первом упоминании «цирюльника Ивана Яковлевича» сразу же дается указание, что тот живет «на Вознесенском проспекте». Ковалевский нос материализуется в «почтенного гражданина» «на Исаакиевском мосту»; он молится «в Казанском соборе», прогуливается «на Невском проспекте» и «в Таврическом саду»... Всё это — знаки особенной петербургской «престижности» (географически сосредоточенной на небольшом центральном «пяточке» столицы) — и от этого гоголевская фантазмагория и (по пушкинскому определению) «шутка» кажется не такой уж фантазмагорией и «шуткой».

А действие «Портрета» начавшись «по соседству» с адресом майора Ковалева — «на Щукином дворе» — переносится в дальний угол столицы: «в Пятнадцатую линию на Васильевский остров». И духовная гибель художника начинается тогда, когда он переселяется в «великолепнейшую квартиру на Невском проспекте»...

Станным образом адрес художника Чарткова соотносится с адресом обитателей пушкинской «ветхой лачужки», живших совсем на другом конце Петербурга. Описывая хозяина его квартиры, Гоголь указывает: такими «обыкновенно бывают владельцы домов где-нибудь в Пятнадцатой линии Васильевского острова, на Петербургской стороне *или в отдаленном углу Коломны*».

Выходцем как раз из «отдаленного угла Коломны» оказывается и «дивный ростовщик», обладающий таинственной и зловещей властью над людьми: «Никто не сомневался в присутствии нечистой силы в этом человеке». В первой редакции «Портрета» (1835) он прямо назван «антихристом», пришедшим в мир, чтобы его погубить, — и при этом пришедший именно в петербургскую Коломну!

«Тут все непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция... <...> Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка, все, что осело от столичного движенья. Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь почти на всю жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком в мелочной лавочке и забирающие каждый день на пять копеек кофию да на четыре сахару, и, наконец, весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, — людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет па небе ни бури, ни солнца, а бывает просто ни се ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов».

Жители Коломны — обычные, «серые» люди. И жизнь предместья вроде бы не особенно выделяется из обыкновенной: «Жизнь в Коломне страх уединенна... <...> Тут всё пешеходы; извозчик весьма часто без седока плетется, таща сено для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей в месяц, даже с кофием поутру».

Наконец, появляются персонажи пушкинской поэмы: «Вдовы, получающие пенсион, тут самые аристократические фамилии; они ведут себя хорошо, метут часто свою комнату, толкуют с приятельницами о дороговизне говядины и капусты; при них часто бывает молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стенные часы с печально постукивающим маятником».

Обитатели пушкинского «домика в Коломне» получают в восприятии Гоголя какую-то тревожную черту восприятия: этакий «несчастный осадок человечества», среди которого и возникают всякие «небольшие ростовщики», замечательные тем, что «слишком рано умирает в душах их всякое чувство человечества». Это уже — «мелкие бесы» (подобные пушкинскому бесу в облике «кухарки»: Бог весть, что ему понадобится!). Но рядом с ними у Гоголя возникает «антихрист».

Это явление «антихриста» внутри по-пушкински представленной «Коломны и петербургской природы живой» в

первой редакции «Портрета» хронологически «отодвинуто» на пятьдесят лет назад. В повести было тщательно согласовано время действия: история ростовщика (воплощения антихриста в жизнь) относится к эпохе Екатерины II; смерть его и написание портрета датируется 1782 годом; свидание монаха-художника с сыном происходит после окончания русско-турецкой войны (1812 — через «тридцать лет» после создания портрета); на аукционе сын присутствует уже стариком — прошло еще «двадцать лет», наступил 1832 год. После его рассказа и «объявления истории» ростовщика «в первое новолуние» портрет исчезает: исполнился назначенный срок его существования.

Во второй редакции повести (1842) Гоголь намеренно не датирует событий, стирая границы между прошлым и настоящим. События развиваются не столько во времени, сколько в пространстве Петербурга. В этом пространстве ростовщик присутствует повсюду: в Коломне, где «самое жилище его не похоже было на прочие маленькие деревянные домики», в лавочке Щукина двора, в жилище бедного художника, в светской гостиной, на бирже, в аукционе... При этом история художника Чарткова превращается лишь в одно частное звено в общей цепи универсального зла, которое он приносит. И, наверное, будет приносить: в заключительном абзаце выясняется, что портрет «украден» (а не превратился в безобидный пейзаж, как в первой редакции), — и не исключено, что он еще «всплывет» где-нибудь на петербургских пространствах.

Гоголевская повесть «универсальна с точки зрения художественных параллелей» [26] — в том числе и с Пушкиным. Разные исследователи сопоставляли ее и со «Скупым рыцарем», и с «Моцартом и Сальери», и с «Пиковой дамой», и с «Демоном», и со «Сценой из Фауста» [27]. Но с точки зрения творческой истории «Портрет», без сомнения, связан прежде всего с «Домиком в Коломне» и с теми ощущениями, которые Гоголь испытал, узнав пушкинскую поэму в рукописи.

Действительно: повесть «Портрет» (в первой редакции), как отметил С. А. Фомичев, «была написана не позже 1832 года и могла быть тогда уже известна Пушкину, судя по тесным творческим контактам писателей в ту пору» [28]. Она

предполагалась для неосуществленного альманаха «Тройчатка» (поэтому и не вошла в известный план «Арабесок»). Эту же дату работы над повестью и П. Г. Паламарчук — исходя из датировок в первой редакции и из того, что 1832-й представлен во второй части «Портрета» именно как «настоящее» время действия [29].

Если попытаться реконструировать идеологическую основу повести, то она оказывается прямым продолжением причудливой идейной ситуации пушкинского «Домика...». Пушкин представил не очень серьезную историю о том, как «бес» попытался разрушить «коломенскую идиллию» и вмешаться в естественные человеческие страсти и желания (и «разрушил»-таки: той «ветхой лачужки», пристанища и обиталища героев уже нет!). Гоголь перевел эту ситуацию в трагический и фантастический фарс, «укрупнив» фигуру этого «беса», живущего «на Козьем болоте» и преследующего подобные же людские «страсти». Фантазия писателя связала ее с образом художника и представила похожую ситуацию: возникла фигура некоего «антихриста», обитающего в inferнальном пространстве столицы и всегда готового проявиться в ее пределах.

Так вот куда октавы нас вели!

Литература:

1. Произведения и письма Гоголя цитируются по Большому Академическому изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Тт. I–XIV. АН СССР, 1938–1952.

2. *Гиппиус В.* Гоголь; *Зеньковский В. Н. В.* Гоголь. СПб., 1994. С.38. См. подробнее: *Лукьяновский Б. Е.* Пушкин и Гоголь в их личных отношениях (Вопрос о дружбе) // Беседы. Сб. Общества истории литературы в Москве. М., 1915. С. 32–49; *Долинин А. С.* Пушкин и Гоголь: К вопросу об их личных отношениях // Пушкинский сб. памяти проф. С. А. Венгерова. Пг., 1923. С. 181–197; *Гиппиус В. В.* Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Вып. 2. С. 61–126.

3. Произведения и переписка Пушкина цитируются по Большому Академическому изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Тт. I–XVI. АН СССР, 1937–1949.

4. Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 76.
5. *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 566.
6. Русский архив. 1902. №7. С. 516.
7. *Е. Д.* Из воспоминаний об императоре Александре II / Ученик. 1911. № 45. С. 1087.
8. *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 22, 511.
9. Гоголь в воспоминаниях современников. С. 75–76.
10. *Хализев В. Е.* Трагический подтекст «Домика в Коломне» // *Хализев В.* Ценностные ориентации русской классики. М., 2005. С. 401.
11. См.: *Долинин А. С.* Пушкин и Гоголь: К вопросу об их личных отношениях. С. 188.
12. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. т. 2. С. 277.
13. Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С.49.
14. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М. –Л., 1935. С. 405–409.
15. *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С 225.
16. *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. 2. М. –Л., 1961. С. 393–404.
17. См.: *Фомичев С.* Ранние редакции поэмы «Домик в Коломне». СПб., 2000. С. 65. В дальнейшем «болдинская» редакция поэмы цитируется по этому тексту.
18. *Панченко А. М.* Пушкин и русское православие // Русская литература. 1990. № 2. С. 42.
19. *Гаспаров М. Л., Смирин В. М.* «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне»: пародия и самопародия у Пушкина // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 254–273.
20. *Поволоцкая О. Я.* Самосознание формы («Домик в Коломне» и «Повести Белкина») // Московский пушкинист. Вып. II. М., 1996. С. 31–43.
21. *Ходасевич В. Ф.* Петербургские повести Пушкина // *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 178.
22. *Яцевич А.* Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 8.
23. См.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург. СПб., 1889. С. 230–233.
24. См. о ней в воспоминаниях В. А. Эртеля: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 166–169.
25. *Фомичев С. А.* Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина // *Фомичев С. А.* Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 209.
26. *Дилакторская О. Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. Владивосток, 1986. С. 121.
27. См: *Мордовченко Н. И.* Гоголь в работе над «Портретом» // Уч.

- зап. ЛГУ. Вып. 4. Л., 1939. С. 113–118; *Степанов Н. Л.* Н. В. Гоголь. М., 1955. С. 235; *Губарев И. М.* Петербургские повести Н. В. Гоголя. Ростов-на-Дону, 1968. С. 55–59; *Антонова Н. Н.* Проблема художника и действительности в повести Гоголя «Портрет» // Проблемы реализма в русской литературе XIX века. М.–Л., 1961. С.347–349; *Дилакторская О. Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. С. 112–142.
28. *Фомичев С. А.* Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина. С. 207.
29. *Паламарчук П. Г.* Примечания // *Гоголь Н. В.* Арабески. М., 1990. С. 400.

References:

1. Gogol' N. V. Full Collect. of Works. Vol. I –XIV [Poln. sobr. soch. Tt. I–XIV]. AN SSSR, 1938–1952.
2. Gippius V. Gogol [Gogol']; Zen'kovskij V. N. V. Gogol [N. V. Gogol']. Saint-Petersburg, 1994. P. 38. See also: Luk'janovskij B. E. Pushkin and Gogol in Their Personal Relationships (Question About Friendship) [Pushkin i Gogol' v ih lichnyh otnoshenijah (Vopros o družbe)]. *Discussions of Saint-Petersburg Society of History of Literature in Moscow. [Besedy Sb. Obshhestva istorii literatury v Moskve]*. Moscow, 1915. P. 32–49; Dolinin A. S. Pushkin and Gogol: To the Question About Their Personal Relationships [Pushkin i Gogol': K voprosu ob ih lichnyh otnoshenijah]. *Pushkin Collection of Papers to Memory of prof. S. A. Vengerov [Pushkinskij sb. pamjati prof. S. A. Vengerova]*. Petrograd, 1923. P. 181–197; Gippius V. V. Literary Communication of Gogol and Pushkin [Literaturnoe obshhenie Gogolja s Pushkinym]. *Scientific Notes of Perm State University [Uch. zap. Permskogo gos. un-ta]*. Issue 2. P. 61–126.
3. Pushkin A. S. Full Collect. of Works. Vol. I –XVI [Poln. sobr. soch. Tt. I–XVI]. AN SSSR, 1937–1949.
4. Gogol in the Memoirs of His Contemporaries [Gogol' v vospominanijah sovremennikov]. Moscow, 1952. P. 76.
5. Smirnova-Rosset A. O. Diary. Memories. [Dnevnik. Vospominanija]. Moscow, 1989. P. 566.
6. Russian archive [Russkij arhiv]. 1902. № 7. P. 516.
7. E. D. From the Memoirs About the Emperor Alexander II [Iz vospominanij ob imperatore Aleksandre II]. *The pupil [Uchenik]*. 1911. № 45. P. 1087.
8. Smirnova-Rosset A. O. Diary. Memories. [Dnevnik. Vospominanija]. P. 22, 511.
9. Gogol in the Memoirs of His Contemporaries [Gogol' v vospominanijah sovremennikov]. P. 75–76.

10. Halizev V. E. Tragic Subtext of "Little House in Kolomna" [Tragicheskiĭ podtekst «Domika v Kolomne»] Halizev V. *Valuable Orientations of Russian Classics [Cennostnye orientacii russkoj klassiki]*. Moscow, 2005. P. 401.
11. Dolinin A. S. Pushkin and Gogol: To the Question About Their Personal Relationships [Pushkin i Gogol': K voprosu ob ih lichnyh otnoshenijah]. P. 188.
12. A. S. Pushkin in the Memoirs of His Contemporaries [A. S. Pushkin v vospominanijah sovremennikov]. Moscow, 1985. Vol. 2. P. 277.
13. Tatev Collection of Papers of S. A. Rachinskij [Tatevskij sbornik S. A. Rachinskogo]. Saint-Petersburg, 1899. P. 49.
14. By Pushkin's Hand: Uncollected and Unpublished Texts [Rukoju Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty]. Moscow–Leningrad, 1935. P. 405–409.
15. Mann Ju. V. Gogol. Works and Days: 1809–1845 [Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845]. Moscow, 2004. P. 225.
16. Tomashevskij B. Pushkin. Book 2 [Pushkin. Kn. 2]. Moscow – Leningrad, 1961. P. 393–404.
17. Fomichev S. Early Editions of the Poem "The Little House in Kolomna". [Rannie redakcii pojemy «Domik v Kolomne»]. Saint-Petersburg, 2000. P. 65.
18. Panchenko A. M. Pushkin and Russian Orthodoxy [Pushkin i ruskoje pravoslavie]. *Russian literature [Russkaja literatura]*. 1990. № 2. P. 42.
19. Gasparov M. L., Smirin V. M. "Eugene Onegin" and "The Little House in Kolomna": a Parody and Self-parody of Pushkin [«Evgenij Onegin» i «Domik v Kolomne»: parodija i samoparodija u Pushkina]. *Tynianov Collection of Papers. The Second Tynianov readings [Tynjanovskij sbornik. Vtorje Tynjanovskie chtenija]*. Riga, 1986. P. 254–273.
20. Povolockaja O. Ja. Self-consciousness of Form ("The Little House in Kolomna" and "The Stories of Belkin") [Samosoznanie formy («Domik v Kolomne» i «Povesti Belkina»)]. *Moscow Pushkin scholar. Vol. II. [Moskovskij pushkinist. Vyp. II]*. Moscow, 1996. P. 31–43.
21. Hodasevich V. F. Pushkin's Petersburg Stories [Peterburskie povesti Pushkina]. *Hodasevich V. The Wavering Tripod. Favorites [Koleblemyj trenožnik. Izbrannoe]*. Moscow, 1991. P. 178.
22. Jacevich A. Pushkin's Petersburg [Pushkinskij Peterburg]. Saint-Petersburg, 1993. P. 8.
23. Pyljaev M. I. Old Petersburg [Staryj Peterburg]. Saint-Petersburg, 1889. P. 230–233.
24. A. S. Pushkin in the Memoirs of His Contemporaries [A. S. Pushkin v vospo-minanijah sovremennikov]. Vol. 1. P. 166–169.

25. Fomichev S. A. Pushkin's in Gogol. Gogol's in Pushkin [Pushkinskoe u Gogolja. Gogolevskoe u Pushkina]. *Fomichev S. A. Pushkin Perspective [Pushkinskaja perspektiva]*. Moscow, 2007. P. 209.

26. Dilaktorskaja O. G. Fantastic in Gogol's "Petersburg stories" [Fantasticheskoe v «Peterburgskih povestjah» N. V. Gogolja]. Vladivostok, 1986. P. 121.

27. Mordovchenko N. I. Gogol's Work on "Portrait" [Gogol' v rabote nad «Portretom»]. *Scientific Notes of Leningrad State University. Issue 4 [Uch. zap. LGU. Vyp. 4.]* Leningrad, 1939. P. 113–118; Stepanov N. L. N. V. Gogol [N. V. Gogol']. Moscow, 1955. P. 235; Gubarev I. M. Gogol's Petersburg Stories [Peterburgskie povesti N. V. Gogolja]. Rostov-na-Donu, 1968. P. 55–59; Antonova N. N. The Problem of the Artist and Reality in Gogol's "Portrait" [Problema hudozhnika i dejstvitel'nosti v povesti Gogolja «Portret»]. *Problems of Realism in Russian Literature of the XIXth Century. [Problemy realizma v russkoj literature XIX veka]*. Moscow–Leningrad, 1961. P. 347–349; Dilaktorskaja O. G. Fantastic in Gogol's "Petersburg stories" [Fantasticheskoe v «Peterburgskih povestjah» N. V. Gogolja]. P. 112–142.

28. Fomichev S. A. Pushkin's in Gogol. Gogol's in Pushkin [Pushkinskoe u Gogolja. Gogolevskoe u Pushkina]. P. 207.

29. Palamarchuk P. G. Notes [Primechanija]. Gogol' N. V. Arabesques [Arabeski]. Moscow, 1990. P. 400.

Аннотация

«...ВСЯ КОЛОМНА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРИРОДА ЖИВАЯ...»:
«ДОМИК В КОЛОМНЕ» ПУШКИНА И
ПОВЕСТЬ ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

В статье рассматриваются взаимоотношения Гоголя с «живыми классиками» петербургской словесности — Жуковским и Пушкиным, а также влияния «Домика в Коломне» Пушкина на «Петербургские повести» Гоголя, в том числе и на его повесть «Портрет». Гоголь обратил внимание прежде всего на «событийный» ряд пушкинской поэмы, ее «фантастическую атмосферу» и анекдот о «кухарке». В своих «петербургских повестях» он воссоздает подобную пушкинской петербургскую топографию. Если попытаться реконструировать идеологическую основу повести Гоголя «Портрет», то она оказывается прямым продолжением идейной ситуации пушкинского «Домика...». Пушкин представил не очень серьезную историю о том, как «бес» попытался разрушить «коломенскую идиллию» и вмешаться в естественные человеческие страсти и желания. Гоголь перевел эту

ситуацію в трагічний і фантастичний фарс, «укрупнив» фігуру цього «беса». Фантазія писателя зв'язала її з образом художника і представила подібну ситуацію: виникла фігура некоего «антихриста», обитаючого в інфернальному просторі столиці і завжди готового проявитися в її межах.

Ключевые слова: літературні контакти, міський текст, топос, столиця, петербургські повісті, інфернальний простір.

Анотація

«...ВСЯ КОЛОМНА І ПЕТЕРБУРЗЬКА ПРИРОДА ЖИВА...»:
«БУДИНОЧОК В КОЛОМНІ» ПУШКІНА І
ПОВІСТЬ ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

У статті розглядаються взаємини Гоголя з «живими класиками» петербурзької словесності — Жуковським і Пушкіним, а також впливи «Будиночка в Коломні» Пушкіна на «Петербурзькі повісті» Гоголя, в тому числі і на його повість «Портрет». Гоголь звернув увагу насамперед на «подієвий» ряд пушкінської поеми, її «фантастичну атмосферу» і анекдот про «кухарку». У своїх «петербурзьких повістях» він відтворює подібну до пушкінської петербурзьку топографію. Якщо спробувати реконструювати ідеологічну основу повісті Гоголя «Портрет», то вона виявляється прямим продовженням ідейної ситуації пушкінського «Будиночка ...». Пушкін презентував не надто серйозну історію про те, як «біс» спробував зруйнувати «Коломенську ідилію» і втрутитися в природні людські пристрасті та бажання. Гоголь перевів цю ситуацію в трагічний і фантастичний фарс, «укрупнивши» фігуру цього «беса». Фантазія письменника зв'язала її з образом художника і представила схожу ситуацію: виникла фігура якогось «антихриста», що мешкає в інфернальному просторі столиці і завжди готовий проявитися в її межах.

Ключові слова: літературні контакти, міський текст, топос, столиця, Петербурзькі повісті, інфернальний простір.

Summary

"... ALL KOLOMNA AND PETERSBURG NATURE ARE LIVING ..."
"THE LITTLE HOUSE IN KOLOMNA" BY PUSHKIN &
GOGOL'S "THE PORTRAIT"

The article deals with the relationships of Gogol with "living classics" of Russian literature — Zhukovskij and Pushkin, and the

influence of "The Little House in Kolomna" by Pushkin on Gogol's "Petersburg Stories", including "The Portrait." Gogol primarily paid attention to the series of events of Pushkin's poem, its "fantastic atmosphere" and the anecdote about "the cook". He recreated in his "Petersburg stories" a similar to Pushkin Petersburg topography. If you try to reconstruct ideological base of Gogol's "The Portrait", you will find the direct continuation of the ideological situation of Pushkin's "The Little House ...". Pushkin introduced not so serious story about the "small demon" who tried to destroy "the idyll of Kolomna" and to interfere with the natural human passions and desires. Gogol turned this situation into a tragic and fantastic farce, he "enlarged" the figure of the "devil." Fantasy of the writer tied it with an image of the artist and presented a similar situation: the figure of "Antichrist" appeared in the infernal space of the capital.

Keywords: literary contacts, city text, topos, the capital, Petersburg stories, infernal space.

ГОГОЛЕВСКИЙ ОБРАЗ КИЕВА

Размышляя над особенностями гоголевского городского текста, естественно поставить вопрос: какой город Гоголь любил и считал «своим»? Как обнаруживается, таких городов несколько: это и Москва, и Рим, и Киев. В письме к С. Аксакову Гоголь писал: «Москва моя родина» [1, XI, с. 331], в переписке с В. Жуковскому называл родиной «душеньку» и «красавицу» Италию [1, XI, с. 111], а в письмах к М. Максимовичу призывал вернуться в «наш» Киев [1, X, с. 288].

Мы полагаем, что широту и известную двойственность гоголевской души следует учитывать в решении того достаточно острого вопроса, который в свое время стал предметом дискуссии ведущих современных гоголеведов В. А. Воропаева и П. В. Михеда. Суть спора сводилась к трактовке гоголевской характеристики Киева: «он наш, он не их» в письме к М. Максимовичу от 7 января 1834 года В. А. Воропаев, осмысляя развертывающиеся на фоне обозначенной оппозиции составляющие «русско-украинского вопроса», высказал предположение, что фраза эта характеризует ситуацию, сложившуюся в университете Святого Владимира: «Говоря, он “наш, он не их”, Гоголь имел в виду не украинцев и русских, а славян и “немцев”, “западников”. Последние настойчиво стремились занять в Киевском университете руководящие должности» [2, с. 12]. П. В. Михед в статье «Приватизация Гоголя? (Возвращаясь к “русско-украинскому” вопросу)» [3, с. 96–99] актуализировал национально определенный смысл местоимений «наш» — «их», подчеркнув гоголевский интерес к истории Украины как государства, отличного от России, и народа, «отличного от русских, дышавшего вольностью и лихим казачеством, хотевшего пожить своею жизнью» [1, X, с. 83–84].

Мы же полагаем, что столь созвучный глобальным «приватизационным» событиям наших дней разговор о Киеве может быть продолжен не только в режиме стратегий «приватизации» Гоголя. Очевидно, не лишен академической актуальности во-

прос о глубинных мифологических механизмах, функционирующих в гоголевском сознании в связи с образом Киева.

Значимость данного вопроса косвенно подтверждают суждения М. Виралайнен. Так, размышляя о городском мифе в творчестве Гоголя, исследовательница назвала семь значимых городов: «Петербург в оппозиции к Москве, Рим в оппозиции к Парижу, Миргород и Иерусалим», а также выведенный в «Ревизоре» город, которого «нет во всей России». По мнению исследовательницы именно этот последний, истолкованный самим писателем как душевный город каждого человека, «дает основания говорить о том, что у Гоголя действительно был миф города» [3, с. 652].

Нельзя не отметить, что в предложенной системе пропущен один значимый компонент — город Киев. Образ этого города не менее заряжен энергией мифа, чем упомянутые города. Специфика киевского мифа у Гоголя нашла лишь фрагментарное отражение в работах Ю. Барабаша, В. Доманского, А. Иваницкого, В. Звизняцкого, Ю. Манна, М. Лотмана, Ю. Луцкого. Наш доклад призван обозначить возможные подходы к этой теме.

В «Петербургских записках 1836 года» Гоголь, рисуя «физиономию» городов-антиподов Москвы и Петербурга, противопоставляет третьему — Киеву — как своеобразному державному истоку и центру. «...В самом деле, куда забросило русскую столицу — на край света! Странный народ русский: была столица в Киеве — здесь слишком тепло, мало холоду; переехала русская столица в Москву — нет, и тут мало холода: подавай бог Петербург! Выкинет штуку русская столица, если подсоседится к ледяному полюсу» [1, VIII, с. 177]. В обозначенном центробежном движении Киев предстает как Эдем — локус благодатной теплоты и защищенности. Гоголь кардинально перестраивает «официальный» образ мира: Киев у него — не провинция Российской империи, а мировой центр, близость к которому гарантирует некое онтологическое благополучие. Архетипический по сути образ «центра мира» есть концентрация космических сил, противостоящих хаосу. В данном случае централизация мира в точке Киева отражает

общий план гоголевского моделирования пространства. В этом смысле показателен «Отрывок детской книги по географии» (1830–1831), где, описывая климатическое и этнографическое разнообразие планеты, Гоголь, как отмечает Е. Тулякова, «противопоставляет зиму и лето, север и юг, как хаос (безмерность, пустоту) и космос, имеющий сакральный центр» [4, с. 70]. В картине севера подчеркнута безжизненная однообразность: «ничего нет живого там, ни травки, ни дерева, <...> все снег, все снег <...> скучно в окно взглянуть, все одно да одно, ни травки, ничего...» [1, IX, с. 275]. Напротив, описание юга акцентирует изобилие и благоденствие: «И в этой земле апельсинов, лимонов, ананасов, за которые мы платим так дорого, такое множество, что уж и не собирает никто. Там растут лавры, смоковницы, фиговое дерево, пальма» [1, IX, с. 275]. Таким образом, уже сам климат Киева закрепляет за ним значение безусловно позитивной, космически центрированной экзистенции. Показательной в этом свете предстает и специфическая самохарактеристика Гоголя: «мое южное сердце» [1, X, с. 224].

Отдаление от Киева чревато не только оледенением, но и утратой самости. Диаметрально противостоящий Киеву ледяной полюс — это место, на котором нельзя утвердиться, но можно лишь «подсоседиться». Неизбежность утраты собственного лица предопределена петербургскимпоглядыванием на Европу: «Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом» [1, VIII, с. 178].

Как отмечает Ю. Барабаш, сопоставление Москвы и Петербурга осуществляется не внутри одного из указанных городов, а в отдалении от них обоих: «...о Москве <...> судит не петербуржец, а о Петербурге — не москвич, это <...> третий взгляд, взгляд на обе столицы из Нежина...» [6, с. 168]. Перспектива «из Нежина» актуализирует в городской мифологии Гоголя «свое» и «чужое», утверждая нежински-киевский локус не только как государственную, но и как духовную родину.

Наиболее ярко мифологизация Киева осуществляется в эпистолярном наследии писателя. В письмах к Михаилу Максимовичу звучит страстный призыв возвратиться в «свое»

пространство, в Киев, как в древнюю и прекрасную отчизну, покинутую обоими земляками в их бегстве на север (Максимович в это время — 1833–1834 гг. — находился в Москве, а Гоголь — в Петербурге). Киев, таким образом, актуализирует оппозицию центр-периферия, осложняя ее парой свое-чужое. Гоголь восторженно пишет приятелю: «Туда, туда! В Киев! В древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей» [1, X, с. 288]. Апелляция к «нашей старине» ценностно окрашивает украинскую географию историей, комплиментарно определяя ее как «гетьманщину». В отличие от овечьей рыцарской славой «гетьманщины» Москва наделена полубранной и пренебрежительной характеристикой: «кацапия». «Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину» [1, X, с. 273], — пишет Гоголь Максимовичу 2 июля 1833 года. Неся в себе идеал казачества, удали, отваги, «гетьманщина» формирует некий доблестный облик Киева, отличающий его от женоподобной сути Москвы. Упрекая Максимовича в нерешительности, Гоголь корит земляка: «Молодец! Меня подбил ехать в Киев, а сам сидит и ни гадки о том <...> Что ж, едешь или нет? влюбился же в эту старую толстую бабу Москву, от которой, кроме щей да матерщины, ничего не услышишь» [1, X, с. 194].

Показательно, что щип и матерщина выстраивают новые символические линии оппозиций. Матерщине противостоит поэтическая стихия украинских песен, страстным собирателем и первым издателем которых был Максимович (в 1827 году вышел в свет его первый фольклористический труд «Малороссийские песни», в 1834 году Московский университет издал второе собрание «Украинских народных песен» Максимовича. В предисловии автора было указано на “участие в его труде Н. В. Гоголя, нового историка Малороссии и автора Вечеров на хуторе близ Диканьки”. <...> По свидетельству самого Гоголя, он передал Максимовичу около 150 собранных им песен, совершенно тому неизвестных. [7, с. 55]). Для Гоголя же, проявлявшего живой интерес и участие к трудам Максимовича, песни вмещали в себя живую и яркую память истории: «Моя

радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!...» [1, X, с. 284].

Следующий символ — московские щи — нечто убогое и пустое на фоне плодородной Украины, где явлены все знаки обилия и «пиршественного максимализма», как сказал бы М. М. Бахтин. В письме к поэту Ивану Дмитриеву Гоголь пишет из Васильевки 20 июля 1832 года: «Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель!» [1, X, с. 239]. Через некоторое время, подбадривая Максимовича в связи с переездом в Киев, Гоголь живописует украинскую роскошь как некий микроксм, вобравший в себя все земное изобилие: «А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники, а паслин! а цыбуля! а вино хлебное, как говорит наш приятель Ушаков. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух!.. Это просто роскошь!» [1, X, с. 297]. Здесь тополи и вино, борщ и лопух барочно прорастают друг в друга, развертывая перед читателем метафору земного рая. Примечательно, что и воздух у Гоголя — особая питательно-духовная субстанция, свойства которой также зависят от места. В Петербурге душно, «совершенная баня; воздух хочет уничтожить, а не оживить» [1, X, с. 173]. В Украине же он упоителен, ароматен и чуден. В Киеве, по уверению Гоголя, Максимович застанет «благоухающую, славную осень, с своим свежим, неподдельным букетом» [1, X, с. 173]. Это воздух радости, сравнимый только с тем, которым Гоголю впоследствии вольно дышалось в Риме: «Что за небо!..<...> Что за воздух! Пью — не напьюсь, гляжу — не нагляжусь. В душе небо и рай» [1, XI, с. 121].

Благодатное изобилие Киева как райского пространства поддержано счастливым избытком времени, проводимого в безделье летней сонной неги, постоянной еды, купания и даже влюбленности. Этот общий настрой отдохновения от трудов звучит сразу в двух гоголевских посланиях. 8 июля 1832 года, приглашая в гости в Васильевку своего приятеля Н. Я. Прокоповича, Гоголь в шутку пишет: «Жизнь мы проведем самым эстетическим образом: спать будем вволю, есть тоже будем очень много <...>» [в данном случае подчеркнут смысл

чувственного характера эстетической сферы — О. К.] [1, X, с. 235]. Два года спустя, 27 июня 1834 года подобный призыв Гоголь обращает к Максимовичу: «Лето <ты> непременно должен в Киеве полениться. Жаль, что я не с тобою теперь, я бы не дал тебе и заглянуть в печатную бумагу. Я бы тебя повез по Псле, где бы мы лежали в натуре, купались, а вдобавок бы еще женил тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой» [1, X, с. 327]. Обратим внимание, что сам стилистический строй второго письма напоен энергией бьющей через край жизненности в ее телесности и красоте: определение «хорошенькая» тут же получает двойное усиление, т.е. не просто «прехорошенькая», а «распрехорошенькая». Данное письмо примечательно еще и тем, что Гоголь обещает другу купание не в Днепре, а в Псле. Это, с одной стороны, расширяет мифологическое пространство Киева, а с другой — атрибутирует ему не только «мужественные» черты Днепра, но и свойства пленительной женственности описанной в «Сорочинской ярмарке» реки-красавицы: «Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл <...> и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев» [1, I, с. 113].

Гедонистическая аура Киева своеобразно сочетается с мотивом Афин как древней столицы ученых и философов. Показательно сопряжение этих тем в платоническом диалоге «Женщина», где «небесные мгновения» любви ценятся выше «...и первой почести в Афинах, и верховной власти в народе» [1, VIII, с. 145]. Разворачивая перед Максимовичем перспективы их совместных трудов в Киевском университете, Гоголь намечает семантическую параллель Киев — Афины. Говоря о совместных планах Гоголя и Максимовича, В. Доманский отмечает: «их переезд в Киев он [Гоголь — О. К.] связывает с превращением этого древнего города в русские Афины, и в этом культурном явлении мирового масштаба, разумеется, их заслуга будет очевидной: “Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город!”» [8, с. 249].

Показательно то, что «явление мирового масштаба» должно осуществиться как национальный проект. Утверждая:

«Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого» [1, X, с. 297], Гоголь питает надежду на написание в Киеве восьмитомной «Истории Малороссии». 9 ноября 1833 года он сообщает Максимовичу: «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокоивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» [1, X, с. 284]. «Русские Афины», таким образом, призваны возродить прошлое не европейское, но национально-героическое, обретающее для Гоголя личностную значимость.

В эссе «1834 год», обращаясь к своему гению, Гоголь вопрошает его о путях, на которых осуществится его высшее предназначение: «Таинственный неизъяснимый 1834 <год>! Где означу я тебя великими трудами? <...> В моем ли прекрасном, древнем, обетованном Киеве...» [1, IX, с. 17]. Пишущий эти строки Гоголь уже начал работу над повестью «Тарас Бульба», в январе же 1834 он дал объявление о том, что собирается издавать «Историю Малороссийских казаков». Таким образом, при всем своем смысловом разнообразии киевский текст сопрягает у Гоголя аспект национально-исторической гордости и провиденциального понимания им собственной миссии.

Представая в письмах Гоголя как безусловно позитивный, космически определенный бытийный центр, Киев в художественном преломлении претерпевает усложнение и расщепление собственного образа. Сущность изменений состоит во внутренней поляризации, наиболее отчетливо проявленной в структурировании пространства. Ю. Лотман в работе «Проблема художественного пространства в прозе Гоголя» отмечал, что спецификой «Вечеров...» является пересечение бытового и фантастического пространств [см.: 9, с. 419–425]. Перенося эту параллель на художественную топографию Киева, отмечаем ее трансформацию в демонический и сакральный локусы. При этом следует говорить не только о сближении, но о проникновении, взаимном прорастании святого и дьявольского. Показательно в этом отношении начало «Страшной мести»: «Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобець празднует свадьбу своего сына»

[1, I, с. 244]. Освящаемое божественной силой икон событие брака пространственно совпадает с явлением «образа сатаны».

Не менее наглядно эта тенденция манифестирована в «Вие». Зачин повести задает некий импульс святости, благочестия, начала городской жизни как бы благословляемой свыше: «Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки» [1, II, с. 177]. Вскоре обозначается и территория зла, очерченная границами рынка. По уверению Тиберия Горобца «...в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, — все ведьмы» [1, II, с. 218]. Однако в сцене убийства панночки наблюдаем единство, взаимное отражение полюсов света и тьмы: в «очах, полных слез» Хома видит, как «рассвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей» [1, II, с. 187].

В этой связи еще раз обратим внимание на образ Братского монастыря, выступающий устойчивым топографическим знаком Киева. В «Страшной мести» Данило упоминает в разговоре с женой игумена Братского монастыря, говорившего, что «антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека» [1, I, с. 260]. Рассуждение «святого игумена» об антихристе позволяет рассматривать сам Киево-Братский монастырь как эмблему города, отражающую порождаемые Киевом онтологические контрасты [см.: 10].

Следуя концепции Ю. Лотмана, следует отметить, что с Киевом соотносимо по преимуществу пространство фантастического типа. Показавшееся за Киевом «неслыханное чудо» исследователь характеризует как пример «закручивания» пространства: «...вдруг стало видимо далеко во все концы света» [1, I, с. 275]. Подобная аномалия постулирует Киев не только как исходную точку, на которой помещается наблюдатель, но и как всемирный центр, «пуп земли», от которого расходятся и к которому стягиваются как положительные, так и отрицательные бытийные силы. Так киевские события распространяются на судьбы всего человечества. Как отмечает Е. Дмитриева, исторически не случайно, что «местом, где разыгрывалась основная драма “Страшной мести”, наряду с Киевом, Гоголь выбрал Кар-

паты: <...> эта область рядом историков XIX в. рассматривалась как “колыбель славянства”» [10, с. 106]. В художественной же логике «Страшной мести» свадьба, гремящая в «конце» Киева, оборачивается землетрясением, от которого люди страдают «по всему миру», «от одного конца до другого».

Таким образом, и в письмах, и в украинских повестях Гоголя Киев несет в себе семантику центра. Однако, это не готовая и устоявшаяся модель мироустройства, но эпицентр тектонических бытийных движений. Гоголевский образ Киева предстает как одновременное утверждение и испытание его мифологических констант.

Литература:

1. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : АН СССР, 1937–1952.

2. *Воропаев В.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» / В. Воропаев // Московский журнал. — 2002. — № 1. — С. 12.

3. *Михед П.* «Приватизация Гоголя?» (Возвращаясь к «русско-украинскому вопросу») / П. Михед // Вопросы литературы. — 2003. — № 3. — С. 94–112.

4. *Виротайнен М.* Мифы города в мире Гоголя / М. Виротайнен // Гоголь в русской критике: Антология. — М. : Фортуна, 2008. — С. 652–662.

5. *Тулякова Е.* Архетипический образ центра мира в цикле Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» / Е. Тулякова // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения : сб. ст. — Новосибирск : Новосиб. изд. дом, 2012. — С. 68–77.

6. *Барабаш Ю.* «Художник петербургский!» (Гоголь, «Портрет». – Шевченко, «Художник». Четыре фрагмента) / Ю. Барабаш // Вопросы литературы. — 2002. — № 1. — С. 157–205.

7. *Воропаев В.* Гоголь и Московский университет / В. Воропаев // Нові гоголезнавчі студії: Вип. 5 (16). — Ніжин, 2007. — С. 51–60.

8. *Доманский В.* «Туда, туда! В Киев! В древний, в прекрасный Киев!»: как Н. В. Гоголь и М. А. Максимович в Киев возвращались / В. Доманский // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепции) : сб. ст. — Томск : Изд-во Том.ун-та, 2008. — Вып. 2. — С. 248–255.

9. Лотман Ю. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. — Таллинн: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 413–447.

10. Дмитриева Е. Гоголь в западно-европейском контексте: между языками и культурами / Е. Дмитриева. — М. : ИМЛИ РАН, 2011. По мнению исследовательницы, говоря о «святом игумене», Гоголь имел в виду митрополита Киевского и Галицкого Петра Могилу (1596–1647). На с. 105 указанной монографии читаем: «В пользу этой версии свидетельствует и известный интерес Петра Могилы к вопросам демонологии (см. так называемый “требник Петра Могилы” — “Последованиемолельное избавлении от духов нечистых”), а также участие его в полемике о состоянии души после смерти в ожидании Судного дня <...>».

References:

1. Gogol' N. V. Full collection of works [Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 14 t.] Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1952.

2. Voropaev V. Gogol and "Russian-Ukrainian question" [Gogol' i «russko-ukrainskij vopros»]. *Moscow magazine [Moskovskij zhurnal]*. 2002. № 1. P. 12.

3. Mihed P. "Privatization of Gogol?" (Returning to the "Russian-Ukrainian question"). [«Privatizacija Gogolja?» (Vozvrashhajas' k «russko-ukrainskomu voprosu»)]. *Questions of literature [Voprosy literatury]*. 2003. № 3. P. 94–112.

4. Virolajnen M. Myths of city in the Gogol's world [Mify goroda v mire Gogolja]. *Gogol in Russian criticism: An Anthology [Gogol' v russkoj kritike: Antologija]*. Moscow, Fortuna Publ., 2008. P. 652–662.

5. Tuljakova E. Archetypal image of the center of the world in Gogol's "Evenings on a Farm near Dikanka" [Arhetipicheskij obraz centra mira v cikle Gogolja «Vechera na hutore bliz Dikan'ki»]. *Gogol and traditional Slavic culture. Twelfth Gogol readings [Gogol' i tradicionnaja slavjanskaja kul'tura. Dvenadcatye Gogolevskie chtenija.]* Novosibirsk. Novosib. publ. house, 2012. P. 68–77.

6. Barabash Ju. " St. Petersburg Artist " (Gogol, "The Portrait." – Shevchenko, "The Artist." Four Fragments) [«Hudozhnik peterburgskij!» (Gogol', «Portret». – Shevchenko, «Hudozhnik». Chetyre fragmenta)]. *Questions of literature [Voprosy literatury]*. 2002. № 1. P. 157–205.

7. Voropaev V. Gogol and Moscow University [Gogol' i Moskovskij universitet]. *New Gogol Studies [Novi gogoleznavchistudiji]* Issue. 5 (16). Nizhyn, 2007. P. 51–60.

8. Domanskij V. "There, there! In Kiev! In ancient, beautiful in Kiev! "How Gogol and Maksimovich returned to Kiev [«Tuda, tuda! V Kiev! V drevnij, v prekrasnyj Kiev!»: kak N. V. Gogol' i M. A. Maksimovich v Kiev vozvrashhalis']. *Nikolai Gogol and the Slavic world (Russian and Ukrainian reception): collection of papers [N. V. Gogol' i slavjanskij mir (russkaja i ukrainskaja recepcii) : sb. st.]*. Tomsk, Tomsk University Publ. House, 2008. Issue 2. P. 248–255.

9. Lotman Ju. Problem of artistic space in the prose of [Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolja]. *Featured Articles [Izbrannye stat'i]*: in 3 vol. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. T. 1. P. 413–447.

10. Dmitrieva E. Gogol in the Western European context, between languages and cultures [Gogol' v zapadno-evropejskom kontekste: mezhdu jazykami i kul'turami]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2011.

Аннотация

КИЕВ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ М. В. ГОГОЛЯ

В статье поставлена проблема значимости Киева в наследии Гоголя. Намечены аспекты различия и сходства киевского локуса с Москвой, Петербургом, Римом. Исследованы архетипические оппозиции центр–периферия, космос–хаос, тепло–холод, свое–чужое. В эпистолярной Гоголя прослеживается тема общего с Максимовичем переезда в Киев, которая актуализирует мотивы благодатной земли, изучение славной истории Украины, Киева как потенциальной научно-философской столицы (новых Афин). В контексте украинских повестей Гоголя исследована специфика киевского пространства, показана его фантастическая природа, соединяющая сакральный и демонический полюса бытия.

Ключевые слова: Киев, середина мира, центр–периферия, фантастическое пространство, сакральное–демоническое.

Анотація

КИЇВ У ТВОРЧІЙ СВІДОМОСТІ М. В. ГОГОЛЯ

В статті поставлено проблему значущості Києва у спадщині Гоголя. Накреслено аспекти відмінності та подібності київського локусу з Москвою, Петербургом, Римом. Досліджено архетипічні опозиції центр-периферія, космос-хаос, тепло-холод, своє-чуже. В епістолярії Гоголя простежено тему спільного з М. Максимовичем переїзду до Києва, яка актуалізує мотиви благодатної землі, вивчення славетної історії України, Києва як потенційної науково-філософської столиці (нових Афіні). В контексті українських повістей Гоголя досліджено специфіку київського простору, показано його фантастичну природу, що сполучає сакральний і демонічний буттєві полюси.

Ключові слова: Київ, середина світу, центр–периферія, фантастичний простір, сакральне–демонічне.

Summary

KYIV IN CREATIVE CONSCIOUSNESS OF M. V. GOGOL

This article deals with the problem of the importance of Kyiv in Gogol's heritage. There were indicated the aspects of distinction and similarity of Kyiv' locus with space of Moscow, Petersburg, Roma. There were investigated following archetypical oppositions: center-periphery, cosmos-chaos, warmth-coldness, one's-another's. It was traced back that in Gogol's letters the theme of resettlement to Kyiv with M. Maksimovich actualizes the motives of blissful land, studies of glorious Ukrainian history, understanding of Kyiv as a prospective scientific and philosophical capital (new Athens). The peculiarity of Kyiv' space has been investigated in the context of Gogol's Ukrainian novels; it was highlighted the fantastic nature of this space which joins sacral and demonic ontological poles.

Keywords: Kyiv, middle of world, center–periphery, fantastic space, sacral–demonic.

ГОГОЛЕВСКИЙ СЮЖЕТ В ПЬЕСАХ ЧЕХОВА

В «Иванове» Авдотья Назаровна, увидев в доме Лебедевых Бабакину, молодую, красивую и богатую вдову, осыпает ее комплиментами; далее следует характерный обмен репликами:

«Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! В гроб, грешница, не лягу, а ее да Саничку замуж выдам!.. В гроб не лягу... *(Вздых.)* Только вот, где их найдешь нынче, женихов-то? Вон они, наши женихи-то, сидят нахохлившись, словно петухи мокрые!..» [26, XII, с. 26].

В списке действующих лиц Авдотья Назаровна представлена как *старуха с неопределенною профессией*, но род ее занятий тем не менее угадывается, коли она берется выдать замуж и Бабакину, и дочь Лебедевых; правда, отсутствие женихов (не женихов вообще, а женихов подходящих и достойных) действительно лишает ее профессии, почему та и названа *неопределенной*. Ей вторит и Лебедев: «Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами» [26, XII, с. 27].

Тема женихов — одна из ключевых в драме Чехова, вплетенная в использованную им сюжетную схему несостоявшейся женитьбы. Лежащая в основе этой схемы коллизия дает основание проводить параллель между «Ивановым» и гоголевской «Женитьбой»; определенное сюжетное сходство, хотя и не зеркальное, маркируется общим для сопоставляемых пьес мотивом бегства жениха, только в финале «у Гоголя жених прыгает в окно, у Чехова — застреливается» [12, с. 211].

Было отмечено, что Чехов перечитывал Гоголя накануне создания «Иванова» [14, с. 44]. Читательские впечатления отложились в его писательской памяти; в чеховской драме обнаруживается, например, «обилие явных и скрытых цитат из комедии “Ревизор” и поэмы “Мертвые души”» [11, с. 179]. В письме к А. С. Суворину от 20 февраля 1889 г., уже после

завершения и переработки «Иванова», Чехов назвал «Женитьбу» *превосходной пьесой* [27, III, с. 160]. В письмах к тому же адресату пьеса эта упоминается потом еще несколько раз; в одном случае вспомнились для сравнения *вялость* и *нерешительность* Подколесина [27, V, с. 84], в двух других цитируется по разным поводам комическая инвектива *гоголевской невесты*: «Пошли вон, дураки!» [27, V, с. 170; VII, с. 133].

Сюжет *превосходной пьесы* мог еще и потому вызвать у Чехова особый интерес, что был ему по причинам личного характера совсем небезразличен. Своим отношением к женитьбе писатель напоминает его въедливому биографу, обратившемуся к чеховской переписке, «гоголевского Подколесина» [22, с. 174]. Подобное сравнение выглядит, правда, психологически не слишком убедительным; биографический ракурс предполагает реконструкцию «многослойного и многозначного контекста» [7, с. 13]. Реконструкция показала бы, что личное и писательское в авторском поведении Чехова зачастую так тесно переплетены, что практически неразделимы.

В одном из писем 1898 г., отвечая на вопрос адресата, Чехов признается: «Увы, я не способен на такое сложное, запутанное дело, как женитьба» [27, VII, с. 162]. Скрытая в этом вроде бы откровенном признании ирония заключается в том, что писатель, которого сравнили с Подколесиным, всего лишь перефразирует реплику последнего: «А ведь хлопотливая, чорт возьми, вещь — женитьба! То, да сё, да это» [8, V, с. 12]. Дело идет о привычном для Чехова-художника ходе. В «Свадьбе» Апломбов возражает Змеюкиной, упрекающей его в неподобающей жениху меланхолии: «Женитьба шаг серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно» [26, XII, с. 111]. Приведенное рассуждение служит отсылкой, о чем чеховский герой, в отличие от автора, не подозревает, к разговору Подколесина со свахой: «А ты думаешь, небось, что женитьба всё равно, что: “эй, Степан, подай сапоги!” Натянул на ноги да и пошел? Нужно порассудить, порассмотреть» [8, V, с. 14].

Что касается отражения «Женитьбы» в «Иванове», то воспроизведение здесь основной для комедии Гоголя коллизии обнажает ту роль, которую играет в литературном творчестве

«сюжетная память». В письме к Ал. П. Чехову от 6 или 7 октября 1887 г., сообщая о завершении работы над пьесой, писатель заключает: «Сюжет небывалый» [27, VII, с. 124]. Чехов действительно, о чем свидетельствуют и другие его письма, стремился «раскрыть новый, незнакомый театру, сюжет» [1, с. 32]. В этом смысле *сюжет небывалый* — это сюжет новый, не встречавшийся прежде. Но стоит обратить внимание на переключку чеховского определения сюжета «Иванова» с подзаголовком «Женитьбы»: «Совершенно невероятное событие в двух действиях» [8, V, с. 5]. Ведь *небывалый* означает и *невероятный*; синонимическое родство эпитетов указывает на важный источник чеховского сюжета и подчеркивает семантическую близость чеховской и гоголевской сюжетных конструкций. В «Иванове», как и в «Женитьбе», случается нечто *совершенно невероятное*.

Проекция «Иванова» на «Женитьбу» заметна по расстановке ключевых для развития сюжета фигур. Ср.: «Контрастная гоголевская пара — Подколесин — Кочкарев — неожиданно получает развитие в пьесе “Иванов”, где неспособному к действию Иванову противостоит беспокойный и неутомимый Боркин» [20, с. 70]. Развитие это принимает в определенных случаях форму пародийного удвоения; чеховские персонажи предстают комическими двойниками гоголевских, поскольку их сюжетные отношения переворачиваются. Кочкарев, уговаривая Подколесина жениться, просит его: «Если не хочешь для себя, так для меня по крайней мере» [8, V, с. 53]. Боркин предлагает Иванову: «Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? Половина приданого ваша... То есть не половина, а всё берите, всё!..» [26, XII, с. 10]. Однако в общей картине, формируемой движением сюжета, отмеченное развитие утрачивает пародийную семантику и комическую окраску; направленность на гоголевский текст и на гоголевский мир призвана акцентировать отличительные особенности чеховского текста и чеховского мира.

Сюжетно значимые свойства героев Гоголя в пьесе Чехова не только не отрицаются, но определенным образом усиливаются. Так, суетливая активность Кочкарева, не преследующего какой-либо личной выгоды, уступает место циничному делячеству Боркина; убеждая Бабакину выйти замуж

за Шабельского, он не стесняется «рассуждать прямо, по-коммерчески», что графу, ставшему нахлебником, «нужны деньги», а ей, если она хочет быть «графиней», нужен именно такой «муж» [26, XII, с. 41]. Нерешительность Подколесина, к которому сваха ходит «уж вот третий месяц», а он всё «сидит в халате, да трубку знай себе покуривает» [8, V, с. 13], будто и не думает жениться, сменяется болезненной апатией Иванова, переживающего, что ему не для чего и нечем жить; отсюда характер его жалоб, что «душа скована какою-то ленью» и что он «не в силах понимать себя» [26, XII, с. 13]. Так персонажи комедии превращаются в персонажей драмы, а комедийный сюжет трансформируется в сюжет драматический.

Притом что «Иванова» связывают с «Женитьбой» пародийные отношения, Чехов, если попытаться более точно определить механизм воспроизведения им гоголевской сюжетной схемы, не пародирует ее, но «переписывает» (ср.: [17, с. 212]). Внешне сюжетная ситуация в чеховской пьесе выглядит так, что Иванов, подобно Подколесину, пребывает в состоянии если и не душевной лени и спячки, то угнетающей его самой душевной слабости. Однако Чехов имеет дело с героем совершенно иного типа и иной психологической организации, чем Гоголь. Потому и сюжет несостоявшейся женитьбы, завершившийся у Гоголя возвращением комического героя «к своему обывательскому дивану» [6, с. 84], получает у Чехова принципиально иную развязку. По-другому, чем у Гоголя, развивается у Чехова и сюжетный мотив побуждения героя к действию. Кочкарев мгновенным натиском буквально срывает Подколесина с места, подчиняя его своей воле: «Мы сей же час едем к невесте, и увидишь, как всё вдруг» [8, V, с. 16]. Иванова же никто подчинить себе, тем более против его воли, не способен, как никто не может вывести его *вдруг* из невротической депрессии.

По-разному мотивируется в «Женитьбе» и в «Иванове» и финальное бегство женихов, обнажающее черты *совершенно невероятного события* и признаки *сюжета небывалого*.

Хотя «брак выступает для Подколесина определенным искушением» [31, с. 187–188], так впечатляют его рисуемые Кочкаревым соблазнительные картины семейной идиллии, но

внутренне он постоянно сомневается и колеблется, пытаясь объяснить, что «еще не совсем согласен», что «говорил только, что не худо бы» [8, V, с. 17]. На недоуменный вопрос Кочкарева, что же ему «странно» в «женатой жизни» [8, V, с. 17], Подколесин простодушно отвечает: «Как же не странно: всё был неженатый, а теперь вдруг женатый» [8, V, с. 18]. Подколесинское «вдруг» — эхо кочкаревского «вдруг»; повторяя только что услышанное слово, призванное побудить его к действию, Подколесин истолковывает его по-своему, почему и ставит перед ним слово «странно»: как же не *странно*, когда *вдруг*. Если Кочкареву ожидающие Подколесина изменения кажутся благодетельными, то у самого Подколесина, поначалу благодарящего своего друга-благодетеля за «услугу» [8, V, с. 57], они в результате вызовут совсем иные чувства, чем предполагал Кочкарев, и непредвиденную реакцию.

В финале выясняется, что гоголевского жениха по-настоящему страшит перемена, «которая внезапно и навсегда наступит в его жизни» [18, с. 221]. Страх Подколесина перед женитьбой (перед тем, какую форму примет его жизнь после женитьбы) подобен типичному у Гоголя страху перед «пустой огромностью» пространства, которое «в любой момент может трансформироваться непредсказуемым образом» [15, с. 18]. Одно дело — мечтательное видение, что к нему вдруг «подсядет бабёночка, хорошенькая этакая» [8, V, с. 17], совсем другое — внезапная материализация воображаемого, которая оборачивается пугающей непредсказуемостью: «На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя и уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — всё кончено, всё сделано» [8, V, с. 58–59]. Прыжок нерешительного и безвольного героя в окно накануне венчания выглядит поступком не просто аномальным (выход из дома через окно толкуется в мифопоэтическом сознании как аномалия: [5, с. 536]), но действительно невероятным, маркирующим ситуацию навязанной женитьбы как абсурдную.

На всем протяжении действия характер Подколесина остается неизменным; ему, видно, так и суждено просидеть *всю жизнь* и *весь век* на диване, курить трубку и не принимать

никаких решений. Перед бегством, на миг зачарованный невестой и ее «прекрасной ручкой» [8, V, с. 57], когда перед ним, как ему чудится, «открылся совершенно новый мир» [8, V, с. 58], он, забывшись, предается воспоминаниям о своей холостой жизни, но обнаруживает, что вспомнить-то особенно нечего: «Жил, жил, служил, ходил в департамент, обедал, спал, — словом, был в свете самый препустой и обыкновенный человек» [8, V, с. 58]. Такая пустая и обыкновенная жизнь и довела его до мысли, что «точно нужно жениться», потому что «скверность становится» [8, V, с. 9]. Навестившая героя идея женитьбы и соотносится в его сознании с этой *скверностью*, но отнюдь не с любовным чувством, ему до сих пор неизвестным.

Чехов, углубляя гоголевскую драматическую коллизию, по-новому расставляет сюжетные акценты; его интересует судьба человека не только *до*, но и *после* женитьбы, что позволяет ему выстроить сюжет — в сравнении с текстом-источником — действительно новый и именно в этом смысле *небывалый*. В «Женитьбе» Кочкарев, встретив в доме Подколесина сваху, высказывает ей смешную претензию, зачем она его женила: «Эк невидаль жена! Без нее-то разве я не мог обойтись?» [8, V, с. 14]. Речь у Гоголя идет о комическом казусе, который приключился с Кочкаревым; сюжетного значения он не имеет, поскольку приобретенный опыт *женатой жизни* герой держит при себе и с Подколесиним им не делится. Иванов же не просто обладает таким опытом; он накладывает сильнейший отпечаток на его характер и оказывает существенное влияние на весь ход сюжета.

Жена, по-прежнему любящая его и тоскующая, как и он, о прошлом, в котором осталась счастливая семейная жизнь, рассказывает доктору, какой это «замечательный человек»: «Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда» [26, XII, с. 22]. Самому Иванову прошлое служит фоном, на котором особенно заметна произошедшая с ним перемена; характер его затронули изменения, оказавшиеся, по всей видимости, как ему кажется, необратимыми. Ощущение этой необратимости служит причиной одолевающей его хандры, но вернуться к себе прежнему он

не может. Вот и дает он доктору, читающему ему нравоучения, встречный совет, который только и может дать человек, потерпевший жизненное поражение: «Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще всю жизнь стройте по шаблону» [26, XII, с. 16]. Совет серьезно-иронический, выражающий разлад героя с самим собой и с окружающим миром.

Переживая состояние депрессии, Иванов не просто погружается в прошлое, но и живет прошлым, как «все невротики», для которых время есть не что иное как «повторяющийся круг» [23, с. 236]. Он живет мучительными для него воспоминаниями о том периоде его жизни, в котором ничто не предвещало случившейся с ним метаморфозы: «Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самыми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло» [26, XII, с. 52]. Но в прошлое ему уже не вернуться, а примириться с собой нынешним нет сил, как нет сил изменить ожидающую его участь.

Попыткой вырваться из времени, движущегося по кругу, являются в первых двух действиях «ежедневные отъезды-бегства Иванова из дому и связанные с этим психологические коллизии» [29, с. 286]. Убегая из дома, Иванов не может убежать от самого себя. В его случае речь не идет о «скуке жизни», губящей других чеховских персонажей, для которых бегство от обстоятельств, как бы они о нем ни мечтали, «оказывается невозможным» [24, с. 285]. Он дает совет, касающийся женитьбы вообще, наполненный скрытой иронией, не улавливаемой адресатом, печальный по смыслу совет строить жизнь по шаблону, но сам он так не поступает и поступать не будет. А вот обманываться на свой счет и предаваться иллюзиям он не разучился, почему и тянет его к Саше, к новой его любви: «Это что же такое? Это, значит, начинать жизнь сначала? Шурочка, да?» [26, XII, с. 42].

В «Иванове» запечатлена характерная *чеховская* картина: «Все со своей любовью, с самой любовью в каком-то

несовпадении» [3, с. 153]. Несовпадение со своей любовью и с любовью вообще связано с несовпадением чеховского героя с самим собой; почему происходит такое несовпадение, несовпадение с собой, со своей любовью, с любовью вообще, и есть ли в этом его вина, разобраться он не в силах, но и не думать об этом он не может. Признание, на которое решается однажды Иванов, окрашено непритворной горечью: «Вся суть в том, милый доктор (*мнется*), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я...» [26, XII, с. 13]. Брак Иванова все еще существует, но на самом деле уже распался, так как любовь из него ушла; отсюда преследующее героя ощущение жизненной неудачи.

С частными желаниями персонажей у Чехова «всегда соединяется ожидание перемены всего содержания жизни» [25, с. 428]. Вот и с женитьбой персонажи чеховских пьес связывают подобные ожидания, которые почему-то никогда не сбываются; не сбываются же они потому, что сбыться не могут. Так устроена реальность; так случилось и с Ивановым. Общее мнение, которое выражает Бабакина в разговоре с Сашей, приписывает ему корыстные мотивы женитьбы на Сарре: «Ведь это все знают» [26, XII, с. 28]. *Знает* об этом и сам Иванов, пересказывая ходячие сплетни Львову: «Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое... Приданого мне не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно...» [26, XII, с. 54]. Новая женитьба, только еще предстоящая, способная, как надеется Иванов, радикально изменить всю его жизнь, сопровождается слишком знакомыми ему по первому браку пересудами и слухами; вновь и вновь сталкивается он с губительным для его репутации непониманием.

В «Женитьбе» герои не стремятся и не пытаются понять себя или друг друга; каждый из них сосредоточен в тот или иной конкретный момент действия исключительно на себе. Что почувствует невеста, узнав, что жених сбежал, поймет ли, что заставило его так поступить, Подколесина просто не волнует; на то он и комический герой, не склонный предаваться рефлексии.

Правда, в знаменитом спектакле А. Эфроса отношения героев были переведены в «ранг тотальной дисконтактности, человеческой некоммуникабельности», что позволило выделить и высветить тему непонимания, но гоголевский текст, как было специально отмечено, не совпадает здесь с предложенной режиссером «трактовкой» [10, с. 80–81].

В «Иванове» же именно непонимание становится сквозным сюжетным мотивом (ср.: [13, с. 127]). О чем говорит Иванову Саша, стремящаяся избавить его от одиночества и от хандры? О любви и понимании: «Нужно, чтобы около вас был человек, которого бы вы любили и который вас понимал бы. Одна только любовь может обновить вас» [26, XII, с. 37]. Но понимает ли Саша Иванова, если он сам себя не понимает? Имеет ли она дело с тем Ивановым, каким он ей кажется, или с тем, каков он есть? Т.е., говоря по-другому, с «видимостью» или с «подлинным характером»? [25, с. 450] Ведь и сам герой страдает, что утратил идентичность и «обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... сам черт не разберет!» [26, XII, с. 37].

Вот Иванов бросает упрек Саше, что та воображает, будто обрела в нем «второго Гамлета», тогда как он видит в своем поведении «психопатию, со всеми ее аксессуарами», которая «может служить только хорошим материалом для смеха» [26, XII, с. 58]. Прежде всего для смеха над самим собой, человеком, против воли оказавшимся в гамлетовской ситуации, но представшим лишь жалким подобием подлинного Гамлета. Саша мечтает излечить его «от тоски» и готова пойти с ним «на край света» [26, XII, с. 59], но и чувство, и слова ее носят, как ему представляется, книжный характер. Если настроение его, именуемое им *психопатией*, отдаленно и напоминает гамлетовское («Меланхолия! Благородная тоска! Безотчетная скорбь!»), то сам он себе *вторым Гамлетом* не кажется и уподобляется высокому шекспировскому герою, объявляя Саше об отмене свадьбы, не хочет: «Поиграл я Гамлета, а ты возвышенную девицу — и будет с нас» [26, XII, с. 70].

В литературе о Чехове Иванова называют «массовидным» Гамлетом, поскольку «по одной своей фамилии он есть

нечто нарицательное» [2, с. 130]. Его характер и поведение соотносят не столько даже с шекспировским Гамлетом, сколько с феноменом русского гамлетизма (см.: [30, с. 177–186]). Между тем к истории этого феномена причастен и герой «Женитьбы». Его безволие уподобляли безволию Гамлета [9, с. 113], но сам Подколесин вряд ли догадывается, что обладает неким сходством с принцем датским; во всяком случае, гамлетовская рефлексия ему точно не свойственна. Если он и Гамлет, то комический и сниженный. Ср.: «Подколесин — это Гамлет, низведенный в другую, низкую сферу жизни; именно поэтому он не Гамлет» [18, с. 610]. Подобно Иванову, он тоже по своей фамилии, образованной по аналогии со словом ‘подкаблучник’, есть *нечто нарицательное*. Попав под колеса волевого напора Кочкарева, он демонстрирует своим поведением полную бесхарактерность; непредсказуемое его бегство в финале комедии — тоже проявление бесхарактерности.

Иванов отказывается от женитьбы на Саше, сознавая, что «энергия жизни утрачена навсегда» [26, XII, с. 70], и мотивируя отказ тем, что не имеет права «губить других» [26, XII, с. 71]. Дело тут вовсе не в гамлетовском безволии (в Гамлета он только *поиграл*, только *обратился* на время), но в строе и ходе его жизни, которая сложилась так, как сложилась, а почему так сложилась, непонятно и необъяснимо; дело в непреодолимой силе вещей. Кругом действует эта сила, не считающаяся, как он видит на собственном опыте, с желаниями и волей отдельного человека. А потому: «И какая там новая жизнь? Я погиб безвозвратно! Пора нам обоим понять это» [26, XII, с. 71]. Если Подколесин страшится перемены жизни, то Иванов положение свое принимает как данность и в возможность каких-либо перемен не верит, вновь повторяя, как формулу самовнушения: «Погиб безвозвратно!» [26, XII, с. 74].

Мир Гоголя так устроен, что в нем действительно «все “может быть”» [16, с. 12]. Потому и комическая абсурдность сюжетных событий в «Женитьбе», включая прыжок Подколесина в окно, абсолютно точно описывается определением, данным в подзаголовке комедии. Устройство чеховского мира в свою очередь предполагает «возможность самых необъяснимых

и неожиданных явлений» [28, с. 213]. О комическом абсурде здесь речь, понятно, не идет; поступок Иванова, стреляющего накануне свадьбы, выглядит хоть и непредсказуемым, но вполне тривиальным, как тривиальной выглядит и его мотивировка (ср.: [19, с. 145]). В самом деле, что же такого необычного в самоубийстве героя, потерявшего себя и утратившего цель и смысл существования? Новыми такой сюжетный ход и такую сюжетную развязку не назовешь. Но почему все-таки — *сюжет небывалый?*

Вдумаемся, какие же слова находит герой, обращаясь в финальной сцене к невесте: «Постой, я сейчас все это кончу! Проснулась во мне молодость, заговорил прежний Иванов! (*Вынимает револьвер.*)» [26, XII, с. 76]. Казалось, что Иванов, в кого он превратился и каким он себя теперь видит, никогда не сможет вернуться к тому Иванову, каким он был в недалеком прошлом и каким он остался в его собственных воспоминаниях, но больше уже никогда не будет. И вот «прежний Иванов», вдруг заговоривший в герое, неожиданно просыпается в нем, чтобы совершить поступок, на который ни за что не решился бы — не решился бы по «слабодушию» — Иванов нынешний, по уши увязший, как он сам говорит, в «этой гнусной меланхолии» [26, XII, с. 70]. Поступок, так завершающий сюжет несостоявшейся женитьбы, что в нем действительно обнаруживаются и раскрываются черты *сюжета небывалого*.

Отражения гоголевской сюжетной схемы, хотя и не такие заметные, как в «Иванове», прослеживаются и в следующих пьесах Чехова; дело идет прежде всего о сюжетно-тематической перекличке, возникающей благодаря ассоциативным связям с комедией Гоголя, которые порождаются и рассуждениями персонажей, кажущимися странными и алогичными, и их поступками, кажущимися и алогичными, и аномальными.

В «Чайке» Маше Шамраевой, безнадежно влюбленной в Треплева, брак с учителем Медведенко, поступок, выглядящий со стороны странным и неожиданным, несет иллюзорную надежду хоть на какую-то перемену: «А как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое» [26, XIII, с. 33]. Ольга в «Трех сестрах», уставшая от одиночества,

полагает, что если бы она «вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше», чем работа в гимназии, от которой она «постарела, похудела сильно» [26, XIII, с. 120]. Ирине она советует выйти замуж за Тузенбаха, пусть та его и не любит: «Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг» [26, XIII, с. 168]. Андрей же, их брат, несчастливый в браке, убеждает не столько Чебутыкина, к которому он обращается, сколько самого себя: «Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно» [26, XIII, с. 153]. Он будто вторит Вершинину с его жалобами на тягостную обстановку в семье: «...если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!» [26, XIII, с. 132]. И Вершинин, и Андрей, предаваясь бесплодным сожалениям и пустым мечтаниям, не могут, однако, что-либо изменить в своей жизни, раз и навсегда сложившейся. Не удастся изменить ее и Ирине, давшей все же согласие выйти замуж за Тузенбаха: «Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь» [26, XIII, с. 175]. Но барон погибнет на дуэли — и новая жизнь так и не начнется.

Отношения Лопухина и Вари в «Вишневом саде» — еще одна история *несостоявшейся* женитьбы. Лопухин не может уклониться от решительного объяснения, к которому его настойчиво подталкивает Раневская: «Как-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу — и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения» [26, XIII, с. 250]. Но, поглядывая на часы и думая о делах, он и так и не произнесет тех слов, которые от него ждут, пока, наконец, голос со двора не позовет его, чтобы напомнить об отъезде ближайшим поездом. Было отмечено, что связанный с Лопухиным мотив бегства жениха включает в себя аллюзию на поведение Подколесина [4, с. 75–76]. Между тем и колебания Лопухина, и его поступок говорят отнюдь не о безвольности, свойственной комическому герою Гоголя, но скорее о переживаемой им внутренней драме, скрытой от чужих глаз и по-своему выражающей общую для чеховской пьесы атмосферу «разброда» [25, с. 354].

Так, возвратив в русскую литературу *гоголевский* сюжет, Чехов наполняет его новыми смыслами и заново открывает его универсальную природу.

Литература:

1. *Балухатый С. Д.* Проблемы драматургического анализа. Чехов / С. Д. Балухатый. — Л.: Academia, 1927. — 186 с.
2. *Берковский Н. Я.* Литература и театр / Н. Я. Берковский. — М.: Искусство, 1969. — 638 с.
3. *Бочаров С. Г.* Чехов и философия / С. Г. Бочаров // Вестник истории, литературы, искусств. — М.: Собрание; Наука, 2005. — С. 146–159.
4. *Виноградова Е.* Гамлет – Подколесин: «амплитуда» характера Лопухина (об одной цитате в «Вишневом саде» А. П. Чехова) / Е. Виноградова // Русская филология. Т. 11. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000. — С. 71–76.
5. *Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е.* Окно / Л. Н. Виноградова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. — М.: Международные отношения, 2004. — С. 534–539.
6. *Гиппиус В.* Гоголь; *Зеньковский В. Н. В.* Гоголь / В. Гиппиус. — СПб.: Logos, 1994. — 343 с.
7. *Гитович И.* Made in, или снова о биографии. Заметки читателя / И. Гитович // Чеховский вестник. — М.: Изд-во «Скорпион», 2005. — № 17. — С. 10–18.
8. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 — 1952.
Т. 5: Женитьба. Драматические отрывки и отдельные сцены. — 1949. — 511 с.
9. *Григорьев А. А.* Гоголь и его последняя книга / А. А. Григорьев // Русская эстетика и критика 40–50-х гг. XIX века. — М.: Искусство, 1982. — С. 106–125.
10. *Журавлева А. И., Некрасов В. Н.* «Женитьба» Гоголя / А. И. Журавлева // Русская драма и литературный процесс. — М.: Изд-во МГУ, 2013. — С. 69–87.
11. *Зайцева Т. Б.* Гоголевские реминисценции в чеховской пьесе «Иванов» как один из способов создания иронической драмы / Т. Б. Зайцева // Дергачевские чтения - 2008. Т. 1. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. — С. 179–185.
12. *Зингерман Б. И.* Театр Чехова и его мировое значение / Б. И. Зингерман. — М.: Наука, 1988. — 384 с.

13. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова / В. Б. Катаев. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 261 с.
14. Катаев В. Б. Чехов плюс... Предшественники, современники, премники / В. Б. Катаев. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 392 с.
15. Лотман М. О семиотике страха в русской культуре / М. Лотман // Семиотика страха. — М.: Изд-во «Европа», 2005. — С. 13–35.
16. Лотман Ю. О «реализме» Гоголя / Ю. Лотман // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. II (Новая серия). — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. — С. 11–35.
17. Магомедова Д. М. «Переписывание классики» на рубеже веков: сфера автора и сфера героя / Д. М. Магомедова // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. 6. — М.; Тверь: Тверской ун-т, 2000. — С. 212–218.
18. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма / Ю. В. Манн. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. — 744 с.
19. Паперно И. Самоубийство как культурный институт / И. Паперно. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 256 с.
20. Паперный З. С. Гоголь в восприятии Чехова / З. С. Паперный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1985. — Т. 44. — № 1. — С. 68–81.
21. Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы / Т. И. Печерская. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. — 162 с.
22. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Д. Рейфилд. — М.: Б. С. Г.-Пресс, 2011. — 883 с.
23. Руднев В. П. Философия языка и семиотика безумия / В. П. Руднев. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. — 528 с.
24. Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. — М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. — 332 с.
25. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. — М.: Художественная литература, 1972. — 544 с.
26. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Соч.: В 18 т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1974–1982.
Т. 12: Пьесы. 1889–1891. — 1978. — 400 с.
Т. 13: Пьесы. 1895–1904. — 1978. — 527 с.
27. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма.: В 12 т. — М.: Наука, 1974–1983.
Т. 3: Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. — 1974. — 575 с.
Т. 5: Письма, Март 1892–1894. — 1977. — 679 с.
Т. 7: Письма, июнь 1897 – декабрь 1898. — 1979. — 816 с.

28. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. — М.: Наука, 1971. — 292 с.

29. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. — М.: Сов. писатель, 1986. — 384 с.

30. Шах-Азизова Т. Д. Полвека в театре Чехова. 1960–2010 / Т. Д. Шах-Азизова. М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 328 с.

31. Шульц С. А. Трансформация житийного мотива в драматургии Гоголя и Толстого («Женитьба» и «Живой труп») / С. А. Шульц // Поэтика русской литературы. — М.: РГГУ, 2001. — С. 184–192.

References:

1. Baluhaty S. D. Problems of the dramatic Analysis. Chekhov [*Problemy dramaturgicheskogo analiza. Chehov*]. Leningrad, Academia, 1927. 186 p.

2. Berkovskii N. Y. Literature and Theater [*Literatura i teatr*]. Moscow, Art, 1969. 638 p.

3. Bocharov S. G. Chekhov and the Philosophy [Chehov i filosofija]. *Bulletin of the History, Literature and the Arts* [*Vestnik istorii, literatury, iskusstv*]. Moscow, Collection, Science, 2005. P. 146–159.

4. Vinogradova E. Hamlet – Podkolesin: “Amplitude” of the character of Lopahin (about one Quote in “The Cherry Orchard” by Anton Chekhov) [Gamlet - Podkolesin: «amplituda» haraktera Lopahina (ob odnoj citate v «Vishnevom sade» A. P. Chehova)]. *Russian philology* [*Russkaja filologija*]. Vol. 11. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000. P. 71–76.

5. Vinogradova L. N, Levkievskaya E. E. Window [Okno]. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes* [*Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 t.*]. Vol. 3. Moscow, International Relations, 2004. P. 534–539.

6. Gippius V. Gogol'; Zenkovsky B. N. V. Gogol' [*Gogol'; N. V. Gogol'*]. Saint-Petersburg, Logos, 1994. 343 p.

7. Gitovich I. Made in, or again about the Biography. Notes for the Reader [Made in, ili snova o biografii. Zаметki chitatelja]. *Chekhov Gazette* [*Chehovskij vestnik*]. Moscow, Publishing house “Scorpion”, 2005. № 17. P. 10–18.

8. Gogol' N. V. Complete Works in 14 volumes. [*Polnoe sobranie sochinenij v 14 t.*]. Moscow: AN SSSR Publ., 1937–1952. Vol. 5. Marriage. Dramatics excerpts and individual scenes [Zhenit'ba. Dramaticheskie otrывki i otdel'nye sceny]. 1949. 511 p.

9. Grigoriev AA Gogol and his latest book [Gogol' i ego poslednjaja kniga]. *Russian Aesthetics and Criticism of 40-50 years of XIX Century* [*Russkaja jestetika i kritika 40-50-h gg. XIX veka*]. Moscow, Art, 1982. P. 106–125.

10. Zhuravleva A. I., Nekrasov V. N. Gogol's "Marriage" [«Zhenit'ba» Gogolja]. *Russian Drama and literary Process* [Russkaja drama i literaturnyj process]. Moscow, MGU Publ., 2013. P. 69–87.
11. Zaitseva T.B. Gogol's reminiscences in Chekhov's play "Ivanov" as a way of creating an ironic drama [Gogolevskie reminiscencii v chehovskoj p'ese «Ivanov» kak odin iz sposobov sozdanija ironicheskoj dramy]. *Dergachev's reading, 2008* [Dergachevskie chtenija – 2008]. Vol. 1. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University Press, 2009. P. 179–185.
12. Zingerman B. I. Chekhov's Theatre and its global significance [*Teatr Chehova i ego mirovoe znachenie*]. Moscow, Science, 1988io 384 p.
13. Kataev V. B. Chekhov's literary connections [*Literaturnye svjazi Chehova*]. Moscow, MGU Publ., 1989. 261 p.
14. Kataev V. B. Chekhov plus ... The Predecessors, Contemporaries, Successors [*Chehov plus... Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki*]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2004. 392 p.
15. Lotman M. About semiotics of fear in Russian culture [O semiotike straha v russkoj kul'ture]. *Semiotics of Fear* [Semiotika straha]. Moscow, Publishing House "Europe", 2005. P. 13–35.
16. Lotman Y. About Gogol's "Realism" [O «realizme» Gogolja]. *Works on Russian and Slavic Philology. Literature. II (New Series)* [Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Literaturovedenie. II (Novaja serija)]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. P. 11–35.
17. Magomedova D. M. "Rewriting the Classics" at the Turn of the Century: the Scope of the Author and the Scope of the Hero [«Perepisyvanie klassiki» na rubezhe vekov: sfera avtora i sfera geroja]. *Literary Text: Problems and Methods* [Literaturnyj tekst: Problemy i metody issledovanija]. Vol. 6. Moscow, Tver', Tver' State University Press, 2000. P. 212–218.
18. Mann Y. V. Gogol': the Meaning and the Form [*Tvorchestvo Gogolja: smysl i forma*]. St. Peterburg, Publishing House of St. Peterburg University Press, 2007. 744 p.
19. Paperno I. Suicide as a cultural Institution [*Samoubijstvo kak kul'turnyj institut*]. Moscow, New Literary Review, 1999. 256 p.
20. Paperny Z. S. Gogol in Chekhov's Perception [Gogol' v vosprijatii Chehova]. *The Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. A Series of Literature and Language* [Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka]. 1985. Vol. 44. № 1. P. 68–81.
21. Pecherskaja T. I., Nikanorova E. K. Plots and Motifs of classical Russian Literature [*Sjuzhety i motivy russkoj klassicheskoj literatury*]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2010. 162 p.

22. Rayfield D. Anton Chekhov: A Life [*Zhizn' Antona Chehova*]. Moscow, B.S.G.-Press, 2011. 883 p.
23. Rudnev V. P. Philosophy of Language and Semiotics of Madness [*Filosofija jazyka i semiotika bezumija*]. Moscow, Publishing House "Territory of the Future", 2007. 528 p.
24. Savinkov S. V., Faustov A. A. Aspects of Russian literary Characterology [*Aspekty russkoj literaturnoj harakterologii*]. Moscow, Kulagina publ., Intrada, 2010. 332 p.
25. Skaftymov A. P. The Moral Search of Russian Writers [*Navstvennye iskanija russkih pisatelej*]. Moscow, Imaginative, 1972. 544 p.
26. Chekhov A. P. Complete Works and Letters in 30 volumes. Works in 18 volumes [*Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Sochinenija: v 18 t.*]. Moscow, Science, 1974–1982. Vol. 12. Plays. 1889–1891 [P'esy. 1889–1891]. 1978. 400 p.; Vol. 13. Plays. 1895–1904 [P'esy. 1895–1904]. 1978. 527 p.
27. Chekhov A. P. Complete Works and Letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes [*Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.*]. Moscow, Science, 1974–1983. Volume 3. Letters, October 1888 - December 1889 [Pis'ma, Oktjabr' 1888 – dekabr' 1889]. 1974. 575 p.; Vol. 5. Letters, March 1892 – 1894 [Pis'ma, Mart 1892 – 1894]. 1977. 679 p.; Vol. 7. Letters, June 1897 – December 1898 [Pis'ma, ijun' 1897 – dekabr' 1898]. 1979. 816 p.
28. Chudakov A. P. Chekhov's Poetics [*Pojetika Chehova*]. Moscow, Nauka, 1971. 292 p.
29. Chudakov A. P. Chekhov's World: the Emergence and the Adoption [*Mir Chehova: vzniknovenie i utverzhdenie*]. Moscow, Soviet writer, 1986. 384 p.
30. Shah-Azizova T. D. Half a Century in Chekhov's Theater. 1960–2010 [*Polveka v teatre Chehova. 1960-2010*]. Moscow, Progress-Tradition, 2011. 328 p.
31. Schulz S. A. Transformation of the hagiographic Motif in Gogol's and Tolstoy's dramatic Works ("Marriage" and "The Living Corpse") [*Transformacija zhitijnogo motiva v dramaturgii Gogolja i Tolstogo («Zhenit'ba» i «Zhivoj trup»*)]. *The Poetics of Russian Literature* [*Pojetika russkoj literatury*]. Moscow, State Humanitarian University Publ., 2001. P. 184–192.

Аннотация

ГОГОЛЕВСКИЙ СЮЖЕТ В ПЬЕСАХ ЧЕХОВА

Автор проводит параллели между комедией Гоголя «Женитьба» и пьесами Чехова. В статье рассматривается роль гоголевской сюжетной схемы несостоявшейся женитьбы в произведениях писателя. Особое внимание автор уделяет драме «Иванов». Здесь тема женихов и женитьбы является весьма значимой для развития действия и сюжетных событий. Анализ позволяет раскрыть семантическую близость чеховской и гоголевской сюжетных конструкций. Определенное сюжетное сходство между комедий Гоголя и пьесами Чехова, прежде всего драмой «Иванов», маркируется мотивом бегства жениха. Вместе с тем Чехов трансформирует и переосмысляет этот мотив. Писатель использует гоголевский сюжет несостоявшейся женитьбы, чтобы раскрыть внутреннюю драму, которую переживают его герои. В результате проведенного анализа автору удается показать важное значение «сюжетной памяти» в творчестве Чехова и особую роль здесь гоголевского сюжета.

Ключевые слова: Гоголь, комедия, сюжет, женитьба, Чехов, пьесы.

Анотація

ГОГОЛІВСЬКИЙ СЮЖЕТ У П'ЄСАХ ЧЕХОВА

Автор проводить паралелі між комедією Гоголя «Одруження» і п'єсами Чехова. У статті розглядається роль гоголівської сюжетної схеми невдалої одруження в творах письменника. Особливу увагу автор приділяє драмі «Іванов». Тут тема женихів та одруження є дуже значущою для розвитку дії і сюжетних подій. Аналіз дозволяє розкрити семантичну близькість чеховської і гоголівської сюжетних конструкцій. Певна сюжетна схожість між комедіями Гоголя і п'єсами Чехова, насамперед драмою «Іванов», маркується мотивом втечі нареченого. Разом з тим Чехов трансформує і переосмислює цей мотив. Письменник використовує гоголівський сюжет невдалого одруження, щоб розкрити внутрішню драму, яку переживають його герої. В результаті проведеного аналізу авторові вдається показати важливе значення «сюжетної пам'яті» у творчості Чехова і особливу роль в цьому плані гоголівського сюжету.

Ключові слова: Гоголь, комедія, сюжет, одруження, Чехов, п'єси.

Summary

GOGOL'S PLOT IN CHEKHOV'S PLAYS

The author draws parallels between of Gogol's comedy "Marriage" and Chekhov's plays. The study tested the role of Gogol's plot of a failed marriage in the works of the writer. Particular attention is paid to Chekhov's drama "Ivanov". The theme of the grooms and of the marriage is very important here for the development of the action and of the plot events. The analysis allows to reveal the semantic proximity of Chekhov's and Gogol's structures of the plot. Certain similarities between of Gogol's comedy and of Chekhov's play, especially drama "Ivanov", marked by the motive of the escape of the groom. However, Chekhov transforms and reinterprets this motive. He uses Gogol's plot of a failed marriage to reveal the inner drama of his characters. As a result of analysis, the author manages to show the importance of "the plot memory" in the Chekhov's works and a special role of Gogol's plot here.

Keywords: Gogol, comedy, story, marriage, Chekhov, plays.

Александр Люсый (Москва)

**САМОФИКСАЦИЯ ВИЯ:
ГОГОЛЬ И «ВЕНСКИЙ ТЕКСТ»**

«Гоголь — в определенном смысле городской писатель», — утверждает Ю. Манн [13, с. 491]. Данное определение обосновывается тем, что второй из его циклов (после «Вечеров на хуторе...») определен названием города — «Миргород», а все повести из «Арабесок», вместе с двумя другими, появившимися позже, фигурируют как «петербургские повести» (правда, наименование принадлежит не Гоголю). Произведения же, выделенные писателем при подготовке его первого собрания сочинений в особую группу (т. 3, «Повести»), — это опять-таки городские повести. Менялся лишь масштаб и статус города, от столичного (Петербург и Рим) до провинциального (городок Б. в «Коляске»). Затем возник уездный город «Ревизора». «Мертвые души», при всей их тематической протяженности, линейности, панорамности, тоже тяготеют внутри себя к определенным центрам — во главе с губернским городом. Так по крайней мере обстоит дело в первых двух томах с городами NN и оставшимся в рукописях Тьфуславлем. Значение творчества Гоголя для становления Петербургского текста русской литературы определено В.Н. Топоровым и его последователями. Здесь же мы хотели бы поставить вопрос о роли Гоголя для Венского текста, если и таковой имеет право на существование.

Эпизоды, с которых я хочу начать свой рассказ, соотносятся с хрестоматийной схемой А. Герцена: на вызов, брошенный Петром, Россия отвечает «явлением Пушкина», с тем отличием, что Пушкин в Вене, в отличие от Петра I-го, ни разу не побывал. Петр же прибыл сюда 10 июня 1698 года по пути из северной Европы в южную в ходе знаменитого Великого посольства. 11 июля император Леопольд устроил грандиозное празднество — традиционный для венского двора костюмированный бал. Австрийская элита явилась на праздник в костюмах разных времен и народов: древнеримских, голландских, польских, китайских, цыганских и т.д. Петр I

нарядился фрисландским крестьянином, а Леопольд и его супруга Элеонора — трактирщиками. Веселье продолжалось до четырех часов утра, и русский царь танцевал на том балу «без конца и меры» [14, с. 53]. Однако за этими утехами главного — союза в войне с Османской империей — добиться не удалось. Австрийцы, заранее располагая информацией о поведении Петра как в Москве, так и во время путешествия, едва могли поверить, что этот почтительный и скромный молодой человек — тот самый гуляка, о котором они были наслышаны. Иностранные послы в Вене отмечали его «деликатные, безупречные манеры». Из Вены царь собирался поехать в Венецию, чтобы продолжить начатое в северной Европе изучение судостроения. Однако из Москвы пришло известие о восстании стрельцов, и Петр начал быстрое возвращение домой.

После наполеоновских войн и Венский конгресс 1815 года в Вене наступило 30-летие мирной жизни и политической стабильности. Главной ценностью этой короткой эпохи стала мирная жизнь в кругу семьи, что нашло свое яркое воплощение в стиле бидермейер, «смесь ампира с романтизмом» в духе интимности и домашнего уюта («бытового романтизма»), отразившегося в живописи и литературе. С этой точки зрения как явления одного рода можно рассматривать прозу Пушкина в одном ряду с произведениями Н. Полевого, М. Погодина, М. Жуковой, И. Панаева, В. Соллогуба, а также Н. Мундта, Ф. Корфа, А. Емичева и других беллетристов. Н. Я. Берковский в статье «О «Повестях Белкина» доказывает, что «этот стиль, очень явственный к 20–30-м годам в Европе, овладевший модами, утварью, мебелью, изобразительным искусством, литературой, конечно, не мог ускользнуть от Пушкина» [3, с. 104]. Один из «кусков бидермейера», которые, как считает исследователь, «постоянно встречаются» в «Повестях Белкина», связан как раз с выражением породившего этот стиль духа «Между тем война со славою была кончена. Полки возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу <...> Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. < . . . > Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания!»

(«Метель»). «Женская тема» в данном тексте, связанная с обликом рассказчицы, девицы К. И. Т., столь простодушно-непосредственно передающей смысл «блистательного времени», чуть иронично вводится Пушкиным [5, с. 177–178].

Но все же не Пушкин, но Гоголь стал литературным ответчиком за не такое уж и вызывающее поведение Петра в Вене. Впрочем, эпистолярные впечатления все же не переросли в посвященное городу произведение, напоминающее его «Рим». Однако эти письма все же заслуживают *венописательского*, если не *веноописательного*, литературного внимания. Гоголь появляется в Вене в июне 1839 года, имея уже немалый зарубежный опыт, откуда пишет одно из самых странных, исполненных духом самого по себе весьма диалектичного венского кофе/чаепития, писем Е. Г. Чертковой (22.06.1839): «Странная вещь. Как только напьюсь чаю, в ту же минуту кто-то невидимкой толкает меня под руку писать к вам, и Елисавет<a> Григорьевна не сходит ни на минуту с мыслей. И отчего бы это? Пусть бы еще эта потребность являлась во время кофию, тогда по крайней мере понятно. Кофий клеится в моей памяти с вами: вы сами мне клали сахар и наливали; но во время чаю вы не брали на себя никакой должности. Отчего же это? Я теряюсь и становлюсь похожим на того почтенного гражданина и дворянина, который всю жизнь свою задавал себе вопрос: почему он Хризанфий, а не Иван, и не Максим, и не Онуфрий, и даже не Кондрат и не Прокофий¹. Вы верно знаете, отчего вы живее в моих мыслях после чаю. Верно вы один раз, пивши его, вообразили, что льете мне его на голову и вылили вашу чашку на пол. Или, хотевши швырнуть блюдечком мне в лоб, попали им в верхнюю губу и передний зуб вашего доктора, который только что успел вам рассказать, как весь город удивляется терпению вашего Гриши, или может быть ваша Лиза, взявши чашку с чаем и приготавливаясь пить, закричала во весь голос: Ах мама, вообрази, здесь в чашке сидит Гоголь! Вы бросились с

¹ В этой фразе ощутимо предчувствие драмы австрийского писателя Питера Хандке «Каспар», построенной на единственной фразе «Я хотел бы быть тем, кем когда-то был кто-то другой».

места и вскрикнули: Где Гоголь? Лиза принялась ловить ложечкой в стакане и закричала вновь: Ах, это не Гоголь, это муха! И вы увидели, что это была, точно, муха и может быть в эту минуту сказали: Ах, зачем эта муха, которая так надоедала мне, уже далеко от меня. Словом, что-нибудь верно случилось, иначе мне бы не было такого сильного желания писать к вам именно после чаю. Вы мне обыкновенно представляетесь сидящею в креслах, в ваших креслах. Но после чаю вы стоите возле меня живо, опершись на спинку стула, и как будто что-то говорите. Почти так, как, помните, один раз вы сказали или может даже подумали так, что сосед ваш вовсе не слышал, а услышал я. Вы сидели у окна, ваши губы едва шевельнулись или почти не шевельнулись. Вы мне лучше и чаще представляетесь в эту минуту. Словом, хотя мне чай вреден, но я буду его пить чаще, чтобы иметь подобные минуты.

Знаете ли, что это письмо пишется к вам из Вены? я мог бы сию минуту сходить в *Poste restante* и взять там ваше письмо и написать на него ответ, но я не хотел этого сделать для того, чтобы до завтра быть в сладкой уверенности, что там лежит точно ваше письмо ко мне. Если ж там нет его — боже! сколько злости прольется. Всем достанется: и немцам, и Вене, и шляпе, и перчаткам, и мостовой, и собственному носу, о чем, как кажется, было уже писано. И ни одному немцу, который будет сидеть со мною в дилижансе, не позволю выкурить ни одной сигары. Пусть он треснет, проклятый! Прощайте, целую ваши ручки»² [6, XI, с. 236–237].

² Письмо впервые было опубликовано в «Русском Архиве» 1867, III, стр. 473–475 (под заголовком: «Шуточное письмо Н. В. Гоголя к одной русской даме»). Елизавета Григорьевна Черткова (урожд. гр. Чернышева, 1805–1858) — московская знакомая Гоголя, жена историка и археолога А. Д. Черткова. Она, в частности, позже предоставила писателю пространство для своеобразной, типично гоголевской, с некоторым «венским» акцентом, «драмы в драме», своего рода «Мышеловке»: «Гоголь еще не видал на московской сцене "Ревизора"; актеры даже обижались этим, и мы уговорили Гоголя посмотреть свою комедию. Гоголь выбрал день, и "Ревизора" назначили. Слух об этом распространился по Москве, и лучшая публика заняла бельэтаж и первые ряды кресел. Гоголь приехал в бенеуар к Чертковой, первый с левой стороны, и сел или почти лег так, чтоб в креслах было не

В сущности, Гоголь здесь сразу же постиг самую сущность венского опереточного бытия, предвосхитил не только особенности грядущей литературной, но и художественной жизни с её превращенным акционизмом и даже в какой-то степени дал набросок сценариев экранизаций — как «Новеллы о снах» Артура Шницлера Стэнли Кубриком, перенесшим в фильме «С широко закрытыми глазами» (1999) события из Вены 1925 года в современный Нью-Йорк, в результате чего весь мир предстал как *глобальная Вена* тайного артистичного разварата,

видно. Через два бенуара сидел я с семейством; пьеса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз) с восхищением. По окончании третьего акта вдруг все встали, обратились к бенуару Чертковой и начали вызывать автора. Вероятно, кому-нибудь пришла мысль, что Гоголь может уехать, не дослушав пьесы. Несколько времени он выдерживал вызовы и гром рукоплесканий, потом выбежал из бенуара. Я бросился за ним, чтобы провести его в ложу директора, предполагая, что он хочет показаться публике; но вдруг вижу, что он спешит вон из театра. Я догнал его у наружных дверей и упрасивал войти в директорскую ложу. Гоголь не согласился, сказал, что он никак не может этого сделать, и убежал. Публика была очень недовольна, сочла такой поступок оскорбительным и приписала его безмерному самолюбию и гордости автора. На другой день Гоголь одумался, написал извинительное письмо к Загоскину (директору театра), прося его сделать письмо известным публике, благодарил, извинялся и наклепал на себя небывалые обстоятельства. Погодин прислал это письмо на другой день мне, спрашивая, что делать? Я отсоветовал посылать, с чем и Погодин был согласен. Гоголь не послал письма и на мои вопросы отвечал мне точно то же, на что намекал только в письме, то есть что он перед самым спектаклем получил огорчительное письмо от матери, которое его так расстроило, что принимать в эту минуту изъявление восторга зрителей было для него не только совестно, но даже невозможно. Нам казалось тогда, и теперь еще почти всем кажется, такое объяснение неискренним и несправедливым. Мать Гоголя вскоре приехала в Москву, и мы узнали, что ничего особенно огорчительного с нею в это время не случилось. Отговорка Гоголя признана была нами за чистую выдумку; но теперь я отступаюсь от этой мысли, признаю вполне возможным, что обыкновенное письмо о затруднении в уплате процентов по имению, заложенному в Приказе общественного призрения, могло так расстроить Гоголя, что всякое торжество, приятное самолюбию человеческому, могло показаться ему грешным и противным. Объяснение же с публикой о таких щекотливых семейных обстоятельствах, которое мы сейчас готовы назвать трусостью и подлостью или, из милости, крайним неприличием, обличает только чистую, прямую, простую душу Гоголя, полную любви к людям и уверенную в их сочувствии» [1, с. 59–60].

так и клипа «Кругом одни мужчины», вероятно, повлиявшем на замысел фильма «Муха» Д. Кроненберга, последовательно развивающего тему телесного ужаса.

Отъехав в Мариенбад, Гоголь опять 25.08.1839 г. Возвращается в Вену, откуда в письме к С. П. Шевыреву сообщает уже о конкретной работе — над драмой из истории Запорожья: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак». 19.09.1839 года Гоголь уезжает в Россию, с тем, чтобы приехать сюда еще раз в июне следующего 1840 года, чтобы именно здесь продолжить работу над запорожской трагедией и предаться лечению водами. «...Вена приняла меня царским образом! Только теперь всего два дня прекратилась опера. Чудная, невиданная. В продолжение целых двух недель первые певцы Италии мощно возмущали, двигали и производили благодетельные потрясения в моих чувствах. Велики милости бога! Я оживу еще» [6, 11, с. 295]. Однако лечение на пользу не идет, вместе с жарой приходит тяжелейшее духовное расстройство — «Венский кризис», когда сам воздух стал казаться кажется «неприятным» — «тень отца приходит в бессонные ночи, и он вспоминает, что, по рассказам матери, тот так же предчувствовал свой конец и, чтоб не привлечь в свидетели близких, уехал умирать из дому» [9, с. 158]. Вена стала для Гоголя каким-то Вий-городом, и он с последними надеждами на перемену места уезжает в Рим, а призрак ненаписанной запорожской трагедии так и остался навечно здесь, не став пока памятником.

Цельный образ Вены тех лет представил позднее в своих «Литературных воспоминаниях» современник Гоголя Павел Анненков: «Зиму 40–41 годов мне привелось прожить в меттерниховской Вене. Нельзя теперь почти и представить себе ту степень тишины и немоты, которые знаменитый канцлер Австрии успел водворить, благодаря неусыпной бдительности за каждым проявлением общественной жизни и беспредельной подозрительности к каждой новизне на всем пространстве от Богемских гор до Байского залива и далее. Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице

гробниц в Помпее, посреди удивительного благочиния смерти, встречаемый и провожаемый призраками в образе таможенников, паспортников, жандармов, чемоданщиков и визитаторов пассажирских карманов. Ни мысли, ни слова, ни известия, ни мнения, а только их подобия... Для созерцательных людей это молчание и спокойствие было кладом: они могли вполне предаться изучению и самих себя и предметов, выбранных ими для занятий, уже не развлекаясь людскими толками и столкновениями партий. Гоголь, Иванов, Иордан и много других жили полно и хорошо в этой обстановке, ...благоговейно поклоняясь гениям искусства и литературы, сберегая про себя святыню души» [2, с. 158].

То есть такая внешняя «тяжесть недобрая» обеспечивала своеобразный духовный вакуум внутренней легкости, которая, вкупе с красотой и изяществом, стали вскоре главными составляющими российских представлений о Вене, и не только среди писателей и художников. Свобода и либерализм 1860-70-х гг. сломали в представлениях многих путешественников средневековый, консервативный облик Вены, сделав из нее одну из самых красивых и изящных столиц Европы. Вот герои Льва Толстого рассуждают (в черновиках к «Войне и миру») о «преlestной Вене». И это в то время, когда на подступах к городу стояли войска Наполеона: «Честное слово, точно я уроженец этой прелестной Вены, так она мне мила. Солдатчина в Вене!» Напротив, вступление русских войск в австрийскую столицу воспринимается щеголеватым русским вахмистром как событие во всех отношениях приятное: «Мне говорили, граф, что мы будем стоять в Вене... Это хорошо. Женщины. Пратер... Я слышал, что венские женщины лучше полек. Польские кокетливы и заманчивы, но viennoises беззаботнее, веселее».

И в наброске к следующему толстовскому роману, действие которого разворачивается на десятилетие позже: «Вы давно ли тут?» — спрашивает Анна Каренина своего партнера на светском балу. — «Мы вчера приехали, мы были на выставке в Вене, теперь я еду в деревню оброки собирать» [16, с. 94]. Т.е., Вена — город, куда ездят на выставки, а деревня, крестьяне, оброки — это Россия.

«Блистательность» космополитичной Вены становится альтернативой националистичному, чопорному и педантичному Берлину. Россияне не очень комфортно чувствовали себя в германской столице, поэтому Вена с ее стремлением к удовольствиям и поликультурностью является лучшим свидетельством европейскости русских, прежде всего для них самих и показателем того, что они вполне гармонично могут жить в Европе. Отсюда следует бесконечное множество сравнений Берлина и Вены, и практически все они были не в пользу германской столицы. Кроме того, у россиян конструируется образ «Среднеевропейской общности», расположившейся между Германией и Россией.

Из обратных впечатлений выделяется «Русское путешествие» Германа Бара, интересное, по наблюдениям А. И. Жеребкина, метаморфозой героя-рассказчика, происходящей на фоне топики петербургского мифа, известной Бару из Достоевского и возможно, из Пушкина. Призрачная столица России выступает у Бара как символ декадентского сознания, для которого весь мир обращается в систему моих представлений, но вместе с тем и как экзистенциальное пространство, в котором трагедия эстетического индивидуализма достигает кульминации и разрешается рождением «нового человека» — человека христианской культуры. Функция эротических эпизодов, в том числе выразительной сценки в русском борделе, заключается в том, чтобы ввести образ иллюзорного Петербурга, иллюзорность которого рассказчику надлежит преодолеть, в древнюю мифологическую перспективу города-блудницы Вавилона. «Маленькая актриса» Лотта Витт, в начале книги не более чем участница дорожного флирта, получает по мере развития сюжета роль Беатриче, божественной проводницы в «*vita puova*», которая должна быть заслужена нисхождением в перебургский *Inferno* [8, с. 58].

В более поздней автобиографической книге «Автопортрет» Бар не без иронии сопоставляет два петербургских воспоминания — о статуе гордого царя на Сенатской площади и о смиренно молящемся народе в маленькой церкви неподалеку от Казанского собора. Сознательно смонтированные по прин-

ципу контраста, они подтверждают принципиальное значение книги 1891 года. Антитеза языческого человекобога и христианского богочеловека, составляющая ее идейный сюжет, настолько тесно связывает «Русское путешествие» с т. н. «петербургским текстом русской литературы», что появляется основание для того, чтобы рассматривать петербургский миф в качестве одной из несущих опор венского модернизма. Уточним, что если в австрийской литературе Петербургский текст присутствует в традиционном образе пушкинского Медного всадника, осложненного затем скорее взаимоотношениями всадника и лошади (навязчивый сон молодого К. Юнга, который он пересказывал З. Фрейду, если судить по фильму Д. Кроненберга «Опасный метод»), а не путавшимся под ногами «маленьким человеком», то русских литераторов в Вене этот текст сопровождает скорее как признак гоголевского Носа, малость, пожалуй, по-боксерски деформированного описанной Р. Музилом в «Человеке без свойств» дракой как «поспешной интимностью» (но об этом ниже).

На рубеже XIX–XX веков, с одной стороны, именно Вена стала отождествляться в российском сознании с новым искусством рубежа веков. С другой, в русской словесности по-прежнему не заметны посвященные этому городу сочинения. «Поэты Серебряного века не писали о Вене стихов, обошли стороной даже авторы мемуаров... если же она все-таки присутствовала в рассказах или описаниях, то чаще в виде слова-обозначения, куда едут или откуда приезжают» [15, с. 117–118].

Пожалуй, в то время к Вене более пристальное внимание было проявлено революционерами, причем, первоначально политическими, и лишь позже — стилистическими. Здесь часто бывали В. И. Ульянов-Ленин (суточная остановка «пломбированного вагона» которого здесь в 1917 году — предмет особого конспирологического анализа), И. В. Сталин написал в Вене свои книги о марксизме и национальном вопросе (1913 г.), используя теоретические наработки австромарксистов, а Л. Д. Троцкий прожил в Вене более трех лет накануне Первой мировой войны. Как, кстати, литература прошла мимо такого совпадения? В 1913 году А. Гитлер, И. Сталин, Л. Троцкий, Иосип Броз Тито

и З. Фрейд жили в Вене, совсем недалеко друг от друга [4] (причем, Троцкий все же успел побывать пациентом доктора Фрейда).

Как отмечает И. В. Крючков, воспоминания Л. Троцкого о Вене невольно сводятся к его дискуссиям с Р. Гильфердингом, К. Реннером, О. Бауэром и другими австрийскими политическими деятелями за столиками венских кафе. Троцкий был поражен «кофейным социализмом» австрийских социал-демократов, которым венский стиль заменил революционность. Аристократизм и мелкобуржуазность, тяга к интеллектуализму и обрывочные познания Маркса, джентльменство и сальные шутки о женщинах спокойно сочетались в характере социал-демократов Вены. «В старой императорской иерархической, суетной и тщеславной Вене марксисты-академики сладостно именовали друг друга “Herr Doctor”» [11, с. 222]. Это, на взгляд Троцкого, демонстрировало степень «разложения» венских социал-демократов. В Вене, в сравнении с Берлином, не было настоящей политики и политической борьбы, все выглядело буднично и по-домашнему. «Кофе» выгеснил политику, эстетика подавила революционность.

Однако, если обратиться к тексту «Моей жизни» «литератора-революционера», как он себя обозначал, общий образ Вены и венцев все же возникает: «На венских заборах появились надписи: Alle Serben muessen sterben. Это стало кличем уличных мальчишек. Наш младший мальчик, Сережа, движимый, как всегда, чувством противоречия, возгласил на звнерингской лужайке: «Hoch Serbien!» Он вернулся домой с синяками и с опытом международной политики.

...Во всех европейских центрах стояли одинаково «чуждые» дни августа, все страны вступали «преображенными» в работу своего взаимоистребления.

Особенно неожиданным казался патриотический подъем масс в Австро-Венгрии. Что толкало венского сапожного подмастерья, полунемца-получеха Поспешилия, или нашу зеленщицу фрау Мареш, или извозчика Франкля на площадь перед военным министерством? Национальная идея? Какая? Австро-Венгрия была отрицанием национальной идеи. Нет, движущая сила была иная.

Таких людей, вся жизнь которых день за днем проходит в монотонной безнадежности, очень много на свете. Ими держится современное общество. Набат мобилизации врывается в их жизнь как обещание. Все привычное и осточертевшее опрокидывается, воцаряется новое и необычное. Впереди должны произойти еще более необозримые перемены. К лучшему или к худшему? Разумеется, к лучшему: разве Поспешиллю может стать хуже, чем в «нормальное» время?

Я бродил по центральным улицам столь знакомой мне Вены и наблюдал эту совершенно необычную для шикарного Ринга толпу, в которой пробудились надежды. И разве частица этих надежд не осуществляется уже сегодня? Разве в иное время носильщики, прачки, сапожники, подмастерья и подростки предместий могли бы себя чувствовать господами положения на Ринге? Война захватывает всех, и, следовательно, угнетенные, обманутые жизнью чувствуют себя как бы на равной ноге с богатыми и сильными. Пусть не покажется парадоксом, но в настроениях венской толпы, демонстрировавшей во славу габсбургского оружия, я улавливал черты, знакомые мне по октябрьским дням 1905 г. в тогдашнем Петербурге. Недаром же война часто являлась в истории матерью революции»³. Трoцкий, конечно, читал Гоголя, так же, как автор «Массы и власти» венец Э. Канетти, по всей вероятности, читал Трoцкого.

Военная Вена была полностью обойдена русской литературой, не выделив ей хотя бы какого-то аналога «Медали за город Будапешт». Но когда пришла оттепель, Арсений Тарковский встретил тут свое межцивилизационное и интерпоколенческое «Утро в Вене».

Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут комаров-ротозеев.

Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,

³ Трoцкий Л. Моя жизнь. М., 2014. С. 132.

На роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.

Живи, дорогая свирель!
Под праздник мы пол натирали,
И в окна посыпался хмель -
На каждого по сто спиралей.

И если уж смысла искать
В таком суматошном концерте,
То молодость, правду сказать,
Под старость опаснее смерти.

Вскоре Вена стала для части советской интеллигенции эмигрантским «окном в Европу», вскользь упоминаясь в этом качестве в мемуарах В. Бетаки. Здесь перед преодолевшим эмигрантские препоны «богатырем» разверзались три дороги – либо в Израиль, либо далее на запад, либо попытаться осесть в самой Вене.

«Текстологическая» память о Вене как способе экспорта Петербургского текста проявлена рок-музыкантом К. Арбениным. Три топонима в его песне «Средневековый город», несмотря на свою закрепленность за реальными топосами, являют собой своеобразное воплощение «петербургского текста», развернутого в европейский контекст. «Вена (как и Краков, и Бремен) в русском культурном сознании по ряду критериев, если следовать песне Арбенина, являются знаками Петербурга. В этом, как нам представляется, установка “петербургского текста” русской культуры в его изводе 1990-х годов на поиски аналогов Петербургу в “русской редакции” “европейского текста”. Более того, любой город в песнях петербуржца Арбенина — это Петербург: он может быть назван своим настоящим именем, может быть не назван вообще, а может быть назван Веной, Краковом или Бременом» [7, с. 415].

Масштабное, полноценное литературное проникновение в Вену состоялось уже в XXI веке. За Веной, ввиду особой либеральности австрийских законов к этому времени закрепились, плюс ко всему, репутация теневого «окна в Европу», где

можно отмыть капитал или «залечь на дно». Такие эпизоды описаны М. Голованивской в грандиозном романе, средоточии локальных текстов, «Пангея». Особо же я бы здесь выделил (при всей возможной странности такого сопоставления в ином контексте) романы Владимира Яременко-Толстого «Девушка с персиком» и Андрея Левкина «Вена, операционная система». Оба писателя (первый там живет, попав на волне эмиграции третьей волны), второй время от времени наезжает) Вену любят, в частности, сопоставлять ее с Петербургом (второй через посредство Риги). У обоих есть свое мнение на художественную жизнь общих городов. Оба — сами себе герои, стилистически скользят по поверхности города, рискуя поскользнуться в отходах жизнедеятельности (первый — сексуальных, второй — простудных). И оба, помимо прочего, демонстрируют реинкарнации Носа, явившегося сюда по следам своего создателя через пару столетий после создания! Первый — в переносном, фрейдистском («кастрационном»), хотя и лишенном глубинной саморефлексии смысле («Мой-мой» — еще более конкретное указание в самом названии другого отчасти «венского» романа В. Яременко-Толстого на определенную часть своего тела). Второй — практически в буквальном смысле, саморефлексивно сморкающемся, пытающемся интровертно втянуть все в собственный нос.

Первый сразу же погружает читателя в карнавальную жизнь венской художественной богемы и его передового отряда — знаменитого венского акционизма, к которому и он сам, университетский профессор, однако, старается приобщиться фотопроектами «Женщины Вены» и «Голые поэты». За чередой фуршетов и занятий любовью взглянуть на саму Вену тут особенно некогда, дана только самая общая экспозиция похождений.

Поскольку у второго физиологические подробности не столь увлекательны, а сопоставления сугубо литературны (он сводит не сошедшихся было тут выше исторических деятелей, а Бахмана с Целаном и Музилем) в качестве главного героя выдвигается памятник пьянице Августину, во время эпидемии чумы 1678–1679 упавшему в яму для покойников, но не похитившему в результате такой ночевки даже насморка. Причем,

русский перевод знаменитой песни в его честь явно приукрашивает героя («Ах, мой милый Августин, Августин, Августин! Ах, мой милый Августин! Всё прошло, всё» — правильное было бы «эх, бедняга Августин», если не «мудило»). Нельзя не отметить такую упомянутую автором венскую цитацию в Москве. В 1763 году в здании Грановитой палаты Кремля были обнаружены «большие английские курантовые часы». С 1767-го года выписанный по этому поводу из Германии мастер Фатц (Фац) три года устанавливал их на Спасской башне. В 1770-м куранты заиграли именно «Ах, мой милый Августин», и некоторое время эта музыка звучала над Кремлем. Увы, в том же году в Москве тоже началась эпидемия чумы...

«Вена, операционная система» по-гоголевски лишена присутствия женщин, но здесь подробно описывается занимающая несколько залов в Кунстхалле выставка «The Porn Identity». Вена Левкина имеет две тенденции: памятники и их отсутствие в виде то ли чумы, то ли рака. Она населена преимущественно сторонниками разных художественных течений (преимущественно акционизма и флюксуса), отражающими постоянное «обнуление» духовной и эстетической ситуации в этом городе. «...что Вена за город в шестидесятые? Фактически дохлый, едва после частичной оккупации и уж точно без бывшего влияния, музеефицирующийся, а что еще делать? Вот они и ходили по кишкам, испражнялись, били друг друга до крови, резались как флагелланты».

Так апофатически, сказали бы мы, выражалась воля к возвращению венского ценностного вакуума. «Цитаты обнулятся, и это хорошо, вечное их повторение, это как все новые слои масляной краски, которой покрашено уже и не разобрать что именно». Потому что когда был ценностный вакуум, то город был общемировым, а когда вакуум куда-то делся и началась музеефикация, тут же сделался провинциальным. Хотя бы тот же ни в чем не повинный Августин в виде прагматического фонтана для воды из горных источников, доставленных в город бургомистром Луэгером, данный монумент и открывшим. Крестьянский вид явно был сделан на тему народности как вечной ценности, когда эту народность решили

сделать таковой — на предмет укрепления связи Народа и Императора в обход космополитов с их вакуумом. Бетонный Августин не имел отношения к автору песенки, но песенка оказалась еще более дальновидной: чума — даже *зафиксированная* (выделено мной. — А. Л.) в бетоне — какие-то свои качества сохраняет. Может, она и сделалась раком, который шел и музеефицировал город со всей его памятью. Так что если все равно скоро придется окончательно умирать, почему бы не попробовать разрезать себя и вытащить оттуда себя другого? Наивные времена, но что делать, если их так приперло?»⁴.

На такой фазе переживаний Вена, завершив свое дело абстрагирования чувств, становится «лишним городом», как «лишний человек» Петербургского текста. «Венское состояние» поселяется в самой литературе, но не помещается в ней, политически активируя искусство перформанса.

Фиксация — так назвал свою акцию Павел Павленский, 10.11. 2013 г. прибив свои *текстикулы* к блусчатке Красной площади в Москве. В пояснительной записке к акции художник сообщил, что видит своей задачей — указать на пассивность общества, порождающую опасность формирования полицейского государства. «Не чиновничий беспредел лишает общество возможности действовать, а фиксация на своих поражениях и потерях все крепче прибавляет нас к кремлевской брусчатке, создавая из людей армию апатичных истуканов, терпеливо ждущих своей участи», — такую позицию художник сформулировал в своем программном заявлении⁵.

Отмечено, что помимо противопоставления политики и полиции в риторике акциониста явно прослеживается отсылка к психоаналитической проблематике травмы, навязчивой фиксации на опыте отчаяния, бессилия и поражения, которая в данном случае проецируется на социальную историю нулевых и десятых годов. Навязчивое повторение как последняя инстанция интеллигентской рефлексии закрепляет позиции траура как

⁴ Левкин А. Вена, операционная система. М., 2012. С. 111–112.

⁵ Котенков А. Тестикулы политической меланхолии //

<http://www.liberty.ru/Themes/Testikuly-politicheskoy-melanholii>

единственно признанного способа самоосмысления российской общественности.

Несмотря на то, что формально акция приурочена ко Дню полиции, а сама практика фиксации мошонки, как и ранее применявшийся Павленским прием с зашиванием рта отсылают к традициям сопротивления заключенных и, шире, к субкультуре «воров в законе», контекст высказывания Павленского представляется более широким. Так, на фоне масштабных культурных мероприятий посвященных четырехсотлетию дома Романовых, явно отмеченных попыткой обнаружить преемственность, своего рода исторический клей, цементирующий российскую государственность, гвоздь Павленского сложно увидеть иначе, чем один из образов той «скрепы», которую сегодня ищут консервативные интеллектуалы страны. Это была не первая и не последняя из его «самовредительских» («кастрационная без кастрации») акций, но, с одной стороны, именно она наиболее соотносима с традициями Венского акционизма, с другой, вибрация фиксирующего гвоздя, сконцентрировавшего в себе питерскую «струну в тумане», как будто бы вызванивает сквозь политическую риторику прошедшую через куранты Кремля мелодию о венском Августине (так сам собой сложился урбанистический любовный треугольник не женщин, но городов). Этот гвоздь вбивает точку и в наш рассказ, знаменуя своего рода «самофиксацию Вия» с венским акцентом.

Литература:

1. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / С. Т. Аксаков. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 294 с.
2. Анненков П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. — М.: Худож. лит., 1983. 694 с.
3. Берковский Н. О русской литературе / Н. Берковский. — Л.: Худож. лит.: Ленинград. отд-ние, 1985. 383 с.
4. Венский дом // <http://maxpark.com/community/14/content/2552466>
5. Вершинина Н. Л. Бидермайер в русской прозе и изобразительном искусстве 1820–40-х годов / Н. Л. Вершинина // Проблемы

современного пушкиноведения: Сб. статей. — Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 1994. С. 177–190.

6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 11: Письма, 1836–1841. 484 с.

7. Доманский Ю. Топоним «Вена» в песне «Средневековый город» группы «Зимовье зверей» и «Петербургский текст» / Ю. Доманский // Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков культурные интерференции. Jahrbuch der Osterreich-Bibliothek in St. Petersburg. (1999/2000) Bd. 4/1. -СПб., 2000. С. 409–415.

8. Жеребин А. И. Вена versus Берлин / А.И. Жеребин // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 3. — М., 2007. С. 119–128.

9. Золотусский И. Гоголь / И. Золотусский. — М.: Молодая гвардия, 1979. 485 с.

10. Котенков А. Тестикулы политической меланхолии / А. Котенков // <http://www.liberty.ru/Themes/Testikuly-politicheskoy-melanholii>

11. Крючков И. В. Вена и Будапешт: два имперских центра в текстах русских путешественников / И. В. Крючков // Диалог со временем. — М.: ИВИ РАН, 2012. № 39. С. 213–227.

12. Левкин А. Вена, операционная система / А. Левкин. — М.: НЛО, 2012. 176 с.

13. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма / Ю.В. Манн. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 744 с.

14. Наумов В. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников / В. Наумов. — М.: Молодая гвардия, 2010. 443 с.

15. Нащокина М. В. Москва в зеркале венского сепаратизма / М. В. Нащокина // Художественная культура Австро-Венгрии. 1867–1918. — СПб.: Алетейя, 2005. С. 117–132.

16. Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе / Н.С. Павлова. — М.: Яз. славян. культуры, 2005. 311 с.

17. Троицкий Л. Моя жизнь / Л. Троицкий. — М.: ПРОЗАиК, 2014. 476 с.

References:

1. Aksakov S.T. History of my acquaintance to Gogol. [Istorija moego znakomstva s Gogolem]. 1960. 294 p.

2. Annenkov P.V. Literary memoirs [Literaturnye vospominanija]. 1983. 694 p.

3. Berkovskij H. About the Russian literature. [O rusckoj literature]. 1985. 383 p.
4. Vienna house [Venskij dom] // <http://maxpark.com/community/14/content/2552466>
5. Vershinina N.L. Bidermajer in the Russian prose and the fine arts of the 1820-40th years [Bidermajer v rusckoj proze i izobrazitel'nom iskusstve 1820-40-h godov] // Problems of modern Pushkin studies [Problemy sovremennogo pushkinovedenija]. 1994. P. 177–190.
6. Gogol' N. V. Complete Works in 14 volumes. [*Polnoe sobranie sochinenij v 14 t.*]. T. 11: Letters [Pis'ma], 1836–1841. 1952. 484 p.
7. Domanskij Ju. Toponim «Vienna» in the song «Medieval City» of Winter Quarters of Animals and Petersburg Text group xToponim «Vena» v pesne «Srednevekovyj gorod» gruppy «Zimov'e zverej» i «Peterburgskij tekst» // Vienna and St. Petersburg at turns of centuries cultural interferences. Jahrbuch der Osterreich-Bibliothek in St. Petersburg [Vena i Sankt-Peterburg na rubezhah vekov kul'turnye interferencii]. Jahrbuch der Osterreich-Bibliothek in St. Petersburg. (1999/2000) Bd. 4/1. 2000. P. 409–415.
8. Zherebin A. I. Vena versus Berlin [Vena versus Berlin] // Russian Germanic studies: Year-book of the Russian union of germanists [Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov]. V. 3. 2007. P. 119–128.
9. Zolotusskij I. Gogol [Gogol']. 1979. 485 p.
10. Kotenkov A. Testicles of political melancholy [Testikuly politicheskoj melanholii] // <http://www.liberty.ru/Themes/Testikuly-politicheskoj-melanholii>
11. Krjuchkov I. V. Ven's hooks and Budapest: two imperial centers in texts of the Russian travelers [Vena i Budapesht: dva imperskih centra v tekstah russkih puteshestvennikov] // Dialogue with time [Dialog so vremenem]. № 39. 2012. P. 213–227.
12. Levkin A. Vena, operating system [Vena, operacionnaja Sistema]. 2012. 176 p.
13. Mann Ju.V. Gogol's creativity: sense and form [Tvorchestvo Gogolja: smysl i forma]. 2007. 744 p.
14. Naumov V. Everyday life of Peter the Great and his associates [Povsednevnaia zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov]. 2010. 443 p.
15. Nashhokina M.V. Moskva in a mirror of the Vienna setsession [Moskva v zerkale venskogo secession] // Art culture of Austro-Hungary. 1867-1918 [Hudozhestvennaja kul'tura Avstro-Vengrii. 1867–1918]. 2005. P. 117–132.
16. Pavlova N. S. Nature of of reality in the Austrian literature [Priroda real'nosti v avstrijskoj literature]. 2005. 311 p.
17. Trotsky L. My life [Moja zhizn']. 2014. 476 p.

Аннотація

САМОФИКСАЦІЯ ВІЯ: ГОГОЛЬ И «ВЕНСКИЙ ТЕКСТ»

Исходя из определения Гоголя как городского писателя, ставится вопрос о значении Вены в жизни и эпистолярном творчестве Гоголя. Если в Петербурге на вызов Петра I-го русская литература ответила явлением Пушкина, то в Вене в роли ответчика на такой вызов оказался Гоголь, пребывание которого в Вене оказалось весьма драматичным, завершившись так называемым «венским кризисом». Петербургский текст пришел в Вену как в образе Медного всадника, так и в образе Носа. Показано, как Вена оказала опосредованное влияния на русскую литературу в XIX веке через стиль бидермейер, а в XX и XXI — через венский акционизм, приведя через венскую реинкарнацию Носа в современной литературе к «самофиксации Вия».

Ключевые слова: Поликультурность, изящность, вакуум, бидермейер, акционизм, карнавал, музеефикация, перформанс.

Анотація

САМОФИКСАЦІЯ ВІЯ: ГОГОЛЬ І «ВІДЕНСЬКИЙ ТЕКСТ»

Виходячи з визначення Гоголя як міського письменника, ставиться питання про значення Відня в житті та епістолярній творчості Гоголя. Якщо у Петербурзі на виклик Петра I-го російська література відповіла явищем Пушкіна, то у Відні в ролі відповідача на такий виклик виявився Гоголь, перебування якого у Відні виявилось вельми драматичним і завершилося так званою «віденською кризою». Петербурзький текст прийшов до Відня як в образі Мідного вершника, так і в образі Носа. Показано, як Відень мала опосередкований вплив на російську літературу в XIX столітті через стиль бідермейер, а в XX і XXI — через віденський акціонізм, привівши через віденську реінкарнацію Носа у сучасній літературі до «самофіксації Вія».

Ключові слова: Полікультурність, витонченість, вакуум, бідермейер, акціонізм, карнавал, музеефікація, перформанс.

Summary

SELF-FIXING OF THE VIY: GOGOL AND «THE TEXT OF VIENNA»

Proceeding from Gogol's definition as city writer, the question of value of Vienna in life and epistolary creativity of Gogol is raised. If in St. Petersburg the Russian literature answered Pyotr I-st's call with Pushkin's phenomenon, in Vienna as the respondent on such call there was Gogol which stay in Vienna was very dramatic, having come to the end so-called with «the Vienna crisis». The Petersburg text came to Vienna both in an image of Bronze Horseman, and in an image of the Nose. It is shown how Vienna had mediated impacts on the Russian literature in the XIX century through style *biedermeier*, and in XX and XXI — through the Vienna actionism, having brought through the Vienna reincarnation of the Nose in modern literature to «self-fixing of the Viy».

Keywords: Polylevel of culture, elegance, vacuum, *biedermeier*, actionism, carnival, *muzeefikation*, performance.

**ФРАГМЕНТ ГОГОЛЯ <НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОГО
РОМАНА>: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ**

Сохранившиеся главы незаконченного исторического романа Гоголя «Гетьман» не часто привлекали внимание литературоведов. В основном исследователи пишут о них в комментариях к тексту произведения. Проблемы хронологии работы Гоголя над фрагментами романа были затронуты в работе В. П. Казарина «Повесть Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”. Вопросы творческой истории» [7], а также освещены в комментариях к полному собранию сочинений и писем писателя в 17 томах, изданному И. А. Виноградовым и В. А. Воропаевым [4, с. 657–667]. «Глава из исторического романа» Гоголя анализировалась В. Д. Денисовым [5] и В. Б. Мусий [9]. Однако в целом поэтика гоголевских фрагментов, объединённых общим замыслом исторического романа, заслуживает дальнейшего изучения.

Цель данной статьи: рассмотреть особенности поэтики одного из фрагментов романа Гоголя «Гетьман» — «Начало исторического романа» с учётом контекста раннего творчества писателя, а также исторического контекста. Заметим, что указанный фрагмент является недостаточно изученным. В одних изданиях произведений Гоголя он печатается под названием «Несколько глав из неоконченной повести» [1], а в других — под названием «Начало исторического романа» [2; 4].

В гоголеведении утвердилось мнение, что работа над романом «Гетьман» шла параллельно с написанием повестей, вошедших в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» и была остановлена в связи с возникновением замысла «Тараса Бульбы» [11]. Связь между указанными произведениями очевидна. Оба текста посвящены изображению исторических событий времён казачества. И в одном, и в другом произведении Гоголь пытается создать разные варианты характеров украинских казаков; сюжетное действие происходит на Украине, которая вынуждена отстаивать свою самостоятельность в борьбе с внешними врагами, в частности с польской шляхтой. В обоих

произведениях Гоголь мифологизирует события прошлого. Обращение автора с хронологией произвольно. Он не скрывает, что точность датировок для него не очень важна.

Принято считать, что неоконченный роман Гоголя «Гетьман» сохранился в виде четырёх фрагментов, два из которых увидели свет при жизни писателя. В частности, «Глава из исторического романа» впервые была опубликована в альманахе Дельвига «Северные цветы на 1831 год» за подписью «ОООО». Позже писатель включил этот фрагмент в состав сборника «Арабески». Здесь же в «Арабесках» был впервые опубликован ещё один отрывок из романа «Гетьман» — «Пленник». Реконструируя авторский замысел, В. П. Казарин предположительно датирует третий и четвёртый отрывки незавершённого романа — «Начало исторического романа» и «Мне нужно видеть полковника» — 1833 годом [7, с. 33]. Мы не будем касаться спорных вопросов о правомерности объединения под одним названием фрагментов на историческую тему, созданных Гоголем в начале 1830-х годов, а также о последовательности их расположения в изданиях сочинений писателя.

Глава <Начало исторического романа> имеет ярко выраженную историческую основу. Главный герой фрагмента Острица ассоциируется с историческим лицом — украинским гетманом Степаном Острицей, сведения о котором Гоголь мог почерпнуть из «Истории Русов», распространявшейся в рукописи и приписывавшейся Георгию Конисскому. Отличия в написании имени и фамилии героя (Степан Острица в «Истории Русов» и Тарас Острица в гоголевском тексте) можно объяснить желанием автора подчеркнуть, что историческая личность действует в художественном тексте в условиях вымышленного повествования.

Известно, что Острица был вождём антипольского восстания 1638 г. В третьей части «Истории Русов» гетману Степану Острице посвящён отдельный раздел. Однако сравнение этого фрагмента с более поздними источниками свидетельствует о том, что анонимный автор «Истории Русов», рассказывая об Острице, использовал легенды, а иногда и просто прибегал к вымыслу. Например, он описывает, как гетман во

главе запорожского войска освобождал от поляков приднепровские города, как заключил с поляками «вечный мир», сложил с себя гетманскую власть, после чего удалился на богомолье в Канев. Здесь в монастыре его и взяли в плен поляки. Гетман Остряница и другие полковники были казнены в Варшаве. В «Истории Русов» они «были колесованы, и им, переломавши поминутно руки и ноги, тянули из них по колесу жилы, пока они не скончались» [6, с. 55–56]. В повести «Тарас Бульба» Гоголь лаконично упоминает о том, что «...после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первейших сановников» [2, с. 135].

Историки более позднего времени (М. Грушевский, Н. Аркас и другие), опираясь на документальные источники, в частности на летописи, не подтверждают факт такой гибели Остряницы и относятся к его действиям критически. В соответствии с другой версией Остряница был разбит поляками у местечка Жовнин, после чего бежал с остатками своей армии под защиту русских войск, поселился на Чугуевском городище и был убит в 1641 г.

Однако во фрагменте Гоголя <Начало исторического романа> Острица действует и в 1645 году. Это ещё раз подтверждает мысль о том, что в своих исторических произведениях писатель не стремился к исторической точности, мифологизировал прошлое, пытаясь передать лишь его дух. В повести «Тарас Бульба» также нет точных дат. Изображая месть Тараса после казни Остапа, Гоголь упоминает гетмана Острицу и его советника Гуню: «Молодой, но сильный духом гетьман Острица предводил всю несметную козацкую силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня» [2, с. 132].

В предполагаемом начале романа «Гетьман» историческое время чётко обозначено: указан не только год — 1645, но и месяц — апрель, а также день накануне Пасхи — «перед самым Воскресеньем Христовым». Автор предлагает читателю вообразить «картину XVII столетия», в частности, старую церковь накануне светлого праздника с толпой молящихся в ней казаков. Массовая сцена, изображённая в самом начале произведения, пронизана лирическими нотками. Рисуя казаков, которые

пришли в церковь из ближайших и дальних хуторов, писатель не скрывает своей симпатии к ним, а также своего восхищения героикой минувших времен: «Мужественные, худошавые, с резкими чертами лица и бритые головы, опустившиеся вниз усы, падавшие на грудь, широкие плечи, атлетическая сила, при каждом почти заткнутый за пояс пистолет и сабля показывали уже, в какую эпоху собрались казаки» [1, с. 250]. В этом эпизоде угадывается зрелый Гоголь, мастер создания массовых сцен. Уподобляясь живописцу, он создаёт картину, в которой общий план сочетается с крупным планом. В частности, автор изображает крупным планом новое лицо, присоединившееся к молящимся казакам. Это и был Острица, который появляется в толпе вначале никем неузнанный. Он выделяется среди других казаков в церкви не только высоким ростом, но и выражением лица: «какой-то крепкий, смелый оклад, какая-то легкая беспечность выказывались на нем» [1, с. 250].

И в авторском повествовании, и в собственных поступках Острица представлен как настоящий «рыцарь». В такой интерпретации характера героя, очевидно, сказалось влияние «Истории Русов». Выйдя из церкви, он становится свидетелем сцены, которая вызывает такое чувство протеста у казаков, что на лице каждого из них «дрогнули скулы». Подобная реакция объясняется тем, что казаки увидели, как «несколько жидов, содержащие по воле польского правительства откуп, <...> спорили между собой, намечая мелом пасхи, приносимые христианами» [1, с. 251]. Автор передаёт атмосферу конфликтов, возникавших на религиозной и национальной почве, опираясь на «Историю Русов», в одном из разделов которой детально описывается подать, налагаемая польскими властями на всех жителей Украины перед праздником Воскресенья Христова. Например: «...Продаваемые мирянам обыкновенные на пасху хлебы были под стражею урядников польских <...>. В знатнейших городах и торжищах отдан сбор сей пасочный также в аренду или откуп жидам...» [6, с. 48–49]. Гоголь использует историзм «жиды», встречающийся в тексте «Истории Русов» и изображает ситуацию, которая послужила поводом к возникновению конфликта: «Три жида отбирали у дряхлого, поседевшего

как лунь козака пасху, яйца и барана, утверждая, что он не вносил за них денег» [1, с. 251]. За старика вступились стоявшие рядом казаки, и история неизбежно закончилась бы кровопролитием, если бы не вмешательство Острианицы, который практически спас от истребления еврея, оставшегося на площади. Он считал, что заводить драку возле церкви, нападать толпой на одного — не «по-козацки».

Герой последовательно придерживается не писанных законов казацкой морали. Об этом свидетельствует его поведение в дальнейшем развитии конфликтной ситуации между казаками и их антагонистами. Когда обиженный еврей, которому не удалось осуществить свою миссию сборщика подати, привёл на площадь польских уланов, их начальник, не ограничившись ругательствами в адрес казаков, решил наказать того, кто послужил, с его точки зрения, причиной столкновения. Он «выдернул клоч серебряных волос» из головы старика, которого евреи обвинили в неуплате налога. Такой поступок не прошёл бесследно для польского улана, оскорбившего веру и человеческое достоинство казаков и позволившего «нескромность» по отношению к украинским девушкам. Нашёлся казак, который, подойдя к пану, так дёрнул его за ус, что половина уса осталась в его руке.

В гоголевском <Начале исторического романа>, как и в повести «Тарас Бульба», казаки действуют, исповедуя ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб». Вскоре Острианица увидел повешенным на шесте вверх ногами того самого еврея, которого он освободил от разгневанной толпы, и «на эту же виселицу тащили храбреца с оборванным усом» [1, с. 255]. Автор не скрывает, что герой ужаснулся, увидев происходящее на площади, так как понимал, что месть неизбежно обрушится на головы казаков. Пытаясь усмирить разбушевавшуюся толпу и предотвратить новую беду, Острианица выступает в роли наставника и оратора: «Когда один да выйдет против трех — то бравый козак; против десяти — еще лучше; один против одного — не штука; когда же три на одного нападут — то все не козаки» [1, с. 256].

Дидактизм гоголевского повествования сказывается не только в прямых поучениях, но и в том, что герой вкладывает в уста Острианицы притчу о глупом ученике, смысл которой

сводится к тому, что не дубина, которой дьяк поколотил глупого ученика, повинна в его несчастьях. Не её он должен был изрубить на части. Демонстрируя свою мудрость, герою удаётся успокоить казаков, отвести их гнев от шляхтича, поведение которого стало причиной конфликта.

Важную роль в развитии сюжетного действия рассматриваемой главы романа играет мотив узнавания, эпизод встречи Остраницы с казаком Пудьком. В этом эпизоде Острианица предстаёт как бывший сотник. В общении с ним раскрывается характер казака, который предан общему делу. Речь героев пронизана фольклорными мотивами, что ощутимо в лексике и поэтическом синтаксисе произносимых ими монологов. Например, интересуясь судьбой товарищей, Пудько спрашивает: «Что Дигтяй, Кузубия? Воротились ли они с вами, или ворон, может, где-нибудь доедает козацки косточки?» [1, с. 254]. Имена Дигтяя, который «сидит на колу у турецкого султана», и Кузубии, который «гуляет с рыбами на дне Сиваша», трижды появляются в разговоре между Острианицей и казаком Пудьком, переключаясь с текстами украинских народных песен и исторических дум. Троекратный повтор имён погибших казаков становится лейтмотивом диалога.

Характер казака Пудька — несомненная удача Гоголя в сохранившихся отрывках из романа «Гетьман». Его портрет индивидуализирован и выписан довольно детально: «Небольшое продолговатое лицо его было уже порыто морщинами. Нос, загнувшись вниз, придавал ему несколько горбатое сложение <...>; но зато узенькие серые глаза продирались довольно уверливо сквозь чашу насупившихся бровей...» [1, с. 254]. Портретная деталь «глаза продирались», а также поведение героя свидетельствуют о том, что в нём преобладает, как справедливо заметил В. Ф. Переверзев, лукавое «себе на уме» [10, с. 254]. Он близок Тарасу Бульбе своей готовностью променять «жинку» на саблю, а также своей тоской по «товариществу» и былым временам. Портрет и монологи Пудька свидетельствуют о том, что казацкие походы для него в прошлом, и он тоскует по тем временам, когда находился в «компанействе»: «Если бы теперь кто сказал: «А ну старый, гайда на войну бить ляхов! — все бы продал, и жинку и

детей бы покинул, пошел бы в компанейство» [1, с. 255]. Трогательное впечатление производит эпизод, в котором Пудько разговаривает со своим конём как с верным другом.

В дальнейшем повествовании Острица предстаёт не столько в роли предводителя казаков, сколько в роли влюблённого. Эпизоду встречи с возлюбленной Галей предшествует описание дороги на хутор и весенней пробуждающейся природы, в котором Гоголь демонстрирует мастерство словесной живописи, сосредоточивает внимание на передаче звуков и красок, общей панорамы и отдельных её деталей. Автор подчёркивает «яркость небесной лазури», отмечает, что «день был ясен, как душа младенца» и на этом фоне изображает зелень разных оттенков.

Местность, изображённая писателем, напоминает ландшафт средней полосы Украины. В поле зрения автора оказываются нивы, «на которых стройно, как будто лес житних игол, восходил молодой посев», обочины дороги, покрытые разнообразной растительностью — орешником, дубом, плющом и т. д. [1, с. 258]. Пейзаж во фрагментах исторического романа напоминает описания природы в «Вечерах», а также описание степи в повести «Тарас Бульба». Картины, нарисованные писателем, поражают свежестью восприятия.

В гоголевских пейзажах запечатлено авторское отношение к изображаемому. Писатель насыщает свои пейзажи множеством деталей, которые создают иллюзию беспорядка, разбросанности. «Гоголь довольно логичен и упорядочен в организации своего беспорядка в духе барочной композиции с её неустойчивым равновесием форм...», — указывает Абрам Терц [12, с. 208].

В рассматриваемом фрагменте текста чувствуется восхищение автора не только картинами природы, но и женской красотой. Возлюбленная Острицы Галя напоминает героиню с таким же именем из гоголевской «Майской ночи», а сам казак ассоциируется с образом Левка. Портрет юной восемнадцатилетней красавицы, на первый взгляд, ничем не отличается от портретов молодых девушек в «Вечерах». Она такая же юная, кареглазая и чернобровая как, например, Параска из «Сорочинской ярмарки» и такая же своенравная, как Оксана из «Ночи

перед Рождеством». Портреты девушек созданы под влиянием фольклорной традиции. Они максимально обобщены, стереотипны, как и в украинских народных песнях.

Стремление автора к этнографической точности заметно в описании костюма героини: «Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали стан ее <...>. Широкие рукава, шитые красным шелком и все в мережках, спускались с плеча» [1, с. 259].

История взаимоотношений Тараса Острицы и Гали только намечена в романе. В основе эпизода любовного свидания — антитеза мужского и женского начала. Казак и его девушка, как и в украинских песнях и думах, по-разному смотрят на своё предназначение в жизни. Галя тяготеет к оседлости, она беспокоится о матери, которую не может оставить, а Острица готов убежать с Украины. Его, как и Андрияв повести Гоголя «Тарас Бульба», волнует, в первую очередь, личное счастье. Автор вкладывает в уста Тараса Острицы монолог, который противоречит духу и пафосу «Истории Русов»: «Мы поедем в Польшу, к королю, — предлагает он Гале. — Он верно даст мне землю. Не то поедем в Галицию или хоть к султану, и он даст мне землю» [1, с. 260]. Уговаривая девушку поехать с ним, Острица обещает золото и дорогую одежду. Но Галя понимает, что у неё иная судьба: «...Ты — козак, — говорит она Острице, — тебе подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чём тебе не думать. Если бы я была козаком, и я бы закурила люльку, села на коня — и все мне <...> трин-трава! Но что будешь делать? Я козачка. У Бога не вымолишь, чтоб переменял долю...» [1, с. 261]. В этом эпизоде ярко выражена оппозиция мужского и женского начала.

Все монологи Гали и Острицы тесно связаны с украинской песенной традицией. Об этом свидетельствует их ритмомелодика, а также используемая в них лексика. Например, приехав на свой хутор, Острица продолжает думать о возлюбленной. Он неоднократно вспоминает её чёрные очи («Ох, очи, черные очи!») и её брови («А всё вы, черные брови всему виной») [1, с. 268]. Напомним, что постоянные эпитеты «карі очі», «чорні брови» часто встречаются в «Малороссийских песнях, изданных М. Максимовичем» (1827) [8].

Светлица Остриницы в некоторых деталях напоминает светлицу Тараса Бульбы. Автор подчёркивает её древность: «принадлежала ещё деду», «ничто в ней не говорило о прочности», «стены были очень тонки». Как и в «Тарасе Бульбе», Гоголь в <Начале исторического романа> сосредоточивает внимание на том, как выглядели окна, пол, что было развешено на стенах. В рассматриваемом фрагменте текста указывается, что «стены были вымазаны глиною и выбелены снаружи и внутри. <...> Пол в комнате был тоже вымазан глиною»; «Окна были невелики, круглы; матовые стекла, пропуская свет, не давали видеть ничего, происходящего во дворе» [1, с. 264]. В «Тарасе Бульбе» те же детали — «все было чисто, вымазано цветной глиною»; «Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами» [2, с. 31]. Совпадает в обоих текстах и упоминание о том, что на стенах светлицы висели сабли. Однако «убранство светлицы» в романе «Гетьман» Гоголь описывает более детально. Примечательная особенность интерьера — портреты и иконы: «портрет деда Остриницы, воевавшего с Баторием»; картина, на которой изображён казак с бочонком водки, с надписью «Козак, душа правдивая, сорочки не мае»; несколько икон и сцены из Священного писания, запечатлённые на деревянной доске [1, с. 264–265].

В сохранившемся фрагменте романа автор не изображает Остриницу на поле брани, хотя ситуации, в которых ему приходится действовать, свидетельствуют о том, что ему свойственны и храбрость, и удаль. Наиболее ярко герой раскрывается в своих монологах, в которых основным предметом раздумий является любимая девушка. Как и «парубки» в «Вечерах» (Левко, Петрусь, Вакула), Остриница сосредоточен на предмете своей страсти. Он нежен, сентиментален, его речь пронизана песенными мотивами. В. Ф. Переверзев справедливо заметил, что в своём раннем творчестве «Гоголь, конструируя свои образы, заставлял их выражаться песенным языком» [10, с. 170]. Но всё-таки наиболее близким к образу Остриницы является Андрий из повести «Тарас Бульба». Ради своей Гали герой фрагмента готов перейти на сторону поляков, поклониться польскому королю, чтобы добыть грамоту, королевское

прощение и землю. Некоторые монологи Острицы находят непосредственное развитие в ситуациях, изображённых позже в «Тарасе Бульбе». Например, «Где любовь настоящая, такая как следует, — размышляет он, — там нет ни брата, ни отца. <...> Увидел хорошую дивчину — и все позабыл, все к черту. Ох, очи, черные очи!» [1, с. 267].

С текстом повести «Тарас Бульба» ассоциируется также портрет старой жены Пудька в «Нескольких главах неоконченной повести». Он напоминает психологический портрет жены Тараса. И в одном, и другом произведении акцентируется не столько преклонный возраст героинь, сколько их заботливость, терпение и повиновение. Оба портрета пронизаны лирическими нотками, построены по принципу контраста. Автор изображает казацких жён красивыми в молодости и преждевременно состарившимися в зрелом возрасте. В рассматриваемых портретах важную роль играет мотив быстротечности жизни. «И кто бы мог подумать, — с грустью замечает автор в <Начале исторического романа>, — что эти слившиеся в сухие руины черты были когда-то чертовски очаровательны, что движение этих, некогда гордых и величественных бровей дарило счастье, необитаемое на земле? И все прошло, прошло незаметно...» [1, с. 271]. При этом в образе матери Остапа и Андрия в большей степени сказалось влияние украинской песенной традиции. Она не просто «бедная старушка», а прежде всего мать, любящая и заботливая. В романе «Гетьман» жена Пудька — «несчастный остаток человека», вид которого вызывает в душе «неизъяснимо тоскливое чувство».

Ценность гоголевского фрагмента <Начало исторического романа>, заключается в том, что он проливают свет на становление художественного мастерства писателя. В нём нашли отражение многие темы, мотивы, сюжеты, образы, портреты, пейзажи, интерьеры, получившие дальнейшее развитие в его творчестве. В этом фрагменте содержится информация о творческих планах писателя, о становлении его стилиевой манеры, о приёмах создания характеров и поисках новых художественных форм. Здесь начинающий автор делал первые шаги в освоении исторической темы, искал свой путь в изображении героического прошлого. Между предполагаемым началом романа «Гетьман», повестями,

вошедшими в «Вечера на хуторе близ Диканьки», и «Тарасом Бульбой» существуют тесные типологические и интертекстуальные связи. И такие же тесные связи прослеживаются между гоголевским текстом и историческими, а также фольклорными источниками. Во фрагментах незавершённого произведения ощутимы поиски новых путей художественной обработки исторического материала. «История Русов» помогла Гоголю ощутить и передать дух исторического времени периода казачьих войн. Но, впитав в себя этот дух, писатель в дальнейшем отказывается от попытки следовать какому-то определённом историческому источнику. В «Тарасе Бульбе» он изберёт модель исторического повествования, разработанную Вальтером Скоттом, и выдвинет на первый план вымышленные персонажи.

Литература:

1. Гоголь Н. В. Гетьман // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. — М. : Худож. лит., 1984. — Т.1. — С. 250–290.

2. Гоголь Н. В. Миргород // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. — М. : Худож. лит., 1984. — Т.2. — 319 с.

3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 9 т. / Сост. и комментарии В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. — М. : Русская книга, 1994. — Т. 7. — 624 с.

4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. — Т. 7 : Юношеские опыты. Первоначальные редакции / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М. : Изд-во Московской Патриархии, 2009. — 816 с.

5. Денисов В. Изображение козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя. — Симферополь–Киев, 2005. — 150 с.

6. История Руссов или Малой России. Соч. Г. Конисского, архиепископа Белорусского. — М. : В университетской типографии, 1846. — 262 с.

7. Казарин В. П. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Вопросы творческой истории. — Киев – Одесса : Вища школа, 1986. — 126 с.

8. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. — М., 1927. — 234 с.

9. Мусий В.Б. Миф в структуре «Главы из исторического романа» Н. В. Гоголя // VII Міжнародні Гоголівські читання. — Полтава, 2004. — С. 126–130.

10. Переверзев В. Ф. Творчество Гоголя // Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования. — М. : Советский писатель, 1982. — 512 с.
11. Соколов Б. Гоголь : Энциклопедия. — М. : Алгоритм, 2003. — 584 с.
12. Терц Абрам (Андрей Синявский). В тени Гоголя // Абрам Терц. Собр. соч. : В 2 т. — М. : СП «Старт», 1992. — Т. 2. — С. 3–336.

References:

1. Gogol' N. V. Hetman [Get'man] // Gogol' N. V. Collected works issued in 7 volumes [Sobraniesochinenij: V 7 t.]. Moscow, Belles-lettres Publ. [Hudozh. lit.], 1984. Vol.1. P. 250–290.
2. Gogol' N. V. Mirgorod // Gogol' N. V. Collected works issued in 7 volumes [Sobraniesochinenij: V 7 t.]. Moscow, Belles-lettres Publ. [Hudozh. lit.], 1984. Vol.2. 319 p.
3. Gogol' N. V. Collected works issued in 9 volumes [Sobranie sochinenij: V 9 t.] / Compiled and commented by V.A.Voropaev and I. A. Vinogradov [Sost. i kommentarii V. A. Voropaeva i I. A. Vinogradova]. Moscow, The Russian Book [Russkajakniga], 1994. Vol. 7. 624 p.
4. Gogol' N. V. Complete Works and letters in 17 volumes [Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t.]. Vol. 7 : Youthful attempts. First Wordings [Junosheskieopyty. Pervonachal'nyeredakcii] / Compiled, prepared texts and commentaries I. A. Vinogradova and V. A. Voropaev [Sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva]. Moscow, Moscow Patriarchy Publ. [Izd-vo Moskovskoj Patriarhii], 2009. 816 p.
5. Denisov V. The depiction of Kozatstvo in the early works of N. V. Gogol' [Izobrazhenie kozachestva v rannem tvorchestve N. V. Gogolja]. Simferopol'–Kiev, 2005. 150 p.
6. The history of russes or Little Russia [Istorija Russovili Maloj Rossii]. The work by G. Konisskij, the archbishop of Belorussia [Soch. G. Konisskogo, arhiepiskopa Belorusskogo]. Moscow, The University's Publ. [V universitetskoj tipografii], 1846. 262 p.
7. Kazarin V. P. No.V.Gogol's short-story "TarasBulba" [Povest' N. V. Gogolja «Taras Bul'ba»]. The questions of creative history [Voprosy tvorcheskoj istorii]. Kiev – Odessa, Higher School Publ. [Vishha shkola], 1986. 126 p.
8. Littlerussian songs, published by M.Maksimovich [Malorossijskie pesni, izdannye M. Maksimovichem]. Moscow, 1927. 234 p.
9. Musij V. B. Myth in the structure of "The chapter from the historical novel" by N. V. Gogol' [Mif v strukture «Glavyizistoricheskogoromana» N. V. Gogolja]. VII International Gogolian Readings [VII Mizhnarodni Gogolivs'ki chitannja]. Poltava, 2004. P. 126–130.

10. Pereverzev V. F. Gogol's Creative Works [Tvorchestvo Gogolja] // Pereverzev V. F. Gogol'. Dostoevskij. Investigations. [Pereverzev V. F. Gogol'. Dostoevskij. Issledovanija]. Moscow, Soviet Writer Publ. [Sovetskij pisatel'], 1982. 512 p.

11. Sokolov B. Gogol': Encyclopedia [Sokolov B. Gogol': Jenciklopedija]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 584 p.

12. Terc Abram (Andrej Sinjavskij). In the shadow of Gogol? [V teni Gogolja]. Abram Terc. Complete Works: In 2 volumes. Moscow, SP «Start» Publ., 1992. Vol. 2. P. 3–336.

Аннотация

ФРАГМЕНТ ГОГОЛЯ <НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА>: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ

В статье анализируется фрагмент Гоголя <Начало исторического романа> — одна из четырёх глав его незавершенного романа «Гетьман», которая не публиковалась при жизни писателя, в отличие от «Главы из исторического романа» и отрывка «Пленник» из главы «Кровавый бандурист». Исследователи обращались к указанному фрагменту не часто. В. П. Казарин рассматривает его в связи возникновением замысла «Тараса Бульбы», а И. А. Виноградов и В. А. Воропаев акцентируют внимание на истории расшифровки и публикации рукописи Гоголя, подчёркивая связь фрагмента <Начало исторического романа> с главой «Кровавый бандурист», поскольку в ней действуют одни и те же герои — Острица и Галя (Ганна).

Основными методами исследования являются метод текстуального и контекстуального анализа. Предмет анализа — приёмы создания характеров, в частности казака Острицы, его возлюбленной Гали и других персонажей, а также мастерство в изображении пейзажных зарисовок, интерьеров, массовых сцен. Подчёркивается связь гоголевского текста с историческими источниками, в частности с «Историей Русов» анонимного автора, а также с украинскими народными песнями, собранными М. А. Максимовичем.

Фрагмент Гоголя <Начало исторического романа> рассматривается в контексте творчества писателя, сравнивается с казацким дискурсом в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» и повести «Тарас Бульба». В выводах подчёркивается значение рассматриваемого фрагмента в освоении писателем исторической темы.

Ключевые слова: исторический роман, поэтика, контекст, мотив, портрет, пейзаж, интерьер, герой.

Анотація

ФРАГМЕНТ ГОГОЛЯ <ПОЧАТОК ІСТОРИЧНОГО РОМАНУ>: ПОЕТИКА І КОНТЕКСТ

У статті аналізується фрагмент Гоголя <Початок історичного роману> одна з чотирьох глав незавершеного роману «Гетьман», яка не була опублікована за життя письменника на відміну від «Глави із історичного роману» і уривку «Полонений» із глави «Кривавий бандурист». Дослідники не часто звертались до вказаного фрагменту. В. Казарін згадує про нього у зв'язку з задумом «Тараса Бульби», а І. Виноградов і В. Воропаєв акцентують увагу на історії розшифровки і публікації рукопису Гоголя, підкреслюючи зв'язок фрагменту <Початок історичного роману> з главою «Кривавий бандурист», оскільки в ній діють ті ж самі герої — Остраниця і Галя (Ганна).

Основними методами дослідження є метод текстуального і інтертекстуального аналізу. Предмет аналізу — прийоми створення характерів, зокрема, Остраниці, його коханої Галі та інших персонажів, а також майстерність створення пейзажних замальовок, інтер'єрів, масових сцен. Підкреслюється зв'язок гоголівського тексту з історичними та фольклорними джерелами, зокрема з «Історією Русів» анонімного автора, а також з українськими народними піснями, збірниками М. О. Максимовичем.

Фрагмент Гоголя <Початок історичного роману> розглядається в контексті творчості письменника, порівнюється з козацьким дискурсом в збірці «Вечори на хуторі біля Диканьки» і повісті «Тарас Бульба».

Ключові слова: історичний роман, поетика, контекст, мотив, портрет, пейзаж, інтер'єр, герой.

Summary

GOGOL'S FRAGMENT <THE BEGINNING OF THE HISTORICAL NOVEL>: POETICS AND CONTEXT

In the article Gogol's Fragment <*The Beginning of The Historical Novel*> one of four chapters from his unfinished novel *Hetman* is analyzed which was not published at his lifetime, unlike *Chapters From The Historical Novel* and the part *Prisoner* from the chapter *Bloody Bandura Player*. The researches do not approach to the mentioned fragment a lot. V. P. Kazarin considers it in connection with conception of *Taras Bulba*.

I. A. Vinogradov and V. A. Voropaev pay attention to the history of interpretation and publication of Gogol's manuscript, emphasizing the link between the fragment and *Bloody Bandura Player*, because the same characters –Ostranitsa and Halya — act in them.

The basic research methods are methods of textual and contextual analysis. The subject of the research is the way of characters' creation, in particular of Cossack Ostranitsa, his beloved Halya and other characters, and also of skillful landscape, interior and mass scenes. The chapters of the unfinished Gogol's novel *Hetman* are analyzed in this article. The connection of Gogol's text with historical sources such as *The History of Russes* by unknown author and folk-songs collected by M. A. Maksimovich is underlined.

Gogol's Fragment <*The Beginning of The Historical Novel*> is viewed in the context of writer's creative activity, compared with Cossack discourse in the collection of short stories *Evenings on a Farm Near Dikanka* and story *TarasBulba*. In the conclusion the significance of the mentioned fragment in author's exploration of the historical theme is stressed.

Keywords: historical novel, poetics, context, motive, portrait, scenery, interior, character.

**ГОГОЛЬ і МЕРІМЕ: “<ЗАМЕТКИ О МЕРИМЕ>”
МИКОЛИ ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТІ
ДУХОВНО-ЕСТЕТИЧНИХ ШУКАНЬ 1840-Х РОКІВ**

На початку 40-х років Гоголь у своїх пошуках основ «нового» християнства з завзятістю вчитувався в православні студії і в той же час жваво цікавився західним християнським світом. Він був далекий від ортодоксальних засад Православ'я. І той щирий інтерес до католицьких практик виявився таким активним, що розмови про це, як відомо, сягнули не тільки інтелектуальних кіл Петербурга і Москви, але й докотилися навіть до Василівки. Марія Іванівна, мати письменника, надіслала тривожного листа, так що Гоголь змушений був заспокоювати її: «Насчет моих чувств и мыслей об этом, вы правы, что спорили с другими, что я не переменяю (виділено автором — П. М.) обрядов своей религии. Это совершенно справедливо. Потому что как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же спасителя нашего, одну и ту же божественную мудрость, посетившую некогда нашу землю, претерпевшую последнее унижение на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее к небу. — Итак, насчет моих религиозных чувств вы никогда не должны сомневаться» [1, XI, с. 118–119]. Духовний шлях Гоголя настільки своєрідний і неповторний, цілісний і всеохоплюючий, що визначає всі його вчинки, творчі задуми, зміст листування, як форму комунікації зі світом, нарешті інтерпретацію чужих текстів чи потрактування долі іншої людини. Він цілеспрямовано вишукував суголосні йому ідеї і вміло включав їх в орбіту своїх інтересів. Тут не було випадковостей. Він з однаковим запалом прилучав до своїх пошуків як православні тексти, так і тексти, які з'явилися в католицькому світі. Як дати нове життя старим цінностям, як оновити євангельські істини, прихилити люд до Христової віри — ось питання, яке було головним для Гоголя

40-х років, і «Заметки о Мериме» знаходяться в контексті цих устремлінь.

Про православні догмати і їхню жорсткість Гоголь, здається, дізнався і відчув їх у всій повноті лише після бесід із Матвієм Константиновським. Але це вже було наприкінці 1840-х років, а ще після від'їзду закордон в 1836 Гоголь із властивою для нього пристрасною цікавився релігійним життям Заходу, цікавився всім, що було близьке його ідеї переродження, преображення мертвих душ, що було здатне укріпити його віру і переконати читачів у істинності його вибору того комплексу ідей, який визначить і творчий, і життєвий шлях Гоголя.

Постать Проспера Меріме і, зокрема, його повість «Душі чистилища» були однією з віх на цьому шляху. Як людина цілісної вдачі, Гоголь, захоплений ідеєю спасіння людських душ, витворив своєрідний окуляр, крізь який сприймав і сучасний йому світ, і духовну спадщину минулого. А повість французького письменника стала предметом пильної уваги Гоголя, свідченням чого і став присвячений Просперу Меріме есей, названий публікаторами «Заметки о Мериме».

Як відомо, вперше цей твір був надрукований за копією М. Трушковського М. Тихонравовим у додатковому томі «Сочинения Н. В. Гоголя» (1892) у 10-му виданні [1, VI, с. 325–326]. В «Заметках» Гоголь вказує на те, що його уваги є переднім словом до перекладу повісті французького автора «Душі чистилища», названу Гоголем «Душі в чистилищі».

Пояснюючи причини звернення до постаті Меріме, автори коментарів до академічного видання радянських часів виказують припущення: «Очевидно, перевод, в связи с которым Гоголь написал свою заметку, либо не был окончен, либо не был пропущен цензурой. Этим, может быть, объясняется и то, что заметка Гоголя осталась наброском и не была им опубликована. Наиболее вероятно, что заметка относится к 1840–1843 гг.» [1, IX, с. 619]. Думаю, що непроясненість історії з'яви «Заметок» є причиною того, що твір не привернув належної уваги дослідників, які найчастіше згадували про цей шкід Гоголя у студіях, присвячених його зв'язкам із західними літературами. Однак про самодостатність твору не йшлося, хоч, на нашу

думку, цей текст утримує досить цікаву і важливу інформацію для розуміння творчого розвитку письменника в 40-і роки. На цей твір варто подивитись як на самовисловлювання Гоголя, що має стосунок як до прояснення витоків певних мотивів, так і до творення митцем свого образу письменника. Ці зауваги Гоголя — приклад своєрідної трансформації літературних текстів і біографії письменника (в даному випадку — Меріме), мета яких полягає у зміцненні митцем власних засад. Гоголь звертається до постаті відомого зарубіжного письменника, щоб підсилити власну позицію, зміцнити авторитетність свого слова, акцентувати увагу на комплексі тих ідей, які сповідує Гоголь в останнє десятиліття життя.

Навіть зізнання автора «Заметок» у тому, що його уваги є переднім словом до перекладу повісті «Душі чистилища», не збудили інтересу гоголезнавців. І причина в тому, мабуть, що цей переклад, як і його автор, до цих пір невідомий, хоч є підстави думати, що Гоголь міг бути причетний до появи цього перекладу.

Здається, вперше про важливість уваг Гоголя і про зв'язок «Заметок» з головним напрямком творчого розвитку письменника, маючи на увазі, передусім, проблематику літературної творчості, заговорила А. Єлістратова, автор яскравого, «оригінального і змістовного» (Ю. Манн) дослідження, присвяченого зв'язкам творчості митця з західноєвропейським романом.

З погляду дослідниці, «Душі чистилища» відлунюють ідеєю «Божественної комедії» Данте, яка «развивала необычайно важное для Гоголя представление о возможности духовного воскрешения, «преображения» человека» і яка, як відомо, щільно пов'язана з задумом «Мертвих душ». А. Єлістратова вказує на те, що замітка «проникнута глубоким уважением к Мериме», і наводить високу («особенно лестную») оцінку самої повісті Меріме «Душі чистилища» (або, як називав її Гоголь, «Душі в чистилищі»), наголосивши на важливості мотиву гордині й спокути. «Эта борьба двух начал в душе человеческой, — зауважує дослідниця, — могла особо занимать Гоголя в ту пору, когда он работал над продолжением “Мертвых душ”» [2]. Це слушне спостереження інспіроване коментаторами академічного

видання, які вказують на наявність у верхній частині одного з двох аркушів рукопису запису, що належить «возможно, к работе над “Мертвыми душами”» і нагадує монолог невідомого персонажа: «Милостивый государь! Милостивый государь такой-то, сякой-то и прочее, и прочее, за что вы должны всякий раз ему дать оплеуху по щеке» [1, IX, с. 619]. А. Єлістратова схильна думати, що в цьому записі Гоголь «как бы перелагает на русские нравы заключение новеллы Мериме, где по приказанию настоятеля дон Хуан должен каждое утро явиться к монастырскому повару и получать от него пощечину, а затем, поблагодарив его, подставлять и другую щеку...» І, завершуючи роздум, ставить цілком правомірне питання: «Не думал ли Гоголь воспользоваться подобной ситуацией в своем изображении обуздания и перевоспитания страстей?» [3]. Думка виглядає слухною, бо ситуація спокути справді глибоко сиділа у свідомості Гоголя. Коли вона зародилась, сказати важко. Якби це можна було зробити, то це й було б відповіддю, нехай і дотичною, на питання, коли Гоголь познайомився з текстом новели Меріме. Однак текст перекладу невідомий, а питання, чи перекладав Гоголь повість Меріме, залишається без відповіді.

Разом з тим, повість Меріме близька до задуму головного твору Гоголя «Мертві душі». І, на мою думку, має бути включена до вивчення проблеми джерельної бази поеми Гоголя. Варто звернути увагу, перш за все, на назву повісті. Назва поеми «Мертві душі», якщо і не була інспірована повістю Меріме (вона вийшла раніше, ніж з'явився задум Гоголевої поеми, і думати так цілком логічно), то зв'язок між ними важко поставити під сумнів. Зауважимо, що Гоголь перекладав її на свій лад — «Душі в чистилищі». Складається враження, що повість французького письменника, якби Гоголь її переклав і видав, сприймалась би як своєрідний претекст твору Гоголя, оголюючи задум поеми. Це до того ж накидало би поемі виразно католицьку тернарну модель («пекло-чистилище-рай») [4, с. 86–87]. Вона до певної міри деформувала б зміст. Щоб уникнути подібного тлумачення поеми, Гоголь ймовірно відмовився від задуму друкувати повість і тим самим уник прямого перегуку з католицькою моделлю другого тому «Мертвих душ», який умовно

можна назвати «Мертві душі в чистилищі», оскільки орієнтація на структуру «Божественної комедії» була прихованою.

Звернемося до повісті Меріме. Що собою являє редакція легендарної історії про Дон Жуана в редакції Проспера Меріме? Французький письменник звернувся до популярного сюжету, маючи ряд визначних попередників: Тірсо де Моліна, Мольєра, Моцарта, Байрона і де Мюссе. Жан Фрестьє, автор белетризованої біографії Меріме, пише, що письменник запозичив деякі мотиви літературного образу Лізардо, студента з Кордови, героя популярних народних романсів, зібраних у книзі Крістовеля Лозано «Самотність життя і розчарування світом». Головні мотиви в назві твору — самотність життя і розчарування світом, там є і мотив душ чистилища, а також присутність героя на власному похороні [5].

Сюжет повісті Меріме утримує складне плетиво подій, сповнених трагічних перипетій. Молодий чоловік знатного роду дон Хуан де Маранья стає студентом Саламанкського університету і потрапляє під вплив дона Гарсія. Останній стає його приятелем, під орудою якого Маранья пізнає гріховні втіхи. Дон Хуан спокушує юну донью Терезу та вбиває на дуелі свого суперника. Він стає винуватцем загибелі сестри Терези донї Фаусти та їхнього батька. Змушений утікати з Іспанії, дон Хуан опиняється у Фландрії, з якою воює Іспанія. І тут він не відмовляється від обраної моделі поведінки. Після смерті батьків він повертається до Севільї, де веде розпусне життя. Не вдовольнившись звичним, він кидає виклик самому Богу, вирішуючи спокусити черницю. Волею випадку нею стає Тереза, яка йде в монастир після смерті батька й сестри. Коли вже Хуан намовляє її втекти з монастиря, він бачить вдома, в алькові, картину Страшного Суду, до якої з дитинства відчував трепетний страх: «Невольно взгляд его остановился на человеке, внутренности которого грызла змея, и хотя образ этот показался ему еще более ужасным, чем прежде, он не мог от него оторваться. В ту же минуту он вспомнил лицо капитана Гомаре и страшный отпечаток, который смерть наложила на его черты. Эта мысль заставила дона Хуана содрогнуться, и он почувствовал, что волосы его встали дыбом» [6, с. 268]. Від поба-

ченого він втрачає сон, але це не утримує його від бажання викрасти донну Терезу. Однак дорогою до монастиря він зустрічає похоронну процесію і дізнається, що ховають саме його. Дон Хуан непритомніє, а коли приходить до тями, сповідується і хоче спокутувати гріх — йде в монастир. Тут він коїть свій останній злочин — від його руки гине брат Терези, який хотів йому помститись. Помирає з горя Тереза, яка не дочекалася дона Хуана. Настоятель монастиря приховує останнє вбивство дона Хуана на дуелі, впевнений у щирості його навернення до Бога. Останні десять років життя до самої смерті дон Хуан проводить у молитвах, спокутуючи гріхи, серед іншого щоранку отримуючи ляпаса. Така сюжетна схема повісті Меріме.

Звертає на себе увагу те, що три мотиви твору Меріме віднаходимо й у Гоголя. По-перше, це мотив ляпаса, до слова, досить популярний у Гоголя — як момент переходу до нового стану, як зрух у психології в процесі «переробки в соб-ственной природе человека» (Гоголь). Першу згадку про цей мотив знаходимо у фрагменті <<«Дождь был продолжительным»>, що датований 1833 роком. Якщо згадати, що «Душі чистилища» з'явилися у Франції наступного, 1834 року, то є підстави думати, що Гоголь сам прийшов до цього мотиву¹. А його подивування присутності цього мотиву в Меріме було, ймовірно, одним зі стимулів живого інтересу до цієї повісті, хоч, вочевидь, не єдиним. Коли Гоголь приїхав до Парижу пізньої осені 1836 року, повість була вже добре відома (вона з'явилася двома роками раніше), тож не виключено, що Гоголь вже тоді прочитав повість «Душі чистилища».

В «Записной книжке 1846 г.» у розділі «Анекдоты» зустрічаємо запис: «Благодарность за оплеуху: — Давно бы, батюшка, так. Благодарю вас» [1, IX, с. 569]. Звернення ж «Милостивый государь!» фігурує в ранній редакції другого тому «Мертвих душ»: «Безсильно чертил он (Тентетников — П. М.)

¹ Зауваження В. Воропаєва і І. Виноградова в коментарях до «Вибраних місць» про походження фрази з повісті Меріме цим самим поставлене під сумнів, оскільки вона опублікована роком пізніше (див.: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем в семнадцати томах. — М. — К. 2009. — Т. VI. — С. 603).

на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки или же выписывал „Милостивый государь!” с восклицательным знаком всеми почерками и характерами» [1, VII, с. 148]. Чи не був це початок листа, який потім знаходимо в іншому творі. І чи не був це, наприклад, монолог Тентетнікова?

Один із розділів «Вибраних місць із листування з друзями» завершується окликом: «О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!» [1, VIII, с. 348]. Слово «оплеуха» згадує і С. Аксаков, захищаючи М. Погодіна від докорів Гоголя в «Завещании» і пишучи від імені ображеного: «Друг мой! Иисус Христос учит нас, получив оплеуху в одну ланиту, подставлять со смирением другую; но где же он учит давать оплеухи? Желал бы я знать, как бы вы умудрились отвечать ему» [8]. Це ж слово вжите в листуванні з С. Шевирьовим обома кореспондентами і знову у зв'язку з М. Погодіним, який без відома Гоголя надрукував його зображення [7]. Для Гоголя «оплеуха» є ситуацією «обуздания и перевоспитания страстей».

В новелі Меріме читаємо: «С целью умерщвления останков гордыни, еще сохранившихся в его душе, аббат повелел ему каждое утро являться к монастырскому повару, чтобы получить от него пощечину. Приняв ее, он неизменно подставлял вторую щеку, благодаря повара за такое унижение» [6, с. 81]. Відомий євангельський мотив парадоксальної з природної і традиційної точки зору реакції-відповіді на зло смиренною поведінкою фігурує в Нагірній проповіді «... не противься злу»: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую» (Лук. 6: 29). Ця ситуація присутня у другому томі «Мертвих душ»: «Ваше сиятельство! не сойду с места, покуда не получу милости, — говорил Чичиков, не выпуская сапог князя...», на що князь із гнівом відповідав: „Подите, говорю вам! — говорил он с тем неизъяснимым чувством отвращения, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок...» [1, VIII, с. 108–109]. Цей епізод, як і перебування у в'язниці (тут відчутні перегуки з життям і творчістю Сільвіо

Пеліко) [9], за задумом автора, мав стати початком преображення Чічікова.

Інший важливий мотив, що був близький Гоголю і функціонує в повісті Меріме, — це мотив Страшного Суду. В листі до матері (2.10.1832) власне релігійне пробудження Гоголь пов'язує з її розповіддю про Страшний Суд: «На все я глядел бесстрастными глазами; я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревеня дьячков. Я крестился, потому что видел, что все крестятся. Но один раз — я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о Страшном Суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли» [1, X, с. 282]. Можна погодитися з В. Воропаєвим, переконаним, що «тема Страшного суда пронизує все творчество Гоголя...» [10]. Зрозуміло, що в християнському світогляді Гоголя, в християнській картині світу Страшний Суд і є явищем Божественної Істини, що визначає функціональну природу цього мотиву і сюжетних ситуацій, пов'язаних з ним.

Тема Преображення і Воскресіння складає осердя задуму і «Вибраних місць», і другого тому «Мертвих душ». Згадаймо, що і фінал поеми завершувався цією сценою, про що свідчить «<Набросок к окончанию «Мертвых душ»>», побудований як монолог Бога, адресований до його підданих: «Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что я на тебя гляжу, что я твой? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и внимания, и поощрения? (Зачем не шел ты до конца, закрывши глаза на людей и смотря только...) Какое бы тогда было тебе дело обра<щать внимание?>, как издержит твои деньги земной помещик, когда у тебя Небесный Помещик? Кто знает, чем бы кончилось, если бы <ты> до конца дошел не утрашившись? Ты бы удивил величием характера, ты бы наконец взял вверх и заставил изумиться; ты бы оставил имя, как вечный памятник

доблести, и ронял бы ручьи слез, потоки слезные о тебе и как вихорь ты бы развевал в сердцах пламень добра» [1, VII, с. 274].

Я вже зауважив, що герой «Душ чистилища» Меріме теж у дитинстві був вражений картиною мук чистилища. Написана в сухій і суворій манері, вона зображувала різноманітні види тортур. Зазвичай маленький Хуан подовгу стояв біля цієї картини, яка і лякала його, і одночасно полонила: «В особенності не мог он оторвать глаз от человека, которому змея грызла внутренности, в то время как он был подвешен над пылающей жаровней с помощью железных крючков, вонзившихся ему в бока. С тоскою впиваясь взором в отдушину, грешник, казалось, просил у жертвователя молитв, которые бы его спасли от такой муки» [6, с. 223]. Преображення героя наступає саме після зустрічі з цією картиною: «он обвел комнату рассеянным взглядом и вдруг увидел в алькове картину с изображением мук чистилища — картину, на которую он так часто смотрел в детстве. Невольно взгляд его остановился на человеке, внутренности которого грызла змея, и хотя образ этот показался ему еще более ужасным, чем прежде, он не мог от него оторваться. В ту же минуту он вспомнил лицо капитана Гомаре и страшный отпечаток, который смерть наложила на его черты. Эта мысль заставила донна Хуана содрогнуться, и он почувствовал, что волосы его встали дыбом... темнота еще увеличила его страх. Глаза его по-прежнему были обращены к картине, которой он теперь не видел, но она была так хорошо ему знакома, что он в своем воображении видел ее отчетливо, как будто был яркий день. Временами ему казалось даже, что фигуры озаряются и начинают светиться, словно пламя чистилища, изображенное художником, было настоящим огнем» [6, с. 268]. А в ту мить, коли він бачить у галюцинаціях донна Гарсія і капітана Гомара, ще раз з'являється ця тема: «В то же мгновение исполинская змея появилась из-за его спины и, вытянувшись впереди него на несколько футов, казалось, готова была кинуться на гроб...» [6, с. 271].

У цій же сцені знову звучить і тема Страшного Суду, в останній мессі за душу самого донна Хуана: «Тем временем служба продолжалась, и своды церкви еще усиливали раскаты

органа и звучность голосов, певших грозное «Dies irae». Дону Хуану казалось, что он слышит хоры ангелов в день Страшного Суда» [6, с. 270]. На питання до священника, за кого вони моляться, дон Хуан почув відповідь: «Мы молимся за его душу, погрязшую в смертном грехе, а сами мы — души, спасенные из пламени чистилища мессами и молитвами его матери. Мы платим сыну долг наш перед его матерью. Но это последняя месса, которую нам разрешено совершить за душу дона Хуана де Маранья» [6, с. 271].

Подібні збіги не могли не вразити Гоголя, і цей твір привернув його особливу увагу. Нагадаю, що тема Преображення є головною темою роздумів письменника 40-х років. Вона є центральною ідеєю і «Вибраних місць», і другого тому «Мертвих душ». Можна з певністю стверджувати, що «Заметки о Мериме» конденсують цілу низку тих питань, які так виразно відлунювали в творчості письменника, а мотиви повісті «Душі чистилища» своєрідно переломлюються в семантичному полі «Мертвих душ». Герой Меріме проходить той шлях, який передбачає Гоголь для своїх «мертвих душ», зображення воскресіння яких є фіналом задуму його головного твору.

Третій мотив, який є важливим топосом у творчості Гоголя і повісті Меріме — мотив диявола. Цікаві спостереження маємо при аналізі теми диявола, що, як відомо, входить у тканину гоголівських творів вже в ранніх пробах пера. У творі «Душі чистилища» Меріме цей тематичний мотив є одним із наскрізних. Він виникає на початку: «С каждым словом дона Гарсиа дьявол все глубже забирался в душу дона Хуана, внушая Ему, что то, что он до сих пор считал пустой шуткой, может привести к самым приятным для него последствиям» [6, с. 247]. Ця тема з'являється в кульмінаційні моменти оповіді. Знову ж у зв'язку з доном Гарсіа: «Лучшее доказательство бессилия дьявола — то, что вы сейчас стоите живой в этой траншее. Поверьте мне, господа, — прибавил дон Гарсиа, хлопая дона Хуана по плечу, — если бы дьявол существовал, он бы уже забрал этого молодца» [6, с. 259]. Нарешті цей мотив виникає у зв'язку з задумом дона Педро, який «проявил лишь дьявольский расчет. Он много слышал о суровой жизни дона Хуана, и слава Его

святости не дозволяла дону Педро сумневатися, що, умертвив его, он отправит его прямо на небо. Он надеялся, что, вызвав его на дуэль и заставив с собой драться, он его убьет в состоянии смертного греха и таким образом погубит тело его и душу. Мы видели, как этот адский план обернулся против него самого» [6, с. 278]. А перед цим він звинувачує і дона Хуана в належності до злих сил: «Я разорву в клочья твою лицемерную рясу, под которой ты прячешь свое чертово копыто...» [6, с. 276–277].

Мотив диявола присутній і в другому томі «Мертвих душ». Арештований Чічков ладен спокутувати свої гріхи і вбачає причину в підступах диявола: «Сгубила, проклятая! Не знал меры; не сумел вовремя остановиться. Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил! Но только как же можно этак поступить!» [1, VII, с. 110]. А в іншому місці: «Искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!» [1, VII, с. 110]. Або: «Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, черт, исчадь!» [1, VII, с. 113]. Це наскрізний мотив виправдання Чіčkова.

Ведуть дискусії герої «Душі чистилища» і про душу: «А о душе вы забыли? — спросил старый капитан, крестьясь при этом страшном богохульстве.

— Ну, что касается души... то нужно сначала убедиться, что у меня есть душа. Кто утверждает, что у меня есть душа? Попы. Но это выдумка с душой приносит им такой доход, что, наверное, они сами ее сочинили, как булочки, придумавшие пирожки, чтобы их продавать» [6, с. 258]. Останні слова належать дону Гарсія, що схильний до богохульства. Правда, в радянські часи це сприймалось як бунтарство і ледве не революційність. Так, Ю. Віппер стверджує, що «безвір'я дона Гарсія прибирає характер твердого переконання, сміливого бунтарства», а дон Хуан на ділі виходить половинчастою і непослідовною «душею чистилища» [11]. Називаючи свою поему «Мертві душі», Гоголь, ймовірно, знав про твір французького письменника, а якщо і не знав, тим зрозуміліший його інтерес до цього твору, звідси, можливо, і бажання бути причетним до цього твору навіть у ролі перекладача, бо твір Меріме підсилював гоголівські ідеї. Тож на ранньому етапі

обдумування концепції «Мертвих душ» Гоголь міг бути зацікавлений у перекладі повісті.

Навіть у самій постаті смиренного дона Гарсія було щось від самого Гоголя, його безмірної смиренності: «Он умер, чтимый как святой даже теми, кто знал его прежние бесчинства. На смертном одре он просил, как милости, чтобы его погребли на пороге церкви, дабы всякий, входя в нее, попирает его ногами. Он пожелал еще, чтобы на его гробнице вырезали надпись: “Здесь покоится самый скверный человек, какой когда-либо жил на свете”. Однако сочли излишним выполнить все эти пожелания, вызванные его чрезмерным смирением» [6, с. 278–279]. Чи не пригадувався цей епізод Гоголем, коли він писав заповіт у «Вибраних місцях з листування з друзями».

Нарешті, важливо підкреслити, що іншою важливою темою «Записок» є роздуми про покликання художника. Представлений тут Гоголем портрет Меріме радше декларативний, аніж реальний. Гоголь подає тут не стільки дійсний образ французького письменника, скільки відтворює ідеальну постать митця, що тривожив його власну уяву протягом багатьох років. Йдеться в замітці про «замечательнейшего писателя 19 века», наділеного «дарами гения», твори якого несуть на собі «яркую печать таланта». У них «много правды, много верности и в беглых и, так сказать, мимоходом рассыпанных заметках, много познаний и опыта, и много познания жизни». Автор «Заметок» акцентує увагу на тому, що Меріме не потурає смакам публіки: «самая жизнь его не сходится с общею жизнью Европы». А ще – Меріме «обладает ... способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее» [1, IX, с. 21].

Які ж характеристики з творчого портрету Меріме особливо приваблюють Гоголя? Це, перш за все, небажання абикому подобатись, уникнення гри на публіку та пошуку слави. Серед заслуг Меріме Гоголь називає його устремління відмежовуватися від політичного життя, дистанціюватися від того, чим жила сучасна Європа. Тож головним заняттям Меріме вибрав інспекцію пам'яток французької старовини. Гоголь схильний навіть приписати творчій манері Меріме риси, не-притаманні французьким літераторам («не даются французу»):

«именно способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее» [1, IX, с. 21]. А ще — уміння схопити слов'янський дух: «С этой стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников» [1, IX, с. 21]. Це не стільки портрет Меріме, бо той не гребував цікавістю і до політичного життя та не був, як відомо, так уже далекий від життя можновладців. В 1852 році, вже, щоправда, після смерті Гоголя, Меріме приймає орден Почесного легіону, а в наступному році стає сенатором з легкої руки дружини імператора Луї Наполеона. Це зблизило його з родиною імператора і тішило його честолюбство, так що він роками не звертався до художньої творчості.

Портрет Меріме в Гоголя — це ще одна варіація образу ідеального художника. Він перегукується з нарисом про О. Іванова, вміщеним у «Вибраних місцях»: «Он (Иванов — П. М.) идет своей собственной дорогой и никому не помеха. Он не только не ищет профессорского места и житейских выгод, но даже просто ничего не ищет, потому что уже давно умер для всего в мире, кроме своей работы» [1, VIII, с. 328–329]. Гоголь відзначає «самоотвержение и беспримерную любовь к искусству», байдужість художника до «приманок жизни», вірного «своему делу, как монах монастырю». О. Іванов, з погляду Гоголя, «плюнул на все приличия и условия светские...» [1, VIII, с. 337]. Зрозуміло, що коли сам митець з такою пристрастю говорить про високе покликання і образ художника-аскета, то читач вільно чи невільно переносить його на самого Гоголя.

І в першому, і другому випадку Гоголь, крім іншого, змушує читача повірити, що його власні настанови, про які знала літературна і, почасти, читацька громадськість, не були якимись винятковими, що таке ставлення — характерна риса більшості представників художнього світу. І печать цих уявлень, зрозуміло, відбивається і на постаті Гоголя.

Привертає увагу згадка в цій замітці про Пушкіна: «Пушкин уважал его много. Он назвал его остроумным и оригинальным писателем, а сочинения его замечательными в нынешнем униженном, жалком упадке французской литературы (смотри Сочинения Пушкина, т. IV, в Предисловии к Песням

западных словян)» [1, IX, с. 20]. Гоголь пише про Пушкіна, як про вищий авторитет, а в кінці згадує про те, як сам Пушкін повірив у стилізацію Меріме і опинився в дещо смішній ситуації, коли прийняв на віру надруковане Меріме зібрання слов'янських пісень і переклав їх, оскільки «принял их за подлинные и с такою верною простотою передал их в полновесных стихах своих» [1, IX, с. 21]. Це приклад подвійного ставлення Гоголя до Пушкіна, коли, з одного боку, маніфестується високий авторитет поета, а з іншого — Гоголь ніби вивищується над ним. Як каже І. Золотуський, Гоголь «позволяет себе и щекотать своего кумира» [12].

Чи знав Меріме про спробу перекладу Гоголем його твору? Питання це відкрите. Як, до речі, і питання про знайомство двох видатних письменників [13]. Жан Фрестье вважає, що Гоголь листувався з Меріме за посередництва французького літератора Адольфа де Сіркура, який був одружений на Анастасії Хлюстіній. В російських джерелах є свідчення про те, що Гоголь активно спілкувався з Сіркуром [14]. Втім зрозуміло, що Проспер Меріме і гадки не мав, що він і його повість відіграли важливу роль в утвердженні Гоголя в його поглядах.

З іншого боку, Гоголь, як правило, ніколи не афішував тих текстів, які йому прислужилися. Він переосмислював і вміло адаптував їх принагідно своїх ідей і концепцій. Меріме був одним із тих авторів, творчість яких відчутно відлунює в Гоголевому художньому світі. І це при величезних відмінностях, які впадають в око при зіставленні двох великих майстрів. Гоголь вважав Меріме своїм ситуативним співником, хоч його компліментарні замітки проливають світло більше на самого Гоголя, ніж на предмет його уваги.

Підводячи підсумок, варто наголосити, що есей Гоголя свідчить про його особливий інтерес до повісті Меріме, що цілим шерогом мотивів і комплексом ідей прямо перегукується з поемою «Мертві душі». Гоголь на певному етапі реалізації свого задуму був зацікавлений у перекладі повісті Меріме, але зрозумівши «небезпечну» близькість його твору, відмовився від цього, а написаний есей втратив актуальність і залишився в архіві письменника.

Література:

1. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь ; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1952. Далі поклики на це видання з вказівкою тому (римською) і сторінки (арабською) в тексті.
2. *Елистратова А. А.* Гоголь и проблемы западноевропейского романа / А. А. Елистратова. — М., 1972. — С. 89.
3. Там само. — С. 90.
4. На можливу конфліктність звернув увагу І. Єсаулов. Див.: Єсаулов И. Тернарная структура «Мертвых душ» и православная традиция. Проблема преодоления апостасии / И. Есаулова // Микола Гоголь і світова література. — Київ-Ніжин, 1994. — С. 86–87.
5. *Фрестье Ж.* Проспер Мериме / Жан Фрестье. — М., 1987. — С. 66.
6. *Мериме П.* Души чистилища / Проспер Мериме // Собрание сочинений в четырех томах. — М., 1983. — Т. 2. В тексті подані сторінки цього видання.
7. Переписка Н. В. Гоголя. В двух томах. — М., 1988. — Т. 2. — С. 346, 348.
8. Там само. — Т. 2. — С. 81.
9. *Михед П.* Гоголь и Сильвио Пеллико / П. Михед // Література і культура Полісся. — Ніжин, 1996. — Вип. 7. — С. 103–112.
10. *Воропаев В.* «Горьким словом моим посмеюся» (о духовном смысле комедии Н. В. Гоголя «Ревизор») / В. Воропаев // Гоголезнавчі студії. Вип. 1. — Ніжин, 1996. — С. 30.
11. *Виппер Ю.* Проспер Мериме — романист и новеллист / Ю. Виппер // Проспер Мериме. Избранное. — М., 1977. — С. 15.
12. *Золотусский И.* Гоголь / И. Золотусский. — М., 1979. — С. 211.
13. Про особисте знайомство існують різні думки, хоч прямих свідчень про це немає. Ю. Янковський, наприклад, пише: «Є підстави вважати, в 1837 році в Парижі Гоголь познайомився з Меріме особисто» (див.: *Янковський Ю. З.* Проспер Меріме. — К., 1976. — С. 111–112), однак не аргументує цю думку.
14. Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. — М., 1952. — С. 670.

References:

1. Gogol' N. V. Full Collection of works in 14 vol. [Polnoe sobranie sochinenij : v 14 t.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937—1952.
2. Elistratova A. A. Gogol and problems of Western European novel [Gogol' i problemy zapadnoevropejskogo romana]. Moscow, 1972. P. 89.
3. The same: P. 90.
4. Esaulov I. Ternary structure of "Dead Souls" and the Orthodox tradition. The problem of overcoming apostasy [Ternarnaja struktura «Mertyh dush» i pravoslavnaja tradicija. Problema preodolenija apostasii]. *Mykola Gogol and world literature [Mikola Gogol' i svitova literatura]*. Kyiv-Nizhyn, 1994. P. 86–87.
5. Frest'e Zh. Prosper Merimee [Prosper Merime]. Moscow, 1987. P. 66.
6. Merime P. Souls of Purgatory [Dushi chistilishha]. *Collected Works in four volumes [Sobranie sochinenij v chetyreh tomah]*. Moscow, 1983. Vol. 2.
7. Gogol's Correspondence. In two volumes [Perepiska N. V. Gogolja. V dvuh tomah]. Moscow, 1988. Vol. 2. P. 346, 348.
8. The same: Vol. 2, P. 81.
9. Mihed P. Gogol and Silvio Pellico [Gogol' i Sil'vio Pelliko]. *Literature and Culture of Polissya [Literatura i kul'tura Polissja]*. Nizhyn, 1996. Issue. 7. P. 103–112.
10. Voropaev V. "My laugh by bitter words" (the spiritual sense of the comedy of Nikolai Gogol "The Government Inspector") [«Gor'kim slovom moim posmejusja» (o duhovnom smysle komedii N. V. Gogolja «Revizor»)]. *Gogol Studies [Gogoleznavchi studii]*. Issue. 1. Nizhyn, 1996. P. 30.
11. Vipper Ju. Prosper Merimee — novelist and short story writer [Prosper Merime — romanist i novelist]. *Prosper Merimee. Favorites. [Prosper Merime. Izbrannoe]*. Moscow, 1977. P. 15.
12. Zolotusskij I. Gogol [Gogol']. Moscow, 1979. P. 211.
13. Jankovs'kij Ju. Z. Prosper Merimee [Prosper Merime]. Kyiv, 1976. P. 111–112.
14. Literary Heritage. Pushkin, Lermontov, Gogol [Literaturnoe nasledstvo. Pushkin, Lermontov, Gogol']. Moscow, 1952. P. 670.

Аннотация

ГОГОЛЬ И МЕРИМЕ: “<ЗАМЕТКИ О МЕРИМЕ>” НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ 1840-Х ГОДОВ

Статья посвящена анализу короткого эссе Н. В. Гоголя «Заметки о Мериме», до настоящего времени не являвшегося предметом отдельного внимания литературоведов. Автор статьи рассматривает данное произведение в контексте духовного и эстетического развития Гоголя в последнее десятилетие его жизни. В центре внимания исследователя повесть Мериме «Души чистилища», с текстом которой был знаком и которую, вполне вероятно, мог переводить Гоголь.

Повесть французского писателя, если бы Гоголь ее перевел и издал, воспринималась бы как своеобразный претекст к его собственному произведению — поэме «Мертвые души». Стремясь избежать подобного толкования поэмы, Гоголь, вероятно, и отказался от идеи опубликовать перевод повести и тем самым избежал прямой переклички с католической моделью второго тома «Мертвых душ», который условно можно назвать «Мертвые души в чистилище», поскольку ориентация на структуру «Божественной комедии» не декларировалась писателем эксплицитно.

Ключевые слова: *Гоголь, Мериме, преображение, душа, Страшный суд, дьявол.*

Анотація

ГОГОЛЬ І МЕРІМЕ: “<ЗАМЕТКИ О МЕРИМЕ>” МИКОЛИ ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТІ ДУХОВНО-ЕСТЕТИЧНИХ ШУКАНЬ 1840-Х РОКІВ

Стаття присвячена аналізу короткого есею М. В. Гоголя «Нотатки про Меріме», яке не було предметом окремої уваги літературознавців. Автор статті розглядає даний твір у контексті духовного та естетичного розвитку Гоголя в останнє десятиліття його життя. У центрі уваги дослідника повість Меріме «Душі чистилища», яку, ймовірно, перекладав Гоголь. У статті вказано на наявність загальних для обох авторів мотивів. Повість французького письменника, якби Гоголь її переклав і видав, сприймалася б як своєрідний претекст до поеми «Мертві душі». Уникаючи подібного тлумачення своєї поеми, Гоголь, ймовірно, відмовився від ідеї друкувати переклад

повіді і тим самим запобіг прямому перегуку з католицькою моделлю другого тому «Мертвих душ», який умовно можна назвати «Мертві душі в чистилищі», позаяк орієнтація на структуру «Божественної комедії» не декларувалася письменником експліцитно.

Ключові слова: Гоголь, Меріме, преображення, душа, Страшний суд, диявол.

Summary

GOGOL AND MERIMEE: "< NOTES ON MERIMEE >" BY NIKOLAI GOGOL IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL AND AESTHETIC SEARCH OF 1840S

This article deals with the analysis of N. V. Gogol's essay "Notes on Mérimée", which was not the subject of literary critics' particular attention. The author considers this work in the context of Gogol's spiritual and aesthetic development in the last decade of writer's life. The scholar examines Mérimée's story "Soul of Purgatory," possibly translated by Gogol. The common to both writers' works motives' complex and its components is analyzed in the article.

Based on our analysis it can be argued that in the case of the publication of Mérimée's novella in Gogol's translation it would be perceived as a pretext of the poem "Dead Souls". To keep away from such an interpretation of the poem, Gogol had probably abandoned the idea of publishing Mérimée's novella, and thereby avoided direct allusion to the Catholic model of the second volume of "Dead Souls", which can be called "Dead Souls in Purgatory" because the writer did not declare openly the structure of the "Divine Comedy" as the point of reference.

According to the plan, Gogol's essay on Mérimée was to be the preface to the translation of his story. So, we can assume Mérimée's novella had a definite influence on the idea of the poem "Dead Souls". This connection between the works of two writers is seen at the level of motives.

Central common motif is a motif of the "slap", as indication of a shift in the psychology of the character in the process of "recycling in our own human nature" (Gogol). The next important motif, to which Gogol constantly referred, is the one of the devil. The motif of the devil is present in the second volume of "Dead Souls". Chichikov after arrest is ready to atone for his own sins, and sees their cause in the intrigues of the devil. The next significant motif is the Last Judgment, which is popular with Gogol and which occupies a very important place in Mérimée's novella. The

protagonist of Mérimée's "Souls of Purgatory" as a child was struck by the painting, which depicted sinners' torments. Painted in a dry and strict manner, it showed various forms of tortures. The protagonist experienced Transfiguration after he had seen the picture. Another important theme of "Notes" is reflection on the vocation of the artist. In this context Mérimée's image, created by Gogol, was rather declarative than real. Gogol depicted not so much the actual figure of the French writer, as an ideal concept of an artist that had bothered his own imagination for many years.

Gogol's essay shows his special interest in Mérimée's novella, which shares a number of motifs and ideas with the poem "Dead Souls". Gogol at a certain stage of his plan was interested in translating Mérimée's novella, but realized the "danger" of the proximity of their works, and decided against it. His essay "Notes on Mérimée" had lost relevance and remained in the archive of the writer.

Keywords: Gogol, Mérimée, Transfiguration of the soul, the Last Judgment, the devil.

**РЕЦЕПЦІЯ ТВОРЧОСТІ М. ГОГОЛЯ
ВАЛЕРІЄМ ШЕВЧУКОМ У ЦИКЛІ ФОЛЬКЛОРНО-
ФАНТАСТИЧНИХ НОВЕЛ «ГОЛОС ТРАВИ»**

З 1968 року Валерій Шевчук у своїй творчості почав відходити, за його словами, від «чистого реалізму, зануреного у побут, і звернувся до умовних форм» [13, с. 55]. Фольклорно-фантастичні повісті та оповідання, як зазначав сам автор, — це був результат його попереднього захоплення, тобто поетикою фольклорної прози. Не з кожним гоголівським трактуванням образу чорта або відьми (цикл повістей «Вечори на хуторі поблизу Диканьки») погоджується В. Шевчук: «...мене вельми драгував його (М. Гоголя — *уточн. О.П.*) «малорусизм» — та естетика, яка подавала українську ментальність через екзотику, не без насмішки (з гумором); мене ж фольклорна народна проза зацікавила з іншого боку, я б сказав, психологічного, бо фантастику і демонологію, ба й готизм я розглядав як стан душі, образний його відбиток» [13, с. 56].

Одним із художніх засобів творення фольклорно-фантастичної новели В. Шевчука є перекодування модусів демонологічних образів, або їх подвійний код, що призводить до відповідних змін у процесі художнього осмислення дійсності у новелах циклу «Голос трави».

У фольклорно-фантастичних новелах автор звертається до образів слов'янської демонології, а точніше, змальовує стосунки людини й «демона» (відьми, лісовика, чорта тощо). Часто новела побудована як своєрідне «спростування» усталеної думки та думки М. Гоголя, зокрема, про нищівну роль демонів у стосунках з людиною. Художня трансформація дійсності в різноманітних її формах найчастіше здійснюється письменником, по-перше, через створення особливого часопростору, у якому руйнується традиційний хронотоп перемижуванням у текстуальному просторі елементів реального та ірреального, сну і дійсності, життя та гри; по-друге, кризь призму свідомості своїх героїв, через їхнє сприйняття, від-

чуття і розуміння світу та життя, що, в свою чергу, зумовлює ускладнення наративної техніки.

У новелі «Панна сотниківна» головним демонологічним героєм є образ юного чорта, який прагнув руху, розвитку, змін: «Його захоплювала зміна спалахів, мерехтіння — постійний гарячковий рух» [18, с. 243]. Чорт тричі являється панні вві сні у різних образах. Новела побудована як низка спокус дияволом дівчини, яка у снах підсвідомо сама «шукає» спокус, так панна побачила себе у образі відьми, яка летить на шабаш. Образ чорта змальований з симпатією: «Вона побачила його темні чудові очі, в яких палав глибокий сум» [18, с. 253].

Ця новела побудована як чергування сну та дійсності: у снах панна радісна і спокійна, а вранці прокидається з синцями на грудях. У паралельній сюжетній лінії на землю пущений юний чорт, який прийшов до панни в образі «чорнявого і смаглявого» студента попитувати води, а коли пішов, дівчина відчула жаль. Взагалі чорт зображений зі знаком плюс, його захоплюють квіти, сонце, «зелене море», він відчуває щастя, як людина, — «його засліпило проміння, залило з головою, і юному чорту здалося, що в нього розірветься від щастя серце» [18, с. 244]. Чорт пропонує панні віддатись коханням з ним, цим самим втілюючи віталістичне життєлюбне начало. Виникають еклезіастівські мотиви: «Не губімо часу, панно, віддамося коханням, бо ж і ми, і ви однак живі істоти». Але панна не згодна: «Я хочу жити для щастя, а не для задоволення, адже справжнє щастя — це як чисте небо над головою» [18, с. 253]. Таким чином, панна і чорт — це два різні світогляди, чоловіче і жіноче начало, між якими на певному етапі виникає конфлікт. На переконання Є. Мелетинського, «уявлення, що у міфах та особливо у казках зображується боротьба добра і зла, вельми спрощене, мова йде, швидше, про протиставлення Космосу й Хаосу» [4, с. 47]. Здавна і до сьогодні жіноче начало є «основою» при створенні чого-небудь, а самі жінки сприймаються як виразники єдності онтології та аксіології [див.: 8; 9], вони є охоронницями «вогню культури», знань та етики, охоронницями основ. Натомість чоловіче начало, навіть якщо воно втілене в образі

чорта, — це розхитування старих істин у пошуках нових, на цьому й базується одвічний конфлікт [див.: 8].

Автори статті «Структурно-атрибутивні функції демонологічних образів» Людмила Бойченко та Марина Шевчук переконані в тому, що герой новели «Панна сотниківна» юний чорт є спокусником, і причина його смерті — у бездушності [див.: 4]. Можливо, це дещо одностороннє твердження. По-перше, в українській демонології, виходячи з досліджень В. Войтовича, чорти бувають не тільки «збиточні», «трапляються й справедливі чорти» [5, с. 106]. По-друге, у всьому циклі новел «Голос трави» В. Шевчук перебудовує традиційні уявлення про потойбічні сили, роблячи акцент на таємничості, містичності та нерозгаданості таких міфологічних постатей, як відьми, лісовики, домовики та ін. Певну закодованість отримали новели внаслідок стійкого інтересу до нерозгаданих таємниць демонічного, змінюючи при цьому й уявлення про первинні тексти (легенди й повір'я). В. Антофійчук та В. Нямцу помітили цікаву закономірність: коли в літературному творі легендарно-міфологічна система накладається на реалістичний план розповіді, то в цю дійсність включаються «елементи ідеалізації». Таким чином, «герой твору ніби „знижується“, а легендарно-міфологічний персонаж „вивищується“ до сучасного рівня знань» [3, с. 12]. Так змінюються акценти, порівняно з гоголівською традицією, у цілому ряді новел циклу: «Панна сотниківна» і «Відьма», «Чорна кума» і «Перелесник».

Сам автор указує на достатню «замістифікованість» подібних творів: «Як митець, я не шукаю красивостей у світі та етнографічної екзотики — свій цикл фольклорно-фантастичних оповідань я писав як *антигоголя*, — моє завдання світ у міру здатності своєї збагнути» [13, с. 55]. Так, гоголівські образи панночки та чорта повністю переосмислені. На відміну від гоголівського «Віа», де панночка щоночі перетворюється на відьму і спокушає семінариста Хому, панна у новелі В. Шевчука сама є об'єктом спроб зваблення з боку чорта, який виступає в новій якості мислителя-філософа, оскільки не збирається дурити й хитрощами спокушати панну, а навпаки, прагне пояснити їй життєві істини: «У світі повинні бути

відповідності, інакше він не триматиметься купи. Світ без гармонії ні до чого, бо коли порушиться у ньому одна ланка, розсиплеться на сміття» [18, с. 255]. Автор повсякчас прагне наділити демонологічні образи світоглядом, здатністю мислити, схильністю до перетворень у свідомості своїй та людській. Тому, використовуючи образи фольклору та фантастичні елементи, Шевчук творить нову реальність — гармонійне співіснування доброго й злого («Людське лихе й добре — в одній людині, немає пекла і раю поза людиною, пекло і рай — у ній самій») [15, с. 55]. Можливо, й раптова смерть панни по дорозі до монастиря — наслідок відмови пізнати істину життя: «І коли вона падала долі, уздріла раптом дуже чітко й близько від себе великі, чорні, повні ясного умиротвореного світла чоловічі очі, які вона знала колись давно, які, можливо, й полюбити могла б, але досягти яких так і не спромоглася» [18, с. 256].

Однією з провідних тем циклу є філософська ідея необхідності самопізнання та пошуку істини. Саме шукачами істини письменник схильний зображувати своїх героїв, і майже всі вони проходять складний шлях самопізнання, що осмислюється митцем як один із головних етапів у пошуку сенсу буття. В. Шевчук змушений подолати напругу, яка, за словами Г.-Г. Гадамера, «виникає між очікуванням, що йде від традиції, та новими звичками, які вводить автор сам» [6, с. 274]. У новелах циклу — навпаки — архаїчне традиційне суспільство постає як «справжнє», оскільки, на думку Мірча Еліаде, головна відмінна риса людини архаїчного суспільства від людини сучасної у тому, що перша відчуває себе нерозривно пов'язаною з космосом та космічними ритмами, тоді як сутність другої — у її зв'язку з історією [10, с. 29]. Як було помічено літературознавцями (Антофійчук В. І., Нямцу А. Є.), «література ХХ ст. поступово руйнує декларативний схематизм легендарно-міфологічних злодіїв і „злодійок”», тим самим стверджуючи «сутнісну амбівалентність онтологічних і ціннісних основ їх характерів» [3, с. 34].

У переважній кількості новел циклу головним персонажем є відьма. Г. Грабович вважає образ відьми одним із найдавніших архетипів у людських культурах і суспільствах, а

в сучасній культурології, зокрема у літературознавстві, проблему демонізації жінок бачить однією з найголовніших. Зацікавлення цим образом, на думку дослідника, характеризується передусім психологічним резонансом, «бо родиться зі стику жіночого й чоловічого, з того таємничого й непізнаного простору, з якого ми всі беремося» [7, с. 275]. Цим Г. Грабович пояснює страхи та емоції, пов'язані з відьмами, а також повсякчасні спроби пізнання. Звертаючись до середньовічного документа-посібника «Молот відьом» (1486), Г. Грабович показує яскравий приклад того, як перцепція статі (*gender*) і політика статі (*gender politics*) можуть легко перетворитися на соціопатологію, на планомірну й нещадну війну патріархального суспільства проти жінки (власне жіночого начала). В. Шевчук акцентує увагу на подвійному коді (модусі) відьми. Виходячи з етимології слова, він ототожнює відунів (ворожок) з відьмами і вказує на їхнє позитивне значення для людей (порятунок від злих духів, хвороб та невдач) [7, с. 107].

У слов'янській демонології є два види відьом: відьма родима і вчена. Перші володіють силою, але нікому не шкодять і навіть допомагають людям своїм знахарством. Вчені відьми «бувають лихі. Серед ночі вони розпускають по плечах коси і йдуть дойти корів» [5, с. 61]. «Згідно з „Молотом”, зазначає Едвард Вітмонт, — жінки переважно мотивовані інтенсивністю почуттів та емоцій. Їхня екстремність у любові й ненависті породжена „тілесною хтивістю”, бажанням володіти й ревнивістю» (цит. за Г. Грабовичем). В. Шевчук у своїх фольклорно-фантастичних новелах здійснює спробу зруйнувати стереотип «злої нечистої сили» та намагається відійти від фольклорної слов'янської традиції.

Ю. Лотман стверджує, що культура знаходиться у постійному контакті зі світом, який діє на неї, будучи розташованим поза її межами. Механізм співдії, на думку дослідника, є «постійною циркуляцією текстів, переключенням їх з однієї системи кодування у іншу» [9, с. 149]. Тому в загальній системі культури тексти виконують дві основні функції: адекватну передачу значень та породження нових смислів

[9, с. 149]. На думку Поля Рікера, «інтерпретація, перед тим, як бути дією екзегета, є дією тексту», і, відповідно, для екзегета інтерпретувати означає розмістити себе у значенні, яке визначає зв'язок інтерпретацій [14, с. 321]. Так, свідомість Шевчука-митця прагне відтворити культурну та філософську рефлексії доби, дослідити витоки і спадковість культури.

Новела «Відьма», як і багато інших новел циклу, зазнала полонізованих впливів. Сам образ відьми в українські повір'я увійшов через посередництво католицької Польщі і тому увібрав у себе багато західноєвропейських уявлень. У новелі зображена відьма-яритниця (за визначенням В. Войтовича, упорядника «Української міфології», «молода відьма, схильна до любовних забав») [5, с. 70]. Герой новели князь Долинський звертається з проханням до пана Твардовського (його образ у польському фольклорі трактується як людина-диявол) привезти відьму. За винагороду Твардовський привозить відьму Меланку, яка є надзвичайно гарною. Літературний вплив на образ проявляється у відході від традиції, за якою відьма здатна тільки на зло. Так, Меланка може «напустити мор, позбавити корів молока, наслати град, що виб'є панові посіви й наслати жаб, ... попортити коні, корови, кури й пси» [18, с. 269]. Але вона відмовляється використовувати свої вміння з причини небажання чинити зло. Новела «Відьма» розкриває тему відьмацтва у неоднозначному вимірі: автор зображує, так би мовити, «позитивний негатив». Те, що В. Шевчук наділив відьму Меланку виразними людськими рисами та емоціями (лагідність, небажання чинити зло, жак перед чорною постаттю Долинського, який біг за нею вночі, правдивість та щирість), переконливо впливає на творення в уяві читача доброї істоти, що, як було згадано, суперечить традиції і фольклорній, і морально-релігійній. Подібний феномен Н. Фрай називає «*демонічною модуляцією*» і пояснює його тим, що мистецтво завжди прагнуло відійти від загальноприйнятих моральних норм в бік бажань, оскільки «література у меншій мірі негнучка, ніж моральність, і цим часто завдячує своєму статусові ліберального мистецтва» [17, с. 164]. Тому, на думку Н. Фрая, часто прикмети, які

моральність та релігія називають «нахабними, грубіянськими, непристойними, підривними, безсоромними і блюзнірськими, займають важливе місце в літературі» [17, с. 164]. Образ відьми Меланки не сприймається як образ, «здатний тільки на зло», адже в її образі яскраво присутні риси української дівчини, яка якимось чином попала у залежність від вищих сил. Вчинки Меланки їй невіддані, будучи демонічним образом, вона входить до «спільноти, яка втримується разом завдяки своєрідній молекулярній напрузі різних „ego”, при цьому „вірність провідникові” протиставить бажання індивідуума обов’язкам». Оскільки відьма нерозривно пов’язана з дияволом, вона, попри всі свої бажання, не може бути доброю. Конфлікт між бажанням та обов’язком призводить до зазначеної Ю. Лотманом структури образотворення, результатом якої є згадувана «циркуляція текстів» та «переключення їх з однієї системи кодування у іншу» [9, с. 114]. Оскільки ми говоримо про подвійний код новел В. Шевчука, то варто згадати, що часи бароко являють собою своєрідну епоху, яка поєднувала у собі традицію й новаторство, «суперечку давнього й нового», «коли між давниною і власне сучасністю не стало однозначного співвідношення взірця і наслідування» [8, с. 68].

Спробуємо поглянути на трактування жіночого образу з погляду давньої культури. Розвиток особливостей жіночого начала має впливати на «буття-в-культурі» усієї культурної цілісності, — зауважує філософ І. Тарасенко. Адже жіноче начало саме через свою цільність є «основою при створенні чого-небудь, а самі жінки сприймаються як виразники єдності онтології та аксіології» [16, с. 9]. Саме жінки є «охоронницями вогню культури», знань та етики, берегинями основ. Таким чином, на нашу думку, автор новел не просто «перекодує» персонажів, а ще й віднаходить їх одвічне значення для всієї культури (як одвічної, так і сучасної).

Тому у В. Шевчука відсутній виразний поділ на позитивних та негативних героїв, і відьма Меланка, і юний чорт («Панна сотниківна») — яскраве тому свідчення. Таким чином, ми можемо прослідкувати тенденцію до кардинального переосмислення традиційних демонологічних образів: у

В. Шевчука нечиста сила не підлягає дії стереотипів українського фольклору. Письменник не наділяє «нечисту силу» негативними якостями лише за те, що вона є такою в народній традиції. Цим самим автор «перекодує» метатекст народних легенд та переказів, більш того, розвінчує стереотипи фольклорного мислення, яке продукує упереджене вороже ставлення до певних образів незалежно від наявності на те причини.

Подібну ситуацію можемо спостерігати в «Лісовій пісні» Лесі Українки, де, як помітила В. Агеєва, авторка «ставить, опонуючи попередникам-народникам, знак рівності між етичним та естетичним, між красою та добром» [1, с. 243]. У драмі-феєрії також відбувається перекодування демонологічного образу: якщо «у народних переказах Мавка мстива і навіть смертоносна», то у Лесі Українки «вона відповідає не прокльонами, а словами вдячності» [1, с. 204]. Більш того, всупереч традиції, Мавка не зваблює, вона «сама зваблена Лукашем, голосом його чарівної сопілки» [1, с. 204].

На відміну від ранніх новел Шевчука, герої фольклорно-фантастичних новел приходять до висновку про те, що не існує загальної істини, а натомість, у кожного є своя власна індивідуальна істина. За спостереженнями сербського літературознавця Д. Айдачича, «переплетення реальності людського та нелюдського світів у художніх текстах про демонів дає, крім звичної ситуації, у якій людина – жертва, також можливість руйнування традиційних уявлень та повороту, у якому людські якості демонів виявляться ключем до розуміння нелюдського характеру світу людей» [2, с. 130].

Ідея необхідності самопізнання та пошуку істини розкривається у контексті мотивації дій героїв, а також через перекодування семантичного традиційного наповнення демонологічних образів. Дослідження трансформації цих та «людських» образів показало, що вони є носіями ідеї двоїстості та мінливості людської душі, в їхніх образах втілюється ідея поєднання суперечностей, відсутності чітких меж між протилежними явищами.

Література:

1. *Агеєва В.* Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації / В. Агеєва. — К. : Либідь, 2001. — 264 с.
2. *Айдачич Д.* Демони в славянських літературах : Літературно-історическа типологія на примерах восточнославянських и южнославянських літератур / Д. Айдачич // Слов'янський збірник. — Одеса, 2005. — Вип. XI. — С. 118–134.
3. *Антофійчук В. І.* Проблеми поетики традиційних сюжетів та образів у літературі. — Чернівці : Рута, 1997. — 199 с.
4. *Бойченко Л.* Структурно-атрибутивні функції демонологічних образів / Л. Бойченко // Волинь-Житомирщина. — Житомир, 2004. — Вип. 12. — С. 21–27.
5. *Войтович В.* Українська міфологія / В. Войтович. — К. : Либідь, 2002. — 663 с.
6. *Гадамер Г.-Г.* Актуальність прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — М. : Искусство, 1991. — 367 с.
7. *Грабович Г.* Тексти і маски / Г. Грабович. — К. : Критика, 2005. — 312 с.
8. Історія української культури у 5 томах / [гол. ред. Патон Б. Є; НАН України]. — К. : Наукова думка, 2005. — Т. 3 : Українська культура II половини XVII-XVIII століть. — 2005. — 1245 с.
9. *Лотман Ю. М.* Ассиметрия и диалог / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета, № 635 : Текст и культура. Труды по знаковым системам. — Тарту, 1983. — 154 с.
10. *Елиаде М.* Космос и история / Мирча Елиада. — М. : Прогресс, 1987. — 312 с.
11. *Мелетинский Е. М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов / Е. М. Мелетинский // Вопросы философии. — 1991. — № 10. — С. 41–47.
12. *Нямцу А.* Миф. Легенда. Литература. (Теоретические аспекты функционирования) : монографія / А. Нямцу. — Черновцы : «Рута», 2007. — 520 с.
13. *Пивоварська А.* Дім на горі. Розмова з Валерієм Шевчуком // Сучасність. — 1992. — № 3. — С. 54–59.
14. *Рікер П.* Що таке текст? Пояснення і розуміння // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / П. Рікер ; [за ред. М. Зубрицької]. — [2-е вид., доп.]. — Львів : Літопис, 2001. — С. 305–323.
15. *Сковорода Г.* Повне зібрання творів у 2-х томах / Г. Сковорода. — К. : Наукова думка, 1987. — Т. 1. — 531 с.

16. *Тарасенко І. В.* Жіноче начало в культурних реаліях ХХ століття : автореф. дис. на здобуття ступ. канд. філос. наук : 09.00.08 : спец. «Філософія». — Харків, 2001. — 17 с.

17. *Фрай Н.* Архетипний аналіз: теорія мітів / Н. Фрай // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / [за ред. М. Зубрицької]. — [2-е вид., доп.]. — Львів : Літопис, 2001. — С. 142–172.

18. *Шевчук В. О.* Вибрані твори : роман-балада, оповідання / передм. М. Жулинського. — К. : Дніпро, 1889. — 526 с.

References:

1. Ageyeva V. The poet of the century turn. Literary works by Lesya Ukrayinka in postmodern interpretation [*Poetesa zlamu stolit'. Tvorchist' Lesi Ukraïinki v postmodernij interpretacii*]. Kyiv, Lybid' Publ., 2001. 264 p.

2. Aidachych D. Demons in Slavic literature: literary-historical typology on examples of East Slavic and South Slavic literatures [Demony v slavjanskih literaturah : Literaturno-istoricheskaja tipologija na primerah vostochnoslavjanskih i juzhnoslavjanskih literatur] *Slavonic Collection [Slov'jans'kij zbirnik]*, 2005. Vol. XI. P. 118–134.

3. Antofijchuk V. I. Problems of traditional plots and images poetics in literature. [*Problemi poetiki tradicijnih szujetiv ta obraziv u literaturi*]. Chernivtsi, Ruta Publ., 1997. 199 p.

4. Boychenko L. Structural and attributive functions of demonological appearances [Strukturno-atributivni funkcii demonologichnih obraziv]. *Volin'-Zhytomyrschina [Volin'-Zhitomirshhina]*. Zhytomyr, 2004. Ed. 12. P. 21–27.

5. Voytovych V. Ukrainian mythology [*Ukraïns'ka mifologija*]. Kyiv, Lybid' Publ., 2002. 663 p.

6. Gadamer G.-G. Actuality of the beautiful [*Aktual'nost' prekrasnogo*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 367 p.

7. Grabovych G. Texts and masks [*Teksti i maski*]. Kyiv, Kritika Publ., 2005. 312 p.

8. History of Ukrainian culture in 5 volumes [*Istorija ukraïns'koi kul'turi u 5 tomah*]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 2005. Vol 3: Ukrainian culture of the second half of the seventeenth and eighteenth. 2005. 1245 p.

9. Lotman Yu. M. Asymmetry and dialogue [Assimetrija i dialog]. *Scientific notes of Tartu State University, number 635: The text and culture. The sign systems studies. [Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta № 635: Tekst i kul'tura. Trudy po znakovym sistemam]*. Tartu, 1983. 154 p.

10. Mircha Eliade. Space and history [*Kosmos i istorija*]. – Moscow, Progress, 1987. 312 p.
11. Meletinskiy Ye. M. Analytical psychology and the problem of the archetypal themes origin [Analiticheskaja psihologija i problema proishozhdenija arhetipicheskikh sjuzhetov]. *Problems of Philosophy [Voprosy filosofii]*. 1991. № 10. P. 41–47.
12. Nyamtsu A. Myth. Legend. Literature. (Theoretical aspects of functioning) [*Mif. Legenda. Literatura. (Teoreticheskie aspekty funkcionirovanija)*]. Chernovtsy, «Ruta» Publ., 2007. 520 p.
13. Pyvovars'ka A. House on the Hill. Conversation with Valery Shevchuk [Dim na gori. Rozмова z Valerієм Shevchukom]. *Modernity [Suchasnist']*. 1992. № 3. P. 54–59.
14. Ricker P. What is a text? The explanation and understanding [Shho take tekst? Pojasnennja i rozuminnja]. *Anthology of world literary and critical thought of the twentieth century [Antologija svitovoi literaturno-kritichnoi dumki XX st.]*. Lviv, Litopys Publ., 2001. P. 305–323.
15. Skovoroda G. Complete Works in 2 volumes [*Povne zibrannja tvoriv u 2-h tomah*]. Kyiv: Naukova Dumka Publ. V. 1. 1987. 531 p.
16. Tarasenko I. V. Feminine in cultural realities of the twentieth century [*Zhinoche nachalo v kul'turnih realijah XX stolitti*]: Author. for obtaining candidate of philosophy degree: 09.00.08: spec. “Philosophy”. Kharkiv, 2001. 17 p.
17. Fry N. Archetypal analysis: theory of myths [Arhetipnij analiz: teorija mitiv]. *Anthology of World Literature-critical thoughts of the twentieth century [Antologija svitovoi literaturno-kritichnoi dumki XX st.]*. Lviv, Litopys Publ., 2001. P. 142–172.
18. Shevchuk V. Selected Works: Novel-ballad. Stories [*Vibrani tvori: Roman-balada. Opovidannja*] Kyiv: Dnipro Publ., 1989. 526 p.

Анотація

РЕЦЕПЦІЯ ТВОРЧОСТІ

М. ГОГОЛЯ ВАЛЕРІЄМ ШЕВЧУКОМ У ЦИКЛІ ФОЛЬКЛОРНО-ФАНТАСТИЧНИХ НОВЕЛ «ГОЛОС ТРАВИ»

У статті розглянуто особливості рецепції та інтерпретації Валерієм Шевчуком гоголівської творчості. Досліджено та переосмислено традиційні образи та мотиви у творчості М. Гоголя (зокрема образи та мотиви, пов'язані із слов'янською демонологією). Розглянуто такий художній засіб творення фольклорно-фантастичної

новели, як перекодування модусів демонологічних образів. Аналізуються образи слов'янської демонології (відьми, лісовики, чорти тощо). Досліджено художню трансформацію дійсності в різноманітних її формах через створення особливого часопростору, у якому руйнується традиційний хронотоп завдяки співдії у текстуальному просторі елементів реального та ірреального, сну і дійсності. Прослідковано ідею необхідності самопізнання та пошуку істини, яка розкривається у контексті мотивації дій героїв та перекодуванні семантичного традиційного наповнення демонологічних образів.

Ключові слова: демонологічний образ, фольклорно-фантастична новела, подвійний модус сприйняття.

Аннотація

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА

Н. ГОГОЛЯ ВАЛЕРИЕМ ШЕВЧУКОМ В ЦИКЛЕ ФОЛЬКЛОРНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ НОВЕЛЛ «ГОЛОС ТРАВЫ»

В статье рассматриваются особенности рецепции и интерпретации Валерием Шевчуком гоголевского творчества. Исследованы и переосмыслены традиционные образы и мотивы в творчестве Н. Гоголя (образы и мотивы, взаимосвязанные со славянской демонологией). Рассмотрено такое художественное средство написания фольклорно-фантастической новеллы, как перекодировка модусов демонологических образов (ведьмы, лешие, черты и т.д.). Исследована художественная трансформация действительности в различных ее формах через образование особенного хронотопа, в котором рушится традиционный благодаря взаимодействию в текстуальном пространстве элементов реального и ирреального, сна и действительности. Прослеживается идея необходимости самопознания и поиска истины, которая раскрывается в контексте мотивации действий героев и перекодировки семантического традиционного наполнения демонологических образов.

Ключевые слова: демонологический образ, фольклорно-фантастическая новелла, двойственный образ восприятия.

Summary

THE RECEPTION OF GOGOL'S LITERARY WORKS BY VALERII SHEVCHUK IN THE CYCLE OF FOLK-LORE FANTASTIC SHORT STORIES «THE VOICE OF GRASS»

The article considers the peculiarities of reception and interpretation of Gogol's literary works by Valerii Shevchuk. It examines and reinterprets traditional images and motifs in literary works by N. Hogol (including images and motifs associated with the Slavic demonology). The study considered such mean of artistic creation in folklore fantastic short story as transcoding the demonological images modi, and analyzed images of the Slavic demonology (like witches, wood-goblins, devils, etc.) It studied the artistic transformation of reality in the variety of forms by creating a special time-and-space unity, which breaks the traditional one through joint action of real and unreal elements, of dream and reality within the text. The study followed the idea of self-knowledge and search for the truth necessity, which is revealed in the context of motivating the heroes' actions and re-coding conventional semantic content of demonological images.

Keywords: demonological image, fantastic folklore short story, dual modus of perception.

**Н. В. ГОГОЛЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ И КРИТИЧЕСКОМ
КРУГОЗОРЕ И. Ф. АННЕНСКОГО**

О значении жизни и творчества Н. В. Гоголя для русского символизма, и в частности для И. Ф. Анненского, написано много. основополагающими здесь, безусловно, являются, статья В. В. Виноградова «Гоголь и натуральная школа», а также работы В.М. Паперного, И. И. Подольской, И. В. Корецкой, Л. А. Сугай и др.

Сразу же следует сказать, что я в своей работе хочу оттолкнуться от сформулированного в работе В. В. Виноградова мнения о подходе к гоголевскому творчеству в кругу символистов: «...Ученые художники из лагеря символистов, борясь с наивно реалистическим отношением прежней историко-литературной традиции к натурализму Гоголя, с эстетико-психологической точки зрения освещают формы художественного творчества Гоголя (особенно те, которые были близки к поэтике символизма). Они не исследуют гоголевского стиля как историческое явление — узел оформившихся литературных стилей и отправную точку развития последующих; они не углубляют отдельных сторон гоголевской поэтики. Им важно общее интуитивно-психологическое истолкование доминирующих тенденций гоголевского стиля и духовной личности Гоголя» [1, с. 3].

Действительно, они не литературоведы, тем более не историки литературы (для В. В. Виноградова тут был явно идеальной перспективой подход Ю. Тынянова, которого бы не возникло, не будь символистов). Но их подход сильно отличается от подхода биографического или психологического. Говоря о Н. В. Гоголе, они мыслят не исторически, не психологически, а символически, и произведения писателя, и факты его биографии укладываются ими в автономный процесс пресуществования «реального» в «реальнейшее», когда «мелодии жизни все более и более становятся проводниками вечности» [2, с. 85]. В этом контексте совершенно естест-

венной выглядит закономерность, сформулированная в статье В. М. Паперного «В поисках нового Гоголя»: «Русскому символизму необходим был Гоголь, но в Гоголе необходимо было увидеть себя» [3, с.31]. Эта необходимость связана именно с перспективой вечности, где должны сойтись два нетождественных друг другу горизонта, поскольку сама событийная фактология воспринимается как алфавит вечных «символов» со своей грамматикой всегда новых сочетаний.

Кроме того, речь идет об установке на своеобразное двойное говорение или скорее на диалог согласия. Для того, чтобы такое явление могло состояться, необходимо было действительное внутреннее родство, необходимо было, чтобы символисты, как сказал Достоевский, «вышли из «Шинели» Гоголя».

Но вначале одно предварительное замечание. Как пишет в своей статье В. М. Паперный, И. Ф. Анненский в своей трактовке творчества Н. В. Гоголя отталкивается от работ В. Розанова: «Мифопоэтические элементы этой концепции, явно восходящие к Розанову, тщательно переработаны отчасти в духе импрессионистически-психологической критики, отчасти в духе академического литературоведения» [3, с. 31]. Конечно, соединение, да и переход от «субъективного импрессионистического видения» [3, с. 32] к академизму крайне проблематичны. В принципе, мне кажется, что импрессионистический и субъективный характер критики у И. Ф. Анненского, скорее можно говорить о подчеркнутой личности, когда вокруг личности в ее творческой определенности выстраивается круг эстетических и поэтологических воззрений. Поэтому и отношение И. Ф. Анненского к писателю, о котором он говорит, — не субъектно-объектное, а субъектно-субъектное, его критические работы — реальность встречи и узнавания подлинно другого. Произведение в этой логике — бытие, которое одушевлено и способно само говорить о себе. Именно поэтому в нашей работе мы не столько будем воспроизводить воззрения И. Ф. Анненского на творчество Н. В. Гоголя (об этом и так написано более чем достаточно), сколько постараемся понять реальные точки

пересечения между двумя творческими индивидуальностями в их философии слова, пользуясь при этом указанием Ф. М. Достоевского, то есть опираясь на повесть «Шинель» как на базовый текст, в котором эта философия проявилась.

Собственно, наличие этих точек пересечения (это не значит, что Гоголь — предтеча, что в Гоголе заложена поэтика или философия Анненского или кого-то из символистов, опять-таки, Анненский не смотрит на него исторически, а смотрит диалогически), объективных схождений в разворачивании разных творческих индивидуальностей демонстрируется в работе И. Ф. Анненского, посвященной гоголевскому «Носу». В чем, собственно, смысл этого короткого очерка? И. Ф. Анненский, по сути, переписывает гоголевское произведение, воспроизводя все черты гоголевского стиля, четко придерживаясь фабулы гоголевского произведения и системы персонажей. Изменяется только одно — главным героем становится не майор Ковалев, а нос майора Ковалева, и в центре повествования — его обиды, его переживания и развернутая, многоаспектная месть: «Для нас герой рассказа вовсе не Ковалев. Проследим лучше за превращениями Носа, восстанавливающего свою долго попиравшуюся честь и неприкосновенность. Первое превращение — Нос оказывается запеченным в хлеб, который жена Ивана Яковлевича выбрасывает на стол для его завтрака. Это превращение самой своей осязательностью, своей, так сказать, грубой материальностью попадает прямо в цель — тут дело, видите ли, без всяких экивоков... на, мол, ешь меня, подавись; ты ведь этого хотел — не взыщи только, братец, если я стану тебе поперек горла» [4, с. 8]. Здесь и в дальнейшем не только повествуется именно о Носе, но и само повествование смещается на точку зрения данного персонажа. Нос, бывший в произведении Н. В. Гоголя неодушевленным объектом, полностью психологизируется, с самого начала находится в жизни на равных с людьми, и именно он в финале оказывается единственным объектом сострадания: «Неужто правда прекрасна только, когда она возвращает Лиру его Корделию и Корделии ее Лира?.. Разве, напротив, она не бесспорно прекраснее, когда она восстанавливает неприкосновенность, законнейшую неприкосно-

венность обиженному, независимо от его литературного ранга, пусть это будет существо самое ничтожное, самое мизерное, даже и не существо, а только нос майора Ковалева» [4, с. 13]. Ирония трактовки гоголевского «Носа» у И. Ф. Анненского состоит в том, что нос майора Ковалева более живой, чем сам майор Ковалев и все, кто его окружают (Подточина, ее дочь, цирюльник и т.д.).

Но ирония тут скорее подспудная, поэт же в данном фрагменте скорее патетичен, что опять-таки вполне органично для гоголевского стиля. Но интересно, что сама вот эта художественная логика — оживление неживого и одновременно омертвление живого именно как два взаимообусловленных движения — это логика лирического мышления И. Ф. Анненского. Вспомним хотя такие его произведения, как «Смычок и струны», «Одуванчики», «Умирение», «То было на Валлен-Коски». В этих стихотворениях происходящее с неживыми предметами — не аллегория человеческой муки. Так, суть стихотворения «То было на Валлен-Коски» — не в том, чтобы, сострадая кукле, пожалеть человека. Об этом четко сказано: «...сердцу обида куклы / Своей обиды жальчей». В стихотворении «То было на Валлен-Коски» оживление куклы и омертвление сердца — два параллельных процесса. Именно в тот момент, когда кукла и сердце меняются местами, когда сердце становится мертвым, а кукла — живой, всеобщее оживление выходит на поверхность текста, подчеркивается прямой формулировкой: «Как листья, тогда мы чутки: / Нам камень седой, ожив, / Стал другом, а голос друга, / Как детская скрипка, фальшив». В этом четверостишии — концентрированное выражение не просто даже сцепленности, а переплетения живого и мертвого в мироздании: если атрибут чуткости прилагается вначале к листьям, а затем к людям, то это означает, что листья более живы, чем люди. В этой же логике меняются местами друг и камень. Переплетение живого и неживого оказывается состоянием мира, а не только сердца, которое находится в центре стихотворения.

Собственно, из этой поэтической логики И. Ф. Анненский воспринимает гоголевское произведение диалогически,

буквально по-бахтински: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов» [5, с. 334–335]. За диалогом вокруг «Носа» — реальные точки пересечения мировидений: предметный мир и «мистическая жизнь слов» [4, с. 333].

Не случайно сквозной проблемой работ И. Ф. Анненского о творчестве Н. В. Гоголя является проблема сложного соотношения, «сцепления» мира вещей и мира идей. Эта проблема ставится уже в ранней работе «Художественный идеализм Гоголя»: «При первом впечатлении нам кажется, что его главная сила заключается именно в полноте иллюзии жизни, т.е. в совершенстве вещественной оболочки» [4, с. 218]. Именно это автор понимает под гоголевским реализмом, отталкиваясь, очевидно, от этимологии этого слова («realis» — вещественный). И далее автор показывает, что реализм проникнут «высоким идеализмом», иерархию форм которого автор и находит в разных произведениях Н. В. Гоголя. При этом «карающий идеализм», то есть идеализм, который утверждает «торжество ума и идеала» писателя над «самодовлеющей ограниченностью» изображенной им пошлости жизни, не является его высшей формой.

В работе «Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье» И. Ф. Анненский продолжает рассмотрение проблематики предметного мира. Он говорит о «типической телесности», которая «загромодила, сдавила мир» [4, с. 227]. По сути, И. Ф. Анненский показывает гротескное переплетение человеческой сущности и предметного мира, распространение этой сущности на предметы, в результате которого человек становится предметом. Так, при описании Собакевича «и мужики, и избы, и даже *имена мужиков*, и кушанья, и стулья, и дрозд, и фрак, и герои на стенах — все были Собакевичи. Но, делая все собою, этот центральный Собакевич фатально снисходил на ранг вещи, самую типичность свою являя в последнем выводе лишь кошмарной карикатурой» [4, с. 227]. И. Анненский видит в «Мертвых душах» последовательное

создание своеобразного синтетического организма «человек-вещь»: «А Манилов? разве он не весь в губах, в смачно-присосавшемся поцелуе? А эти люди-брови? даже люди-запахи... оставляющие в нас такое чувство, что больше ничего для человека и не надо» [4, с. 228].

Итак, концепция гоголевского идеализма у И. Ф. Анненского опирается на соотношение предметного мира и идеи — но не в рационально-отвлеченном смысле, а в смысле переживания, соединяющего автора и читателя.

Что было основанием для трактовки И. Ф. Анненского в реальном гоголевском творчестве? Действительно, жизнь предметного мира является одним из лейтмотивных моментов гоголевской поэтики. Например, в одной из первых редакций повесть «Шинель» называлось «Повесть о чиновнике, крадущем шинели». В изменении названия проявляется одна из ведущих закономерностей художественного мира повести: перенос акцента с героя, события на предмет. Эта вещь в процессе повествования очеловечивается: «С этих пор как будто бы самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто бы он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась проходить с ним жизненную дорогу, — и эта подруга была не кто иная, как та же шинель ...». С другой стороны, не теряя этой субъективированности, шинель превращается в «вечную идею будущей шинели», в «светлого гостя, оживившего на миг бедную жизнь».

В связи с этим обратим внимание на предметную конкретность символического слова у И. Анненского: значимой и означенной, действенной в отвлеченном плане оказывается вещь во всех закономерностях своего устройства. Например, в программном стихотворении «Старая шарманка» круговая форма вала задает модель времени («... Все никак не смеет злых обид, / Цепкий вал кружа и нажимая»), шипы на этом вале задают тему муки, которая мотивирует в последнем четверостишии двойную речь: о шарманке и о поэте («Но когда б и понял старый вал, / Что такая им с шарманкой участь, / Разве

б петь, кружась, он перестал, / Оттого, что петь нельзя, не мучась?»).

И. Анненский максимально фиксирует значимость феноменального мира — в напряженной проработке деталей, в их предельном одухотворении — и одновременно переживает закрытость этой значимости для человеческого духа. Если другим символистам, в принципе, было достаточно, что детали, вещи значат что-то, и достаточно указания на эту неопределенную значимость, а для акмеистов эта непроницаемость мира явлений была уже свершившимся фактом, то И. Анненского эта неопределенность, закрытость мучает (именно поэтому «Из заветного фиала / В эти песни пролита, / Но увы, не красота, / Только мука идеала»).

Итак, в данном случае перед нами общность проблемы — предметный мир в соотношении с переживанием — общая установка в перспективах ее разрешения — установка связи. Но вот интересный момент в осмыслении природы этой связи: И. Ф. Анненский, по сути, постулирует у Н. В. Гоголя ту закономерность, которую он в собственной творческой логике, считает идеальной перспективой воплощения вещного мира — растворение предмета, растворение его в переживании — не в смысле его исчезновения, а в смысле просветления им.

Просветление предметного мира переживанием происходит, естественно, в слове. Н. В. Гоголь, действительно, один из немногих писателей в XIX веке, у кого словесная реальность носит самодовлеющий характер, кому интересно слово — как таковое. Примеров множество. В «Шинели» она, эта самостоятельная жизнь слов, разворачивается параллельно повествованию. Можно сказать, что появление в тексте каждого из героев становится поводом для своеобразной актуализации этой жизни: появляются фразы, которые не имеют в себе никакого содержания, кроме роста слова и выхода этой чисто словесной энергии на поверхность повествования. Например, после описания Петровича читаем следующее: «Он уже минуты три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: “Не лезет, варварка; уела ты меня, шельма этакая!”». Еще более

явно рост слова можно наблюдать при появлении «значительного лица»: «Нужно сказать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным по сравнению с другими, еще значительнейшими. Но всегда найдется круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное...» Единственное событие этого пассажа — умножение и размножение слова.

Собственно, именно эта отдельная жизнь слов порождает тот «прием звукового воздействия», ту «артикуляционно-мимическую звукоречь», о которых пишет Б. М. Эйхенбаум [6, с. 411, 415]. Ведь повторение слова ведет за собой деактуализацию или размывание его рационального элемента, что в свою очередь сосредоточивает внимание на его звуковой оболочке как возможном поле порождения иных значений. Конечно, эти значения не обладают прежде всего определенностью, как в привычном нам языке, но именно сама их возможность — возможность надстроить над рассказываемым анекдотом дополнительные смыслы — важна в данном случае для писателя.

Безусловно, проблема художественного слова является контрапунктом статей И. Ф. Анненского о Н. В. Гоголе. Так, в статье «Художественный идеализм Гоголя» И. Ф. Анненский утверждает символическую природу поэтического слова: «Как искусный ваятель режет и бьет глину, пока она послушно передаст весь сложный мир ощущений..., так и поэт ищет придать своим символам не только общее обличье жизни в ее контурах и красках, но и саму жизнь с ее теплом, движением и дыханием... такова уже сила символа, который магически возбуждает в нас ту же работу мысли и фантазии и те же волны чувства, что переживал и создавший его поэт, хотя, конечно, отраженно, то есть слабее» [4, с. 218]. Символическая природа слова определяется прежде всего возможностью межсубъектного взаимодействия. Обратим внимание, что иллюзорными оказываются те миры, которые у младших символистов связывал символ, более того, символическое слово и проявляет эту

иллюзорность, остается лишь воздействие на воспринимающего субъекта, и именно это воздействие И. Ф. Анненский называет магическим, в отличие от концепции магического слова символистов. В той же статье И. Ф. Анненский говорит об эстетической природе языка («...ибо здесь самый материал — язык — есть, в свою очередь, искусство» [4, с. 217]), и именно на этой основе утверждает символическую природу поэтического слова. Художественность, заложенная в слове языковом, проявляется только тогда, когда оно помещено в поэтическое произведение, когда в художественном контексте выявляются разнонаправленные и многообразные связи, заложенные в слове.

В поэтическом творчестве И. Ф. Анненский осмысляет слово-символ именно как слово воздействующее, не отражающее какую-либо реальность, вещную или идеальную, а создающее свою собственную, именно таким образом осуществляющее взаимодействие автора и читателя. Слово — особый духовный предмет, и сам звуковой облик его есть поле порождения новых смыслов. И «мистическая жизнь слов» [4, с.333] сама по себе оказывается основой их особого воздействия на личность.

Следовательно, и в осмыслении художественного слова, его своеобразной автономной жизни, значимости его звуковой плоти мы видим безусловное созвучие (конечно, не только с И. Ф. Анненским, но, пожалуй, еще интенсивнее, — с А. Белым). И не случайно И. Ф. Анненский в работе «Эстетика «Мертвых душ» и ее наследие» величие писателя видит в следующем: «Что бы было с нашей литературой, если бы он один за всех нас не подъял когда-то этого бремени и этой муки и не окунул в бездонную телесность нашего столь еще робкого, то рассудительного, то жеманного, пусть даже осиянно-воздушного пушкинского слова» [4, с. 228]. Дело в том, что и Н. В. Гоголь и И. Ф. Анненский действительно объединены родственной поэтической миссией — миссией перехода от пушкинского слова — точного слова, за которым стоит факт (Н. Д. Тамарченко), слова, неотрывного от вещи (А. В. Михайлов) — к слову неклассической поэтики, «звучащему слепку формы», которое «является

пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [7, с. 119].

В заключение следует сказать, что диалог с Н. В. Гоголем в творчестве И. Ф. Анненского был один из множества творческих диалогов, направленных на установление равновесия между человеком и миром. Общеизвестно, что в этом плане рубеж XIX–XX веков представляет, особенно по сравнению с XIX веком, серьезный культурный сдвиг, баланс этого взаимодействия нарушается сразу в двух противоположных направлениях. С одной стороны, возникает представление об односторонне-жесткой детерминации человека обстоятельствами (позитивизм в философии, натурализм в искусстве). С другой стороны, актуализируется и романтическое представление об односторонне-активном влиянии человека на окружающее (философия Ф. Ницше, в искусстве — неоромантизм, футуризм). В поэзии и критике И. Ф. Анненского личность обусловлена взаимодействием и одновременно обуславливает взаимодействие трех разноприродных сфер: творчество, бытие, жизнь. Трагическое сопряжение развивается в двух направлениях: трагедия «нераздельности и неслиянности» творчества и бытия и трагедия ответственности творчества перед жизнью.

Литература:

1. Виноградов В. В. Гоголь и натуральная школа [Текст] / В. В. Виноградов — Л. : Образование, 1925.
2. Белый А. Арабески [Текст] : книга статей. — М. : Мусагет, 1911.
3. Паперный В. М. В поисках нового Гоголя [Текст] / В. И. Паперный // Связь времен: Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в. / РАН ИМЛИ ; отв. ред. В. А. Келдыш. — М. : Наследие, 1992. — С. 21–47.
4. Анненский И. Ф. Книги отражений [Текст] / И. Ф. Анненский / отв. ред. Егоров Б. Ф., Федоров А. В. — М. : Наука, 1979.
5. Бахтин М. М. Ответ на вопросы редакции журнала «Новый мир» [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного

творчества / ред. Александров С. М. — Л. : Искусство, 1979. — С. 328–336.

6. Эйхенбаум Б. М. Как сделана шинель Гоголя / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. О прозе: сборник статей / сост. и подгот. текста И. Ямпольского ; вступ. ст. Г. Бялого. — Л. : Художественная литература, 1969. — С. 306–327.

7. Манделъштам О. Э. Разговор о Данте [Текст] / О. М. Манделъштам // Манделъштам О. Э. Слово и культура: статьи / ред. Шубина Е. Д. — М. : Советский писатель, 1987. — С. 108–153.

References:

1. Vinogradov V. V. Gogol and natural school [Gogol' i natural'naja shkola] Leningrad, Obrazovanie Publ., 1925.

2. Belyj A. Arabesque: book of articles [Arabeski: kniga statej]. Moscow, Musaget Publ., 1911.

3. Papernyj V. M. In search of new Gogol [V poiskah novogo Gogolja]. *Link of Times: Problems of continuity in Russian literature of the late XIX – early XX century [Svjaz' vremeni: Problemy preemstvennosti v russkoj literature konca XIX – nachala XX v.]* Moscow, Nasledie Publ., 1992. P. 21–47.

4. Annenskij I. F. Books of reflections [Knigi otrazhenij]. Moscow, Nauka Publ., 1979.

5. Bahtin M. M. The answer to the questions of the magazine "New World" [Otvety na voprosy redakcii zhurnala «Novyj mir»]. *Bahtin M. M. Aesthetics of verbal creativity [Jestetika slovesnogo tvorcestva]*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1979. P. 328–336.

6. Ejchenbaum B. M. How to make Gogol's overcoat [Kak sdelana shinel' Gogolja]. *Ejchenbaum B. M. About prose: a collection of articles [O proze: sbornik statej]*. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1969. P. 306–327.

7. Mandel'shtam O. Je. Talk about Dante [Razgovor o Dante]. *Mandel'shtam O. Je. Word and Culture: articles [Slovo i kul'tura: stat'i]*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1987. P. 108–153.

Аннотация

Н. В. ГОГОЛЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ И КРИТИЧЕСКОМ КРУГОЗОРЕ И. Ф. АННЕНСКОГО

Статья посвящена трактовке творчества Н. В. Гоголя в критических работах И. Ф. Анненского. Делается вывод о том, что отношение И. Ф. Анненского к Н. В. Гоголю — не субъектно-объектное, а субъектно-субъектное, его критические работы — реальность встречи и узнавания подлинно другого.

Ключевые слова: поэтика, критика, Гоголь, Анненский.

Анотація

Н. В. ГОГОЛЬ У ПОЕТИЧНИХ І КРИТИЧНИХ КРУГОЗІР І. Ф. АННЕНСЬКОГО

Стаття присвячена трактуванню творчості М. В. Гоголя в критичних роботах І. Ф. Анненського. Робиться висновок про те, що ставлення І. Ф. Анненського до М. В. Гоголя — не суб'єктно об'єктне, а суб'єктно-суб'єктне, його критичні роботи — реальність зустрічі і пізнання справді іншого.

Ключові слова: поезика, критика, Гоголь, Анненський.

Summary

GOGOL IN A POETIC AND CRITICAL OUTLOOK OF ANNENSKY

The article is devoted to the interpretation of N. V. Gogol's literary works in I. F. Annensky's critical works. It is concluded that Annensky's attitude to Gogol is not the subject-object, but subject-subject, his critical works is the reality of meeting and getting to know the genuinely other.

Keywords: poetics, criticism, Gogol, Annenskiy.

Иван Сенько (Ужгород)

**«МЕРТВЫЕ ДУШИ» Н. В. ГОГОЛЯ:
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Нет такого произведения у Н. В. Гоголя, которое многократно не изучалось бы под различными углами зрения. Исследователи обращали внимание и на этнологические аспекты его творчества, прежде всего повестей с украинской тематикой (исследования Н. Е. Крутиковой, Ю. Я. Барабаша, П. В. Михеда и др.). А впервые этот аспект творчества выдающегося русского писателя затронул В. Г. Белинский в обзорной статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835), сказав, что автор сборника «Арабески», «не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссии», пошел искать и нашел «в нравах среднего сословия в России» такую могучую поэзию, о которой «мы, москали, и не подозревали», что в его «Записках сумасшедшего» и «Невском проспекте» «нет ни одного хохла, все русские и вдобавок еще немцы; а каково изображены им эти русские и эти немцы!» [1, с. 301]. И в первой рецензии на гоголевскую поэму «Похождения Чичикова, или Мертвые души», напечатанной в 7-м номере «Отечественных записок» за 1842 год, В. Г. Белинский писал, что поэма является «творением чисто русским, национальным, выхваченным из тайника народной жизни», что в ней Н. В. Гоголь «совершенно отрешился от малороссийского элемента и стал русским национальным поэтом во всем пространстве этого слова», что читатель при каждом слове этого произведения может говорить: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» [2, с. 290].

В то же время среди русских читателей были и такие, которые возмущались тем, какими в «Мертвых душах» изображены русские помещики. А. О. Смирнова в письме к Н. В. Гоголю от 2 ноября 1844 года рассказала, как граф Ф. И. Толстой-Американец в салоне графини Е. П. Ростопчиной в присутствии князя П. А. Вяземского, славянофила Ю. Ф. Самарина и других гостей возмущался, что в творчестве

писателя «с хохлацкой душой» все русские представлены «в отвратительном виде», что нет «ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев», а Коробочка «не гадка именно потому, что она хохлачка» [13, с. 124].

Но ещё раньше на вопрос Смирновой, кто он — «русский или хохлик?», Гоголь ответил в письме от 12(24) декабря 1844 г.: «<...> сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [13, с. 122].

На идее поиска пути такого совершенства Гоголь построил композицию поэмы «Мертвые души», над которой работал с 1835 года и до самой смерти. В его переписке [см.: 12; 13] легко найти ответы, как возник замысел произведения, как время и автор вносили коррективы в этот замысел, почему он не реализован до конца: «Начал писать «Мертвые души».... Мне хочется в этом романе показать хотя бы с одного боку всю Русь» (А. С. Пушкину, 7 октября 1835 г.); «Мертвые» текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь» (В. А. Жуковскому, 31 октября 1836 г., из Парижа); «Хорошо бы было, если бы и ваша картина и моя поэма явились вместе» (из Одессы — в Рим, А. А. Иванову, завершавшему работу над картиной «Явление Христа народу», 16 декабря 1850 г.); «1852 год должен быть ознаменован появлением второго тома «Мертвых душ» (С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю 9 января 1852 г.)...

В процитированных и в других письмах, говоря о работе над предполагаемой трилогией «Мертвых душ»,

Н. В. Гоголь использует названия «Русь» и «Россия» как синонимы. И в поэме эти названия воспринимаются синонимично: «Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей...» [8, I, с. 10]; «А разве вот что: жили в одном отдаленном уголке России два обитателя» [притча о Кифе Мокиевиче и Мокие Кифовиче; 8, I, с. 256]; «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» [8, с. 230–231]; «Сочинение это долженствовало обнять всю Россию со всех точек — с гражданской, политической, религиозной, философической...» [о замысле Тентетникова написать книгу; 8, II, с. 267]...

Но прослеживается и стилистическая разница употребления этих названий: Россия — это крепостническая Российская империя 20–30-х годов XIX века, а Русь — ее нравственная сердцевина, хранительница богатырских и православных традиций Древнерусского государства, устремившаяся с такими ценностями в «прекрасное далеко». Такую Русь Гоголь называет святой: «Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли» [8, I, с. 114]; «Я решился проездиться ... по святой Руси» [слова добропорядочного помещика Платона Платонова; 8, II, с. 491].

Понятие «Русь» древнее и шире названия «Россия», которое в XVII веке имело значение «Московское государство» [см.: 11; 10, с. 258–259]. С определением «святая» слово «Русь» часто встречается в былинах и духовных стихах. Доказательства этого приведены в статье историка Федора Гайды [см.: 6]: в Голубиной книге («Святая Русь-земля всем землям матери: / Они молятся Богу распятому, / Самому Христу, Царю Небесному, — / Потому свято-Русь-земля всем землям матери»), в былинах об Илье Муромце («Ай, славны богатыри на Руси Святой, / На Руси Святой, Богом избранной. / Первый среди них — Илья Муромец») и Добрыне Никитиче («Святая Русь не пуста стоит, на Святой Руси есть сильны могучие богатыри»;

«Быть какому ни есть добру молодцу, / Святорусскому могут-
чему богатырю!»).

В XVIII главе «Выбранных мест из переписки с друзьями», размышляя о призвании и великом будущем России и объясняя замысел поэмы, первый том которой завершается лирическим отступлением о Руси-тройке, Гоголь заявил: «От души было произнесено это обращение к России: «В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?» Оно было сказано не для картины или похвальбы: я это чувствовал; я это чувствую и теперь. В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое званье и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святину своего званья и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту» [7, с. 150]. В поэме он воспользовался названиями «Русь» и «Россия» как хронотопами-символами: Русь (святая, богатырская) → Россия (20–30-х годов XIX в. с омертвевшими душами) → Русь-тройка (Русь «прекрасного далека» с воскресшим для добродетелей народом на всей территории Российской империи).

При синонимичности названий «Русь» и «Россия» и этноним «русский» несет в себе содержание политонима. Характеризуя помещика Скудронжогло (смуглое лицо, черные волосы) в сохранившейся третьей главе сожженного второго тома «Мертвых душ», Гоголь подчеркнул: «Какой, собственно, был он нации? Есть много на Руси русских нерусского происхождения, в душе, однако же, русские» [8, II, с. 326].

Работая над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь очень тщательно подбирал фамилию «первого хозяина, какой когда-либо бывал на Руси» [8, II, с. 321], — Скудрожогло (Костанжогло, Попонжогло, Гоброжогло, Берданжогло), прототипом которого, по мнению гоголеведов, послужил крупнейший петербургский откупщик-миллионер, грек Дмитрий Бенардаки (1799–1870), с которым Гоголь познакомился летом 1839 года на курорте в Мариенбаде [см.: 15, с. 114–115]. Бывший там в то время М. П. Погодин записал в дневнике: «Мариенбад (8 июля – 8 августа)... Из русских был здесь Д. Е. Бенардаки, лицо очень примечательное своим умом...

Всякий день после ванны ходили мы втроем, я, он и Гоголь, по горам и долам и рассуждали о любезном отечестве» [цит.: 15, с. 114–115]. Эта запись в дневнике Погодина свидетельствует о том, что в 1830-е годы в России реально лиц «нерусского происхождения», как Скудрожогло в «Мертвых душах», при этноидентификации называли политонимом «русский». При характеристике этого помещика (в сохранившемся варианте 2-го тома поэмы, где он поименован Константином Федоровичем Констанжогло) Гоголь воспользовался несколькими этническими признаками:

1) *антропологическим* (внешний вид: «смуглость лица», «жесткость черных волос», в глазах и на лице «отпечаток пылкого южного происхождения»);

2) *языковым* («Он не занимался своим родословием, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь лишняя. Он даже был совершенно уверен, что он русский, да и не знал другого языка, кроме русского»; 8, II, с. 459);

3) *принципом этнической самоидентификации*.

Ключевым фактором этноидентификации писатель называет язык — и как средство общения, и как носитель культуры народа, и как выразитель народного характера: «И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженье его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [8, I, с. 114].

В приведенной выше цитате слово «народ» Гоголь употребил со значением «нация». Говоря же о полиэтническом Российском государстве, неогосударствленные этносы писатель называл племенами: «А уж куды бывает метко все то, что

вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман» [8, I, с. 113]. Язык sluжит объединению этих племен-народностей.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (письмо XXXI) Гоголь писал, что русский язык «беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны — выбирая на выбор меткие названья из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, осязаемую непонятливейшего человека» [7, с. 202–203]. В «Мертвых душах» для наименования создателей, хранителей и носителей этого языка он употребил политоним «российский народ»: «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» [8, I, с. 113]. Так Гоголь указывает еще на один признак этнической идентификации — фамилия, имя, т.е.

4) *антропонимический признак.*

Когда помещик Манилов представил Чичикову сына Фемистоклюса, гость «поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому, неизвестно почему, Манилов дал окончание на юс» [8, I, с. 31]. Так же изумили его «своими фамилиями, а еще более прозвищами» крестьяне-покойники Петр Савельев Неуважай-Корыто и Колесо Иван в списке помещицы Коробочки [8, I, с. 59], но он не удивлялся, слыша русские фамилии помещиков — ее соседей и соседей Ноздрева: Блохин, Почитаев, Мыльной, Мижуев, Бобров, Свиньин, Канапатьев, Харпакин, Трепаков, Плешаков. Больше

половины этих фамилий зафиксированы в словаре древнерусских имен, прозвищ и фамилий «Ономастикон» (М., 1974) С. Б. Веселовского [4]. Зная о полиэтническом составе граждан Российской империи и свойствах антропонимов служить идентификаторами этнической принадлежности, Гоголь с помощью этнонимов и фамилий подчеркнул, что на балу у губернатора в городе NN были и нерусские представители чиновно-помещичьего сословия — «грузинский князь Чипхай-хилидзев, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, француз Куку, Перхуновский, Берендовский» [8, I, с. 170]. Две последние фамилии явно указывают на польское происхождение их носителей [см.: 16, с. 246–250].

Если реалии не соответствуют антропонимической традиции, возникает комический эффект, как в ситуации с вывеской: «Иностранец Василий Федоров» [8, I, с.11], как в ситуации хвастовства Ноздрева «турецким кинджалом», на котором было вырезано: «Мастер Савелий Сибиряков» [8, I, с. 78]. Комизм ситуации создается несоответствием утверждения о нерусском происхождении купца и оружейного мастера и читательским восприятием их имен и фамилий как стереотипный идентификатор их этнической принадлежности, в данном случае, принадлежность к русскому этносу.

Возможно, и граф Толстой-Американец помещицу Коробочку назвал «хохлячкой» [см. письмо Смирновой Гоголю: 13, с. 124] потому, что знал принципы украинской антропонимии [см.: 16, с. 226]. Да и имя ее Настасья — нетипичная для дворянок краткая народная форма у русских и украинцев имени Анастасия, в переводе с греческого языка — «воскресшая», «возрожденная», «бессмертная» [см.: 14, с. 104–105, 259; 3, с. 113, 116]. Принципам украинской антропонимии [см.: 16, с. 221–226] соответствуют и удивившие Чичикова фамилии некоторых крепостных Коробочки — Неуважай-Корыто, Григорий Доезжай-не-доедешь, Иван Колесо.

Персонажи с украинскими корнями выведены Гоголем во втором томе поэмы — это братья Платон и Василий Платоновы и их сестра — жена Константина Констанжогло, умеющая мастерски, как и Коробочка, делать наливки,

фруктовый квас-липец. Когда в гостях у Василия Платонова Чичиков сравнил вкус напитка с тем, «который он некогда пивал в Польше», хозяин объяснил: «Ведь это сестра завела. Мать моя была из Малороссии, из-под Полтавы. Теперь все позабыли хозяйство вести сами» [8, II, с. 492].

Василий Платонов в беседе с гостем утверждал, что «будто русской человек потуда хорош и расторопен и не лентяй, покуда он ходит в рубашке и зипуне», ибо если «только заберется в немецкой сертук, станет вдруг неуклюж и нерасторопен, и лентяй», поэтому в его деревне «народ одевался особенно щеголевато: кички у женщин были все в золоте, а рукава на рубахах — точные коймы турецкой шали» [8, II, с. 491–492]. Кичка (кика) — старинный русский головной убор замужних женщин, главным образом в южных губерниях — Рязанской, Тамбовской, Орловской и Курской [9, с. 118–119]. Помещик с «украинскими корнями» не дает угаснуть и обрядам русских крестьян, возмутился до глубины души, когда узнал о попытке помещика Леницына захватить пустошь в окрестности деревни: «Здесь у меня крестьяне празднуют всякую весну красную горку. С ней связаны воспоминания деревни. А для меня обычай — святая вещь и за него готов пожертвовать всем» [8, II, с. 493]. Так Гоголь указывает еще на один признак, по которому можно определить принадлежность человека к тому или иному этносу, —

5) *этнические традиции* (в еде, одежде, обрядах, религиозных верованиях, ведении хозяйства). Чтобы подчеркнуть, что губернский город NN расположен в центре России, Гоголь уже в первой главе-экспозиции «Мертвых душ» использует характерные для русского быта признаки: Чичиков «был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах», в лавках и на столах на улице были выставлены на продажу баранки и пряники, в окне одной лавки «помещался сбитенщик с самоваром», лакей Петрушка у хозяина гостиницы «вытребовал блин», Чичиков поужинал «бутылкой кислых щей»... В последующих главах уточняется, что этнографические особенности быта являются этнологическим идентификатором. Манилов, приглашая Чичикова

пообедать, говорит: «У нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца» [8, I, с. 31]. Так же этнологически охарактеризована сольвычегодских купцов «пирушка на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч.» [8, I, с. 202].

Гоголь критически воспринимал попытки «пересадки» традиций одной страны в другую, как это делал отставной полковник Кошкарев с убеждением, что если русских мужиков одеть в немецкие штаны, а баб заставить надеть корсет, то «всё пойдет, как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России» [8, II, с. 329]. Слова кучера Селифана, сказанные с удивлением лакею Петрушке: «Слышь, мужика Кошкарев барин одел, говорят, как немца; поодаль и не распознаешь: выступает по журавлиному, как немец. И на бабе не то, чтобы платок как бывает пирогом или кокошник на голове, а немецкой капор такой, как немки ходят» [8, II, с. 308], — воспринимаются как реакция отторжения такой «пересадки».

Гоголь осознавал, что в народную традицию можно возвести не только положительное, но и отрицательное начало. Во втором томе (гл. 1) автор поэмы рассказал, как во время посещения Чичиковым имения Тентетникова, сделав свой выбор, распорядились свободным временем чичиковские лакеи Петрушка и кучер Селифан: первый пошел в кабак «Акулька», а второй участвовал в сельских хороводах, что влияло на него облагораживающе.

Приобщение к русским обрядам и традициям благотворно повлияло даже на Чичикова. Когда он гостил в имении хлебосольного помещика Петуха, было устроено гулянье на реке (катание на лодке, пение русских песен) — и под впечатлением увиденного и услышанного в его душе возникает чувство этнической гордости: «Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла начинальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь. И Петух, встрепенувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русский» [8, II, с.452–453].

Своим произведением Гоголь хотел пробудить у читателей чувство национальной гордости. Он возмущался лже-патриотами из высшего общества, от которых «не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь», а вот «только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе» [8, I, с. 171].

В дворянско-помещичьем сословии автор «Мертвых душ» нашел прототипов для изображения двух сторон русского характера — и прагматизма (Чичиков, Собакевич, Костанжогло), и романтической мечтательности (Манилов, Тентетников). Очень ярко охарактеризован Тентетников, который «принадлежал к семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки» [8, II, с. 267]. И далее — о необходимости разбудить их: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: вперед! кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить нас на высокую жизнь?» [8, II, с. 267–268]. Сказанное выше подталкивает нас проанализировать еще один этнологический аспект «Мертвых душ» —

б) взгляд Гоголя на русский национальный характер.

Вот некоторые штрихи (отрицательные!) русского характера – словами персонажей поэмы: «Русский человек задним умом крепок» [8, I, с. 214], — так словами пословицы почмейстер объясняет свои необоснованные домыслы о Чичикове; «Русский человек, вижу по себе, не может без понукателя: так и задремлет, так и закиснет» [8, II, с. 482], — так помещик Хлобуев объясняет свое беспутное управление хозяйством; «Ведь досадно то, что русский характер портится. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было» [8, II, с. 467], — так оценивает Костанжогло деятельность русских Дон-Кихотов, не учитывающих реалии жизни в просвещении и благотворительстве. Но при обсуждении чиновниками города NN возможностей

переселения крестьян в Херсонскую губернию прозвучала положительная характеристика русских тружеников: «Русский человек способен ко всему и привыкает ко всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку, да дай только тёплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошёл рубить себе новую избу» [т.1, гл. 8, с. 160].

Но больше всего о чертах русского характера говорит автор поэмы, характеризуя персонажей, изливая свои чувства в лирических отступлениях: «статский советник, по русскому обычаю, с горя запил» [характеристика чичиковского компаньона в истории с контрабандой; 8, I, с. 249]; «русский человек не любит сознаться перед другим, что он виноват» [при характеристике Селифана; 8, I, с. 93]; «тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро» [ироническое размышление автора о тоненьких и толстых участниках светских балов; 8, I, с. 16]; «таков уж русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше» (авторская оценка тех читателей, которых не интересует описание жизни представителей «низкого класса»; 8, I, с. 21)... Гоголь восторгается теми качествами русского народа, благодаря которым мчится Русь-тройка: русское богатырство, русская сметливость. Упоминание писателем уже в первой главе поэмы о том, что манишка шедшего по мостовой молодого человека была застегнута «тульскою булавкою с бронзовым пистолетом» [8, I, с. 7], а ларчик Чичикова был «с выкладками из карельской березы» [8, I, с. 9], воспринимается как аллюзия о мастерстве русского народа.

Текст «Мертвых душ» свидетельствует и об этнической самоидентификации Гоголя. В первой главе, приступая к характеристике чичиковского лакея Петрушки, он заявил: «...автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, **что сам человек русский** [выделено нами — И. С.], хочет быть аккуратен, как немец» [8, I, с. 20]. Здесь слово «русский» воспринимается как этноним, производный от названия «Русь», которая, как можно сделать вывод из лирического отступления заключительной главы

первого тома поэмы, раскинулась «от моря до моря» (от Балтийского до Черного), где есть «место развернуться и пройтись богатырю». И на этом пространстве мчится чичиковская бричка, которую смастерил «ярославский расторопный мужик» и на козлах которой сидит «не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем». Тройка и бородатый ямщик указывают, что это быстрое во времена Гоголя средство передвижения в руках русского мужика, затянувшего песню — явно на родном языке. И Гоголь, передав диалог двух офранцузенных дам на балу у губернатора, заявил: «Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски» [8, I, с. 190]. С этой мыслью Гоголь работал и над вторым томом поэмы. В письме от 20 ноября 1848 г. сообщает Плетневу: «Соображаю, думаю и обдумываю второй том «Мертвых душ». Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка» [2, с. 476].

В контексте этнической идентификации Н. В. Гоголя интересно сообщение о нем Е. В. Давыдовой, дочери декабриста В. Л. Давыдова, в письме к родителям из Рима (11/23 декабря 1840 г.): «Что я люблю в Гоголе, это что он русский в душе, и когда бываешь с ним, кажется, что находишься в России, потому что он говорит только по-русски и вдобавок с малороссийским акцентом, что совсем родное сердцу» [цит.: 5, с. 14].

Видим, что Гоголь в «Мертвых душах» среди принципов, по которым одна этническая группа отличается от другой (этноним, антропоним, расовые черты, одежда, культурные ценности, религия...), ведущими назвал язык и самоидентификацию.

Литература:

1. *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях Н. Гоголя («Арабески» и «Миргород») / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М. : АН СССР, 1953. — Т. 1. — С. 259–307.
2. *Белинский В. Г.* Похождения Чичикова, или мёртвые души: Поэма Н. Гоголя / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. — М. : ОГИЗ, 1948. — Т. 2. — С. 280–293.
3. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
4. *Веселовский С. Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. — М. : Наука, 1974. — 382 с.
5. *Виноградов В. В.* Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление / В. В. Виноградов // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова : сб. ст. / ред. В. Г. Костомаров. — М. : Изд-во МГУ, 1971. — С. 13–22.
6. *Гайда Ф.* Что значит «Святая Русь»? / Федор Гайда // Нескучный сад. — Режим доступа: www.nsad.ru/articles/chto-znachit-svyataya-rus
7. *Гоголь Н. В.* Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь. — М. : ГИХЛ, 1959. — Т. 6 : Избранные статьи и письма. — 563 с.
8. *Гоголь Н. В.* Мертвые души / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 6 т. — М. : ГИХЛ, 1959. — Т. 5. — 575 с.
9. *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драждёнамный платок: костюм — вещь и образ в русской литературе XIX в. / Р. М. Кирсанова. — М. : Книга, 1989. — 289 с.
10. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. — Л. : ЛГУ, 1986. — 312 с.
11. *Мельникова Е. А.* Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // Вопр. истории. — 1989. — № 8. — С. 24–28.
12. Переписка Н. В. Гоголя : в 2 т. / сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Виролайнен. — М. : Худож. лит., 1988. — Т. 1. — 479 с.
13. Переписка Н. В. Гоголя : в 2 т. / сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Виролайнен. — М. : Худож. лит., 1988. — Т. 2. — 327 с.
14. *Скрипник Л. Г.* Власні імена людей: словник-довідник / Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. — К. : Наукова думка, 1986. — 310 с.
15. *Соколов Б. В.* Гоголь: энциклопедия / Борис Соколов. — М. : Эксмо, Алгоритм, Око, 2007. — 735 с.
16. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии / перевод с англ. Л. В. Куркиной и др. ; общая ред. Б. А. Успенского. — М. : Прогресс, 1989. — 441 с.

References:

1. Belinskij V. G. About Russian novels and short stories by Gogol ("Arabesque" and "Mirgorod") [O russkoj povesti i povestjah N. Gogolja («Arabeski» i «Mirgorod»)] *Belinskij V. G. Complete collection of works in 13 vol. [Poln. sobr. soch. : v 13 t.]*. Moscow, AN SSSR Publ., 1953. Vol. 1. P. 259–307.
2. Belinskij V. G. Adventures of Chichikov, or Dead Souls: A Poem by Gogol [Pohozhdenija Chichikova, ili mjortvye dushi: Pojema N. Gogolja]. *Belinskij V. G. Collection of works in 3 vol. [Sobr. soch. : v 3 t.]*. Moscow, OGIZ Publ., 1948. Vol. 2. P. 280–293.
3. Bondaletov V. D. Russian onomastika [Russkaja onomastika]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1983. 224 p.
4. Veselovskij S. B. Onomastikon: Old Russian names, nicknames and surnames [Onomastikon: drevnerusskie imena, prozvissha i familii]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p.
5. Vinogradov V. V. Gogol as a cultural and psychological and folk-linguistic phenomenon [Gogol' kak kul'turno-psihologicheskoe i narodno-jazykovoe javlenie]. *To memory of Academician Victor Vladimirovich Vinogradov: collection of articles [Pamjati akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova: sb. st.]* Moscow, Moscow University Press Publ., 1971. P 13–22.
6. Gajda F. What is "Holy Russia"? [Chto znachit «Svjataja Rus'»?]. *Non-boring garden. [Neskuchnyj sad]*. —
Access:: www.nsad.ru/articles/chto-znachit-svyataya-rus
7. Gogol' N. V. Collect. Of works in 6 vol. [Sobr. soch. : v 6 t.]. Moscow, GIHL Publ., 1959. Vol. 6. 563p.
8. Gogol' N. V. Dead Souls [Mertvye dushi]. *Gogol' N. V. Collect. of works in 6 vol. [Sobr. soch. : v 6 t.]*. Moscow, GIHL Publ., 1959. Vol. 5. 575 p.
9. Kirsanova R. M. Pink ksandreyka and dradjodamovy handkerchief: suit — the thing and image of in Russian literature of the XIXth century [Rozovaja ksandrejka i dradjodamovyj platok: kostjum — veshh' i obraz v russkoj literature XIX v.]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 289 p.
10. Kolesov V. V. Human world in the word of Ancient Rus [Mir cheloveka v slove Drevnej]. Leningrad, LSU Publ., 1986. 312 p.
11. Mel'nikova E. A. The name "Rus" in the ethnic and cultural history of the ancient Russian state (IX–X centuries) [Nazvanie «Rus'» v jetnokul'turnoj istorii drevnerusskogo gosudarstva (IX–X vv.)]. *Problems of History [Vopr. Istorii]*. 1989. № 8. P. 24–28.
12. Gogol's Correspondence in 2 vol. [Perepiska N. V. Gogolja: v 2 t.]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1988. Vol. 1. 479 p.

13. Gogol's Correspondence in 2 vol. [Perepiska N. V. Gogolja: v 2 t. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1988. Vol. 2. — 327 p.

14. Skripnik L. G. Human proper names: vocabulary [Vlasni imena ljudej: slovnik-dovidnik]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986. 310 p.

15. Sokolov B. V. Gogol: Encyclopedia [Gogol': jenciklopedija]. Moskow, Eksmo, Algoritm, Oko Publ., 2007. 735p.

16. Unbegaun B. O. Russian surnames [Russkie familii]. Moscow, Progress Publ., 1989. 441 p.

Аннотация

«МЕРТВЫЕ ДУШИ» Н. В. ГОГОЛЯ: ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье исследуются взгляды Гоголя на русский национальный характер в «Мертвых душах». Рассматривается этническая идентификация Гоголя во время написания поэмы.

Ключевые слова: этнология, этноним, особенности этнической принадлежности, русский характер, менталитет Гоголя.

Анотація

«МЕРТВІ ДУШІ» М. ГОГОЛЯ: ЕТНОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ

У статті досліджуються погляди Гоголя на російський національний характер в «Мертвих душах». Розглядається етнічна ідентифікація Гоголя під час написання поеми.

Ключові слова: етнологія, етнонім, особливості етнічної приналежності, російський характер, менталітет Гоголя.

Summary

"DEAD SOULS" BY NIKOLAI GOGOL'S: ETHNOLOGICAL ASPECTS

In this article we study Gogol's look at the Russians nationals character in the novel "Dead Souls". We consider the ethnic identification Gogol's during the writing of the poem.

Keywords: Ethnology, ethnonym, features ethnicity, Russian character, mentality Gogol's.

Наталія Сквіра (Київ)

**ПРО НЕПОМІЧЕНУ ПАРАЛЕЛЬ ДО «СТРАШНОЇ
ПОМСТИ» МИКОЛИ ГОГОЛЯ**

*Все кстати и некстати
считали обязанностью
проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь
ярко сверкающие отрывки его поэм.
Гоголь. Несколько слов о Пушкине (1832)*

Про Пушкіна та Гоголя, зокрема про їх знайомство, ідеологічні та літературно-естетичні взаємини, існує чимало досліджень. Утім під час перечитування творів цих письменників і далі зринають окремі сюжети, паралелі, котрі можуть стати ще одним доповненням до теми взаємовпливів митців та допомогти у трактуванні смислогенерувального компонента задуму того чи того твору, його контексту. Відтак об'єкт нашого дослідження — повість «Страшна помста» М. Гоголя та поема «Руслан і Людмила» О. Пушкіна.

Про знайомство Гоголя із цим твором свідчить лист письменника до О. С. Данилевського від 2 листопада 1831 р.: «Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские» [3, X, с. 214].

«Руськість», яка так сподобалася Гоголеві, відлунує і в його ставленні до казок В. Жуковського, у яких уже немає «ничего германского», — «появился новый обширный поэт и уже чисто русский» [3, X, с. 214]. У листі до В. Жуковського від 10 вересня 1831 р. Гоголь, захоплюючись його творчістю та казками Пушкіна, зазначив: «Боже мой, что то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да

поклоняются потомки и да имут место, где возноситъ умиленные молитвы свои. Как прекрасен удел ваш, Великие Зодчие! Какой рай готовите вы истиннымъ християнам!» [3, X, с. 207].

Зокрема, у цьому контексті нас цікавить також романтична фантазія як така і її тогочасна тріада творців: Жуковський – Пушкін – Гоголь.

«Руслан і Людмила», за спостереженнями В. Белінського, П. Шеффера, Д. Благого, тісно пов'язана з поемою «Дванадцять дів» В. Жуковського, та нам з огляду на обрану тему важливі передусім паралелі поеми Пушкіна з ненаписаним твором старшого сучасника «Володимир». Як зауважує Л. Назарова, «зіставлення деяких епізодів і деталей “Руслана й Людмили” з планом “Володимира”, на наш погляд, свідчить, що Пушкін не просто знав про задум Жуковського, а й читав план його поеми» [5, с. 220]. Аналізуючи обидва джерела, дослідниця виокремлює такі паралелі: початок і закінчення поеми та плану — місто Київ; герої — Володимир і його богатири; спільне ім'я Рогдай, узятє письменниками, на думку Л. Назарової, з «Історії держави Російської» Карамзіна; початок творів — бенкет (у Пушкіна — весілля Руслана та Людмили; у Жуковського — одруження Володимира з Милоликою, новгородською княжною); захоплення Києва печенігами; образ співця Баяна; ім'я Чорномора (запозичене, очевидно, з «Іллі Муромця» М. Карамзіна); співвідносяться також образи Фіна та Наїни Пушкіна з образами Антонія та Велледи у Жуковського; шапка-невидимка згадується Жуковським у «Думках для поеми» [5, с. 220].

Л. Назарова стверджує: «Твір Пушкіна був першим етапом його на шляху до народності, першою спробою молодого поета створити національну поему. Принципове значення мало звернення Пушкіна в кількох випадках до руських джерел (наприклад, народних казок), інтерес його до руської старовини (віднесення дії поеми до часів князювання Володимира в Києві), історичний елемент у поемі (захоплення Києва печенігами, а не татарами, як це зображувалось, незважаючи на історію, в билинах) і, нарешті, мова поеми, яка почасти наближається до розмовної народної говірки» [5, с. 221].

Наслідування цих «принципових» рис легко виявити у «Страшній помсті» Гоголя, яка була написана 1831 р. й мала підзаголовок «Старовинна бувальщина». Коментатори Повного зібрання творів письменника схильні вважати, що знайомство Гоголя з «Історією русів», фольклорні мотиви «великого грішника», «побратимства», пристрасть батька до дочки, український фольклор (думи, пісні), паралелі з повістю Тіка «П'єтро Апоне», з якою, певно, був знайомий Гоголь, відбилися на «Страшній помсті» [3, I, с. 545–546]. У сучасних дослідженнях оприявнюються паралелі твору Гоголя зі «Сказанням про Бориса і Гліба», «Наркіссом» Г. Сковороди, «Зрадником» О. Бестужева-Марлінського, теософською літературою (М. Вайскопф), пушкінською «Полтавою» (Р. Назіров), «Повістю минулих літ», «Словом о полку Ігоревім» (А. Ранчин) тощо.

Так чи так, важко не погодитися з думками В. Розанова, котрий у процесі своєї «боротьби» з Гоголем (пор. «Я раб, взбунтовавшийся против своего господина. У меня нет ума его, его гения... Бороться с ним я не могу, с его схемами, с его обобщениями. Но я просто не хочу туда идти. — Куда ты меня тащишь, к своим колдунам и в свое колдовство. Я хочу умереть под старыми образами Руси. И не надо мне ни “Рима”, ни мертвой “Аннунциаты”»), убачивши в ньому «ведуна», котрий має «ведение настоящего и в значительной степени будущего начало», у своїй праці «Гоголь» влучно завважив: «Гоголь — какой-то кудесник. Он создал третий стиль. Этот стиль назвали “натуральным”. Но никто, и Пушкин не создавал таких чудодейственных фантазий, как Гоголь. “Вий” и “Страшная месть” суть единственные в русской литературе, по фантастичности вымысла, повести, и притом такие, которым автор сообщил живучесть, смысл, какое-то странное доверие читателя и свое» [8, с. 276].

Погоджуючись із висловлюванням Розанова стосовно унікальності «Страшної помсти», спробуємо оприявнити ті паралелі, які все ж таки, на наш погляд, обґрунтовують її близькість до пушкінської поеми «Руслан і Людмила».

З-поміж них: зав'язка обох творів. Прикметними рисами є, зокрема: *хронотоп Києва* та весілля із притаманним йому *бенкетом*.

«Руслан і Людмила»

«Страшна помста»

<p>«С друзьями в гряднице высокой Владимир-солнце пировал; Меньшую дочь он выдавал За князя храброго Руслана И мед из тяжкого стакана За их здоровье выпивал. Не скоро ели предки наши, Не скоро двигались кругом Ковши, серебряные чаши С кипящим пивом и вином» [7, с. 68]</p>	<p>«Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобець празднует свадьбу своего сына. Наехало много людей к есаулу в гости. В старину любили хорошенько поесть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. <...> Гостям поднесли варенуху с изюмом и сливами и на немало блюде коровай. Музыканты приня- лись за исподку его, спеченную вместе с деньгами и, на время притихнув, положили возле себя цимбалы, скрипки и бубны» [3, I, с. 245].</p>
--	--

Головними складниками хронотопу Києва вважаємо образ Дніпра та гір. На думку Ю. Лотмана, «провали та гори складають рельєф «Страшної помсти», до того ж там, де в цьому творі Гоголь, за умовами сюжету, не може підняти спостерігача над землею, він викривляє саму поверхню землі, загинаючи її краї (не тільки гори, а й море!) вгору» [4, с. 265].

Об'єднавчий елемент, як у Пушкіна, так і в Гоголя, — властивість гір бути прихистком темної сили — Чорномора й чаклуна:

<p>«Вдоль берегов Днепра счастливых Летят в клубящейся пыли» [7, с. 72]; «Днепра стал темен брег отлогой; С востока льется ночи тень; Туманы над Днепром глу- боким...» [4, с. 73];</p>	<p>«Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга, на зеленые леса! Горы те — не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина и под ними и над ними высокое небо. Те леса, что стоят на холмах, не леса: то волосы, поросшие на</p>
---	--

«Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор»
[7, с. 74];
«Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке всё молчало» [4, с. 95];
«Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор»
[7, с. 116];

косматой голове лесного деда. Под нею в воде моется борода, и под бородою, и над волосами высокое небо. Те луга — не луга: то зеленый пояс, перепопоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц» [3, I, с. 246];
«Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет, или не идет его величаявая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру» [3, I, с. 268];
«Вот он стоит на горе и целит на него мушкет. Данило погнал коня прямо к нему... Козак, на гибель идешь!.. Мушкет гремит — и колдун пропал за горою» [3, I, с. 267];
«Раздольны и велики есть между горами озера. Как стекло, недвижимы они и, как зеркало, отдают в себе голые вершины гор и зеленые их подошвы. Но кто среди ночи, блещут, или не блещут звезды, едет на огромном вороном коне? какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами, над озерами,

	отсвечивается с исполинским конем в недвижных водах, и бесконечная тень его страшно мелькает по горам?» [3, I, с. 272].
--	---

Аналізуючи образну систему, звернімо увагу передусім на образи Чорномора – чаклуна, паралелі в зображенні їх натури («коварный, злобный» – «нечестивый грешник») та зовнішності (борода).

«Коварный, злобный Черномор... Рожденный карлой, с бородой...» [7, с. 103];	«Нечестивый грешник! уже и борода давно поседела, и лицо изрыто морщинами, и высох весь, а всё еще творит богопротивный умысел» [3, I, с. 270].
--	---

Річ, якою володіють обидва герої, — чудодійна шапка. У Чорномора — невидимка, у чаклуна — чалма, «исписанная вся не русскою и не польскою грамотою».

«В досаде скрытой Черномор, Без шапки, в утреннем халате, Зевал сердито на кровати» [7, с. 95];	«Пан Данило стал вглядываться и не заметил уже на нем красного жупана... на голове какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою» [3, I, с. 257]; «...И опять стоит колдун неподвижно в чудной чалме своей» [3, I, с. 258].
---	--

На ідейно-сюжетному рівні вирізняються:

– наміри Чорномора і чаклуна захопити чужих дружин і подальші бої, які розпалюються через Людмилу та Катерину:

«Хладея, слышит грозный крик: “Она моя!” — и в тот же миг Зрит колдуна перед очами» [7, с.113];	«Я поставлю на своем, я заставлю тебя сделать, что мне хочется. Катерина полюбит меня!...» [3, I, с. 259].
---	--

- пророчий сон Руслана і віщий сон Катерини;
- зустріч Руслана і чаклуна зі старцем.

Об'єднавчими символічними елементами постають сакральний образ старця-схимника, образ печери, лампади, святої книги:

<p>«Но вдруг пред витязем пещера; В пещере свет. Он прямо к ней Идет под дремлющие своды, Ровесники самой природы. Вошел с уныньем: что же зрит? В пещере старец; ясный вид, Спокойный взор, брада седая; Лампада перед ним горит; За древней книгой он сидит, Ее внимательно читая. “Добро пожаловать, мой сын! — Сказал с улыбкой он Руслану. — Уж двадцать лет я здесь один Во мраке старой жизни вяну; Но наконец дождался дня, Давно предвиденного мною...”» [7, с. 73];</p>	<p>«Одиноко сидел в своей пещере перед лампадою схимник и не сводил очей с святой книги. Уже много лет, как он затворился в своей пещере. Уже сделал себе и досчатый гроб, в который ложился спать вместо постели. Закрывл святой старец свою книгу и стал молиться... Вдруг вбежал человек чудного, страшного вида» [3, I, с. 276].</p>
---	--

При уважному аналізі впадають в око також такі деталі пушкінської поеми «Руслан і Людмила», котрі пронизують інші твори Гоголя. Наприклад, привид, який лякає риболовів:

«И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая...
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной,
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков» [7, с. 94].

Чи не асоціюється він із приви́дом, що з'явиться у фіналі гоголівської «Шинелі»: «И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение»? [3, III, с. 173].

А ще — Руслан, який сидить на чаклунові й підіймається до небес:

«Волшебник силится, кряхтит,
И вдруг с Русланом улетает...
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской» [7, с. 115–116].

Чимось він нагадує польоти Хоми з панночкою: «Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих»; «Наконец, с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил в свою очередь к ней на спину» [3, II, с. 185, 187].

Над деталями — своєрідними метафорами у творчості Гоголя — тяжіє символіко-алегоричний план повісті «Страшна помста», розкодувати який непросто. До того ж йому властиві аналогії з пушкінським сюжетом про помсту. На думку Р. Назірова, котрий історію зради і трагедію Катерини пов'язує з пушкінською «Полтавою», «спільних деталей — безліч. Візьмемо хоча б мотив інцестуозних посягань чаклуна на свою дочку; у Пушкіна цей мотив — латентний. Мазепа звабив хрещеницю, що за російськими поняттями прирівнювалося до інцесту. Фабульний інваріант «Полтави» і «Страшної помсти» складається з таких мотивів: 1) злочинна пристрасть старця до своєї дочки (=хрещениці); 2) чаклунство задля влади над нею; 3) роздвоєння героїні між чаклуном і близькою їй людиною, яка перешкоджає його злочинній пристрасті; 4) убивство чаклуном цієї людини; 5) божевілля героїні; 6) заклик чаклуном ворогів на землю батьківщини; 7) покарання чаклуна силами вищої справедливості» [6, с. 21]. Дослідник дійшов висновку про те, що «у Гоголя ця фабула міфологізована. Темою “проклятого роду” він відтворив патріархально-

родове мислення, не приховавши його розходжень із християнською мораллю. Патріотизм дістає міфічне обґрунтування (свій етнос — носій найдавніших цінностей, суть абсолютно-добре)» [6, с. 21].

Порівняймо гоголівську повість із «Русланом і Людмилою». В обох творах присутня історія двох братів (Голова і Чорномор – Іван і Петро) і чітко виражений мотив убивства — заздрість:

<p>«Мой дивный рост от юных дней Не мог он без досады видеть И стал за то в душе своей Меня, жестокий, ненавидеть» [7, с. 103]; «Злодей в глубокой тишине, Привстав, на цыпочках ко мне Подкрался сзади, размахнулся; Как вихорь, свистнул острый меч, И прежде, чем я оглянулся, Уж голова слетела с плеч...» [7, с. 104–105];</p>	<p>«Взял Петро половину королевского жалованья, но не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля, и затаил глубоко на душе мечь. <...> Оглянулся [Петро. — Н. С.] и толкнул названного брата в провал. И конь с козаком и младенцем полетел в провал» [3, I, с. 280].</p>
---	---

Утім, як розгортається сюжет Пушкіна? Руслан вибачає чаклуна:

«Счастливый князь ему простил,
Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец» [7, с. 137].
Отже, помста відсутня.

У Гоголевому творі відбувається страшна помста, а чаклун — останній із роду Петра — «злодей, якого еще и не бывало на свете!» [3, I, с. 281]. Біблійні мотиви «Страшної помсти» та образ апостола Павла пов'язують цей гоголівський твір із другим томом «Мертвих душ», котрий увиразнює своєрідний вектор еволюції релігійної думки Гоголя у змалюванні та тлумаченні окремих біблійних істин.

Уперше апостол Павло згадується вже у «Страшній помсті»: «Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь еще, как добр и милосерд Бог. Слышала ли ты про апостола Павла, какой был он грешный человек, но после покаялся и стал святым» [3, I, с. 262]. Цікавим видається й той факт, що в сюжетах обох творів («Страшна помста» та другий том «Мертвих душ») можна спостерегти схожі деталі, аналізуючи образи «рятівників» — Катерини й Муразова та «в'язнів» — чаклуна й Чичикова.

Наприклад, аналогії в описі розташування героїв:

«В глубоком подвале у пана Данила за тремя замками сидит колдун, закованный в железные цепи» [3, I, с. 260];	«Промозглый старый чулан с запахом сапогов и онуч гарнизонных солдат, некрашенный стол... вот обиталище, где помещен был наш герой» [3, VII, с. 109];
--	---

на рівні умов рятівників:

Катерина: «Слушай, я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь... и, вместо того чтобы покаяться, станешь опять братом черту?» [3, I, с. 263];	Муразов: «Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павел Иванович, — я попрошу у вас награды за труды: бросьте все эти поползновенья на эти приобретения» [3, VII, с. 113];
---	---

на рівні мотивації героїв:

«Если бы мне удалось отсюда выйти, я бы все кинул. Покаясь: пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу» [3, I, с. 262];	«Спасите только, Афанасий Васильевич! — вскричал он. — Поведу другую жизнь, последую вашему совету! Вот вам мое слово!» [3, VII, с. 256];
---	---

на рівні виконання рятівниками обіцяного:

Катерина: «...Я спасла душу, — сказала она тихо. — Я сделала богоугодное дело» [3, I, с. 263];	«Послушайте-с, Павел Иванович, — сказал он [Муразов. — Н. С.], — я привез вам свободу на таком условии, чтобы сейчас вас не было в городе» [3, VII, с. 122].
--	--

Доля Чичикова складається, згідно із задумом письменника, інакше, ніж у батька Катерини, хоча тема боротьби зі злом об'єднує ці твори.

У біблійному контексті старозавітна істина «Хто вилле кров людську з людини, то виллята буде його кров» («Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека») (Бут. 9:6) [2, с. 8] заміщується новозавітною, відповідно до якої лише Господь має право карати зло: «Мені помста належить, Я відплачу, говорить Господь» (див. П. Зак. 32:35, Римл. 12:19, Євр. 10:30) [2, с. 218, 191, 257]. Ю. Барабаш слушно розмірковує: «Весь фінал епілогу [«Страшної помсти». — *Н. С.*] набуває дихотомічного характеру, триголося трансформується у діалог, в якому переплітаються, стикаються, суперечать одне одному і разом з тим одне одного доповнюють різні, щоб не сказати — протилежні, моральні засади. З одного боку, замислений Іваном план помсти не відкинуто, має статися все те, про що він благає, тобто бере гору старозавітний принцип відплати злом за зло, з другого — той принцип об'єктивно поставлено під сумнів, Іванів план по суті морально засуджено фактом покарання його автора, і в цьому відчуваємо передвістя Нового — від Сина Божого — Закону...» [1, с. 69].

На наш погляд, колізія, прихована в підтексті Гоголевої повісті, не може трактуватися однозначно й викликає принаймні кілька міркувань: добро не торжествує, зло не покаране, а вічно на коні своїм «с закритими очами, и так виден, как бы стоял вблизи» сидить «дивный рыцарь», якому, за словами Бога, «не буде царства небесного». Він — своєрідний попередник образу Ревізора, котрий символізує апокаліптичну природу буття, наближення кінця світу та Страшний суд, який цього разу вершитиме Господь.

Отож із-поміж багатьох паралелей до гоголівської повісті «Страшна помста» виявляється ще одна — поема Пушкіна «Руслан і Людмила», аналогії з якою оприявнюються не лише крізь призму біблійного символіко-алегоричного плану, а й на рівні зав'язки, хронотопу, образної системи, деталей, на ідейно-сюжетному рівні.

Література:

1. *Барабаш Ю.* «Страшна помста»: третій вимір / Ю. Барабаш // Сучасність. — 2000. — № 11. — С. 62–78.
2. Біблія, або книги Святого письма Старого й Нового Заповіту. Із мови давньоєврейської та грецької на українську наново перекладена. — Б. м., 1994. — 296 с.
3. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений в 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1952.
4. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М. : Просвещение, 1988. — С. 251–292.
5. *Назарова Л.* К истории создания поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» / Л. Назарова // Пушкин : Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 1. — С. 216–221.
6. *Назирова П. Г.* Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. — Екатеринбург, 1995. — 46 с.
7. *Пушкин А. С.* Сочинения / А. С. Пушкин. — К. : Молодь, 1955. — 512 с.
8. *Розанов В.* Мысли о литературе / вступ. статья, сост., коммент. А. Николюкина. — М. : Современник, 1989. — 607 с.

References:

1. Barabash Ju. «A Terrible Vengeance»: the Third Measuring [*«Strashna pomsta»: tretij vymir*]. Suchasnist' [Contemporaneity], 2000. № 11. P. 62–78.
2. The Bible, or Books of Holy Writ of Old and New Testament. From the Hebrew and Greek languages on Ukrainian again translated [*Biblija, abo knygy Svjatogo pys'ma Starogo j Novogo Zapovitu. Iz movy davn'ojevrejs'koi' ta grec'koi' na ukrai'ns'ku nanovo perekladena*]. 1994. 296 p.
3. Gogol' N. V. Complete Works in 14 volumes. [*Polnoe sobranje sochynenyj v 14 t.*]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1952.
4. Lotman Ju. M. Artistic Space in Gogol's Prose [Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja]. In the School of the Poetic Word: Pushkin, Lermontov, Gogol [*V shkole poetycheskogo slova: Pushkyn. Lermontov. Gogol'*]. Moscow, Prosveshhenye Publ., 1988. P. 251–292.

5. Nazarova L. To the History of Creation of the Poem «Ruslan and Lyudmila» [*К історії створення поеми Пушкіна «Руслан і Людмила»*]. Pushkin: researches and materials [*Пушкін: дослідження і матеріали*]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. Vol. 1. P. 216–221.

6. Nazyrov R. G. Pushkin's and Gogol's Traditions in Russian Prose. Comparative history of plots. Dr. phil. sci. abstract of diss. [*Традиції Пушкіна і Гоголя в російській прозі. Порівняльна історія сюжетів. Автореф. дисс. докт. філ. наук*]. Yekaterynburg, 1995. 46 p.

7. Pushkyn A. S. Works [*Сочинення*]. Kiev, Molod' Publ., 1955. 512 p.

8. Rozanov V. Ideas about Literature [*Мислі о літературі*]. Moscow, Sovremennyk Publ., 1989. 607 p.

Анотація

ПРО НЕПОМІЧЕНУ ПАРАЛЕЛЬ ДО «СТРАШНОЇ ПОМСТИ» МИКОЛИ ГОГОЛЯ

У статті досліджуються паралелі між поемою «Руслан і Людмила» О. Пушкіна та повістю «Страшна помста» М. Гоголя; з'ясовано, що вони оприявнюються крізь призму біблійного символіко-алегоричного плану, на рівні зав'язки, хронотопу, образної системи, деталей, на ідейно-сюжетному рівні. Колізія, прихована в підтексті Гоголевої повісті, не може трактуватися однозначно й викликає принаймні кілька міркувань: добро не торжествує, зло не покаране, а вічно на коні своїм «с закритими очами, и так виден, как бы стоял вблизи» сидить «дивный рыцарь», якому, за словами Бога, «не буде царства небесного». Він — своєрідний попередник образу Ревізора, котрий символізує апокаліптичну природу буття, наближення кінця світу та Страшний суд, який цього разу вершитиме Господь.

Ключові слова: літературні паралелі, народність, образна система, романтична фантазія, український фольклор.

Аннотация

О НЕЗАМЕЧЕННОЙ ПАРАЛЛЕЛИ К « СТРАШНОЙ МЕСТИ» НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

В статье исследуются параллели между поэмой «Руслан и Людмила» А. Пушкина и повестью «Страшная месь» Н. Гоголя; выясняется, что они проявляются сквозь призму библейского символіко-аллегорического плана, на уровне завязки, хронотопа,

образной системы, деталей, на идейно-сюжетном уровне. Коллизия, скрытая в подтексте гоголевской повести, не может трактоваться однозначно и вызывает, по крайней мере, несколько рассуждений: добро не торжествует, зло не наказано, а вечно на коне своем «с закрытыми очами, и так виден, как бы стоял вблизи» сидит «дивный рыцарь», которому, по словам Бога, «не будет царствия небесного». Он — своеобразный предшественник образа Ревизора, символизирующий апокалиптическую природу бытия, приближение конца света и Страшный суд, который в этот раз будет вершить Господь.

Ключевые слова: литературные параллели, народность, образная система, романтическая фантазия, украинский фольклор.

Summary

ABOUT THE UNMARKED PARALLEL TO «A TERRIBLE VENGEANCE» BY NIKOLAI GOGOL

The paper draws attention to the parallels between «Ruslan and Lyudmyla» by A. Pushkin and «A Terrible Vengeance» by N. Gogol. The author argues that those parallels should be investigated through the prism of biblical allegories and symbols which find their expression in the outset of the plot, chronotopos, key metaphors, artistic details and ideology of both texts. The collision hidden in the implication of Gogol's story can not be interpreted definitely and causes at least a few considerations: the good does not triumph, the evil is not punished, and always on a horse a «marvellous knight» sits. According to the text, God will not rest his soul. He looks like a predecessor of character of Inspector, a symbol of apocalyptic nature of life and approaching of the Last Judgment — a matter of God's action.

Keywords: literary parallels, national spirit, metaphor, romantic fantasy, Ukrainian folklore.

А. В. Тоичкина (Санкт-Петербург)

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И
РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»
(К ВОПРОСУ О РОЛИ ПАРОДИИ В ЦИКЛЕ)**

Когда-то В. В. Гиппиус в своей последней книге о Гоголе («Творческий путь Гоголя») обронил такую фразу: «Как и “Пропавшая грамота”, “Заколдованное место” носит шутливо-комический характер. Гоголь явно смеется здесь над суеверными страхами» [1]. Через ряд десятилетий эта фраза вызвала несколько резкую реакцию другого известного гоголеведа — Ю. В. Манна. В книге «Русская литература XIX века. Эпоха романтизма», в завершающей 12 главу части, посвященной усложнению романтического мира в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Ю. В. Манн пишет следующее: «В гоголевских “Вечерах” демонологическое суждение звучит изнутри мира, стремящегося к суверенности; мы просто лишены той твердой точки более высокого сознания, с которой можно критически интерпретировать и преодолеть это суждение. По крайней мере, курьезность последнего проблематична, авторская же ирония сложна и вовсе не отличается однонаправленностью — в сторону хулителей (но равно и защитников) “суеверий”.<...> Словом, усложняясь, романтический мир исключает какую-либо возможность интерпретаций с позиций позитивизма или прагматичности» [2]. И далее в сноске, Ю. В. Манн ссылается на книгу М. Вайскопфа «Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст» (М. 1993) и пишет: «**Ср. весьма некорректное, на наш взгляд, суждение другого исследователя** (по поводу “Заколдованного места”): “Гоголь явно смеется здесь над суеверными страхами” (Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 67.)» [3].

За полемическим откликом Ю. В. Манна кроется проблема разных подходов к интерпретации, во-первых, вопроса об отношениях **Гоголя и романтизма**, и, во-вторых, вопроса о **генезисе и роли смехового начала в фантастических**

повестях Гоголя. Можно сформулировать первый вопрос так: как воспринял Гоголь романтическую традицию на этапе создания «Вечеров»? Принял ли он (органически) целиком и полностью эстетику, а значит, и мировоззрение романтизма, или его отношения с романтизмом выстраивались как напряженный диалог с ведущим стилем эпохи? То, что вопрос не является праздным, подтверждает история изучения темы в гоголеведении XX века (упомяну, к примеру, важную для меня книгу Г. А. Гуковского «Реализм Гоголя», 1959). Представляется ценным на современном этапе к этому вопросу вернуться. В контексте же этого вопроса окажется необходимым рассмотреть и специфику смехового начала у Гоголя (остановлюсь в рамках доклада только на этапе «Вечеров»).

Вряд ли вызовет возражения тезис о том, что каждый большой писатель создает свой индивидуальный стиль. И вырабатывается этот стиль в напряженном диалоге с ведущими эстетическими принципами современной автору эпохи в истории искусства. Как стиль Пушкина входит в противоречие и с романтической и с реалистической эстетикой, как «фантастический реализм» Достоевского не укладывается в определения реалистического стиля, так и стиль Гоголя невозможно втиснуть в канонические требования романтической эстетики, подтверждением чего является эволюция художника от «Вечеров» к «Мертвым душам». При этом его диалог с романтической традицией, напряжение ее принятия и преодоления, ощутим уже в первом цикле Гоголя, созданном вроде бы в рамках канонических требований романтизма.

Для решения в рамках данного исследования поставленной проблемы я бы хотела обратиться к термину **пародия**, в особом ключе разработанном Ю. Тыняновым в 20-х годах в статье «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1919–1921) и в ряде других работ. В это время «пародия (и стилизация) мыслилась Тыняновым широко, покрывая обширную область явлений, возникающих в переходные литературные эпохи» [4]. В начале 20-х Тынянов рассматривает пародию как фактор литературной эволюции [5]. Преемственность как принцип развития литературы в концепции Тынянова этого времени

уступает место «борьбе». И рычагом в этой борьбе становится пародия. В статье «Достоевский и Гоголь» так формулируется суть пародии:

«Суть пародии — в механизации определенного приема, эта механизация ощутима, конечно, только в том случае, если известен прием, который механизуется; таким образом, пародия осуществляет двойную задачу: 1) механизацию определенного приема, 2) организацию нового материала, причем этим новым материалом и будет механизированный старый прием» [6].

И далее хотелось бы обратиться к вопросу (тоже основательно изученному в гоголеведении) — **вопросу о художественном методе использования Гоголем фольклорных источников**. Обращение к фольклору и использование в особой эстетической функции фольклорных источников является одним из важнейших принципов романтической эстетики. Известно, что романтики, опираясь на работы Гердера, понимали фольклор как воплощение духа народа, т.е. истинной его сущности. Известно также, что и понятие историзма, введенное романтиками в историко-культурный обиход, и многие принципы их эстетики непосредственно связаны с пониманием фольклора как воплощения истории духа. В частности, жанр фантастической повести возник в рамках эстетики романтизма, с одной стороны, как результат открытия романтиками значения иррационального в жизни человека и в отношениях человека и мира, с другой стороны, — в результате их осмысления фольклорной традиции. Необходимо отметить, что в самом фольклоре фантастика играет совершенно иную роль, чем в поэтике романтических произведений. Фольклор, как воплощение стихии коллективного народного творчества, не знает философско-эстетических задач. И поэтика фольклорных произведений выстраивается на других принципах, чем художественное целое, создаваемое автором, основывающемся на определенных принципах эстетики.

Как известно, Гоголь обратился к фольклорной традиции, осознав ее востребованность и популярность в русской литературе 20-х годов XIX века. После провала «Ганса

Кюхельгартена» он обращается к популярной украинской теме и строит свои повести, используя как главное средство поэтики романтическую традицию фольклорных источников, опробованную как в русской, так и в украинской литературах. С «Вечеров», конечно, еще только начинается деятельность Гоголя по собиранию и исследованию фольклорных текстов (упомяну письмо матери от 30 апреля 1829 года). Может быть, отчасти, с этим связана специфическая стратегия введения в тексты повестей цикла фольклора: мы не можем указать на конкретные тексты (песен, сказок), которые используются писателем в повестях. Еще В. В. Гиппиус отмечал компиляцию и стилизацию как основные приемы введения фольклорных и литературных источников в поэтику «Вечеров». Кроме того, зачастую, Гоголь берет фольклорные источники из миров других художественных произведений, будь то «Энеида» Котляревского или «Кикимора» Сомова. Используя и перерабатывая разного рода источники, Гоголь создает свой оригинальный художественный мир «Вечеров». А «Вечера на хуторе близ Диканьки» в свою очередь становятся фактом и фактором эпохи романтизма в истории литературы.

Как пишет В. И. Еремина, «В “Вечерах” Гоголь показал Украину сказочную, Украину такую, какой она предстает в народных преданиях. Фантастические мотивы переходят из повести в повесть, раскрывая каждый раз все новые и новые стороны одного и того же явления. Для повестей, вошедших в этот цикл, не представляется возможным определить те непосредственные народные источники, которые легли в их основу. Можно лишь показать, что все без исключения детали, введенные в фантастическую канву повестей, найдут свои аналогии в украинском фольклоре» [7]. Гоголь максимально использует в «Вечерах» достижения романтической эстетики. Он вводит элементы фольклорных источников в речевые характеристики, особое место среди которых занимает слово повествователей, в бытовые зарисовки, в саму форму жанра фантастической повести, объединяя свои повести в цикл. Гоголь, кажется, опробывает в «Вечерах» все реально существующие жанровые разновидности фантастических повестей,

существующих не только в русской, но и в западной (немецкой) литературах [8]. Как отмечал еще Гиппиус в книге о Гоголе 1924 года, все повести цикла можно разбить по парам. Так, пару составляют две самые страшные фантастические повести: «Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшная месть».

Две упомянутые повести Гоголя традиционно возводят к повестям Л. Тика: «Чары любви» и «Пьетро Апоне». Сюжет «Вечера накануне Ивана Купала» (в первой редакции повесть называлась «Басаврюк») взят Гоголем «из народного предания». Распространенный в фольклоре мотив поиска кладов обыгрывается в «Заколдованном месте» с комической стороны, а в «Вечере накануне Ивана Купала» — с трагической. «Богатство, добытое с помощью дьявола, не может принести счастья, оно всегда оказывается ложным, иллюзорным — этот мотив, встречающийся довольно часто в народных преданиях, воспроизведен Гоголем в “Вечере накануне Ивана Купала”. По народным представлениям, человек, вступивший в какие-то ни было деловые отношения с дьяволом, навсегда лишится удачи и счастья, как герой сказки “Ведьма”: “...как взяло йому нещастя: пропало вже все його добро!” [9]. Битыми черепками оказываются червонцы, добытые ценою преступления, и в “Вечере накануне Ивана Купала”» [10]. Другой известный мотив народных преданий, связанных с поисками кладов, — мотив цветущего папоротника. «Признание чудодейственной силы трав и цветов, расцветающих в ночь на Ивана Купала (с 23-го на 24 июня), когда творческие силы земли достигают наивысшего расцвета, является всеобщим славянским верованием. К таким волшебным травам относится прежде всего папоротник, который, по народным преданиям цветет в полночь под Иванов день огненными цветами». «Комментируя повесть, Г. С. Виноградов отметил “невозможность безоговорочно указать определенный источник, которым воспользовался Гоголь” [19, I, с. 524]» [11].

Пародийность стиля «Вечеров» во многом предопределена введением в текст повестей стихии комического. Юмор подрывает основания поэтики фантастической повести, создавая зазор между восприятием автора фантастических

событий повествования и читателя. Принципиальное отличие юмора Гоголя от присущей немецкой повести романтической иронии состоит **в генезисе комического начала**. Восходит оно у Гоголя к бурлескному стилю Котляревского, что неоднократно отмечалось исследователями. Однако вопрос о значении бурлеска для поэтики Гоголя до сих пор, с моей точки зрения, не решен. Во многом потому, что на настоящий момент остается нерешенной проблема исследования стиля «Энеиды» Котляревского. До сих пор в украинском литературоведении до конца не исследован стиль «Энеиды». В частности, не проделан стилистический анализ поэмы, который бы позволил объяснить, каким образом удалось Котляревскому воплотить в бурлескном произведении серьезнейший религиозно-философский миф национальной истории. До сегодняшнего дня у нас, фактически, остается две концепции стиля поэмы: 1. И. Айзенштока, который на уровне тонкого стилистического анализа показывал, что в стиле «Энеиды» сложнейшим образом переплетаются сентиментальное и бурлескное течения [12]; 2. М. Яценко, который считал, что стиль поэмы целиком соответствует требованиям бурлеска [13]. Решение же проблемы религиозного смысла, воплощенного в поэме, в его соотношении с жанром иерокомической поэмы до сих пор не найдено.

Гоголь создает в «Вечерах» систему повествователей, и она позволяет писателю задать комический эффект на уровне самого повествующего слова, воспринимаемого читателем как авторское. Очень существенно, что слово повествователя у Гоголя построено на фольклорных источниках: это прежде всего народный язык с характерными для него словечками, выражениями, пословицами и поговорками. Но язык этот стилизован и обработан собственно литературными средствами. Приведу хрестоматийный пример, который рассматривает В. Гиппиус: «В «Вечере накануне Ивана Купаль» рассказ Фомы Григорьевича начинается словами: «Дед мой (царство ему небесное! чтоб ему на том свете елись одни только буханци пшеничные, да маковники в меду)...» Эта картина райской жизни с украинским местным колоритом явно восходит к строфам о рае у

Котляревского; та же в обоих случаях сдержанно-ироническая интонация: І ласощі все тільки їли:// Сластьони, коржики, стовпці, // Варенички пшеничні, білі:// Пухкі з кав'яром буханці и т.л. [19, III, с. 118]. Обе строфы, эта и предыдущая, рисующие райский «быт», выписаны Гоголем в «Книге всякой всячины». Это — деталь: из двух строф «Энеиды» Гоголь создает стилизацию народной поговорки, художественно вполне убедительную, но с сомнительной реальной основой» [14]. В целом Гиппиус выделял 4 типа повествования: *эпический монолог от лица рассказчика* (три рассказа Фомы Григорьевича), в которых смешаны приемы литературно-романтической, народно-песенной и народно-анекдотической речи; *лиро-драматическое повествование*, где автор выступает в роли режиссера, сопровождающими лирическими и пояснительными речами сцены, которые разыгрываются перед читателем-зрителем («Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь»); *драмо-эпическое повествование*, где драматическое изображение подчинено эпическому рассказу («Ночь перед Рождеством» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»); *лирический монолог* («Страшная месть») [15].

В «Вечере накануне Ивана купала» (первой повести цикла, написанной Гоголем) совмещаются несколько видов повествовательных стратегий. Введение от пасичника Рудого Панька, с одной стороны, усиливает комизм установки на очевидность и реальность рассказываемых историй, с другой — усиливает акцент на моменте истинности фантастических событий. В фольклоре эта установка естественна и воспринимается (даже в случаях явной иносказательности: «и я там был, мед-пиво пил, по усам текло да в рот не попало») как реальная установка на правдоподобие событий. Перенесенная из фольклора в литературный текст при помощи стилизованных под народный говор повествовательных стратегий эта установка приобретает комически-пародийный оттенок. Комическим (на фоне трагических по существу событий повести) оказывается и воплощение этой повествовательной тенденции в образе родной тетки деда дьячка, которая содержала в повествуемые времена «шинок по нынешней Опошнянской дороге» [19, I, с. 101]. В этом шинке разгульничал Басаврюк, в этом же шинке

заключил с ним договор Петро. Образ тетки при внешнем его комизме тоже амбивалентен: она наделяет Петра родней, она свидетельствует в повести о красоте Пидорки [19, I, с. 102] и именно на ней вспыхивает татарское платье на свадьбе Петруся и Пидорки, предвещая гибель героя повести [19, I, с. 107–108]. И именно тетку более всего беспокоит Басаврюк и нечисть уже после завершения основных сюжетных событий. Она — живой свидетель, воплощающий в тексте авторскую установку на истинность событий. Но если в сюжетном развитии повести установка усиливается серьезным трагическим изображением картин, то в финале серьезность установки подрывается комическим обыгрыванием историй в шинке тетки деда (с поднимающим голову бараном, кланяющейся чаркой, прыгающей у супруги церковного старосты дижею). А последний пассаж (как и зачин «Лет-куды! более чем за сто» — 19, I, с. 100) делит повествование на «тогда» и «теперь», что, в целом, работает на поддержку установки на правдивость фантастической истории. Заканчивается повесть картиной развалин того самого шинка тетки, который оказывается одним из важнейших локусов в повести. Приведу финальную цитату: «Из закоптевшей трубы столбом валился дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть — шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи, и черт, нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу» [19, I, с. 111]. Пародийный эффект возникает от несоответствия высокой эпической тональности и живописности картины ее содержанию: жалобным всхлипам в своей конуре «собачьего сына» черта. Но и в данном случае комизм картины двойного плана: **образ дыма** занимает существенное место в повести. В начале, в описании жилья бедных сельчан, это: «вырытая в земле яма — вот вам и хата! Только **по дыму** и можно было узнать, что живет там человек Божий» [19, I, с. 101]. Непосредственно связанный с дымом образ Хаты — гроба возникает в причитаниях Пидорки «Темная, темная будет моя хата: из кленового дерева, и, вместо трубы, крест будет стоять на крыше» [19, I, с. 103]. /Напомню,

что по-украински «гроб» — это «домовина»: корень образует слово дом/. И после гибели Петра «**Вся хата полна дыма**, и посередине только, где стоял Петрусь, **куча пеплу**, от которого местами подымался еще пар» [19, I, с. 110]. В этом контексте финальный образ высоко-высоко поднимавшегося столбом и рассыпавшегося горячими угольями дыма приобретает символический смысл мрачной работы вражеских сил на погибель душ человеческих [16].

В рассказе об истории любви Пидорки и Петра взаимодействуют разные повествовательные стили. Еремина отмечала важность песенного стиля для «Вечера накануне Ивана Купала»: «Ответный монолог Петруся представляет собой стилизацию, очень близкую к народным песням: «Будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет, вместо попа надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча — моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди козацкие косточки, и вихорь высушит их [19, I, с. 104]» [17]. В стиле бурлескных сравнений Котляревского начинается эпизод ожидания Петром ночи накануне Ивана Купала: «Я думаю, куры так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зерен, как дожидался Петрусь вечера» [19, I, с. 104]. Стилизация как стратегия введения фольклорных источников в повести цикла достигает определенной «механизации» (по определению Тынянова), а комический, смеховой пласт помогает ее преодолеть и выработать новый, оригинальный стиль. В «Ночи накануне Ивана Купала» (в отличие от «Сорочинской ярмарки» или «Заколдованного места») комическое не подрывает трагического смысла фантастической истории продажи души дьяволу. Принципиально важные сюжетные эпизоды даны в сугубо литературном стиле (вся история с папоротником, гибелью Ивася, года жизни Петра и Пидорки и трагизм финала их судеб). Для Гоголя уже на этапе «Вечеров» оказывается принципиально важна тема сжигающей душу человека греховной страсти. И он с ней, конечно же, не шутит (не случайно эта тема пройдет через все его творчество вплоть до «Мертвых душ»). Но что касается фольклорной фантастики (в рамках повести Басаврюк — это созданный творческой фантазией Гоголя образ нечистого;

и создан он, практически, в соответствии с каноном фольклорных образов оборотней; образ ведьмы в повести вполне традиционен), то в целом, в цикле она дается в пародийном стиле. И связано это с тем, что мир Гоголя (как и в целом эпоха 19 века) по своей сути антропоцентричен. В центре — человек [18]. И весь остальной мир рассматривается в отношении к человеку. А это означает априорную относительность всего и вся (как Бога, так и дьявола): все важно или неважно постольку, поскольку оно важно или неважно в отношении к человеку. Фольклорные (и не только) ведьмы и черти опасны для человека только тогда, когда сам он совершает грех, отпадает от Бога. Бог не может помочь неверующему человеку. И церковь оказывается бессильна при добровольном отпадении человека от Бога. Не случайно в первой редакции «Басаврюка» была церковь во имя Трех Святителей (символ мощи и утверждения силы церкви), и о ней было довольно много сказано. В окончательной редакции отступление о церкви и кресте было сокращено, церковь переименована во имя святителя Пантелеимона (как известно, целителя). И в финале повести, если в 1 редакции усилия батюшки разгоняли нечисть, то во второй батюшка справиться с нечистью не может: «И даром, что отец Афанасий ходил по всему селу с святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам, а все еще тетка покойного деда долго жаловалась, что кто-то, как только вечер, стучит в крышу и царапается по стене». — 19, I, с. 110). Подтверждает эту мысль и эволюция фантастического в творчестве Гоголя. Так, в «Вие» церковь оказывается местом вахканаллии дьявольских сил; зло оказывается внутри церкви, и Бог не приходит на помощь гибнущему от нападения вражеских сил человеку. В дальнейшем же Гоголь, как известно, уходит от фольклорной фантастики. Потому что источник зла он обнаруживает и исследует в самом человеке и в плоде рук его — в социальной организации общества.

Стилистическая пародийность мира «Вечеров на хуторе близ Диканьки» предопределена целым рядом факторов. Принципиальными важными являются два серьезнейших из них: исследование природы зла (столь занимавшего романтиков) и выработка собственного оригинального стиля.

Литература и примечания:

1. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.–Л., 1966. С. 67.
2. Манн Ю. В. Русская литература 19 века. Эпоха романтизма. М., 2007. С. 385–386.
3. Там же. С. 388.
4. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 484 (комментарий А. П. Чудакова).
5. В статье «О пародии» (1929) он вернулся к более узкому толкованию понятия.
6. Там же. С. 210.
7. Еремина В. И. Гоголь // Русская литература и фольклор. Первая половина 18 века. Л., 1976. С. 251.
8. С. Шевырев в «Московском Вестнике» за 1828 год в рецензии на цикл Погорельского «Мои вечера в Малороссии» писал по поводу фантастических повестей, в которых «фантазия преступает границы всякого вероятия»: «До таких крайностей может доходить фантазия народа, который от излишка опытности уже привык ко всему и обращает внимание на одне чудеса самые чудесные. Так, например, Французы дожили до ужасов Мелодрамы, Немцы до повестей непостижимых. У нас, ни в чем еще, Слава Богу, не доживших до крайности, такое стремление может быть только прививным, а не естественным; посему-то в двух повестях, нами помянутых, мы видим явное подражание Гофману». (С. Ш. Двойник или мои вечера в Малороссии. Соч. Антония Погорельского. Две части. С.-Петербург, 1828. 177 стр (1). 202 стр. (2). // Московский Вестник. № 14, 1828. С. 161–162).
9. Рудченко И. Народные южнорусские сказки, вып. 1, № 42, с. 81.
10. Еремина В. И. Указ. соч. С. 252.
11. Еремина В. И. Указ. соч. С. 252.
12. Айзеншток І. «Енеїда» Котляревського // Котляревський І. «Енеїда». К., 1931. С. 7–12.
13. Яценко М. Т. На рубежі літературних епох. К., 1977. С. 164–167. М. К. Наенко видит проявление романтических черт в «Енеїді»: мотив путешествия (путешествие в рай и ад) и казацкая героика (Наенко М. К. Художня література України. Від міфів до модерної реальності. К., 2008. С. 204). См. об этом: Лімборський І. В. Творчість Івана Котляревського. Черкаси, 2010. С. 45–46.
14. Гиппиус В. В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя// Труды отдела новой русской литературы. Вып. 1. М.–Л., 1948. С. 28.
15. Гиппиус, 1924, с. 36–37; Гоголь. Т. 1. С. 670.

16. Образ дыма связан в контексте повести с семантическим полем огня–жара–красного/червонного цвета, т.е. с темой греховной страсти, сжигающей душу человека. Напомню также, что в 1 редакции повести финальная картина «дыма» подавалась таким образом: «Часто замечали, как густой дым валил клубом из обвалившейся трубы, и вместе с дымом подымалось какое-то чудище, длинное, длинное, с красными, как две горячие головки, глазами» [19, I, с. 279].

17. Еремина В. И. Указ. соч. С. 285.

18. Для сопоставления упомяну как пример теоцентрической (в соответствии с господствующим в это время мировоззрением) эпохи средневековья (терминами *антропоцентрическая* и *теоцентрическая* эпоха пользуется в своих историософских трудах Д. И. Чижевский). В «Божественной Комедии» Данте теоцентризм сказывается на всех уровнях поэтики: символика комедии строится на выработанной в культуре средневековья системе символов. Сам строй комедии подчинен задаче выражения идеи Бога как идеи Любви и Полноты. Абсолютная ценность Бога задает априорную несомненность существования и дьявола и его воинства. Нет и не может быть сомнений в их существовании, так как исповедует Бог и сакральный смысл истории.

19. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.] / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952.

References:

1. Gippius V. V. From Pushkin to Blok [Ot Pushkina do Bloka]. Moscow–Leningrad, 1966. P. 67.

2. Mann Ju. V. Russian literature of the 19th century. The Age of Romanticism [Russkaja literatura 19 veka. Jepoha romantizma]. Moscow, 2007. P. 385–386.

3. The same. P. 388.

4. Tynjanov Ju. N. Poetics. The history of literature. Cinema [Pojetika. Istorija literatury. Kino]. Moscow, 1977. P. 484.

6. The same. P. 210.

7. Eremina V. I. Gogol [Gogol']. *Russian literature and folklore. The first half of the 18th century [Russkaja literatura i fol'klor. Pervaja polovina 18 veka]*. Leningrad, 1976. P. 251.

8. S. The Double or my evenings in Ukraine. Works of Anthony Pogorelsky. Two parts [Dvojniki ili moi vechera v Malorossii. Soch. Antonija Pogorel'skogo. Dve chasti]. S.-Peterburg, 1828. 177 p (1). 202 p. (2). *Bulletin of Moscow [Moskovskij Vestnik]*. № 14, 1828. P. 161–162.

9. Rudchenko I. Folk tales of Southern Russian [Narodnye juzhnoruskie skazki]. Issue. 1, № 42, P. 81.

10. Eremina V. I. Gogol [Gogol']. *Russian literature and folklore. The first half of the 18th century* [Russkaja literatura i fol'klor. Pervaja polovina 18 veka]. Leningrad, 1976. P. 252.

11. Eremina V. I. Gogol [Gogol']. *Russian literature and folklore. The first half of the 18th century* [Russkaja literatura i fol'klor. Pervaja polovina 18 veka]. Leningrad, 1976. P. 252.

12. Ajzenshtok I. Aeneid of Kotljarevsky [«Enejida» Kotljarev-s'kogo]. *Kotljarev's'kij I. Aeneid [Enejida]*. Kiev, 1931. P. 7–12.

13. Jacenko M. T. On frontier of literary epochs [Na rubezhi literaturnih epoch]. Kiev, 1977. P. 164–167; Naenko M. K. Art literature of Ukraine. From myths to modern reality [Hudozhnja literatura Ukraïni. Vid mifiv do modernoji real'nosti]. Kiev, 2008. P. 204; Limbors'kij I. V. Creative works of Kotljarevsky [Tvorchist' Ivana Kotljarev's'kogo]. Cherkasi, 2010. P. 45–46.

14. Gippius V. V. Gogol's "Evenings on a Farm near Dikanka" [«Vechera na hutore bliz Dikan'ki» Gogolja]. [Trudy otdela novej russkoj literatury] *Works of the department of modern Russian literature*. Issue. 1. Moscow, Leningrad, 1948. P. 28.

15. Gippius, 1924, P. 36–37; Gogol'. Vol. 1. P. 670.

17. Eremina V. I. Gogol [Gogol']. *Russian literature and folklore. The first half of the 18th century* [Russkaja literatura i fol'klor. Pervaja polovina 18 veka]. Leningrad, 1976. P. 285.

19. Gogol' N. V. Complete Collection of Works [Polnoe sobranie sochinenij : [In 14 vol.]. [Moscow, Leningrad], AN SSSR Publ., 1937–1952.

Аннотация

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» (К ВОПРОСУ О РОЛИ ПАРОДИИ В ЦИКЛЕ)

В статье рассматривается проблема отношения Гоголя и романтизма, а также вопрос о генезисе и роли смехового начала в фантастических повестях Гоголя.

Ключевые слова: фольклорные источники, романтическая традиция, реализм, демонология, смеховое начало, пародия, цикл.

Анотація

ФОЛЬКЛОРНІ ДЖЕРЕЛА І РОМАНТИЧНА ТРАДИЦІЯ У «ВЕЧОРАХ НА ХУТОРІ БІЛЯ ДИКАНЬКИ» (ДО ПИТАННЯ ПРО РОЛЬ ПАРОДІЇ У ЦИКЛІ)

У статті розглядається проблема стосунку Гоголя до романтизму, а також питання про генезис і роль сміхового начала у фантастичних повістях Гоголя.

Ключові слова: фольклорні джерела, романтична традиція, реалізм, демонологія, сміхове початок, пародія, цикл.

Summary

FOLKLORE SOURCES AND ROMANTIC TRADITIONS IN THE "EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA" (THE ROLE OF PARODY IN THE CYCLE)

The paper deals with the problem of the relationship of Gogol and romanticism, as well as with the question about the genesis and the role of the comic in t Gogol's fantastic stories.

Keywords: folk sources, romantic tradition, realism, demonology, lcomic, parody, cycle.

**ЗНАЛ ЛИ ГОГОЛЬ ИТАЛЬЯНСКИЙ?
ЗАНЯТИЯ Н. В. ГОГОЛЯ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ:
ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННОКОВ И
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА**

На период жизни в Риме приходится расцвет творческих и жизненных сил Н. В. Гоголя. Писатель провел в Вечном городе около четырех лет, но учитывая выезды в другие страны Европы и недолгие возвращения в Россию, так называемый «римский» период охватывает более десяти лет (март 1837 – октябрь 1847). В связи с изучением пребывания Н. В. Гоголя в Риме возникает немаловажный вопрос о его владении итальянским языком. Существуют разные точки зрения по этому поводу, от довольно скептических, как, например, у А. Н. Веселовского [1], который выражал сомнение в сколько-нибудь приличной степени знакомства Гоголя с иностранными языками вообще, до противоположных, доказывающих, что итальянским писатель владел почти в совершенстве, а некоторыми другими (французский, немецкий) на приличном уровне. В данной статье мы постараемся дать по возможности полную картину фактических сведений о владении Гоголя итальянским языком, а также обратимся к подчас противоречивым, но от этого не менее важным свидетельствам современников писателя.

Корпус текстов, написанных Гоголем на итальянском языке, относительно невелик. Это фразы и диалоги, выписанные в тетрадь из разговорников (частично с параллельным переводом на латинский язык); перевод части «Увещательных глав» — трактата византийского диакона VI века Агапита; а также письмо 1838 года к М. П. Балабиной. Сохранилась также короткая записка к доктору Гартману, лечившему больного Н. М. Языкова, написанная 13 ноября (н. ст.) 1842 года [2, XI, с. 133], и несколько еще неопубликованных словариков и грамматических разборов. Показательно, что основная часть текстов — переводы и выписки, самостоятельно же написанных

писем почти нет. Возможно, они были, но не сохранились. В. П. Гаевский пишет, что «во время неоднократного и продолжительного пребывания своего в Риме, он [Гоголь] выучился итальянскому языку, так что мог довольно свободно объясняться, даже писал иногда из Рима в Петербург по-итальянски, что свидетельствуют сохранившиеся у некоторых из его приятелей писанные им итальянские письма. Раз даже, в остерии, в обществе художников, он произнес речь на итальянском языке, без приготовления» [3, с. 143]. Эти письма могли бы значительно прояснить вопрос, но, к сожалению, мы ими не располагаем. Более того, по свидетельству В. А. Панова, сопровождавшего в 1840 г. писателя в Рим, в дороге Гоголь написал статью по-итальянски, но и она не дошла до наших дней, если вовсе была дописана¹.

Вообще же известно, что с юношеских лет Гоголю с трудом давались иностранные языки. Гаевский пишет: «Особенно плохо он занимался языками, так что с окончанием гимназического курса едва достиг третьего отделения по языкам, т.е. едва дошел до синтаксиса» [3, с. 143]. Данная информация подтверждается преподавателями и одноклассниками писателя [4, I, с. 85–86, 424, 410, 576]. В Нежинской Гимназии высших наук князя Безбородко (1821–27) Гоголь интенсивно изучал французский, немецкий и латинский, хотя долгое время отставал от общего уровня. В программу входило чтение литературы в оригинале, также будущий писатель играл в гимназическом театре, где произведения Мольера и Шиллера ставились в подлиннике, зрителями в классе были французы [об этом: 5; 6; 7]. Аттестат Гоголя весьма положительный: по немецкому “превосходно”, по французскому “очень хорошо” [8, с. 606]. Тем не менее, сам Гоголь позже был против изучения иностранных языков в детстве и отрочестве, считая, что это мешает развитию самобытного ума. В более зрелом возрасте писатель стал самостоятельно изучать языки (английский,

¹ «В Кракове вдруг пробудилась деятельность Николая Васильевича. Он вечером написал там статью по-итальянски для журнала римского о собрании эскизов кн<язя> Долгорукого в Москве» [4. II. С. 159].

итальянский, латинский и др.), последние годы жизни активно занимался древнегреческим, что считал не только необходимым для чтения Евангелия в оригинале, но и отличным средством от хандры².

Но обратимся к свидетельствам современников. Особенностью их является то, что подавляющее большинство мнений основано на информации из вторых рук. Т.е. современники лично не слышали, как Гоголь говорил на том или ином языке, а передавали чьи-то слова и отзывы. Более того, наиболее обширные воспоминания о заграничной жизни Гоголя принадлежат перу А. О. Смирновой-Россет и ее дочери, редактировавшей рукописи после смерти матери. Написаны эти воспоминания спустя длительное время, часть из них — в форме материала к биографии (по просьбе В. И. Шенрока и И. С. Аксакова), поэтому в разных вариантах [4, II, с. 195–363] даются противоречивые факты, многие из которых более нигде не подтверждаются, что заставляет нас усомниться в их точности. Тем не менее, подробное изучение свидетельств и писем современников Гоголя [4] приводит нас к довольно обширному списку иностранных языков, которыми предположительно владел писатель. Приводим их в алфавитном порядке: английский, древнегреческий, испанский, итальянский, латинский, немецкий, польский, французский.

Сам Гоголь считал, что не имеет дара к языкам³. Тем не менее известно, что у Гоголя была тяга к самообразованию, не покидавшая его практически всю жизнь. Фактических доказательств изучения им иностранных языков осталось не так много, и они касаются итальянского, латинского, древне-

² Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе <Перевод статьи О. Н. Смирновой «Etudes et souvenirs» (1885)>: «Именно Гоголь дал совет Александре Осиповне во время ее хандры учиться по-гречески, что она и исполняла до конца жизни» [4, II, с. 300].

³ Из письма одного знакомого Гоголя по римскому салону княгини З. Волконской (П. Семенов — Б. Яньскому, 22 апр. н. ст. 1838, Рим): «Я сидел рядом с Гоголем и разговаривал с ним по-русски, так как иначе он не говорит; по-итальянски и по-французски он лучше читает, чем говорит, хотя всегда говорит хорошо; но, как он нам объяснил, он не имеет дара к языкам» [4, II, с. 23].

греческого, крайне мало — английского. Следует также принять во внимание, что в 1830–40-е гг. в петербургском обществе, в котором вращался Гоголь, было принято читать иностранную литературу в оригинале. Только начали появляться полные переводы классиков, до этого бытовали адаптации, переводы фрагментов и переложения, в которых подлинник зачастую переделывался в соответствии со вкусами эпохи. Знание языков было необходимо образованному человеку, не говоря уж о свободном владении французским языком. В связи с этим возникает вопрос: не связаны ли многочисленные отзывы современников Гоголя о его знании иностранных языков с тем, что к 1840-м годам они принимали его за человека своего круга?

Итак, постараемся определить, в какой степени Гоголь владел итальянским языком. К сожалению, мы не можем в рамках данной работы оценить уровень его разговорного языка, хотя это является важным аспектом проблемы. Так, Гоголь долгое время в Риме снимал квартиру у простой итальянской семьи в бедном квартале художников, всячески входил с этим семейством в контакт (во многом ради упражнения в языке) и советовал В. А. Панову последовать своему примеру⁴. Но сейчас наша цель — проанализировать конкретные данные гоголевских текстов, поэтому мы оставим в стороне факты биографии и обратимся напрямую к документам.

В июне 1836 года Гоголь отправился в путешествие по Европе, главной целью которого была, как известно, Италия. Последней промежуточной и, по причине холеры, бушевавшей тогда в Италии, вынужденной остановкой был Париж, где Гоголь пробыл с ноября 1836-го по март 1837 года. С ним там жил друг детства А. С. Данилевский, а чуть позже туда же приехал И. П. Симоновский, приятель по Нежинской гимназии. С ними, по словам В. И. Шенрока, Гоголь стал заниматься итальянским языком: «Вскоре нежинцы познакомились и близко

⁴ Из письма В. А. Панова К. С. Аксакову, Рим, 31 декабря 1840 г.: «Мне же он советовал для практики в итальянском языке взять квартиру, где была бы хозяйка, с которой интересно было бы беседовать. <...> Конечно, через месяц уже я стал довольно свободно изъясняться по-итальянски...» [4, II, с. 163].

сошлись с одним молодым французом, Ноэлем, жившим в верхнем этаже одного из самых высоких домов Латинского квартала. К нему они ежедневно собирались обедать и оставались потом брать уроки разговорного итальянского языка, в виду предстоящего путешествия в Италию” [9, с. 153]. Позже, уже из Рима, Гоголь советовал Данилевскому говорить с мсье Павэ, его знакомым, “по-французски или на нашем втором родном языке, то есть по-итальянски” (из письма от 16 мая (н. ст.) 1838 года) [2, XI, с. 158].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что диалоги, выписанные Гоголем из разговорников, датируются не 1845–49 годами (по описи РГБ), а 1836–37 годами. Дополнительно доказывает это предположение содержание диалогов — это в основном сугубо ученические предложения, диалоги светского характера, бытовые ситуации. Подобные упражнения направлены на расширение базового, разговорного словарного запаса. К подобной тематике диалогов Гоголь мог обращаться только в начале изучения языка, т.е. либо в парижский период, либо в первое время пребывания в Риме, но никак не в 1845 году. Подобная ошибка в датировке может объясняться тем, что в фонде рукописей РГБ тексты собраны под общим заголовком “Занятия языками”, и туда входят не только эти диалоги. Видимо, не был произведен детальный анализ отдельных автографов.

Интересно проследить, какими разговорниками Гоголь пользовался и каким образом перерабатывал тексты. Дело в том, что писатель далеко не во всех случаях переписывал текст, что затрудняет анализ. К тому же учебники по языкам издавались в больших количествах, в разных странах, часто с перепечатыванием одних и тех же удачных текстов и сюжетов. Итальянский славист Ч. Де Лотто провела сравнительный анализ диалогов Гоголя и разговорников, распространенных в то время, и определила, что предположительно писатель пользовался тремя изданиями: учебником *Madame de Genlis, Manuel du voyageur en six langues, angloise, allemande, françoise, italienne et russe* (Moutiere, Florence 1829); учебником неизвестного автора, носящего аналогичное название, но на немецком

(Hinrich, Leipzig 1848); и учебником Smith, Adler-Mesnard, Ronna, Guide de la conversation francais-anglais-allemand-italien, a l'usage des voyageurs et des etudiants (Hingray, Paris 1840). Последний не имеет перевода на русский, и именно этим можно объяснить то, что отсюда Гоголь выписывает наиболее длинные куски без изменений. С другими же разговорниками писатель обращается более свободно, имея русский подстрочник, он «'склеивает' отрывки, или же, еще чаще, сокращает тексты из разговорников. Однако эти операции производятся в большинстве случаев механически, очевидно без полного понимания смысла, или без учета контекста» [10, с. 275]. В то же время Гоголь по-своему выбирает отрывки для переписывания, и даже сквозь формальные ученические диалоги проглядывает гоголевский круг интересов того времени — дороги, разговоры об искусстве, ботаника, блюда национальной кухни и проч. Многие переработанные сценки даже стилистически напоминают Гоголя.

Надо отметить, что в числе упражнений по итальянскому языку в автографах есть и латинские переводы большей части диалогов. Это говорит о том, что параллельно с итальянским Гоголь активно изучал и латинский язык, что будет важно для анализа перевода, сделанного Гоголем.

Важным для нас источником является перевод первых двенадцати (из 72-х) «Увещательных глав» диакона Великой церкви Св. Софии в Константинополе Агапита (около 482–565). По описи РГБ он датирован 1845–49 годами. По мнению Ч. Де Лотто, вероятнее этот перевод также отнести к 1836–37 годам, периоду, когда Гоголь учил итальянский в Париже или к первым месяцам жизни в Риме [11]. Другую точку зрения выражает проф. А. П. Лободанов, который считает, что перевод свидетельствует о высоком уровне знания языка [2, IX, с. 799].

Дополнительно неизвестно, с какого языка были переведены главы трактата. «Увещательные главы» не фигурируют в известном нам круге чтения Гоголя, он нигде о нем не упоминает, но тем не менее не исключено, что у писателя был церковнославянский перевод этого текста. «Увещательные главы» были написаны во второй четверти шестого века диаконом храма Св. Софии в Константинополе Агапито для св.

правоверного царя Юстиниана (Иустиниана) I Великого. Это одно из самых известных византийских “княжеских зеркал” (наставлений правителю). Они представляют собой своего рода компиляцию из текстов широкоизвестных светских и богословских авторов, среди которых можно назвать Платона, псевдо-Исократ, святителей Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского. Универсальность этого текста в нравоучительном, этическом и политическом планах обеспечила ему широкое распространение во всей Европе, включая Восточную, он стал не только учебником по управлению государством, а также по изучению греческого языка, но и вошел в круг монашеского чтения. Основной мыслью автора было то, что царь должен воплощать своим правлением Царство Божие, быть посланником Бога на земле. На Руси “Увещательные главы” были популярны как душеспасительное чтение и как “урок царям”, и даже вошли в Великие Четьи-Минеи.

Прямой связи с текстом в высказываниях Гоголя установить невозможно, т.к. “Увещательные главы” составлены из известных Гоголю богословских и светских текстов, но содержание “Поучений” несомненно представляло интерес для Гоголя, на многие темы, поднятые в тексте, писатель размышляет в статьях, включенных в “Арабески”, в “Выбранных местах из переписки с друзьями”, в конспектах по истории Средних веков, в записных книжках.

В 1827 г. в “Христианском чтении” был опубликован перевод “Поучений”, сделанный протоиереем Д. С. Вершинским, настоятелем русской посольской церкви в Париже. Хотя этот перевод напрямую не связан с рукописью Гоголя, тем не менее примечательно, что именно советами отца Димитрия Вершинского Гоголь пользовался в 1845 году при работе над книгой о Божественной Литургии.

Остается вопрос, с какого языка был сделан перевод. Не исключено, что Гоголь переводил “Увещательные главы” с латинского языка, на что указывает большое количество не только латинизмов в тексте перевода, но и явных “итальянизаций” латинских слов [11, с. 83]. К тому же из выписок из разговорников известно, что писатель изучал

латинский язык. Это также объясняет неочевидный, сложный лексический выбор при переводе. Возможно, перевод двенадцати глав из “Поучений” Агапита был своего рода упражнением в ходе параллельного изучения латинского и итальянского языков. На это же указывает наличие в автографе многочисленных исправлений, сделанных, судя по почерку, самим Гоголем [2, IX, с. 789].

Еще одним документом, позволяющим оценить степень владения Гоголя итальянским языком, является его письмо на итальянском языке к М. П. Балабиной, его бывшей ученице, от 15 марта (н. ст.) 1838 года из Рима [2, XI, с. 133–134]. Оно наиболее, на наш взгляд, показательно, т. к. не является ученическим упражнением или переводом и отражает способность Гоголя свободно передавать разнообразный поток образов и мыслей. Несмотря на некоторые ошибки, письмо показывает высокий уровень знания итальянского языка, в нем использованы не самые простые грамматические конструкции, разнообразная лексика, неочевидная для начинающих. Более того, написано оно в разговорном стиле, местами в ироническом тоне, что свидетельствует о высоком уровне владения Гоголя итальянским языком весной 1838 года.

Дополнительным доказательством владения Гоголя итальянским языком является его отношение к творчеству римского поэта Дж. Дж. Белли. Его сонеты Гоголь высоко ценил, хотя они были созданы на римском диалекте. Более того, при жизни Белли с ведома автора был опубликован всего один римский сонет (к публикации еще двух десятков сонетов поэт не имел отношения). Гоголь писал 28 апреля 1838 года М. П. Балабиной: «Вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Belli, которые, впрочем, нужно слышать, когда он сам читает. <...> Они писаны in Lingua romanesca, они не напечатаны» [1, XI, с. 133]. Возможно, именно то, что понравившиеся Гоголю сонеты "писаны in Lingua romanesca", то есть на римском языке, или римском наречии (с точки зрения современных лингвистов, это один из множества диалектов итальянского языка), помешало другим иностранным писателям, посетившим Рим одновременно с ним, обратить внимание на стихи, ходившие по Вечному городу в списках.

Таким образом, Гоголь к 1840 г. не только свободно владел итальянским, но и постарался освоить азы единственного языка, на котором можно было общаться с простыми римлянами. Именно на римском наречии изъяснялись прототипы персонажей единственной итальянской повести Гоголя — отрывка «Рим».

Литература:

1. Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе. — М., 1896.

2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т / Сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.-Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома (римской цифрой) и страницы.

3. Гаевский В. П. Заметки для биографии Гоголя. Современник. — Т. XXXV (1852). — Отд. IV (Смесь).

4. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. / Изд. подг. И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. Ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома (римской цифрой) и страницы.

5. Манн Ю. В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2012. — С. 79–80.

6. Чудаков Г. И. Отношение творчества Н. В. Гоголя к западноевропейским литературам. — К., 1908. — С. 6–8.

7. Ляшко Л. А. Гоголь, писатель, время. Нежинский период жизни Н. В. Гоголя. — К., 1985. — С. 45.

8. Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. — М., 2003. — С. 606.

9. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. — М. 1895. — Т. 3.

10. Де Лотто Ч. Signori, per parlar d'un'altra cosa... Занятия итальянским языком Н. В. Гоголя. Неизданные автографы // *Russica Romana*. — Roma: La Fenice ed., 1996. — Vol. 3. — С. 267–300.

11. Де Лотто Ч. “Поучение” Агапита в итальянском переводе Н. В. Гоголя // *Archivio Italo-Russo II*. Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002.

References:

1. Veselovskij A. N. Western Influence in new Russian Literature [*Zapadnoe vlijanie v novoj russkoj literature*]. Moscow, 1896.
2. Gogol' N. V. Complete Works and Letters in 17 vol. / textology and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev [*Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t / Sost., podgotovka tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva*]. Moscow-Kiev, Moscow Patriarchate Publ. [*Izd. Moskovskoj Patriarhii*], 2009–2010.
3. Gaevskij V. P. Notes for Gogol's Biography [*Zametki dlja biografii Gogolja*]. *Sovremennik*. XXXV (1852). Part IV. Mix [*Smes'*].
4. Gogol in Memories, Diaries, Correspondence of Contemporaries. Complete systematic collection of documentary evidences. scientific and critical edition in 3 vol. / by I.Vinogradov [*Gogol' v vospominanijah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematičeskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. Nauchno-kritičeskoe izdanie. V 3 t. / Izd. podg. I. A. Vinogradov*]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011–2013.
5. Mann Ju. V. Gogol. First volume. The Beginning: 1809-1835 [*Gogol'. Kniga pervaja. Nachalo: 1809–1835*]. [2-e izd., pererab. i dop.] Moscow: RGGU, 2012. P. 79–80.
6. Chudakov G. I. Position of Gogol Works towards the west european Literatures [*Otnošenie tvorčestva N. V. Gogolja k zapadnoevropejskim literaturam*]. Kiev, 1908. P. 6–8.
7. Ljashko L. A. Gogol, writer, time. The Nezhin period of Gogol's life [*Gogol', pisatel', vremja. Nezhinskij period zhizni N. V. Gogolja*]. Kiev, 1985. P. 45.
8. Kulish P. A. Notes about life of N. Gogol, composed of memories of his friends and acquaintances and from his own letters [*Zapiski o zhizni Nikolaja Vasil'eviča Gogolja, sostavlennye iz vospominanij ego družej i znakomyh i iz ego sobstvennyh pisem*]. Moscow, 2003. P. 606.
9. Shenrok V. I. Materials for Gogol's Biography [*Materialy dlja biografii Gogolja*]. Moscow, 1895. Vol. 3.
10. De Lotto C. Signori, per parlar d'un'altra cosa... Gogol's Italian Studies. Unpublished autographs [*Signori, per parlar d'un'altra cosa... Zanjatija ital'janskim jazykom N. V. Gogolja. Neizdannye avtografy*] // *Russica Romana*. Roma: La Fenice ed., 1996. Vol. 3. P. 267–300.
11. De Lotto Ch. The “Sermon” of Agapit translated in Italian by N. Gogol [*“Pouchenie” Agapita v ital'janskom perevode N. V. Gogolja*] // *Archivio Italo-Russo II*. [*Russko-ital'janskij arhiv II*] /Sost. D. Ricci i A. Shishkin. Salerno, 2002.

Аннотация

ЗНАЛ ЛИ ГОГОЛЬ ИТАЛЬЯНСКИЙ? ЗАНЯТИЯ Н. В. ГОГОЛЯ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ: ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННОК И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Н. В. Гоголь провел в Италии более четырех лет в период с 1837 по 1847 г. В это время он пишет «Мертвые души» и вторую редакцию «Портрета», с Римом связаны самые светлые его воспоминания. В последние годы несколько биографических исследований были посвящены римскому периоду жизни Гоголя. Однако вопрос о том, насколько хорошо писатель владел итальянским языком, все еще недостаточно прояснен. В статье дан анализ и новая датировка всех известных документов, написанных рукой Гоголя на итальянском языке: выписки диалогов из разговорников, его перевод первых двенадцати «Увещательных глав» византийского диакона Агапита, письмо к М. П. Балабиной. Также приводятся многочисленные свидетельства современников писателя и некоторые биографические факты. Полученные данные позволяют сказать, что Гоголь к 1840 году не только свободно изъяснялся на итальянском языке, но и освоил азы римского диалекта.

Ключевые слова: Гоголь, итальянский язык, изучение иностранных языков, Рим.

Анотація

ЧИ ЗНАВ ГОГОЛЬ ІТАЛІЙСЬКУ? ЗАНЯТТЯ Н. В. ГОГОЛЯ ІНОЗЕМНИМИ МОВАМИ: ВІДГУКИ СУЧАСНИКІВ І ДОКУМЕНТАЛЬНІ СВІДЧЕННЯ

Н. В. Гоголь провів в Італії більше чотирьох років у період з 1837 по 1847 рр. У цей час він пише «Мертві душі» і другу редакцію «Портрета», з Римом пов'язані найсвітліші його спогади. В останні роки кілька біографічних досліджень були присвячені римському періоду життя Гоголя. Однак питання про те, наскільки добре письменник володів італійською мовою, все ще недостатньо з'ясовано. У статті дано аналіз і нове датування всіх відомих документів, написаних рукою Гоголя італійською мовою: виписки діалогів з розмовників, його переклад перших дванадцяти "Увещательных глав" византийського дякона Агапіта, лист до М. П. Балабіної. Також наводяться численні свідчення сучасників письменника і деякі

біографічні факти. Отримані дані дозволяють сказати, що Гоголь до 1840 року не тільки вільно висловлювався італійською мовою, а й освоїв ази римського діалекту.

Ключові слова: Гоголь, італійська мова, вивчення іноземних мов, Рим.

Summary

DID GOGOL SPEAK ITALIAN? N. GOGOL STUDYING FOREIGN LANGUAGES: DOCUMENTS AND TESTIMONIES OF HIS CONTEMPORARIES.

N. Gogol lived in Italy during 4 years in the period from 1837 to 1847. At this time he writes “The Dead Souls” and the second redaction of “The Portrait”, with Rome he associates his best memories. In the last years a number of biographical studies of the roman period of Gogol’s life appeared. But the question about how well did Gogol speak Italian is still not sufficiently cleared. The study gives the analisis and a new dating of all known documents written by Gogol in Italian: extractions of dialogues from a number of frasebooks, his own translation of 12 first chapters of the “Sermon” of deacon Agapit from Bizantium, a letter to M. Balabina. Also the study shows different testimonies of his contemporaries and some biographical facts important to the question. The study tested that Gogol in 1840 mastered Italian and also has learned a bit of Roman dialect.

Keywords: Gogol, Italian, studying foreign languages, Rome.

Сергей Шульц (Ростов-на-Дону)

ГОГОЛЬ, ФИЛДИНГ, КЕВЕДО

*"Памяти Нины Владимировны Забабуровой,
моего университетского учителя,
замечательного исследователя и человека
образцовой порядочности"*

Самостоятельный жанр видений потустороннего мира (далее — «видений») известен в мифологии, фольклоре, религиозной и философской традиции, хотя именно в указанных контекстах данный жанр, при всей своей самоценности, часто может входить в состав более сложных жанровых образований (см.: [3]).

Особое распространение рассматриваемый жанр получил в средневековую эпоху, его манифестацией стала, в частности, «Божественная Комедия» Данте, стоящая, как известно, на границе между средневековьем и Ренессансом. Хотя жанр видений в карнавализованной своей проекции тесно связан с мениппеей и «диалогами мертвых», он несводим к ним и выступает по отношению к ним и другим родственным объектам карнавализации именно отдельным.

Параллели между гоголевской поэмой и «Божественной Комедией» (репрезентирующей карнавальность в специфической степени, что заслуживает отдельного разговора) проводились часто. Мы остановимся на параллелях к двум ярко карнавализованным (см.: [6, с. 339; 11, с. 8–9]) произведениям XVII–XVIII вв. — барочному «Сну о преисподней» Ф. де Кеведо (вошла в его цикл «Сновидения») и просветительскому «Путешествию в загробный мир и прочем» Г. Филдинга. Они представляют соответственно прорелигиозный и светский варианты видений.

В гоголевской поэме — на уровне исторической поэтики и интертекста — так или иначе отразились оба данных варианта: барочное и просветительское выступали для Гоголя в виде контрастных «дополнений».

Кеведо в своем «Сне о преисподней» соединяет печальное и комическое, пафос обличения (подчеркивая, что осуждает «нерадивость и злоупотребления должностных лиц, не посягая на незапятнанность должностей» [2, с. 268] — примерно то же будет с вынужденной осторожностью позже повторять Гоголь) с пафосом утверждения. Кеведо выбирает путь свободного обращения с читателем, но, правда, в отличие от Гоголя, он иронически отказывается от конвенции полного ответного читательского сочувствия и сотворчества (см. кеведовское «Предупреждение неблагодарному и безвестному читателю»).

Нарратор «Сна о преисподней», оказавшись в некоей неизвестной ему местности, видит две дороги: добродетели (узкую, по которой почти никто не ступал) и порока (по которой устремлялись многие). В то же время «<...> обе дороги не были отрезаны одна от другой: люди все время сворачивали с того пути на наш и с нашего на тот» [2, с. 270–271]. Констатация связи между дорогами фиксирует близость и оборачивание, с точки зрения Кеведо, категорий добра и зла, добродетели и греха.

Такой подход не вполне близок Гоголю, описывающему указанные категории в качестве выражения по преимуществу крайних несоотносимых состояний. Правда, в рассуждении о «прирожденных страстях» в одиннадцатой главе первого тома Гоголь намекнул на возможность будущего превращения нынешней «страсти» Чичикова в свою противоположность, но это подразумевает нечто иное, чем взаимопереход полярностей. Скорее предполагается чудо. Позднее Гоголь осудил свою идею «прирожденных страстей».

Только жизнь и смерть Гоголь готов признать взаимопереходящими и взаимопредельными, а это уже «уступка» промежуточному хронотопу чистилища — ср. идею (нигде, впрочем, напрямую Гоголем не сформулированную) второго тома в качестве «чистилища». Но «жизнь» и «смерть» оказываются настолько глобальными и универсальными образно-метафизическими концептами, что они невольно вбирают в себя многое-многое другое в общий ассоциативный комплекс.

Вместе с жизнью и смертью взаимопереходяются связанные с ними другие классификаторы художественного

времени и пространства «Мертвых душ». Согласно замечанию Е. Фарино, к взаимопереходящим пространственным чертам поэмы относятся, в частности:

1) Высокая степень аморфности (извилистость, запутанность дорог, обилие поворотов)

2) Необыкновенная растяжимость, безразмерность; пространство поездки Чичикова получает вид безмерного мира, мира, к которому неприменимы ни категории направления, ни категории расстояния, ни даже категория непрерывности

3) «Бесноватость пространства» или причастность к «мертвому царству»

4) Амбивалентность, или недифференцированность; теряют смысл идеологические категории «живое» – «мертвое», «существующее» – «несуществующее», «реальное» – «ирреальное», «обычное» – «необычное» [9, с. 614-616].

По поводу отсутствия категории направления с Е. Фарино нельзя согласиться, т.к. автор/нарратор, по верному наблюдению Ю. М. Лотмана, стремится превратить ненаправленное движение Чичикова в направленное [4], причем направленное в духовно-религиозную сторону, т.е. во «внутреннее».

Кеvedовская символизация образа дороги, восходящая к Священному писанию, будет актуальна и для «Мертвых душ», где художественная семантика данного образа, помимо религиозной, многократно усилена и осложнена разнообразными «светскими» дополнениями (идеей обустройства хозяйства, величия государства и т.д.).

По наблюдению З. Плавскиной, сам ад выступает у Кеvedо трансформированным образом дороги, и он напоминает дорогу Паблоса из плутовского романа Кеvedо «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» [7, с. 16]. Связь «Мертвых душ» с традицией плутовского романа общеизвестна.

Кеvedо предлагает подробное описание топографии ада и изображает различные портреты его обитателей — от чертей, вершащих суд, до грешников. Черти парадоксально утверждают, что «<...> хуже приходится тем, кто должен вас мучить, чем вам (грешникам. — С. Ш.) от вынесения этих мук» [2, с. 281]. Вообще носители inferнального начала у Кеvedо постоянно

морализируют, нередко высказывая неожиданно здравые мысли. Поэтому нечистая сила часто представлена у Кеведе, по тонкому наблюдению С. И. Пискуновой, в виде «дьявола-шута» [6, с. 339]. Ср. кое в чем родственный образ смешного черта в раннем гоголевском творчестве. Подобное «шутовство» окрашено у обоих авторов в тона трагического гротеска, но вместе с тем оно несет и обертоны озорной карнавальной шутки. Отсюда прямой путь к карнавализованному гетевскому Мефистофелю.

Один из кеведовских чертей, утверждая, что «всю жизнь» люди ничего иного не видят, «кроме похорон, мертвецов и гробницы» и что «все напоминает <...> о смерти», делает вывод о том, что «творя благо и зло, смерть является и матерью и мачехой» [2, с. 289]. Тем самым в идее и в данности смерти акцентируется одновременно негативное и позитивное в их противоречивой слитности. Смерть лишается однозначного злого ореола. Но и все живое рассматривается под знаком смерти как его изнанки.

Таков и подход Гоголя, впрочем, еще более сложный и более нюансированный. Гоголь подводит читателя к выводу о глубочайшем смысле смерти — эсхатологической трансформации и переходе.

Нечастые упоминания чертей в «Мертвых душах», подобно «Сну о преисподней», даны в комической и трагикомической плоскости. Вот симптоматичный разговор между Чичиковым и Коробочкой по поводу «мертвых душ»: «— Ей-Богу, товар такой странный, совсем небывалый!

Здесь Чичиков вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта.

Черта помещица испугалась необыкновенно.

— Ох, не припоминай его, Бог с ним! — вскрикнула она, вся побледнев. — Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то Бог и наслал его. Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих.

— Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... да пропади и околеи со всей вашей деревней!..» [1, с. 53–54].

Резкий переход Чичикова от проявления лицемерного сочувствия к проклятиям, впрочем, скорее риторическим, однако же выдает в нем нечто «дьявольское». Черта «сулит» и недоумевает, почему черти не снятся Коробочке «десятками», сам же «черт». В лживом морализировании Чичикова переворачивается искреннее морализирование кеведовских чертей.

Сделка в обмен на душу — занятие дьявола. Не потому ли столь редки упоминания чертей в поэме, что сам Чичиков — вариация черта (по известному предположению Д. С. Мережковского)? Правда, Чичиков спрашивает души уже мертвые, что в целом придает процитированной сцене у Коробочки оттенок карнавального комизма.

В виде эсхатологического устрашения упоминает черта Плюшкин, напрасно обвиняя Мавру в хищении бумаги: «— Вот погоди-ка: на Страшном Суде черти припекут тебя за это железными рогатками! Вот посмотришь, как припекут. <...> скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!», — да горячими-то тебя и припекут!» [1, с. 123].

Но эта сцена — также пародийная, поскольку Мавра в данном случае невиновна, а Плюшкин сам нуждается в возмездии. Для него идея Страшного Суда важна только для запугивания, причем запугивания по мелочам. Так же мелочно будет грозить впоследствии своим слугам Страшным Судом и Чичиков [1, с. 210]. Глобальности, метафизики эсхатологии Чичиков и Плюшкин не замечают.

Если видения потустороннего мира у Кеведо и Гоголя — оба «визионерские», «духовидческие» и «духоведческие» (как говорил сам Гоголь по несколько другому поводу), то «Путешествие в загробный мир и прочее» Г. Филдинга — рационализованная, нарочитая, рассчитанная пародия на самый жанр «видений». Дело не только в том, что атрибуты потустороннего у Филдинга — по преимуществу античные, языческие, не только в изрядной доле скепсиса по отношению к описываемому «постбытию». Дело еще также в том, что цель Филдинга — посмеяться над страхом смерти, заведомо позабавить, потешить, хотя и с элементами ненавязчивого морализаторства. Отсюда отдельные элементы внешнего использования

потенциала жанра видения — при всем остроумии и блеске филдинговского повествования.

В соответствии с установкой на воссоздание определенного колорита античности, автором/нарратором принято положение о метемпсихозе, переселении и круговороте душ после смерти. Каждое новое земное воплощение «я» Филдинг рассматривает в качестве «нового испытания», хотя вполне похристиански признается, что «страданиями» прегрешения искупаются [10, с. 98]. И вот эти земные скитания, земные «страдания» становятся для Филдинга главнее, чем «пост-земное» существование, интерес к которому скорее лишь видимый и внешний, иллюстративный. Поэтому античная преисподняя выступает у Филдинга хотя и большой, но декорацией. Ее облик для автора отнюдь не самоценен.

Вначале нарратор пытается разобраться в различии собственно материального («земного») и собственно духовного («загробного»), хотя обе эти категории вполне свойственны жизни вообще, несводимой только к материальному.

Вот как описывается, например, состояние протагониста после его смерти: «Никакой узник, выпущенный из долгого заточения, не обонял аромат свободы острее меня, освобожденного из темницы (имеется в виду платоновское «тело — темница души». — С. Ш.), где я удерживался около сорока лет, и, наверное, с теми же чувствами, что и он, обратил я глаза на прошедшее» [10, с. 31]. И тут же в примечании нарратор несколько игриво, хотя и с долей серьезности, сообщает: «Пожалуй, «глаза» не очень годятся для духовной субстанции, однако здесь и много раз потом мы вынуждены прибегать к материальным понятиям, чтобы нас лучше поняли» [10, с. 31].

Несмотря на подробное воспроизведение деталей загробного мира, Филдинг интересуется прежде всего миром земной. Изображение «постземного» существования становится лишь поводом сказать что-то принципиальное непосредственно о самой жизни. Недаром в предисловии к книге, выдаваемой Филдингом за случайно попавшую к нему рукопись другого лица, не без иронии, впрочем, замечено (о самом же себе!): «<...> у автора философский склад ума, кое-какое знание жизни и более

или менее здоровое суждение о ней» [10, с. 30]. Жизнь и смерть, однако, не рассматриваются в «Путешествии...» во взаимосвязи и переплетении, они в основном изолированы друг от друга.

Одной из главных причин обращения к пародии на «видения» для Филдинга была, видимо, возможность предложить описание самых различных моральных типажей, социальных масок и просто отдельных индивидов, несводимых к «типажам». Мелькающие образы — от знаменитых до безвестных, от Юлиана Отступника в его многообразных земных воплощениях до Анны Болейн — фиксируют внимание Филдинга прежде всего на нравственной основе прожитой его героями жизни. Данный тип морализма отличается от кеведовского нерелигиозным, «светским» своим характером. Все это предвещает Л. Толстого — и в какой-то мере Гоголя, в той его части, в которой он выходит за рамки собственно религиозного к чисто комическому, к карнавалному.

Выстраивается цепочка предпочтения рассматриваемыми авторами большей важности земной жизни или потусторонней: одинаковая важность земной и загробной жизни у Кеведа; важность лишь земного у Филдинга; важность по преимуществу потустороннего существования у Гоголя.

По замечанию П. Роджерса, «Путешествие...» Филдинга отличается «глубиной аллегории» [8]. Однако основой аллегории Филдингу служит по преимуществу идея ненавязчивой назидательности. В целом же его карнавализованные образы потустороннего и земного носят не столько аллегорический, сколько иллюстративный характер по отношению к вложенным в них философско-этическим и просто «житейским» идеям. У Кеведа и Гоголя символично-аллегорическое начало выражено гораздо более.

Например, описание экипажа, отправляющегося на тот свет, напоминающее будущее изображение взмывающей ввысь птицы-тройки, у Филдинга просто забавно и замкнуто само на себя: «Карету сладил знаменитый игрушечный мастер, великий знаток по части нематериальной субстанции, из которой и была сделана карета. Работа была настолько тонкая, что карета была невидима для живых глаз. Призрачными, под стать пассажирам, были лошади, запряженные в этот необычный экипаж» [10, с. 32].

Некая «нематериальность» птицы-тройки может идти и от упомянутого филдинговского образа.

Далее у Филдинга идет пассаж, соединяющий возвышенную патетику со сниженным комизмом в духе будущего Гоголя: «Всю упряжку, как выяснилось, заездил до смерти какой-то стационарный смотритель; и кучер, этот жалкий комок нематериальной субстанции, при жизни удостоившийся возить Великого Петра, или Петра Великого, — он тоже пал от голода духовного и телесного» [10, с. 32]. Кроме того, весь этот пассаж еще и напрямую связан с русской темой.

Литература:

1. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем в 17 т. М. – Киев, 2009–2010. Т. 5. 680 стр.
2. *Кеведо Ф. де.* Избранное. Л., 1980. (пер. И. Лихачева). 544 стр.
3. Книга загробных видений. СПб., 2006. 400 стр.
4. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. 1988. С. 293–325.
5. *Мережковский Д. С.* Гоголь и черт // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 213–309.
6. *Пискунова С. И.* Испанская и португальская литература XII–XIX вв. М., 2009. 400 стр.
7. *Плавский З. Ф.* де Кеведо — человек, мыслитель, художник // Кеведо Ф. де. Избранное. Л., 1980. С. 3–18.
8. *Роджерс П. Г.* Филдинг. М., 1984. С.81. (пер. В. Харитонов). 208 с.
9. *Фарино Е.* Структура поездки Чичикова // Russian Literature, 1979. Т. VII. № 6. С. 611–622.
10. *Филдинг Г.* Избранные сочинения. М., 1989. (пер. В. Харитонов). 686 стр.
11. *Харитонов В.* Разный Филдинг // Филдинг Г. Избранные сочинения. М. 1989. С. 5–26.

References:

1. Gogol' N. V. Complete Works and Letters in 17 vol. [Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 17 t.] Moscow–Kiev, 2009–2010. Vol. 5. 680 p.
2. Kevedo F. De. Favorites [Izbrannoe]. Leningrad, 1980. 544 p.

3. The Book of Ghostly Visions [Kniga zagrobnyh videnij]. St. Petersburg, 2006. 400 p.
4. Lotman Ju. M. Art Space in Gogol's Prose [Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja]. *Lotman Ju. M. In the School of Poetic Word. Pushkin. Lermontov. Gogol [V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol']*. Moscow, 1988. P. 293–325.
5. Merezhkovskij D. S. Gogol and the Devil [Gogol' i chert]. *Merezhkovskij D. S. in Still Waters [V tihom omute]*. Moscow, 1991. P. 213–309.
6. Piskunova S. I. Spanish and Portuguese Literature of XII-XIX Centuries [Ispanskaja i portugal'skaja literatura XII–XIX vv.]. Moscow, 2009. 400 p.
7. Plavskin Z. Francisco de Quevedo — a Man, the Thinker, the Artist [F. de Kevedo — chelovek, myslitel', hudozhnik]. *Kevedo F. de. Favorites [Izbrannoe]*. Leningrad, 1980. S. 3–18.
8. Rodzhers P. G. Fielding [Filding]. Moscow, 1984. P. 81. 208 p.
9. Farino E. Structure of Chichikov's Trip [Struktura poezdki Chichikova]. *Russian Literature [Russkaja literatura]*, 1979. T. VII. № 6. P. 611–622.
10. Filding G. Selected Works [Izbrannye sochinenija]. Moscow, 1989. 686 p.
11. Haritonov V. Different Fielding [Raznyj Filding]. Filding G. Selected Works [Izbrannye sochinenija]. Moscow, 1989. P. 5–26.

Аннотация

ГОГОЛЬ, ФИЛДИНГ, КЕВЕДО

Работа посвящена сопоставлению «Мертвых душ» с двумя карнавализованными вариантами жанра видений потустороннего мира — барочным «Сном о преисподней» Кеведо и просветительским «Путешествием в загробный мир и прочее» Филдинга, представляющими соответственно религиозный и светский типы жанра. Кеведо соединяет печальное и комическое, пафос обличения с пафосом утверждения, серьезное и ироническое, фиксируя взаимопереплетение жизни и смерти, что актуально для гоголевской поэмы. Образ смешного черта — общий для двух авторов (ср. Чичикова). Если видения Кеведо и Гоголя — оба «визионерские», то произведение Филдинга — рационализированная пародия на жанр «видений». Атрибуты потустороннего у Филдинга — античные, цель автора — позабавить, но с элементами ненавязчивого морализаторства. Несмотря на воспроизведение деталей загробного мира, Филдинга интересует прежде всего мир земной. Выстраивается цепочка в отношении рассматриваемых авторов к большей важности земной жизни

или потусторонней: одинаковая важность земной и загробной жизни у Кеведо; важность лишь земного у Филдинга; важность лишь потустороннего существования у Гоголя. Филдинг предлагает описание различных социально-моральных типажей, фиксируя внимание прежде всего на степени добродетельности индивида. Данный тип морализма отличается от кеведовского внерелигиозным своим характером. Все это предвещает Л. Толстого — и в какой-то мере Гоголя, в той его части, в которой он выходит за рамки собственно религиозного к чисто комическому, к карнавальному.

Ключевые слова: Гоголь, Кеведо, Филдинг, видения потустороннего мира.

Анотація

ГОГОЛЬ, ФІЛДІНГ, КЕВЕДО

Робота присвячена співставленню «Мертвих душ» з двома карнавалізованими варіантами жанру видінь потойбічного світу — бароковим «Сном про пекло» Кеведо і просвітницькою «Подорожжю в загробний світ та інше» Філдинга, що представляють відповідно релігійний і світський типи жанру. Кеведо поєднує сумне і комічне, пафос викриття з пафосом ствердження, серйозне і іронічне, фіксуючи взаємопереплетення життя і смерті, що актуально для гоголівської поеми. Образ смішного чорта — спільний для двох авторів (пор. Чичиков). Якщо видіння Кеведо і Гоголя — «візіонерські», то твір Філдинга — раціоналізована пародія на жанр «видінь». Атрибути потойбічного у Філдинга — античні, мета автора — позбавити, але з елементами ненав'язливого моралізаторства. Незважаючи на відтворення деталей загробного світу, Філдинга цікавить насамперед світ земний. Вибудовується ланцюжок відносно розглянутих авторів до більшої важливості земного або потойбічного життя: однакова важливість земного і загробного життя у Кеведо; важливість лише земного у Філдинга; важливість лише потойбічного існування у Гоголя. Філдинг пропонує опис різних соціально-моральних типажів, фіксуючи увагу насамперед на ступіні добродіянь індивіда. Даний тип моралізму відрізняється від кеведовського позарелігійним характером. Все це передвіщує Л. Толстого — і в якійсь мірі Гоголя, в тій його частині, де він виходить за рамки власне релігійного до чисто комічного, карнавального.

Ключові слова: Гоголь, Кеведо, Філдинг, видіння потойбічного світу.

Summary

GOGOL, FIELDING, QUEVEDO

The work is dedicated to the comparison of "Dead Souls" with two carnivalized variants of genre of visions of the other world — the baroque "Dream About the Underworld" by Quevedo and educational "Journey to the Afterlife and Other" by Fielding, representing religious and secular types of genre. Quevedo connects the sad and the comic, pathos of conviction with pathos of allegations, serious and ironic, fixing the intertwining of life and death, which is important for Gogol's poem. The image of the funny devil is common to the two authors (Chichikov). Fielding offers a description of the various social and moral typecasting, primarily fixing attention on the degree of goodness of the individual.

Keywords: Gogol, Quevedo, Fielding, visions of the other world.

ІЗ ЗАРУБІЖНОГО ГОГОЛЕЗНАВСТВА

Дмитро Чижевський

СКОВОРОДА – ГОГОЛЬ ДО 60-РІЧЧЯ Ю. Г. ШЕВЕЛЬОВА

Перекладено за виданням: Dmitrij Tschizewskij. Skovoroda – Gogol // Die Welt der Slawen, Jahrgang XIII, Heft 3, 1968. S. 317–327.

1

Не підлягає жодному сумніву, що Гоголь у своїх творах, окрім усього іншого, хотів бути ще й моралістом. До найголовніших моралізаторських мотивів, які постійно зустрічаються у творах Гоголя, належить різноманітність пустих, нікчемних і безглузких людських «пристрастей» («страсти» або «задори»). Негативним пристрастям (слово «задор» вживається виключно у цьому смислі) протиставляються, у всякому разі на думку Гоголя, «шляхетні», «високі», «божественні». Показовим є те, що Гоголь говорить про низькі пристрасті. На значення цих поглядів Гоголя особливо вказував його видатний дослідник В. Гіппіус у своїй блискучій книзі [1]. Найважливіші з них можна знайти у «Невському проспекті» та «Мертвих душах».

Своєрідне гоголівське слово «задор» ми можемо передати за допомогою німецького «Begeisterung» (захоплення) [2]. Приміром, в «Мертвих душах» читаємо таке:

«У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен

такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного зрителя или ямщиков [3], — словом, у всякого есть свое...» [4].

Отож і у цьому фрагменті всі «захоплення» умисно представлені «нищими» чи сміхотворними, навіть захоплення музикою виглядає проблематичним, оскільки любитель музики лише вважає, що він розуміє музику, а в двох інших випадках «захоплення» приписується не самій людині, а її руці, що діє самотійно. Але ще більш нищими є ті «захоплення», про які йдеться на початку «Невського проспекту». Тут Гоголь зображує «виставку» «найкращих виробів людства» [5], які можна було побачити під час прогулянки Невським проспектом між другою та третьою годинами дня:

«Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой — греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая — пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстук, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление» [5, с. 13–14].

У всякому разі тут «виставляються» лише речі, які є симптомами інтересів чи «захоплень» їхніх господарів, а не самі захоплення. Подібні місця можна знайти у Гоголя вже в його українських оповіданнях [6].

В одному із місць «Мертвих душ» Гоголь підкреслює важливість цієї теми — пристрасті, «захоплення», хоча б якими незначними вони не видавалися, можуть відігравати величезну роль в житті людини:

«Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его забывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое» [7].

До цієї теми Гоголь звертається неодноразово, зокрема в «Портреті», «Шинелі» і, звісно ж, в «Мертвих душах», особливо в главі, присвяченій Плюшкіну [8]. Проте навряд чи він планував дати типологію пристрастей, оскільки в «Мертвих душах» він обмежився лише наступним резюме:

«Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не походи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его» [9].

2

Якщо взяти до уваги, що в різних творах Гоголя, а особливо в «Мертвих душах», містяться чисельні місця, які перегукуються з поемою Пушкіна «Євгеній Онегін», тоді необхідно буде поєднати гоголівські зображення нікчемних «захоплень», «задоров» з одним місцем у четвертій главі роману Пушкіна, яке, безперечно, було відоме Гоголю, хоча в нинішніх виданнях «Євгенія Онегіна» воно відсутнє взагалі, чи про нього лише коротко мовиться в примітці, що ця строфа за номером 36 була опублікована у першому спеціальному виданні четвертої та п'ятої глав роману, а потім викреслена. Ось цей текст:

У всякого своя охота,
своя любимая забота:
кто целит в уток из ружья,
кто бредит рифмами, как я,
кто бьет хлопушкой мух нахальных,
кто правит в замыслах толпой,
кто забавляется войной,
кто в чувствах нежится печальных,
кто занимается вином:
и благо смешано со злом [10].

Схожість основної думки цієї строфи з цитованими вище місцями з творів Гоголя кидається в очі, і ця схожість поширюється не лише на загальний характер цих місць. Вони, як у Пушкіна, так і в Гоголя, є підкреслено сатиричними. Пушкін тут виступає як Гоголь, трансформований у віршовану форму. Проте Пушкін написав і опублікував її ще до виходу Гоголя на літературну авансцену.

Юність Гоголя наштовкує на думку про ще одне можливе джерело, чи можливого натхненника «каталогу» «захоплень». Це український філософ Григорій Савич Сковорода. Безсумнівно, що в українському суспільстві за часів Гоголя він належав до найзнаменитіших постатей українського минулого. Але це ще не означає, що Гоголь неодмінно мав знати його твори. Проте щонайменше з одним із них, з віршем із збірки Сковороди «Сад божественних пісень», Гоголь безперечно був знайомий [11]. Йдеться про десяту «пісню» збірки «Всякому городу свій нрав і права». Ця пісня, щоправда у різних варіантах, скоро стала народною і впродовж до ХХ ст. входила до репертуару українських лірників [12], пісні яких Гоголь, поза всяким сумнівом, повинен був чути. Полтавський поет Іван Котляревський (1769–1838), засновник нової української літератури [13], включив цю пісню (зі змінами) до своєї комедії «Наталка Полтавка» (1816), яку Гоголь знав [14]. Отож познайомимось з текстом цієї пісні Сковороди (обидва останні рядки повторюються в якості приспіва після першої-третьої та п'ятої строф) [15]:

Всякому городу свой нрав и права;
 всяка имъет свой ум голова;
 всякому сердцу своя есть любовь;
 всякому горлу свой вкус есть каков.
 А мне одна только в свете дума,
 а мне одно только нейдет с ума.

Петр для чинов углы панскіи трет.
 Федька купец при аршине все лжет.
 Тот строит дом свой на барский манер.
 Тот весь в процентах: пожалуй поверь!

А мне...

Тот непрестанно стягает грунта.
 Сей иностранны заводит скота.
 Те формируют на ловлю собак.
 Сих шумит дом от гостей, как кабак.

А мне...

Строит на свой тон юриста права.
С диспут студенту трещит голова.
Тех безпокоит Венерин амур.
Всякому голову мучит свой дурь.

А мне одна только в свете дума,
как бы умерти мне не без ума.

Тот панегирик сплетает со лжей.
Лекарь в подряд ставит мертвых людей.
Сей образы жировых четет тузов.
Степка бижит как на свадьбу в позов.

А мне...

Смерте страшна! замашная косо!
Ты не щадишь и царских волосов,
ты не глядишь, где мужик, а где царь —
все жереш так, как солому пожар.

Кто ж на ея плюет острую сталь?
Тот, чія совість, как чистый хрусталь.

Найперше, що кидається в очі, це те, що практично весь довжелезний список «дуроців», які Скворода проте також характеризує як спосіб мислення, любові та смаку, Гоголь, здебільшого досить пластично, зображує у своїх творах — гонитва за званнями та орденами («Ранок ділової людини», фрагмент незавершеного твору «Володимир 3-го ступеня»), купці в пошуках наживи («Ревізор»), модний новий будинок (згадується в «Мертвих душах», що було сприйнято цензурою як натяк на новий палац царя), величезні борги (поміщики в «Мертвих душах», чії мастки не однократно закладені, як, приміром, у Кошкарьова), купівля все нових маєтків (у Гоголя, щоправда, Костанжогло трактує це позитивно), любителі всього модерного, включно з іноземними породами худоби (Кошкарьов, Костанжогло також згадує таких поміщиків), любителі собак (Ноздрьов і суддя в «Ревізорі»), схожі на корчму будинки

«гостинних» поміщиків (Ноздр'ов, Хлобуєв), пройдисвіти-юристи (напр., у заключній главі другої частини «Мертвих душ»), нещасливі закохані (у «Вечорах» та «Невському проспекті»), «шанувальники» карт («Гравець»), сутяжники (Іван Іванович та Іван Никифорович), і нарешті сама афера з мертвими душами, правда у Сковороди в іншій функції, все це ми бачимо у творах Гоголя. Поза полем зору Гоголя залишилось тільки шкільне життя українських навчальних закладів (Київська академія, Харківський колегіум, Переяславська семінарія, які Сковорода знав у якості і студента, і професора) з їхніми диспутами та панегіриками, хоча він і згадує у своїх творах Київську академію («Тарас Бульба», «Вій») [16].

На перший погляд може здатися, що Гоголь у своїх творах виконав «типологічне» завдання Сковороди. Це враження підсилюється ще й тим, що гоголівська філософія моралі крім цього і так має багато точок дотику з філософією Сковороди, а саме емоціоналізм, вчення про «внутрішню людину», зображення життя в якості «прощі» («Ми всі прочани» [17]), філософія професії. Таким чином можна було б подумати про всеосяжний вплив Сковороди на Гоголя. Можна було б, якби не було відомо, що обидва українських поети та мислителі черпали із одних і тих же джерел, а саме писань Отців церкви та (хоча і в різному обсязі) з повчальної літератури «Київської школи» 17 століття [18]. Але яким чином тут причетний Пушкін?

4

Згадана вище строфа Пушкіна вказує нам на інше джерело, яке, певно що, надихало також Сковороду і Гоголя. Цим іншим джерелом є Горацій. Пушкінська строфа вказує свій зв'язок з Горацієм через закінчення «и благо смешано со злом», яке, вочевидь, є нічим іншим як варіацією Горацієвого:

nihil est ab omni
parte beatum (Carmina, II, 16).

Звісно що Пушкін читав Горація, як і інших античних авторів, у французьких виданнях, які традиційно поруч з латинським наводили і паралельний французький текст [19].

Відомо, що Сковорода «переклав» ту ж таки оду двічі. Він «українізував» зміст оди, так само як Пушкін його

«русифікував» чи, точніше кажучи, прилаштував його до контексту свого роману. Сковорода жодним чином не травестував вірш Горація, він лише замінив римські образи Горація такими, які були більш зрозумілими його українським сучасникам і видалив міфологічний антураж (Ахілл, Егейське море, африканський пурпур і т.п.) за винятком одних муз [21]. Поруч з перекладом, датованим 1765 роком, який Сковорода включив до свого «Саду божественних пісень», існує більш ранній [22], зроблений, мабуть, у 1752 році. Ця більш рання версія, якою Сковорода вочевидь користувався у своїх лекціях з теорії поетичного мистецтва у Переяславській семінарії, отримала назву «*De animi tranquillitate*» [23] і характеризується легкими рисами модернізованої травестії («марширувати», «бомбардувати» і т.п.). Сковорода також ретельно видалив з вірша Горація всі ті місця, які містили вказівку на час та місце події, і пересипав його своїми улюбленими думками, типу «ненаситність духу» (власне кажучи, вислів Августина), «повсюди літаюча печаль», яка характеризує цей світ. Обидва переклади є типовими зразками християнізованих «пародій» у дусі поезії барокко, тобто серйозними переробками тексту Горація [24]. В кінці стоїть вільна цитата з Горація: «*Nihil est ab omni parte beatum*» і власна сентенція Сковороди: «Є чаша всім людям». Думки цих двох своїх перекладів Сковорода варіює також і в інших віршах [25].

Після викладу даної аргументації питання про те, звідки Гоголь узяв тему «задоров», вже не є таким важливим. Те, що пушкінська строфа таки зіграла певну роль у виникненні його роздумів про «захоплення», є дуже вірогідним. Не можна виключати і те, що певний поштовх дав йому і Сковорода, який евентуально був також одним із джерел сюжету «Мертвих душ» (оборудка, яка робиться з «мертвим», попри те, що у Сковороди йдеться про лікаря, а в Гоголя про шахрая) [26]. Що стосується оди Горація, то Гоголь мав знати її ще зі школи. У всякому разі цілком можливо, що типологія Гоголя, прямо чи опосередковано, ґрунтується саме на античній традиції, яка в творчості Горація реалізовувалася у вигляді переспівів

популярних положень стоїцизму і, можливо, філософії неокініків («діатріба») [27].

І все ж, попри дуже різну роль і далеко не рівнозначне місце типології у світогляді цих трьох поетів, подібність трьох таких різних творів, як духовна пісня пізнього бароко Сковороди, романтичний роман у віршах Пушкіна і прозова «поема» Гоголя, є цікавим прикладом міграції і мутації літературних мотивів.

Примітки:

1. В. Гіппіус. Гоголь. — Ленінград, 1924. (*Гиппиус В. Гоголь. Л., «Мысль», 1924, 239 стр. — Тут і далі уточнення бібліографічних описів джерел (в дужках), окремі коментарі подані курсивом у редакції видавців збірника.*) Можна лише жалкувати, що ця видатна книга залишилась невідомою для більшості зарубіжних істориків літератури, оскільки знайомство з нею уберегло б їх від багатьох неправильних суджень. Перевидання з'явилося лише в 1963 році в Провіденсі (США). (*Гоголь [Текст] / Василий Гиппиус. — Перп. изд. — Провиденс : Brown University, 1963. — 239 с. — (Brown University slavic reprint series ; № 1). — Вых. дан. ориг. : Л. : Мысль, 1924. — Часть текста : англ.*).

2. Можна було б запропонувати й інші німецькі слова в якості еквівалента виключно гоголівського слова «задор», яке в звичному значенні передається словами «Eifer, Egreifung», проте всі відомі варіанти видаються мені незадовільними. Аналіз значення цього слова можна знайти у Гіппіус (*Гиппиус*), с. 157.

3. Тут Гоголь, мабуть, має на увазі звичку тогочасних «сильних світу цього», переконувати станційних наглядачів за допомогою ляпасів. Пор., «Станционный смотритель» Пушкіна.

4. Твори, академічне видання, т. VII (1951), с. 24. (*Гоголь Н. В. Мертвые души. Том первый // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.] / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 6. — С. 24.*)

5. «Невский проспект», акад. видання, т. III, с. 12; пор. варіанти із рукописів, там само, с. 343 і 479. (*Гоголь Н. В. Невский проспект // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.] / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937—1952. —Т. 3. — С. 7—46. Другие редакции : С. 337—476. Варианты: С. 477—632.*)

6. Систематизовано В. Гіппіус, с. 158.

7. Академічне видання, т. VII, с. 242. (*Гоголь Н. В. Мертвые души. Том первый // Гоголь Н. В. Полное собрание починений : [В 14 т.] / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 6. — С. 242).*

8. Пор. мою працю «Zur Komposition von Gogol's Mantel» in: *ZfslPh XIV(1937),1/2, с. 63* та друге (доповнене) видання у збірнику «Gogol-Turgenev-Dostojeskij-Tolstoj» (*Forum Slavicum. Band 12. München 1966, с. 100—126.*

9. Академічне видання, т. VII, 242. (*Гоголь Н. В. Мертвые души. Том первый // Гоголь Н. В. Полное собрание починений : [В 14 т.] / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 6. — С. 242).*

10. Пор. мій коментар до «Євгенія Онегіна» (*Cambridge/Mass., 1953, с. 251*). Вочевидь Пушкін видалив цю строфу через те, що в його поемі боротьба з мухами вже згадувалася у 2-й главі («деревенский старожил ... в окно смотрел и мух давил») і дослухаючись до зауважень критиків.

11. Наскільки мені відомо, Гоголь ніде не згадує Сковороду, проте серед українських читачів були поширені рукописні списки його творів. Окрім цього, щонайменше деякі з них були надруковані у 1832–34 роках. Пор., Д. Багалій. Видання творів Сковороди (Харків, 1894). Вступ. Д. І. Багалій. Г. Сковорода. Український мандрований філософ. Харків, 1924. (Бібліографія). *Уточнений бібліографічний опис: Сочинения Григория Саввича Сковороды, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Юбилейное издание (1794–1894 год) С портретом его, видом могилы и снимками почерка. (7-й том Сб. Харьк. ист.-филолог. общ.). Харьков, 1894. СXXXI + 132 + 352 стор. На стор. I—СXXXI — вступна стаття Д. Багалія: видання творів Сковороди і досліджень про нього; бібліографічний огляд творів Сковороди; список його творів; сумнівні твори; автографи; списки: зміст всіх оригінальних творів Сковороди; Багалій Д. І. Сковорода — український мандрований філософ / Д. І. Багалій. — Х. : Держжур, 1926. — 397 с.*

12. Так звана «поворотна ліра» чи шарманка, ще у 18 ст. була поширена на всьому європейському Заході і її не цуралися навіть у вищих колах. Це підтверджують, зокрема, порцелянові фігурки шляхетних дам і кавалерів, які грають на лірі (побачити їх можна в лондонському «Альберт-Вікторія музеї»). У колекціях старовинних музичних інструментів (напр., у Відні) зберігаються екземпляри, оздоблені дорогою інкрустацією. У 20 ст. цей інструмент, крім України, можна було зустріти і в північній Італії та південній Франції, правда, переважно серед «простих людей».

13. Гоголь був знайомий з цією літературою, про це свідчать нотатки в записниках його юності. Вони надруковані в IX томі академічного видання (с. 507–511, пор. також с. 516, 524). Батько Гоголя, поряд з Котляревським, належав до піонерів цієї літератури. З двох написаних ним невеликих комедій одна збереглася і була кілька разів передрукована (Гейдельберзький Славістичний інститут володіє одним із новодруків — Простак. Київ, 1882). *Перше видання було здійснено П. Кулішем: В. А. Гоголь. Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом // Основа. — 1862. — № 2. — С. 19—43.*

14. Чисельні виписки із Котляревського наводяться, зокрема, в академічному виданні, т. IX, с. 505 і 518. Пор. також епіграфи у «Сорочинській ярмарці» (до глав III, IV і VIII).

15. Тут я наводжу текст з незначними коректурами, які, з одного боку, повинні відтворити розмір силабічного вірша (у другому рядку замість «всякая» у виданні Багалія (1894) я пишу «всяка»), з іншого, випускаю «ь», як цього вимагали запропоновані Скворородою плани реформи орфографії. Слід також мати на увазі, що весь вірш складається виключно з чоловічих рим, що суперечило традиційній українській поезії. Про запроваджені Скворородою «неточні рими» можна прочитати у моїй книзі «Український літературний барок. Нариси», т. II, Прага, 1941. Там також наводиться весь «Сад...» (с. 54). Я здійснив спробу проаналізувати текст, запропонований Багалієм. *Повне видання: Чижевський Д. Український літературний барок: нариси // Праці українського історично-філологічного товариства у Празі. — Прага, 1941 — Т. 1 ; 1942. — Т. 2. ; 1944. — Т. 3.*

16. Земляк Гоголя, В.Т. Наріжний (1780-1825) у своєму романі «Арістон чи перевиховання» також наводить цілу галерею типів українських поміщиків, які частково нагадують гоголівські персонажі. — Стосовно ж афери з «мертвими душами», то Гіппіус у своїй книзі (с. 137 і 231) розглядає всі можливі джерела сюжету, серед яких і нещодавно опублікований фрагмент спогадів одного із шкільних товаришів Гоголя, Мартоса. Той розповідає анекдот із Ніжина, в якому навчався Гоголь, про гешефт з «мертвими душами» («Литературное наследство», т. 58 [1954], с. 774). Згідно з більш ранньою версією, яка викликає великі сумніви, Гоголь нібито отримав сюжет «Мертвих душ» від Пушкіна.

17. Пор. мою працю «Labyrinth der Welt von Comenius» (in Harvard Slavic Studies, I, 1953), особливо с. 91–102. Схожі ідеологічні мотиви у Гоголя і Сквороди були предметом розгляду мого учня, доктора Л. Миколаєнка, можливо під дещо загостреним кутом зору. Він також є автором глави про Гоголя в моїх «Нарисах з історії філософії на Україні», Прага, 1931, с. 87–107, особливо с. 92, 104.

18. Нам відомо, що Гоголь в останні роки свого перебування в Римі замовляв твори українських теологів 17-го і 18-го століть. Що він отримав, нам достеменно не відомо. Зошит із його нотатками до праць Отців церкви знаходився в бібліотеці Ніжинського ліцею. На жаль, детально його ніхто не досліджував.

Варто зауважити до примітки 18:

Сучасні дослідження і нові видання спадщини Гоголя розкривають його як релігійного мисленика і духовного письменника. Див.: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. Т. 9: Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М. : Издательство Московской Патриархии, 2009. — 968 с. Выписки з творінь Святих Отців — с. 7–142, коментарі про зацікавленість духовною літературою — с. 767–776; «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» — с. 721–724 (книги духовного змісту), коментар щодо отримання їх Гоголем — с. 934–935. Також див.: Воропаев В. Книги для Гоголя // Библиотечное дело. — № 4, 28 февр. — 2013. — С. 18–26. Зацікавленість Гоголя українською проповідницькою літературою XVII ст. і творчістю представників кийвської школи проповіді докладно: Барабаш Ю. Я. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. — М. : Наследие, 1995. — С. 156–175.

Автограф збірника Гоголевих виписок із творів Отців і Учителів православної церкви у повному обсязі не зберігся. Оригінал рукопису певний час зберігався у сестри письменниці О. В. Гоголь-Головні. Вона зробила з нього точну копію, а сам збірник разом з іншими матеріалами згодом був переданий П. Кулішу. Далі слід оригіналу обривається. Окремі фрагменти зберігаються у Відділі рукописів Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України.

Копія з виписок Гоголя із творінь Отців і Учителів церкви була передана через В. Чаговця у Київ на Гоголівську виставку (1902), організовану Товариством Нестора-Літописця, потім професору Київської духовної академії В. Завитневичу, пізніше професору Н. Петрову, який їх описав і прокоментував (Див.: Петров Н. Новые материалы для изучения религиозно-нравственных воззрений Н. В. Гоголя. — К., 1902). Зберігалася в Церковно-археологічному музеї Київської духовної академії. Доля цього екземпляру сьогодні не відома.

У Інституті рукопису Національної бібліотеки ім. В. І. Вернадського НАН України зберігаються два списки згаданого збірника Гоголя, близькі до копії О. В. Гоголь-Головні. Один був

зроблений 1911 року К. Петрушевським у зв'язку з виконанням курсової роботи.

Згаданий Д. Чижевським зошит із нотатками Гоголя до праць Отців церкви («Н. В. Гоголь. Выбранные места из творений Св. Отцов и духовных писателей. Копия сборника, принадлежащего Киевскому Церковно-археологическому музею при Императорской духовной академии») є копією, зробленою 1916 року писарем зі списку К.Петрушевського для бібліотеки Ніжинського історико-філологічного інституту кн. Безбородко і звіреною з джерелом О. С. Грузинским. (Детальніше: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. — Т. 9. — С. 809—810).

19. Пор. мій коментар до прим. 10.

nihil est ab omni parte beatum (Carmina, II, 16) – немає нічого досконалого.

20. Пор. прим. 15.

21. Аналіз перекладів Горація Сквородою можна знайти у вищезгаданій книзі, ч. II, с. 5–8. (Чижевський Д. Український літературний барок: нариси // Праці українського історично-філологічного товариства у Празі. — Прага, 1942. — Т. 2).

22. Також і інший земляк Сквороди і знайомий батьків Гоголя, російський класицистичний поет В. Капніст (1757-1823) використовує тему цитованої оди Горація в багатьох віршах, див. ZfsI Ph XIV (1937), ¾, с. 337-346, особливо с. 343. З поміж усіх старших поетів Пушкін цитував Капніста найдужче і запозичив у нього деякі образи та ідеї.

«Поруч з перекладом, датованим 1765 роком, який Скворода включив до свого «Саду божественних пісень»» ... — йдеться про пісню 24 «О покою наш небесний».

23. Про вірші Сквороди див. прим. 15, с. 13–17. «*De animi tranquillitate*» — укр. «Про спокій душі».

24. Про російські переклади Горація див. Wolfgang Busch. Horaz in Russland. Studien und Materialien (Forum Slavicum, Band 2). München, 1964.

25. Пор. мою цит. книгу, ч. II, с. 3. (Чижевський Д. Український літературний барок : нариси // Праці українського історично-філологічного товариства у Празі. — Прага, 1942. — Т. 2).

«*Nihil est ab omni parte beatum*» — Немає повного щастя (Горацій. Оди II, 16, пер. А. Содомори);

«... власна сентенція Сквороди: «Є чаша всім людям»... подана у якості примітки: Авторський переклад «ест чаша всѣм людям» // Григорій Скворода. Повне зібрання творів : у 2-х т. — К., 1973. — Т. 1. — С. 83 .

26. У чому конкретно полягав «підряд» лікаря з «мертвими душами», можна лише здогадуватись. Вочевидь, Скворода вважав, що лікар видавав мертвих за живих.

27. Пор. прим. 15, с. 122. Деякі зауваження щодо проблеми типології можна знайти у Д. Гергардта (D. Gerhardt. Gogol und Dostojewskij in ihren künstlerischen Beziehungen. Leipzig 1941).

28. Окрім Капніста, тематику цитованої оди Горація використав у своєму вірші «К друзьям» (1821, опублікований у 1829) передчасно померлий російський поет-романтик Д. Веневітінов (1805–1827). Серед людських типів у ньому фігурують «шукач слави» (воjak), шукаючий зиску торговець, веселі гульвіси. Їм протиставляється поет «зі своєю лірою та вірними друзями».

Переклад здійснив Анатолій Ролік (Ніжсин)

РЕЦЕНЗІЇ ТА ВІДГУКИ

Катерина Ісаєнко (Ніжин)

НОВА КНИГА ПРО ГОГОЛЯ-ГІМНАЗИСТА

Гоголь в Нежинской Гимназии высших наук: антология мемуаров / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. — СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. — 628 с. ; 85 ил.

Хотілося б розпочати з приємної констатації: гоголезнаство як галузь збагатилося ще одним якісним доробком уже знаних й авторитетних дослідників життя та творчості письменника. Рецензована праця закрила лакуну мемуаристики в гоголіані, роль і значення якої насправді оцінять навіть не сучасники (адже саме ранній період формування особистості Гоголя і вплив Гімназії на це формування — одне з важливих питань гоголезнаства), а наступні покоління зацікавлених біографією і творчістю письменника.

Частина, присвячена власне коментарям матеріалу, — ніби місток між епохами: сучасна, виважена й аргументована, стримана й коректна аналітика, оперування першоджерелами, як і має бути в працях такого жанру. Вже навіть самим ментально-часовим і світоглядом виваженим імперативом ця книга цілком на часі.

Книга справляє приємне естетичне враження, вона має «власне обличчя»: вдало дібраний білий колір палітурок (ніби образ самої Гімназії) з профільним портретом-гравюрою Гоголя-гімназиста невідомого майстра, сірі рамки в оформленні, сиво-сірі тони на ерзацах і раритетні шрифти разом з ілюстративним матеріалом створюють відчуття, ніби тримаєш в руках раптово знайдений старий альбом із записами про щось далеке, недосяжне, сповнене таємниць життя Гоголя в Білій Гімназії...

Композиційно робота має традиційний для мемуаристики поділ на чотири частини: вступна стаття укладачів, власне матеріали спогадів, розлогі та ґрунтовні коментарі до

них, «технічні» розділи (іменний покажчик, перелік скорочень та ілюстрацій, бібліографія).

Сюжет книги зумовлений жанром. Оскільки маємо справу не з класичним варіантом антології літературної, наголосимо на специфіці мемуарних творів: суб'єктивно-оцінне, індивідуально-рецептивне в кожному дібраному фрагменті буде визначальним (а фрагменти добиралися ретельно, з акцентом на важливих моментах життя М. Гоголя в Гімназії). Дослівно «антологія» — «добірні квіти, квітник, суцвіття», тобто збірка відносно невеликих за обсягом текстів, створених різними авторами, відтак маємо дійсно показовий поліфонічний метатекст, реалізований у метажанрі. Позаяк антології об'єднують найбільш репрезентативні з точки зору укладачів тексти, в книзі чітко окреслено найважливіші персоналії осіб, які створювали свого часу репутацію Гімназії. Тобто можна вважати антологію таким собі метажанром, уформованим розмаїттям «складників»: щоденникових записів, фрагментів «пам'ятних книг», листування, спогадів, автобіографічних і біографічних фрагментів, літературних портретів, — де кожен є штрихом до збірного образу тієї Гімназії, яка формувала молодого генія різнобічно (варто взяти до уваги побут, оточення, життя містечка, науку, її ігнорування, відверту ненависть до окремих предметів і викладачів, конфлікти між гімназистами, характер дозвілля й відпочинку тощо). У цьому контексті й доречне поняття «квітника» — воно дуже влучно проектується на представлену роботу: видатні особистості, спогади яких взято до уваги, подають деталізований зріз епохи й презентують саме той український вимір в межах російського імперського простору, який утілює Гімназія вищих наук (варто лише вказати, що заклад впливав на внутрішньополітичні процеси в державі). Чого вартують імена Н. Кукольника, П. Редкіна, П. Куліша, Є. Гребінки, Г. Данилевського та багатьох інших. Кожен із них став «окремою сторінкою» в житті Гімназії, демонструючи її успіх і досягнення. І це поза контекстом Гоголя. Тож українська вища школа, провінційна за географією, утім достатньо прогресивна за ідеологією, своїм змістом, була цілком конкурентоздатною й самодостатньою. У

вступній статті укладачі проводять паралелі між Гімназією й Московським університетом. Очевидно, що викладацький склад ніжинського навчального закладу виявився не менш «зірковим», аніж плеяда видатних випускників.

Виходячи з жанрової поліфонії книги, її інтертексту, зокрема колажності як його різновиду, можна окреслити й умовні вектори, що розгортаються перед читачем паралельно, хоча взаємопов'язані між собою. Вони є організуючими в загальній презентації матеріалу та, зрештою, фокусуються на двох головних дотичних — Гімназія і Гоголь:

Вектор 1. Епоха + Гімназія = середовище (побут, щоденне життя, навчання — все те, що створює картини «живого буття», формуючи умовно-дотичне і майже фізичне відчуття часу, де важливі кожна деталь і кожне свідчення).

Вектор 2. Персоналії (викладачі, студенти, друзі-вороги).

Вектор 3. «Виростання» на двох попередніх векторах, власне, індивідуалізоване «знання про...» роль і значення постаті Гоголя й Гімназії, що поставала не лише як заклад освіти, а як своєрідний «топос появи себе», місце «проростання чи виростання» уяви про себе, до чого з часом апелюватиме Гоголь-Панько і Гоголь-Пророк. Сюди відносимо й рецепцію постаті М. Гоголя його оточенням, що позначилося на біографії письменника. Безперечно, більшість спогадів писалася вже в час розуміння місця й ролі Гоголя в культурному житті України і Росії. Водночас укладачі збагатили книгу влучними фрагментами не тільки спогадів про Гоголя, а й удаюю добіркою замальовок із життя Гімназії (від організації бібліотеки до психо-поведінкових особливостей викладачів й учнів), — що в цілому творить максимально близьку до реалій «рухливу» дійсність, здатну подолати часову дистанцію, наблизити й візуалізувати умови того часу, відчутти його дух. Такими є фрагменти зі спогадів про В. Толбіна, І. Кулжинського, Н. Кукольника, Т. Пащенко, В. Шенрока та багатьох інших.

У **вступній статті**, окрім огляду попередніх праць з окресленої проблеми, укладачами визначено **новизну антології мемуарів**: «В книге впервые собран полный свод мемуаров о Гоголе-гимназисте и повседневной жизни воспитанников

Гимназии высших наук в Нежине (1820–1832)» (с. 2). Власне, тема не нова, але нова її реалізація — свіжа й неупереджена, позбавлена заідеологізованості попередніх епох. Ідеться про той новий окуляр «об'єктивного документалізму», крізь призму якого Гоголь-гімназист, майбутній письменник-пророк (над таємницями його свідомості й сьогодні зламано не один спис) постає в несподіваному світлі: «Именно Гимназия в известной степени дала ему [Гоголю — К. I.] возможность утвердиться в своем призвании, поверить в свои силы. Характерная черта нежинцев — амбициозность. Это качество помогало многим воспитанникам Гимназии в их творческом и карьерном росте» (с. 25). Окрім того, постать письменника подана очима його товаришів.

Новий і хронотоп досліду: «Представленные тексты в совокупности воспроизводят атмосферу времени: локально — атмосферу Гимназии высших наук, где происходило формирование мировоззрения молодых людей, многим из которых суждено было чувствительно повлиять на российское общество» (с. 24–25).

Головна ж ідея роботи незаперечна: «Бесспорно, нас интересовала прежде всего фигура Гоголя, потому эта книга выразительно гоголецентрична» (с. 23).

П. В. Михед та Ю. В. Якубіна презентували черговий фундаментальний результат ґрунтовної і копіткої роботи, адже науковці досить тривалий час досліджують творчість М. Гоголя, і результати цих студіювань, без перебільшень, уже сформували «кістяк» саме українського гоголезнавства, а Гоголезнавчий центр досліджень на сьогодні — це визнаний і зарекомендований часом бренд, знак високої якості.

Александр Каплин (Харьков)

ДУША И ПРОЧНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ

Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии — 2-е изд., испр., доп. — М. : Паломник, 2014. — 336 с. : ил.

После кончины Н. В. Гоголя редко кто из российских критиков или литературоведов не оставил о нём какого-либо суждения. Со временем стали появляться и обширные повествования о великом писателе, авторы которых пытались объяснить и духовную природу его творчества.

Но странное дело: в досоветской России, с её свободой в области вероисповеданий — ничего убедительного на эту тему так и не появилось. Нельзя же отнести к достижениям творения мутного мистика Д. С. Мережковского, у которого даже некоторые названия (не говоря уже о текстах) могут ввести в соблазн как, например, его «исследование» «Гоголь и чорт» (1906).

Пожалуй, от единственного из дореволюционных литературных критиков можно было ожидать подлинного фундаментального сочинения о Гоголе с оснований православного мировоззрения — от «изумительно талантливого» и «до мозга костей *православного*» (по свидетельству Л. А. Тихомирова) Ю. Н. Говорухи-Отрока (1852–1896). Но из-за преждевременной кончины он не смог осуществить задуманный труд о Гоголе (должный по замыслу выявить в его образе великого подвижника, чья «жизнь была покаянным подвигом»), оставив лишь несколько статей («Гоголь и Диккенс», «Нечто о Гоголе и Достоевском», «Чему нас учит Гоголь» и др.).

Еще больше имел оснований написать о духовной борьбе Гоголя «удивительный светский богослов — богослов «Божией милостию»» (по слову архиепископа Аверкия (Таушева), основоположник истинного славянофильства А. С. Хомяков. Но он сознательно отказался от этого.

И причина была понятна лишь немногим его современникам. Только что овдовевший (в январе 1852 года) Алексей

Степанович так поведал о впечатлении, произведенном на него кончиной Гоголя, крестного отца его сына Николеньки (будущего председателя Государственной думы): «Я мог бы написать об этом психологическую студию; да кто поймёт или захочет понять?».

Не слишком ли был пессимистичен в этом отношении А. С. Хомяков, потеряв в течение месяца жену, а затем и весьма ценившего её Гоголя? Ведь впоследствии Хомяков написал немало богословских сочинений, правда, большей частью обращенных к инославным. Неужели он не рассчитывал на понимание единоверных современников?

Ответ мы находим у его ученика, друга и единомышленника Ю. Ф. Самарина, который в предисловии к богословским сочинениям Хомякова свидетельствовал о четырех видах неверия той среды, «в которой родился, жил и умер Хомяков».

Но в этой среде «родился, жил и умер» и Гоголь. И после его кончины эта среда в духовном отношении не только не изменилась к лучшему, но всё больше деградировала (о чем сокрушались и такие их современники, как святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник).

Самарин задавался вопросом: «чем мог быть Хомяков для такой среды и что могла она от него принять?» А что она могла принять о Гоголе? Вот отчего и не стал писать «психологическую студию» Хомяков, не видя в современной «образованной» среде подлинно христианского, православного отклика на духовную борьбу великого писателя.

Правда, в послеоктябрьской эмиграции XX века появилось несколько важных сочинений по этому предмету, вспомним хотя бы книги К. Мочульского «Духовный путь Гоголя» (Париж, 1934) и протопресвитера профессора В. Зеньковского «Н. В. Гоголь» (Париж, 1961). Но на родине они были практически недоступны, да и к тому же страдали неполнотой и некоторыми существенными изъянами. Гоголь как аскет, «монах в миру», и в этих сочинениях был далеко не в центре внимания, а если быть более точным, то — на периферии, даже порой — далеко за ней. Вот что читаем,

например, у К. Мочульского о втором томе «Мертвых душ». «Несомненно, — пишет он, — что Гоголь совершил сожжение в состоянии умоисступления...».

Каких же заключений тогда можно было ждать от советских тружеников пера (нередко — богоборцев, воинственных и неисправимых атеистов) в отношении духовного пути Гоголя?

Но «Дух дышет, где хочет». С конца 1980-х годов усилиями, по сути дела, одного, тогда еще молодого аспиранта, а затем преподавателя Московского государственного университета Владимира Алексеевича Воропаева, Гоголь начинает изучаться именно со стороны главного, единственного центра его мировоззрения и творчества — религиозного.

В истории российского литературоведения В. А. Воропаев стал едва ли не единственным академическим учёным, который всю свою научную деятельность (а это уже около сорока лет) посвятил одному классику русской литературы, причём изучая его исключительно с позиций аскетического, святоотеческого православия.

Сейчас уже можно без всякого преувеличения сказать: такой подход дал выдающиеся результаты, которым нет аналогов не только в истории отечественного, но и мирового литературоведения: В. А. Воропаевым в содружестве со своим учеником И. А. Виноградовым сначала было подготовлено и издано 9-томное Собрание сочинений Н. В. Гоголя (М.: Русская книга, 1994), а затем и его Полное собрание сочинений и писем в 17 томах (М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010).

При этом собственные книги В. А. Воропаева — достаточно не многочисленны (если не считать переизданий) и невелики по объёму (и дело не в его лености, ибо одних только комментариев к вышеназванным собраниям было сделано не на одну фундаментальную книгу). Их замечательной особенностью является ясное, простое, убедительное изложение самых серьёзных вопросов веры, жизни, творчества...

Как Гоголь писал свои произведения, доступные для любого русского читателя, так и Председатель Гоголевской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» РАН, доктор филологических наук, профессор В. А. Воропаев

пишет максимально доступные тексты, где нет запутанной, надуманной, псевдонаучной терминологии.

А именно этим отличается сегодняшнее литературоведение. И современное «гоголеведение» рождает немало надуманностей, излагаемых труднопроизносимой терминологией, где многие авторы (даже с претензией на «религиозное» осмысление) прячут свою духовную пустоту за сложными конструкциями и изысками.

В. А. Воропаев как никто в современном литературоведении понимает подлинное величие того, с кем он сроднился за десятилетия изучения его наследия. А коль так, то ни о каком академическом апломбе и не может идти речь там, где гениальный писатель пытался найти подлинный смысл подлинного бытия.

Мне уже доводилось писать о том, что книгу «Николай Гоголь: Опыт духовной биографии» (М.: Паломник, 2008) можно считать в некотором смысле итоговой. И вовсе не случайно в 2009 году этот труд был удостоен Всероссийской историко-литературной премии, носящей имя святого благоверного великого князя Александра Невского.

И новому, исправленному и дополненному изданию этой книги (М., 2014) можно дать подзаголовок: «Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете Православия» (хотя автор и делает оговорку, что это лишь «попытка наметить вехи духовной биографии Гоголя, особенно в его связях с русским монашеством»). Здесь описаны обстоятельства рождения Гоголя и его кончины, попытка оставить литературное поприще и поступить в монастырь, составление тетрадей выписок из творений святых отцов и богослужебных книг, паломничество по святым местам...

Автор книги выступает не только как скрупулёзнейший знаток обстоятельств жизни и творчества великого писателя, но и вдумчивый исследователь святоотеческого наследия, истории Православной Церкви, русской истории и национальной идеи.

Бесхитростный, простой, без литературных изысков текст, в то же время насыщен самой необходимой информацией, где духовно верно расставлены акценты, которые не насилуют

сознание читателя, а неизменно точно обращают его на самое важное. Даже названия глав (а они несколько изменены в новом издании) состоят в основном из одного-трех слов, но каких: «Иерусалим» (о путешествии на Святую землю Гоголя В. А. Воропаев пишет в последние годы довольно много), «Думы об Афоне», «Оптина Пустынь», «У мощей преподобного Сергия», «Завещание» (обратим внимание и на краткость названий писем в гоголевских «Выбранных местах из переписки с друзьями»).

Третьей по счёту идёт глава «Литературная слава». Для какого-либо другого писателя такая глава более ожидаема в середине биографии, может быть в конце, даже после смерти. Но не для Гоголя, и не в изложении В. А. Воропаева. Без этого не понять и предпоследнюю главу «Тайна второго тома». И в Содержании нет необходимости дописывать: о каком втором томе будет идти речь.

Нельзя не сказать и о Приложении «Гоголь и отец Матфей». Уже в первом издании рецензируемой книги оно обращало на себя внимание не только значительным объёмом и удельным весом, но и тем, что из него с очевидностью следовало: многие до сих пор непонятые или неверно трактуемые страницы жизни Гоголя требуют духовной чуткости, бережного и внимательного уяснения. А отношения писателя со своим духовным отцом — знаменитым ржевским протоиереем Матфеем Константиновским — ключевой вопрос в биографии Гоголя. И если в прежних своих работах автор не писал о посмертных чудесах, связанных с протоиереем Матфеем, памятуя о том, сколь часто его не только безбожники именовали «мракобесом» и делали виновником как сожжения второго тома «Мертвых душ», так (даже) и смерти Гоголя. Теперь уже очевидна святость жизни православного подвижника протоиерея Матфея Константиновского и его положительно-духовное влияние на писателя.

Новое издание книги В. А. Воропаева отличается и тем, что в нём увеличено количество самых необходимых подстрочных сносок и примечаний. Но и здесь соблюдена мера: помещено только то, без чего не понятен Гоголь.

Вот, например, одно из примечаний: «В XIX веке рядовым священникам запрещалось произносить проповеди

экспромтом — надо было написать заранее текст и представить на утверждение правящему архиерею. По большей части проповеди читались по печатным текстам, одобренным Синодом. Это практиковалось и в монастырях, например, в Оптиной Пустыни».

Пожалуй, впервые в современной светской литературе дается такая информация по очень важной стороне русской церковной жизни. А ведь именно Гоголь был единственным русским классиком — носителем именно церковного мировоззрения.

Писатель еще мог сомневаться, какая у него душа: «хохлацкая» или «русская» (в смысле принадлежности к великорусской или малорусской особенностям русского типа). Но склад-то его души был монашеский. И Гоголь остаётся единственным светским русским писателем, творчество, мысли (и жизненный путь) которого питали святоотеческие творения.

Хочется порадоваться за современного литературоведа, который с благоговением отнёсся к наследию нашего великого православного соотечественника и сумел донести не только для ценителей академических штудий, но и для широкого круга любителей российской словесности подлинный смысл того, что в силу разных причин трудно доходит до пришибленных пропагандой, собственными страстями и заблуждениями читателей.

Да, не случайно Аксаковы неоднократно называли Гоголя мучеником. Святитель Московский Филарет (Дроздов), подчеркивая связь мудрости и мученичества, отмечал, что «мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их и светит всем на пути истины и спасения». А святитель Феофан Затворник однажды заметил: «Странный ходит у нас предрассудок, что как скоро мирянин, то ему нет нужды утруждать себя полным знанием Христианской Истины, — стыдятся взяться за этот труд, стыдятся заявить сие знание, если имеют его, и тем более заступиться за него. И расширяется у нас таким образом область лжи и царство отца ее».

Гоголь не постыдился. И оставил нам свой завет, что «нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелезай иначе, есть тать и разбойник».

Абрамович С. Д. Двоемирие Гоголя : монографія / С. Д. Абрамович. — Каменец-Подольський : Каменец-Подольський національний університет імени Івана Огієнко, 2014. — 120 с.

Художественно-философские искания Николая Гоголя являются предметом научно-исследовательского анализа уже не для одного поколения гоголеведов, причем противоречия и дискуссии здесь не утихают, а нарастают. В монографии д.ф.н., проф. С. Д. Абрамовича излагается еще один неангажированный взгляд на жизнетворчество великого писателя. Ученый, обладая отменной эрудицией, глубоко вживается в гоголевские тексты, по-своему интерпретирует такие вопросы, как гоголевская концепция природы и человека, творческий метод писателя, его «православность», непростота гоголевского «маленького человека». При этом он безбоязненно и непринужденно интерпретирует темы, которые традиционно табуировались как «щекотливые», приподнимает завесы «потаенных глубин гоголевской души». Здесь смело, но вместе с тем с максимальным уважением и деликатностью излагается не совсем привычный для нас взгляд на ряд не до конца решенных вопросов.

Во-первых, автор полемизирует во введении с укрепившимся сегодня подходом к Гоголю как «православному писателю». Он приходит к выводу, что «литературовед, в общем-то, не должен судить об аксиологическом весе гоголевского религиозного опыта, но все же вовсе игнорировать его специфику — непростительная поверхность» (с. 6). Не слишком высоко оценивая позднего Гоголя-проповедника, отмечая риторичность и вторичность его проповеди, восходящей к традициям поздней украинской барочной прозы, С. Д. Абрамович отстаивает взгляд на классика как на безбоязненного художника, углублявшегося вовсе не в сферы возвышенного. Оригинальность и сила Гоголя, по мнению исследователя, не здесь, а в трактовке Природы, Творения Божия как бунтующей и мятущейся стихии, отпадающей от

Создателя в недра темного и сатанинского. «“Фламандско-малороссийская” идилличность», принимаемая многими исследователями за нечто «жизнеутверждающее», есть, по мысли ученого, лишь первый план гоголевского образа (это удачно подчеркнуто комбинацией на обложке «мажорной» и «макабристической» иллюстраций).

Корни этого разлада с Божественной гармонией автор монографии находит в нетрадиционной сексуальной ориентации писателя, целиком солидаризуясь здесь с американским исследователем С. Карлинским. Это определило, как считает исследователь, трагический разлад между искренней христианской верой Гоголя и его натурой, мировосприятием. Ведущий посыл гоголевского художественного текста, по мнению С. Д. Абрамовича, — *De profundis clamat Tibi, Domine!* (Из бездны взываю к Тебе, Господи!). С этим можно соглашаться или не соглашаться (мне кажется, что к ряду ситуаций здесь применим все же термин М. Вайскопфа «псевдогомосексуальность»), но нельзя отрицать, что в трактовке таких фигур, как Шпонька, присутствует нечто щемящее и автобиографическое. Отсюда и новые уровни гоголевской художественной аксиологии (раздел «Трагикомизм эротического в мире Гоголя»).

Как замечает С. Д. Абрамович, у Гоголя можно найти и приметы знакомства с миром наркотической грезы. Но, полемизируя с российской писательницей М. Кудимовой, готовой искать корни ситуации в «украинском маке», автор монографии указывает на иное: популярность опиума в светском обществе и богеме гоголевской эпохи — тогда пагубные последствия этого увлечения еще не были понятны.

Во всяком случае, весь этот экзистенциальный опыт писателя приводит к тому, что *ужасное* становится основополагающей эстетической категорией гоголевского художественного мира (раздел «Макабристическая изнанка “страстного мира”»).

В главе «Тайный наполеонизм “маленького человека”» также подчеркивается, что бытие гоголевских героев — «царство “мертвых душ”» — заражено чертовщиной. При этом исследователь извлекает интересные планы из черновых набросков

Гоголя, которые существуют на окраине внимания исследователей. Так, хотя, скажем, параллель Рудогопова с Муразовым уже отмечалась, а отрывок «Девушки Чабловы» соотносился с письмами Гоголя, в которых поднимался вопрос о будущем сестер писателя и пр., до сих пор эти фигуры не вписывались в ряд доморощенных наполеонов, т. е. типичного алгоритма человека Модерна. С. Д. Абрамович удачно совершает эту операцию, соотнося копошение таких «маленьких людей» с прямым «наполеонизмом» Чичикова, стремящегося к самоутверждению и социальному преуспеванию. Нельзя не согласиться с мыслью: «Эти несостоявшиеся героические личности гоголевского мира должны были пресуществить традиционный плутовской роман, фактически создаваемый автором, возвысить его до подлинной эпической поэмы» (с. 29). Но зародыши социально-психологического романа умирали у Гоголя на корню: «Он стремился к высокой поэме в духе Данте, к монументальному и панорамному жанру, способному охватить диалектику земного и небесного, комического и трагического, страстей и спасения. Но не менее властно звучала у него и другая нота, определенная тем же христианским сознанием: недостаточность и исконная греховность человека волновали его никак не менее, чем возвышенные примеры героизма и святости» (с. 14).

В разделе «Редукция казацкого героического мифа» объектом исследовательского внимания становится непростое отношение Гоголя к собственной украинской старине и его попытки вписаться в образ «русского патриота». Анализируя текст ранней «Пропавшей грамоты», автор указывает, что Чужой в произведении — это «градация ступеней в ад, обитель сатаны» (с. 44). Также С.Д. Абрамович считает, что как ни пытался Гоголь в «Тарасе Бульбе» синтезировать романтизированно-эпическое начало, генетически восходящее к украинским истокам, с официальной доктриной и приемами реалистического письма, верх в повести берет личное отношение и к героям, и к истории. Наиболее ярка и впечатляюща здесь трагическая фигура Андрия, избравшего мир гуманистических ценностей Запада. Интересны трактуемые сквозь призму учения Юнга об архетипах ситуации инициации и

жертвоприношения у номадов и оседлых земледельцев. «Вечный подросток» Тарас выступает «номадом», потерпевшим поражение в своем стремлении инициировать Андрия в лишенный Женщины и Семьи мир Сечи, и с автором здесь нельзя не согласиться. Равно как и с таким его тезисом: «Для автора же, отошедшего, по всему судя, от наивной провинциальной ксенофобии, похоже, в целом свете нет такого народа, которому надо на самую голову наплевать. И для него — не в силе Бог, а в правде» (с. 74).

Предметный мир Гоголя, врез со мнением автора монографии, и ранее анализировался в работах А. Белого, М. Вайскопфа, В. Виноградова, В. Гиппиуса, И. Ермакова, Ю. Манна, Ю. Лотмана, В. Переверзева, А. Чудакова и др. Заметим, что это были все же отдельные наблюдения. Заслугой С. Д. Абрамовича является то, что он выделил эту проблему, во-первых, как достаточно самоценную, а во-вторых, исследовал «инфернальность» вещи у Гоголя, выведя этот материал из плоскостей сюжетообразования, «образа персонажа» и «средства сатиры» (раздел «Макабристическая изнанка “страстного мира”»).

В заключении С. Д. Абрамович еще раз подчеркивает, что роль проповедника Гоголю не удалась: «Гоголь-проповедник не затмил Гоголя — великого изобретателя мира мертвых и омертвевающих душ» (с. 107). Небезынтересны рассуждения ученого о жанровых исканиях современной литературы и, в частности, позиции Гоголя в этой области. Внося свою лепту в вопрос о творческом методе Гоголя, автор оставляет место для дальнейших углубленных исследований, считая, что романтизм для писателя был не более чем материалом; определяющую же роль в гоголевском стилевом направлении сыграло все же барокко.

В целом монография С. Д. Абрамовича охватывает наиболее дискуссионные аспекты художественного мира Гоголя, представляет эрудированный и вместе с тем глубоко самостоятельный взгляд автора, что не оставит равнодушными почитателей творчества великого писателя.

Андрей Хвалин (Москва)

«ДУШЕВНЫЙ ПОРТРЕТ» С КЛЕЙМАМИ

О книге В. А. Воропаева «Однажды Гоголь...»¹

В отечественном литературоведении никто, пожалуй, не сделал больше, чтобы представить миру подлинного Гоголя, чем профессор Московского государственного университета Владимир Алексеевич Воропаев. Здесь вполне согласен с оценкой воропаевского труда, данной профессором Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, доктором исторических наук А. Д. Каплиным: «В истории российского литературоведения В. А. Воропаев стал едва ли не единственным академическим ученым, который всю свою научную деятельность посвятил одному классику русской литературы, причем изучая его исключительно с позиций Православия».

Вершина творчества В. А. Воропаева на сегодняшний день — издание собраний сочинений Н. В. Гоголя. В каком обличье предстанет классик перед читающей публикой, отделенной от него десятилетиями и столетиями, всецело зависит от комментатора и составителя. Чтобы подготовить и, главное, издать неискаженного, подлинного Гоголя, нужны недюжинные силы и мужество. Сначала под редакцией В. А. Воропаева и его ученика И. А. Виноградова вышло в свет 9-томное Собрание сочинений Н. В. Гоголя (М.: Русская книга, 1994). В нем впервые были представлены хранившиеся многие десятилетия в архивах Киева, Москвы и Санкт-Петербурга уникальные рукописи Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг.

Позже, к 200-летнему юбилею писателя, соавторы подготовили и Полное Собрание сочинений и писем Н. В. Гоголя в 17-ти томах, напечатанное в Издательстве

¹ Воропаев В.А. Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — 112 с.: ил.

Московской Патриархии в 2009–2010 годах, что само по себе явление уникальное — светский писатель прошлого в главном церковном издательстве. Русская Православная Церковь взяла на себя бремя и ответственность, тогда как ни у государственных чиновников, ни у частных издателей не хватало духа встать вровень с машиной Гоголя.

В это же время профессор В. А. Воропаев пишет книгу «Николай Гоголь: Опыт духовной биографии» (М.: Паломник. 2008; исправленное и дополненное издание — М., 2014). Совокупно эти труды можно охарактеризовать как духовный портрет Гоголя в слове. Один современный церковный автор определил героев подобной литературы как «несвятые святые». К собраниям сочинений и духовной биографии Н. В. Гоголя примыкает новая небольшая книга В. А. Воропаева «Однажды Гоголь...» (М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014). Если продолжать сравнение, ее можно уподобить «клеймам» по полям «душевного портрета» классика русской литературы. Как писал Н. В. Гоголь в статье «О лиризме наших поэтов», «наши писатели, точно, заключили в себе черты какой-то высшей природы. В минуты сознания своего они сами оставили свои **душевные портреты**, которые отозвались бы самохвалством, если бы их жизнь не была тому подкрепленьем».

Во второй половине девятнадцатого столетия другой классик, поэт Н. А. Некрасов, писал в своей знаменитой поэме, что «рознь портрет портретику, // Что книга книге рознь...», — и мечтал, чтобы настало время, «когда мужик... Белинского и Гоголя // С базара понесет...». В конце XIX – начале XX в. в монастырских издательствах и приложениях к церковным и духовным журналам началось массовое издание миссионерской и просветительской литературы для народа. Небольшие книжицы стоили буквально копейки и широко расходились по России. И сам автор, и Издательство Московской Патриархии, безусловно, учитывают данную традицию. Книга «Однажды Гоголь...» получилась обращенной к массовому как церковному, так и светскому читателю, любящему русскую

классическую литературу, проникнутую высоким духом православной веры.

Прекрасно понимая и чувствуя церковную традицию, В. А. Воропаев строит книгу «Однажды Гоголь...» в жанре житийной словесности. Она состоит из коротких главок в половину, одну-две страницы, и оживляет в памяти читателя отечники, патерики, маргариты и жития. Повествование начинается с рождения будущего писателя по молитвам матери перед образом святителя Николая, называемого Диканьским: «Испрошенный молитвой матери, новорожденный Николай и был встречен в этом мире молитвой благодарения Богу». Всю последующую жизнь Гоголь любил вспоминать, почему назвали его Николаем. И далее вся книга строится как «лествица» восхождения Н. В. Гоголя ко Господу, в горний Иерусалим. Даже сквозь, казалось бы, мелочи быта видна чистая душа Гоголя — христианского подвижника и аскета. А в главках «Русский Иерусалим», «Как молился Гоголь», «Молебен о здравии», «Гоголь и Евангелие», «Как постился Гоголь», «Звезда на горизонте христианства», «Образ Николая Чудотворца», «После Иерусалима», «Поселиться в скиту...», «Ищите Царствия Божия», «У Престола Господня» и др. великий писатель предстает как глубоко верующий церковный человек. Просвещенный светом Евангелия он удивительно ясно и точно понимает русскую жизнь. Кажется удивительным, но гоголевские замечания и относительно иностранцев даже сегодня, спустя столько лет, остаются глубоко пронизательными и не потерявшими смысл.

Следуя выбранному житийному канону, В. А. Воропаев рисует умирительно смиренную кончину Гоголя и посмертную судьбу гения. Автор книги твердо уверен: «Гоголь действительно переселился в Горний Иерусалим и там из своего чудного, но таинственного и неведомого нам далека, у Престола Господня, молится за всю Русскую землю, чтобы непоколебимо стояла она в Православной вере и чтобы больше было в ней правды и любви, — ведь это и являлось главной заботой великой души великого русского писателя».

Последняя главка служит своеобразным послесловием к книге, композиционно раскрывает повествование и вводит бессмертного Гоголя в нашу бурную современность. Речь в ней идет о большом русском поэте советской эпохи Николае Рубцове, для которого Гоголь был любимым писателем. Приводится и одно из рубцовских стихотворений, посвященных Гоголю:

Однажды Гоголь вышел из кареты
На свежий воздух. Думать было лень.
Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства светлые года,
Не смог представить будущее время —
И произнес: Как скучно, господа!

Как замечает В. А. Воропаев, по мотивам этого стихотворения художник Филипп Москвитин написал картину – портрет Н. В. Гоголя. На этом книга заканчивается, но начатая в ней цепочка: Гоголь – Воропаев – Рубцов – Москвитин протягивается к читателю, к каждому любящему русскому сердцу. Добавлю, что замечательный современный художник Филипп Москвитин создал галерею прекрасных портретов, куда поместил не только Гоголя, но и поэта Рубцова, и профессора Воропаева... Жив Гоголь в благодарной памяти потомков, жива его и наша птица-тройка Россия. От профессора В. А. Воропаева читатель ждет новых книг о духовном русском писателе Николае Васильевиче Гоголе.

АНКЕТА «ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДИЙ»

- 1. Какими были Ваши мотивы обращения к творчеству Гоголя?*
- 2. Самое большое Ваше удивление-открытие при изучении творчества Гоголя?*
- 3. Какие направления исследования творчества Гоголя Вам представляются перспективными сегодня?*

ИНГА ВИДУГИРИТЕ
(Вильнюс)

1. Вспомнить самый ранний импульс вряд ли удастся. Может быть, первым толчком послужила случайно оброненная мысль французского семиотика литовца А. Ж. Греймаса о том, что повести Гоголя могли бы быть интересным материалом для семиотического анализа текста. Однако меня привлекали культурно-антропологические аспекты гоголевского творчества, его причастность к нескольким традициям и из этого вытекающая особая пограничная неопределенность и многозначность наследия писателя. Мостом в приближении к этому наследию послужила культура барокко, ставшего кодовым понятием в исследованиях 90-х гг. — и не только в гоголеведении, и не только в Восточной Европе, где до этого времени о барокко говорили только исключительно в отношении духовной культуры XVII–XVIII вв. Тема барокко во французской философии последних десятилетий XX в., работы о латиноамериканском небарокко — все это сообщало неожиданный контекст для размышлений о барочном субстрате центрально-восточно-европейской культуры. Общая волна научного интереса к барокко и выбросила меня на берег Гоголя.

По мере углубления в наследие Гоголя и по мере знакомства с традицией (-ями) его исследования я уходила от барочной проблематики, однако если определять, почему мне интересно изучать творчество Гоголя, я бы вернулась к понятию барокко: необузданное воображение и соответствующий ему язык,

любование красотой видимости, экзальтированные состояния духа и тела, наконец, любовь к Риму, — в этих предпочтениях, нашедших выражение в текстах Гоголя, я могу опознать свои собственные эстетические инстинкты вне зависимости от того, как я к ним отношусь — они наследованы мною от определенного типа культуры и в ней обоснованы. Вот эта возможность археологии современного культурного сознания, которая заключена в гоголевском творчестве, делает его уникальным явлением для исследователя культуры пограничья между Восточной и Западной Европой. Она и привела к Гоголю.

2. Самым большим удивлением-открытием стали «Размышления о Божественной Литургии». Этот текст никак не укладывался в стереотипное представление о писателе. Для современного научного сознания он является вызовом.

Другое открытие, которое удивило на общем фоне недоверия к образованности Гоголя, — острота его ума и мощное интеллектуальное чутье, позволявшие ему предвидеть результаты процессов в умственной и практической жизни, которые разворачивались буквально на глазах. Меня привело в изумление то, как он сумел буквально из осколков мыслей и образов сложить и определить суть новой географии, парадигма которой была создана в трудах немецких географов Александра Гумбольдта и Карла Риттера — почти его современников. Гоголь это сделал первый в России — не будучи географом!

3. Каждая традиция исследования творчества Гоголя имеет свои цели и задачи — одни изучают исторический контекст, биографию, окружение, другие уходят в глубь текста. Все они перспективны, если ставят и решают серьезные научные проблемы, стремятся их решать на фоне современной мысли, потоки которой определяются на глобальном уровне. Гоголь занимал уникальную позицию в культурном поле России первой половины XIX в. — по разным причинам он обладал взглядом со стороны. Подобный взгляд является перспективным и для его исследователей.

Помимо исследовательских проектов, само время и становящаяся на глазах история раскрывают новые стороны наследия писателя, казалось бы, уже хорошо изученного и описанного. Творчество Гоголя как лакмусовая бумажка — когда удивляемся его актуальности для нашей современности, должны осознавать, что живем еще в продолжении его времени, значит, все еще в парадигме XIX в. В этом отношении актуален не только Гоголь, но и вся эпоха романтизма — не только как время особого художественного сознания, эстетики, типа героя, но и как этап в становлении современной науки, политики, общественной мысли. Наследие Гоголя в силу универсальности интересов писателя — очень важный документ для такого исторического подхода. Ведь Гоголь, когда начинаешь его изучать, постоянно выводит мысль за пределы собственного художественного творчества — в историю, в географию, в педагогику, в духовные поиски, в целую культурную традицию. Подобным окуляром, способным охватывать эти проблемы в комплексе, должен обладать и исследователь. Это направление мне также кажется перспективным.

БІБЛІОГРАФІЯ

БІБЛІОГРАФІЯ ГОГОЛЕЗНАВЧИХ ПРАЦЬ САМОЙЛЕНКА Г. В.

Сердечно вітаємо Григорія Васильовича Самойленка з ювілеєм! Зичимо доброго здоров'я, нових наукових звершень і всіляких гараздів!

Монографії. Навчальні посібники

1987

1. Изучение пьесы Н. Гоголя «Ревизор» в школе : метод. рек. / Министерство просвещения УССР ; Нежин. гос. пед. ин-т им. Н. В. Гоголя ; сост. Г. В. Самойленко. — Нежин, 1987. — 36 с.

1988

2. Изучение творчества Н. В. Гоголя в школе : пособие для учителя / Г. В. Самойленко, П. В. Михед, Е. Н. Михальський и др. ; под. ред. Г. В. Самойленко. — К. : Рад. школа, 1988. — 272 с.

2002

3. Нежин — город юности Гоголя / Г. В. Самойленко ; Ніжин. держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя. — Ніжин, 2002. — 268 с. : ил.

2008

4. Николай Гоголь и Нежин : монографія / Г. В. Самойленко. — Нежин : ООО «Вид-во «Аспект-Поліграф», 2008. — 316 с.

Булкина И. Нежинский круг и «фантастическая реальность» : обзор юбилейной украинской «гоголианы» / И. Булкина // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 101. — С. 397—404. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Николай Гоголь и Нежин : [монографія] / Г. В. Самойленко. — Нежин : Аспект-Поліграф, 2008. — 316 с.

Исаева, Е. А. Путеводные заметки о монографии Г. В. Самойленко «Николай Гоголь и Нежин» / Е. А. Исаева // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2010. — № 4. — С. 58—59. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Николай Гоголь и Нежин : монографія / Г. В. Самойленко. — Ніжин : Аспект-Поліграф, 2008. — 316 с.

5. Музей Н. Гоголя в Нежине / Г. В. Самойленко ; Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя. — Нежин, 2008. — 103 с.+8 с. : кол. іл.

2009

6. Творча спадщина М. Гоголя на перетині епох / Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2009. — 210 с. — (Серія «Монографії Ніжинської вищої школи»).

2012

7. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко ; Нежин. гос. ун-т им. Николая Гоголя. — Нежин, 2012. — 360 с.

8. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко ; Нежин. гос. ун-т им. Николая Гоголя. — Нежин, 2012. — 162 с.

Киченко А. С. Второй том «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: проблемы истории и текстологии : рецензия на книги Г. В. Самойленко / А. С. Киченко // Наукові записки НДУ ім. Миколи Гоголя. Філологічні науки. — Ніжин, 2012. — Кн. 2. — С. 105—106.

Мацапура В. И. О новонайденном списке второго тома «Мертвых душ Н. В. Гоголя» / В. И. Мацапура // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2012. — Вип. 71. — С. 350—353. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 350 с. ; Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 161с.

Н. М. [Новые издания: книги Г. В. Самойленко] // Новое литературное обозрение. — М., 2013. — № 122. — С. 382—383. — Рец. на кн. : Самойленко Г. В. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 360 с. ; Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 161 с.

Сквіра Н. Новознайдений ніжинський список другого тому «Мертвых душ» Миколи Гоголя / Н. Сквіра // Слово і Час. — 2013. — № 9. — С. 110—115. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 361 с. ; Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя /

Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 161 с.

Якубіна Ю. В. Другий том «Мертвих душ» М. Гоголя: хроніка створення і проблеми текстології / Ю. В. Якубіна // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2012. — Вип. 71. — С. 347—349. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 350 с.; Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. — 161с.

9. Святування ювілею Миколи Гоголя в Ніжині : 200-річчя від дня народження / Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2009. — 140 с.

Бібліографічні покажчики

1984

10. Н. В. Гоголь и литература народов СССР : библиогр. указ. / Мин-во просв. УССР, Нежин. гос. пед. ин-т им. Н. В. Гоголя ; сост. Г. В. Самойленко. — Нежин, 1984. — 148 с. (*У співавт.*)

Баскаков В. Н. Гоголевская библиография: традиции, современное состояние, перспективы / В. Н. Баскаков // Советская библиография. — 1986. — № 1. — С. 82—83. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Н. В. Гоголь и литература народов СССР / Г. В. Самойленко, Е. Н. Михальский. — Нежин : НГПИ, 1984. — 148 с.

Гранатович Л. Гоголь і література братніх народів / Л. Гранатович // Під прапором Леніна. — 1985. — 25 січ. — Рец. на кн.: Н. В. Гоголь и литература народов СССР : библиогр. указ. / Мин-во просв. УССР ; Нежин. гос. пед. ин-т им. Н. В. Гоголя ; сост. Г. В. Самойленко. — Нежин, 1984. — 148 с.

1989

11. Н. В. Гоголь и Нежин; Нежинская гимназия высших наук князя Безбородко, начало творчества / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГПИ, 1989. — 121 с. (*У співавт.*)

2009

12. Гоголь в XX веке. Европа, Средняя Азия и Закавказье : тематико-библиогр. указ. / Г. В. Самойленко ; Нежин. гос. ун-т им. Николая Гоголя. — Нежин, 2009. — 481 с.

А. Р. [Абрам Рейтблат] [Рецензия] // Новое литературное обозрение. — 2011. — № 109. — С. 395—396. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Гоголь в XX веке: Европа, Средняя Азия и Закавказье : тематико-библиографический указатель / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2009. — 481 с.

Остапенко Л. М. Згадуючи 200-річчя Гоголя: до слова про новий бібліографічний покажчик Г. В. Самойленка / Л. М. Остапенко // Література та культура Полісся: зб. наук. праць. — Ніжин, 2011. — Вип. 67. — С. 277—280. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Гоголь в XX веке. Европа. Средняя Азия и Закавказье : тематико-библиограф. указатель / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2009. — 481 с.

Сквіра Наталія. Гоголь у XX столітті / Н. Сквіра // Слово і час. — 2011. — № 11 (611). — С. 119—120. — Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Гоголь в XX веке. Европа. Средняя Азия и Закавказье : тематико-библиограф. указатель / Г. В. Самойленко. — Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2009. — 481 с.

Статті

1982

13. Н. В. Гоголь в восприятии и оценке 1987 А. Фадеева / Г. В. Самойленко // Тезисы докладов I Гоголевских чтений. — Полтава, 1982. — С. 38—39.

1983

14. Гоголевские традиции в советской многонациональной литературе / Г. В. Самойленко // Гоголь и современность: творческое наследие писателя в движении эпох. — К., 1983. — С. 82—90.

1984

15. Н. В. Гоголь в литературоведении народов СССР / Г. В. Самойленко // Тезисы докладов Вторых Гоголевских чтений. — Полтава, 1984. — С. 106—107.

16. Гоголь в Нежине / Г. В. Самойленко // Венок Н. В. Гоголю: Гоголь и время. — Х., 1984. — С. 51—54.

1988

17. Н. В. Гоголь — наш современник / Г. В. Самойленко // Наследие Гоголя и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. Май, 1988. — Нежин, 1988. — Ч. 1. — С. 3—5.

18. Изучение наследия Н. В. Гоголя в Нежинском институте / Г. В. Самойленко // Наследие Н. В. Гоголя и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. Май, 1988. — Нежин, 1988. — Ч. 2. — С. 98—99.

19. Предисловие; Н. В. Гоголь и современность; Изучение комедии «Ревизор» в 7 классе / Г. В. Самойленко // Изучение творчества Н. В. Гоголя в школе : пособие для учителя / под ред. Г. В. Самойленко. — К., 1988. — С. 3—6, 6—31, 76—122.

1989

20. Н. В. Гоголь в восприятии и оценке Н. Асеева / Г. В. Самойленко // Творчество Н. В. Гоголя и современность. — Нежин, 1989. — С. 10—11.

1992

21. Ранний период творчества Н. В. Гоголя / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 1992. — Вип. 3. — С. 5—24.

1993

22. Н. В. Гоголь / Г. В. Самойленко // Самойленко Г. В. Нежинская филологическая школа 1820—1990. — Нежин, 1993. — С. 26—39.

1994

23. Наследие Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы / Г. В. Самойленко // Микола Гоголь і світова культура : матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 185—річчю з дня народження письменника. — К. ; Ніжин, 1994. — С. 208—217.

1995

24. Микола Васильович Гоголь / Г. В. Самойленко // Самойленко Г. В. Нариси культури Ніжина. Ч. 1. Література. — Ніжин : НДП, 1995. — С. 16—21.

25. Перші театральні трупи в Ніжині // Самойленко Г. В. Театральне та музичне життя в XVII—XX ст. / Г. В. Самойленко ; Ніжин. держ. пед. ін-т ім. Миколи Гоголя. — Ніжин, 1995. — Ч. 2 — С. 3—8.

26. Микола Васильович Гоголь // Самойленко Г. В. Ніжинська вища школа. 1820—1995 / Г. В. Самойленко ; Ніжин. держ. пед. ін-т ім. Миколи Гоголя. — Ніжин, 1995. — С. 10—13.
1996

27. Микола Васильович Гоголь / Г. В. Самойленко // Самойленко Г. В. Нариси культури Ніжина / Г. В. Самойленко, О. Г. Самойленко, С. Г. Самойленко. — Ніжин, 1996. — Ч. 3 : Освіта та наука. — С. 129—131.
1999

28. М. Гоголь і Ніжинська вища школа / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 1999. — Вип. 12. — С. 15—21.

29. М. В. Гоголь / Г. В. Самойленко // Ніжинський державний педагогічний інститут імені М. В. Гоголя / Г. В. Самойленко та ін. — Ніжин, 1999. — С. 29—35.

30. Наследие Н. В. Гоголя в годы Великой Отечественной войны / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 1999. — Вип. 12. — С. 215—223.
2000

31. М. В. Гоголь / Г. В. Самойленко // Ніжинська вища школа: від Гімназії вищих наук до університету / Г. В. Самойленко та ін.. — Ніжин, 2000. — 288 с. : іл.
2002

32. Микола Васильович Гоголь / Г. В. Самойленко // Самойленко Г. В. Літературне життя Чернігівщини в XII—XX ст. — Ніжин : Аспект-Поліграф, 2003. — С. 54—62.

33. Нежинская Гоголиана на современном этапе / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2002. — Вип. 16. — С. 182—186.
2004

34. Украинская гоголиана на рубеже веков (1979—2004) / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2004. — Вип. 24. — С. 3—12.

35. Украинская гоголиана на рубеже веков (1979—2004) / Г. В. Самойленко // VII Міжнародні Гоголівські читання : зб. наук. праць. — Полтава, 2004. — С. 149—153.

2005

36. Микола Васильович Гоголь. Аматорський театр / Г. В. Самойленко // Самойленко Г. В., Самойленко О. Г. Ніжинська вища школа : сторінки історії. — Ніжин : НДУ ; Аспект-Поліграф, 2005. — С. 39—44, 55—64.

37. Наследие Н. Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы / Г. В. Самойленко // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. — 2005. — № 2. — С. 29—45.

2006

38. Мир ярмарки у Н. Гоголя и его предшественников / Г. В. Самойленко // Русистика. — К. : Киев. ун-т, 2006. — Вып. 5—6. — С. 97—106.

39. О «Сорочинской ярмарке» Гоголя / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2006. — Вип. 31. — С. 44—63.

2007

40. Библиотека Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине и читательские интересы Н. Гоголя-студента / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2007. — Вип. 38. — С. 21—33.

41. Бытовая и учебная жизнь Н. Гоголя в Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2007. — Вип. 40. — С. 68—91.

42. Н. Гоголь и «нежинские однокорытники» в Санкт-Петербурге / Г. В. Самойленко // Наукові записки НДУ. Філологічні науки. — Ніжин, 2007. — С. 11—16.

43. Т. Шевченко і Ніжинська вища школа / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2007. — Вип. 37. — С. 3—15.

2008

44. Вкраплення краснавчого матеріалу перед вивченням «Шинелі» М. Гоголя / Г. В. Самойленко // Методика. Досвід. Пошук: проблема вивчення шкільних курсів мови та літератури : науково-методичний зб. / НДУ ім. Миколи Гоголя ; відп. за вип.: О. В. Забарний, Л. І. Драчук. — Ніжин, 2008. — Вип. X. — С. 5—9.

45. Гоголівська тематика у репертуарі трупі М. Кропивницького гастрольної поїздки 1897 р. до Петербурга / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2008. — Вип. 46. — С. 194—211.

46. Гоголівський Тарас Бульба у сценічній інтерпретації корифея української сцени Марка Кропивницького / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2008. — Вип. 42. — С. 38—45.

47. Историко-бытовая основа повести Н. Гоголя «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2008. — Вип. 41. — С. 47—64.

48. Н. Гоголь и «Нежинские однокорытники» в Санкт-Петербурге / Г. В. Самойленко // Материалы VII международного семинара. — СПб., 2008. — С. 164—173.

49. Твори М. Гоголя в репертуарі Миколи Садовського / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2008. — Вип. 45. — С. 137—144.

2009

50. М. Гоголь і Ніжинський університет / Г. В. Самойленко // Сучасна освіта. — 2009. — № 4 (57). — С. 43.

51. Начальные истоки творчества Николая Гоголя / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся / відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2009. — Вип. 52 : Проблеми літератури, історії та культури XIX—XX ст. у сучасному висвітленні. — С. 3—11.

52. Нежин в жизни и творчестве Н. Гоголя / Г. В. Самойленко // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — К., 2009. — № 2 (26). — С. 2—6.

53. Нежинский период жизни Н. Гоголя и начальные истоки его творчества / Г. В. Самойленко // IX Гоголівські читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції 9—11 березня 2009. — Полтава, 2009. — С. 17—22.

54. Новонайденный список второго тома «Мертвых душ» / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2009. — Вип. 50. — С. 112—133.

55. Новонайденный список 2-го тома «Мертвых душ» Н. Гоголя / Г. В. Самойленко // Юбилейная международная

научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя : тезисы. — М., 2009. — С. 98—101.

56. Украинская гоголиана на рубеже веков (1979—2004) / Г. В. Самойленко // Збірник наукових праць / Полтавський держ. пед. ун-т. ім. В. Г. Короленка ; ред. кол.: О. М. Ніколаєнко [та ін.]. — Полтава, 2009. — С. 9—16.

2010

57. Начальные истоки творчества Н. Гоголя / Г. В. Самойленко // Сборник научных трудов Телавского государственного университета. — Телави (Грузия), 2010. — № 1. — С. 218—226.

58. Нежинские реминисценции в творчестве Н. Гоголя / Г. В. Самойленко // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — К., 2010. — № 3. — С. 60—63.

59. Святкування ювілею М. Гоголя в Ніжині (200-річчя від дня народження) / Г. В. Самойленко ; Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя. — Ніжин, 2010. — 138 с.

2011

60. Второй том поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2011. — Вип. 67. — С. 9—33.

61. Неизвестный список второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя / Г. В. Самойленко // Феномен Гоголя : Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. — СПб. : Петрополис, 2011. — С. 559—572.

62. Спадщина М. Гоголя у працях вчених Ніжинської вищої школи / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2011. — Вип. 64. — С. 21—35.

63. Хроніка українознавчих проявів у Ніжинській вищій школі у ХІХ — поч. ХХ ст. / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — 2011. — Вип. 62. — С. 3—14.

2013

64. Гоголевские сюжеты в различных формах художественного воплощения (к постановке проблемы) / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2014. — Вип. 75. — С. 84—96.

2014

65. Гоголевский юбилей 1909 года в Нежине / Г. В. Самойленко // Література та культура Полісся. — Ніжин, 2014. — Вип. 75. — С. 290—309.

Упорядкування та редагування наукових збірників

1983

66. Гоголь и современность: творческое наследие писателя в движении эпох / отв. ред. Г. В. Самойленко. — К. : Вища школа, 1983. — 152 с.

1988

67. Наследие Гоголя и современность : тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. Май, 1988 / Нежин. гос. пед. ин-т им. Н. В. Гоголя ; отв. ред. Г. В. Самойленко. — Нежин, 1988. — Ч. 1. — 107 с.

68. Наследие Гоголя и современность : тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. Май, 1988 / Нежин. гос. пед. ин-т им. Н. В. Гоголя ; отв. ред. Г. В. Самойленко. — Нежин, 1988. — Ч. 2. — 103 с.

1992

69. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. пед. ін-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 1992. — Вип. 3 : М. В. Гоголь – випускник Ніжинської гімназії вищих наук та його творчість. — 170 с.

1994

70. Микола Гоголь і світова культура : (матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника. 5-7 жовтня, м. Ніжин) / Національна Академія Наук України, Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка, Український міжнародний комітет з питань науки і культури, Ніжинський державний педагогічний університет імені Миколи Гоголя (Ніжин) ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Київ ; Ніжин, 1994. — 225 с.

1999

71. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. пед. ін-т ім. М. Гоголя ; відп. ред. та упоряд.

Г. В. Самойленко. — Ніжин, 1999. — Вип. 12 : Творча спадщина М. Гоголя. — 230 с.

2002

72. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. пед. ун-т імені Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2002. — Вип. 16 : Спадщина М. Гоголя в сучасних дослідженнях (до 150-ліття від дня смерті письменника). — 197 с.

2004

73. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. пед. ун-т імені Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2004. — Вип. 24 : До 195-річчя з дня народження М. Гоголя та 25-річчя оновлення вивчення спадщини письменника у Ніжинській вищій школі. — 198 с.

2006

74. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2006. — Вип. 32 : Сучасні тенденції вивчення спадщини М. Гоголя та проблем історії, культури, мистецтва Полісся XVII–XX ст. — 265 с.

2008

75. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2008. — Вип. 41 : Спадщина М. Гоголя та проблеми вітчизняної і світової історії, філології та культури у сучасній інтерпретації. — 281 с.

76. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2008. — Вип. 42 : Спадщина М. Гоголя та проблеми вітчизняної і світової історії, філології та культури у сучасній інтерпретації. — 336 с.

77. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2008. — Вип. 45 : Проблеми вивчення творчості Миколи Гоголя: підсумки та перспективи. — 188 с.

2009

78. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2009. — Вип. 50 : Творчість М. Гоголя: поетика, стиль та мова творів письменника. — 167 с.

79. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2009. — Вип. 53 : Гоголь і український культурний контекст. — 157 с.

80. Література та культура Полісся : зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. Миколи Гоголя ; відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин, 2009. — Вип. 54 : Гоголь у російському та світовому контексті. — 171 с.

Підгот. Н. В. Кузьменко (Ніжин)

**Д. І. ЧИЖЕВСЬКИЙ (ЧИЖЕВСКИЙ, TSCHIŻEWSKIJ,
ЇŽEVSKIJ) ПРО ГОГОЛЯ**

1. Нариси з історії філософії на Україні. Прага, Український Громадський Видавничий Фонд. 1931. С. 87–107. («Глава VII. Микола Гоголь» була написана Л. Миколаєнко під керівництвом та за участю Д. Чижевського).

2. Рец. М. Gorlin: N. V. Gogol und E. T. A. Hoffmann. Leipzig, 1933// Germanoslavica, 1935. 3/1, S. 185–186. Те ж саме: Deutsche Literaturzeitung, 1935. H. 13 v. 31. März, S. 554–557.

3. Gogol'-Studien. 2. Zur Komposition von Gogol's «Mantel» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1937. 14/1–2. S. 63–94.

4. О «Шинели» Гоголя // Современные Записки. 1938. № 67. С. 172–195.

5. Рец. А. Belyj: Masterstvo Gogolja // Zeitschrift für slavische Philologie. 1938. 15/1–2. S. 207–211.

6. Рец. Gippius: Gogol'. Materialy i issledovanija I–II // Zeitschrift für slavische Philologie. 1939. 16/1–2. S. 233–266.

7. Literarische Lese Früchte IX.(79) Zum Wortschatz Gogol's // Zeitschrift für slavische Philologie. 1942. 18/1. S. 53.

8. Literarische Lese Früchte X.(89) Zu Gogol's «Mantel» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1942. 18/2. S. 374–375.

9. Nachwort zu der Übersetzung der «Toten Seelen» von Gogol'. München, 1949. Winkler-Verlag. S. 475–494.

10. Неизвестный Гоголь. Новый Журнал, 1951. 27. С. 126–158.

11. The unknown Gogol' // Slavonic and East European Review. University of London. 1952. 30/75. P. 476–493.

12. Gogol': Artist and Thinker // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. New York, 1952. 4/2. S. 261–278.¹

13. An Illustrated Manuscript of Gogol (with Ph. Hofer) // Harvard Library Bulletin, 1952. 6/3. P. 397–400.

14. Neues über Puškin, Lermontov und Gogol' I // Zeitschrift für slavische Philologie. 1955. 23/2. S. 385–398.

15. Рец. Три книги о Гоголе [Ермилов В. «Гоголь» (М., 1952); Сечкарев В. «Гоголь» (Берлин, 1953); Ремизов А. «Огонь вещей» (Париж, 1954)] // Новый Журнал. 1955. 41. С. 277–288.

16. Гоголь Микола // Енциклопедія Українознавства Наукового Товариства ім. Шевченка. Частина I(А–Н). 1955. С. 391–392.

17. Два письма Н. В. Гоголя] // Русский литературный архив. Под ред. и с предисл. М. Карповича и Д. И. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 56–58.

18. Neue Lese Früchte II.(20) Zu den Briefen Gogol's // Zeitschrift für slavische Philologie. 1956. 25/2. S. 326–329.

19. Gogol i Polska // Wiadomości (London). 1957. Nr. 594 (18. 8. 1957). S. 5.

20. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. 2 Bände. Band 1: Die Romantik (Forum Slavicum. 1) München, 1964. 183 S. (Гоголю присвячені стор. 97–113).

21. Две родословных Гоголя // Новый Журнал. 1965. 78. С. 71–78.

¹ Російськомовний текст доповіді Д. Чижевського на цю тему опублікував В. Янцен («Вопросы философии». 2010. № 1. С. 118–129).

22. *Видання Чижевського:*

Gogol'–Turgenev–Dostoevskij–Tolstoj. Zur russischen Literatur des 19. Jahrhunderts (Forum Slavicum 12). München, 1966. 126 S. В складі збірника увійшли такі статті Чижевського про Гоголя: Der Unbekannte Gogol?. S. 57–87

Gogol': Artist and Thinker. S. 88–99

Zur Komposition von Gogol's „Mantel“. S. 100–126.

23. Skovoroda – Gogol' // Die Welt der Slaven. 1968. 13/3. S. 317–326.

24. Zu den Ukrainismen Gogol's // Heinz Dieter Pohl und Nikolai Salnikow (Hrsg.): Opuscula slavica et linguistica. Festschrift für Alexander Issatschenko (= Schriftenreihe Sprachwissenschaft, Universität für Bildungswissenschaften, Klagenfurt). 1976. Klagenfurt: Verlag Johannes Heyn. S. 401–405.

25. Gogol's Ja und Nein // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Braunschweig, 1978. 215. Bd. 130. Jahrgang 2. S. 347–355.

26. The Composition of the Gogol's "Overcoat". In: Elizabeth Trahan (Ed.): Gogol's "Overcoat": An Anthology of Critical Essays. 1982. Ann Arbor. P. 37–60.²

27. Гоголь Микола // Енциклопедія українознавства. Львів, 1993. С. 391–392. (Репринтне відтворення видання 1955–84 рр.).

28. Неизвестный Гоголь // Гоголь: материалы и исследования. М., 1995. С. 188–197.

29. Про «Шинель» Гоголя // Сорочинський ярмарок на Невському проспекті. Українська рецепція Гоголя. Упорядник Віра Агеєва. Київ, 2003. С. 205–229. (Переклад з російської К. Білоконя).

Уклала О. В. Тоїчкіна (Санкт-Петербург)

² Перевидання статей Чижевського про Гоголя пропонуються вибірково.

**БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Н. В. ГОГОЛЯ И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ (2009–2012): ДОПОЛНЕНИЯ**

2009

Изд.:

Мертвые души: поэма /Художник-оформитель И. В. Осипов. – Харьков: Фолио, 2009. – 459 с. – (Классика).

Мертвые души: поэма; повести. – М.: Эксмо, 2009. – 512 с. – (Русская классика).

Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшего.

Тарас Бульба: повести. – М.: Эксмо, 2009. – 544 с. – (Русская классика).

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород.

Лит.:

Александров В. Б. Творчество Гоголя в свете парадигмы постмодерна // Управленческое консультирование. – СПб., 2009. – № 1. – С. 5–13.

Бычкова А. Ю. Мифопоэтика ринологических мотивов в творчестве Н. В. Гоголя и П. Зюскинда // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы конференции молодых ученых /Под ред. А. А. Казакова. – Вып. 10: В 2 т. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. – Т. 2: Литературоведение. – С. 35–39.

Бычкова А. Ю. Ретроспективы и перспективы гоголевской ринологии // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2009. – № 324. – С. 16–17.

Гладышев В. «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им»: Гоголь-писатель и Гоголь-моралист в оценке Сергея Довлатова // Всесвітня література та культура. – 2009. – № 12. – С. 9–11.

Н. В. Гоголь и Тверской край: Материалы научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Руководитель проекта М. В. Строганов. – Тверь: Тверской гос ун-т, 2009. – Вып. 1. – 135 с.

Из содерж.:

Тюрина Н. В. Н. В. Гоголь и отец Матфей Константиновский по воспоминаниям Т. И. Филиппова.

Строганов М. В. Была ли встреча в Страшевичих?

Сорочан А. Ю. Гоголь и Тверская сцена.

Кашарнова С. Г. Редкие издания Н. В. и В. А. Гоголей в Научной библиотеке Тверского гос. ун-та.

Гольденберг А. Х. Фольклорно-мифологические превращения как универсальный архетип поэтики Гоголя // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т; Издательский дом Алейниковых, 2009. – С. 379-389.

Гольденберг А. Х. Поэтика Гоголя в пространстве мифа и ритуала // *Studia Slavica Savariensia* 1–2. – Szombathely /Сомбатхей, 2009. – С. 41–47.

Донченко А. С. Особенности мужских именований в пьесах Н. В. Гоголя и А. П. Чехова // Мир науки, культуры, образования. Сер. Экология. Культурология. Филология. Искусствоведение. Педагогика. Психология. – Горно-Алтайск, 2009. – № 4. – С. 22–25.

Записки Русской Академической группы в США. Т. XXXV. От Гоголя к «Победе над солнцем». Траектория русского авангарда. Собрание статей. – Нью-Йорк, 2008–2009. – 451 с.

Рец.: Перцова Н. Н. [Рецензия] // Известия РАН Сер. лит. и яз. – М., 2012. – Т. 71. – № 5. – С. 70–74.

К 200-летию Н. В. Гоголя // Отчий край. Литературно-художественный иллюстрированный журнал. – [Волгоград,] 2009. – № 1 (61).

Прозоров В. Лестница Гоголя. – С. 4–10.

Гольденберг А. Н. В. Гоголь и народная обрядовая культура. – С. 10–19.

Кулакова Т. Идеал служения в «Выбранных местах из переписки с друзьями». – С. 19–27.

К 200-летию Н. В. Гоголя // Вопросы театра = *Proscenium*. – М., 2009. – № 1/2. – С. 234–264.

Вишневская И. Мой «Ревизор» (интерпретация пьесы Н. В. Гоголя в спектакле Г. А. Товстоногова, 1972 г.).

Падерина. Е. О банальном и оригинальном в «Игроках» Гоголя.

Казакова С. Н. В. Гоголь. Лики писателя // Искусство в школе. – М., 2009. – № 3. – С. 41–44.

Лашов В. В. Метафизика русской литературы Льва Шестова. – М.: Российское гуманистическое общество, 2009. – 360 с.

Из содерж.:

Гл. 2: Философские «странствования по душам»

2. 2.: Николай Гоголь. – С. 104–114.

Люсый А. П. В пространстве Гоголя // Вопросы культурологии. – М., 2009. – № 9. – С. 86–88.

Моклецова И. В. Уроки Н. В. Гоголя (к 200-летию со дня рождения писателя) // Сб. докладов Международной конференции «XX Оломоуцкие дни русистов». – Оломоуц, 2009. – С. 389–393.

Одекова Ф. Р. Существительные в системе эксплицитных метатекстовых операторов русского языка (на материале художественных текстов Н. В. Гоголя) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2009. – № 2. – С. 192–193.

Одекова Ф. Р. Энциклопедизм метапоэтики Н. В. Гоголя // Гоголевский текст как объект лингвистического и литературоведческого анализа: Сб. научных статей по материалам Международной конференции XI Виноградовские чтения «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» / Отв. ред. Е. Ю. Колышева. – М.: МГПУ, 2009. – С. 33–39.

Одекова Ф. Р. Метаграфемика текстов Н. В. Гоголя // Филология, журналистика, культурология: инновационные аспекты гуманитарного знания: материалы 54-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Альфа Принт, 2009. – С. 41–45.

Одекова Ф. Р. «Музыкальный текст» в метапоэтике Н. В. Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 3 (5): Материалы международной научной конференции «Н. В. Гоголь и мировая культура». – СПб.; Самара: ПГСГА, 2009. – С. 308–319.

Петров В. К. Гоголь о России: о духовно-нравственных пороках и общественном идеале // *Философия хозяйства*. – М., 2009. – № 5. – С. 269–276.

Пименова М. В. Н. В. Гоголь и образы внутреннего мира человека: На примере концепта «сердце» // *Ученые записки Забайкальского гос. гуманитарного пед. ун-та. Сер. Филология, история, востоковедение*. – Чита, 2009. – № 3 (26). – С. 146–154.

Прасковьяна М. В. Пересечение границ в повести Гоголя «Записки сумасшедшего» // *Н. В. Гоголь и языки культуры: Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя*. Самара, 23–24 апреля 2009 г. / Самарская гос. академия культуры и искусств; Редкол.: Т. В. Бакнина и др. – Самара, 2009. – С. 97–99.

Радь Э. А. «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя: трансформация «вечного текста» // *Дни науки – 2012: Материалы VIII Международной научно-практической конференции*. – Прага, 2012. – С. 35–41.

Радь Э. А. Трансформация «вечного текста» в творчестве Н. В. Гоголя: // *Теоретические и методические аспекты изучения литературы. Вторые Качуринские чтения: сб. материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 18 мая 2012 г.* / Отв. ред. А. С. Акбашева: В 2 ч. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2012. – Ч. 2. – С. 46–54.

Третьяков Е. О. Образ огня в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» // *Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы X Всероссийской конференции молодых ученых: В 2 т.* Томск: Томский гос. ун-т. – Томск, 2009. – Вып. 10. – Т. 2: Литературоведение. – С. 214–218.

Трушина И. А. Оптина Пустынь в жизни и творчестве Гоголя // *Управленческое консультирование*. – СПб., 2009. – № 1. – С. 28–37.

Шостак Н. «Тараса Бульбу» Гоголь подсмотрел в Чугуеве? // *Вечерний Харьков*. – Харьков, 2009. – 4 апреля. – № 37. – С. 20–21.

[Вопрос «Бывал ли Николай Гоголь лично в Харькове» до сих пор остается открытым.]

Изд.:

Вечера на хуторе близ Диканьки / Худ. В. Штанко. – Киев: Грани-Т, 2010. – 197, [2] с.: ил.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Ревизор. Повести. – Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2010. – 396, [1] с.: ил. – (Шедевры на все времена).

«Вий» и другие мистические повести. – Донецк: БАО, 2010. – 319 с.: ил.

Миргород. – Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2010. – 192 с.

Сорочинская ярмарка / Худ. Л. Чайка. – Харьков: Фактор, 2010. – 60 с.: ил.

Лит.:

Айтасова С. И. Характеристика языковых единиц с семантикой неопределенности в поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя // Русская филология. Вестник Харьковского национального пед. ун-та им. Г. С. Сковороды. – Харьков, 2010. – № 1–2 (42). – С. 33–37.

Алатлы А. По следам Гоголя / Пер с тур. И. Дриги. – Киев: Четверта хвиля, 2010. – 521 с.

Алтухова С. И. «В сердце моем – Русь, одна только прекрасная Русь...» (литературно-музыкальная композиция, посвященная дню рождения Н. В. Гоголя) // Русский язык и литература в школах Украины. – Киев, 2010. – № 4. – С. 32–39.

Алябов Ю. Двойной юбилей под Синей птицей // Литературная газета. – М., 2010. – 7–13 апреля. – № 13. – С. 16.

[Об опере «Женитьба» по пьесе Гоголя на музыку А. Гречанинова.]

Бедзир Н. Гоголевский интертекст Украинского постмодернизма // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: зб. наук. праць / Міністерство освіти і науки України; Держ. вищий навчальний заклад «Ужгородський національний ун-т; відп. ред. І. В. Сабадош. – Ужгород: Говерла, 2010. – Вип. 14. – С. 131–134.

Бережняк В. М. Национальный характер в языке произведений Н. В. Гоголя-студента Нежинской гимназии высших наук //

Русский язык в контексте культуры: сб. научных статей. – Могилев, 2010. – С. 328–331.

Бойко И. В. Номинация человека в прозе Н. В. Гоголя в лингвокультурологическом аспекте (на материале повести «Тарас Бульба») // Проблемы преподавания и изучения русского языка в школе и вузе на современном этапе. – Нежин, 2010. – С. 32–34.

Бурчик И. Образ Украины в письмах Гоголя // Київська старовина. – 2010. – № 2. – С. 173–177.

Бычкова А. Ю. Ринологический мотив зеркальности в произведениях Н. В. Гоголя и В. Гауфа // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы конференции молодых ученых. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – С. 28–31.

Бычкова А. Ю. Оппозиция «нос – глаза» как центр художественного внимания Н. В. Гоголя // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: В 2 т. – Granada: Industrias Graficas Abulenses, 2010. – Т. 2. – С. 1628–1632.

Волоконская Т. А. Мотив странных превращений в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. – Вып. 13. – Ч. 1–2. – Саратов, 2010. – С. 31–37.

Генина Н. Е. «Не дожидайтесь Белкина...»: Нереализованная «тройчатка» А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2010. – № 333. – С. 7–9.

[О проекте альманаха «Тройчатка» (идея издания предложена князем В. Ф. Одоевским и Гоголем А. С. Пушкину в 1833 г.).]

Глибовец В. В. Сквозь смех и слезы. Урок-интеллектуальная игра по поэме «Мертвые души». 9 класс // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. – Киев, 2010. – № 11. – С. 21–23.

Гольденберг А. Х. Рациональный и эмоциональный аспекты дидактической традиции в поэтике Гоголя // Проблемы «ума» и «сердца» в современной филологической науке: сб. научных статей по итогам V Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре»: Волгоград, 26–28 октября 2009 г. /Отв. ред. Е. Ф. Манаенкова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – С. 60–64.

Гольденберг А. Х. Эсхатология Гоголя как предмет критической рефлексии литературы русского зарубежья // Гоголь и 20 век. Материалы международной конференции, организованной докторской программой ELTE «Русская литература и культура между Востоком и Западом». Будапешт, 5–7 ноября 2009 г. /Редкол.: Ж. Хетени (отв. ред.), А. Дуккон, Ж. Калафатич. – *Dolce Filologia VIII, Budapest*, 2010. – С. 42–52.

Гольденберг А. Х. Фольклорные хрононимы как универсалии гоголевского сюжета // Универсалии русской литературы. 2. [Сб. статей] / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 390–403.

Головачёва А. Г. Гоголевские мотивы в записных книжках А. П. Чехова // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 2010. – Вып. 18 (75). – С. 6–17.

Горбанев Н. А. Жанр и пейзаж второго тома «Мертвых душ» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – Махачкала, 2010. – Вып. 3. – С. 19–24.

[Взаимосвязь пейзажа во 2-м томе «Мертвых душ» Гоголя с его жанровой спецификой как утопии.]

Джафарова К. К. Вопросы литературных жанров в творчестве Н. В. Гоголя // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – Махачкала, 2010. – Вып. 3. – С. 12–18.

[Проблема жанра в «Учебной книге словесности для русского юношества» Гоголя.]

Дмитриева Е. Н. Виртуальный краеведческий проект Николай Васильевич Гоголь и Харьковщина // Многообразие культур: неоклассика и контркультура: материалы международного семинара (Харьков, 22–23 апреля 2009 г.) /Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина; Балтийская международная академия; Латвийская академическая б-ка; Редкол.: В. Бакиров и др. – Харьков: Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина, 2010. – С. 102–110.

Донченко А. С. Семейные антропонимы в пьесах Н. В. Гоголя и А. П. Чехова // Актуальные проблемы лингвистики: Сб. статей Международной межвузовской научной конференции 27 марта 2009 г. – Сургут: РИО СурГПУ, 2010. – С. 33–37.

Дубровская С. А. «Смеховое слово» в драматургии Н. В. Гоголя // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 6. – С. 150–157.

Дядечко Л. П. Живые как жизнь: гоголевские крылатые выражения в языке современной художественной литературы и СМИ // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2010. – № 1. – С. 43–45.

Енко Я. Н. Гоголевские легенды на его родине. – Полтава, 2010. – 16 с.: ил, фото.

Есипов В. М. «Божественный глагол» (Пушкин, Блок, Ахматова). – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 360 с.

«С Гомером долго ты беседовал один...». – С. 106–120.

[Гоголь об императоре Николае I как адресате стихотворения А. С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...». – С. 115–120.]

[См. также Ук. имен.]

Задорожнюк М. К. Украинский фольклор в произведениях Н. В. Гоголя // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2010. – № 2. – С. 23–25.

Исаева Е. А. Путеводные заметки о монографии Г. В. Самойленко «Николай Гоголь и Нежин» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе: научно-методический журнал. – Киев, 2010. – № 4. – С. 58–59.

Кадочникова Л. А. «Великий амартолог»... (Творчество Н. В. Гоголя в религиозно-философских исследованиях В. Ильина) // Константинополь V. – Вінниця, 2010. – С. 80–84.

Калашникова О. Миф, легенда, и литература в демонологии Н. В. Гоголя // Біблія і культура. – Чернівці, 2010. – Вип. 13. – С. 277–282.

Кардаева Е. В. Расцвеченная украинскими красками, освещенная украинским светом. Урок по изучению авторского стиля Н. В. Гоголя на материале повести «Ночь перед Рождеством» // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2010. – № 6. – С. 26–28.

Карташова И. В., Станичук И. А. Религиозные искания Гоголя в процессе эволюции романтического мирозерцания (Постановка вопроса) // Intuitus mentis русских писателей

классиков. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во «Мысль», 2010. – С. 192–204.

Кияновская Л. П. «Высоко возвышает искусство человека...» К прочтению отрывка «Рим» Н. В. Гоголя на уроке внеклассного чтения, занятии кружка // Зарубіжна література в школах України. – 2010. – № 5. – С. 53–55.

Коржова Е. Ю. Личность «потребителя» и особенности переживания жизненной ситуации вступления в брак (по повести Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка») // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. – Вып. 4. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2010. – С. 53–57.

Кравченко О. А. «Художник петербургский»: образы героев-творцов в «Петербургских повестях Гоголя // Актуальні проблеми слов'янської філології. – Бердянськ, 2010. – Вип. 23. – Ч. 1: Лінгвістика і літературознавство. – С. 73–79.

Курилов А. С. Мертвые ли души у героев «Мертвых душ»? // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2010. – № 5. – С. 48–52.

Лермонтовские чтения – 2009: Сб. статей /Ред. совет: С. С. Серейчик, О. В. Миллер, Н. Н. Акимова, Г. В. Москвин. – СПб.: Лики России, 2010. – 232 с.

Из соерж.:

Акимова Н. Н. «И скучно, и грустно...», или «Скучно на этом свете, господа!» («скука» у Лермонтова и Гоголя). – С. 14–30.

Анненкова Е. И. Дума о «нашем поколенье» (Лермонтов и Гоголь). – С. 31–40.

Очман А. В. Гоголь о Лермонтове. – С. 176–184.

Либан Н. И. Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – 720 с.

[См. Ук. имен.]

Махилев А. Д. Русско-православные объединительные идеи Переяславской рады и творчество Н. В. Гоголя // Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации. – Харьков, 2010. – С. 43–46.

Мешков В. Философия жизни и метафизический реализм Н. В. Гоголя // Рефлексия. Журнал по философской антропологии. – Волгоград, 2010. – № 2. – С. 96–117.

Одекова Ф. Р. Живопись как объект метапоэтической рефлексии Н. В. Гоголя // Филология, журналистика, культурология: инновационные аспекты гуманитарного знания: материалы 55-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – Ч. I. – С. 142–148.

Одекова Ф. Р. Метапоэтика позднего Н. В. Гоголя (на материале эпистолярного творчества писателя 40-х годов XIX в.) // Русский язык. Лингводидактика: Материалы региональной научной конференции. – Карачаевск: КЧГУ, 2010. – С. 157–163.

Одекова Ф. Р. Лингвистические своды опыта словарей Н. В. Гоголя в системе метапоэтических данных его творчества // Метапоэтика: Сб. ст. научно-методического семинара «Textus»: В 2 ч. / Под ред. К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – Вып. 2. – С. 148–155.

Одекова Ф. Р. Гоголь и ботаника: лингвистический аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. – С. 315.

Одекова Ф. Р. Кулинарный рецепт в структуре поэмы «Мертвые души» и повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя // Материалы Всероссийской научной конференции молодых исследователей, посвященной Дню славянской письменности и культуры / Отв. ред. Л. Н. Костикова. – Коломна: МГОСГИ, 2010. – С. 129–136.

Одекова Ф. Р. Лексикография как одна из составляющих метапоэтики Н. В. Гоголя // Сборник трудов молодых ученых: Материалы 55-й научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 54–56.

Одекова Ф. Р. Лексикографические исследования Н. В. Гоголя как пример филологической деятельности писателя в полиэтническом регионе // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: материалы Международной конференции-семинара / Под ред. В. М. Грязновой. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 121–128.

Одекова Ф. Р. О лексикографической деятельности Н. В. Гоголя // Сб. научных трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – С. 47–49.

Одекова Ф. Р. Роль лексикографической деятельности Н. В. Гоголя в формировании языковой личности // К 80-летию проф. Г. Г. Буржунова: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы теории и методики преподавания русского языка как неродного в современных условиях». – Махачкала, 2010. – С. 122–123.

Прасковья М. В. Граница образов Пискарева и Пирогова («Невский проспект» Н. В. Гоголя) // Я. А. Роткович. Материалы научно-практической конференции, посвященной столетию со дня рождения ученого (1–3 февраля 2009 г.). – Самара: Изд-во СПГУ, 2010. – Ч. 2. – С. 54–57.

Радь Э. А. Память творчества русских писателей: Мифопоэтика, интертекстуальность, межтекстовые связи. – Уфа: Гилем, 2010. – 200 с.

Романенко Н. Н. Внеклассная работа: интеллектуальная игра «Умники и умницы» по творчеству Гоголя // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. – Киев, 2010. – № 11. – С. 24–25.

Рудяк И. И. Русская пирамида («Мертвые души» Гоголя, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Реквием» Осипова) // Философия хозяйства. – М., 2010. – № 5. – С. 231–234.

Русистика и современность. Литературоведение: сб. научных статей по материалам XII международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя (Одесса, 30 сентября – 3 октября 2009 г.) /Редкол.: Е. Н. Степанов (отв. ред.) и др. – Одесса: Астропринт, 2010. – 422 с. – На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Раковская Н. М. Н. В. Гоголь и модель кризисного сознания В. Розанова. – С. 8–18.

Бараненкова Н. А. Театральные принципы построения сюжетов повестей сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. – С. 46–53.

Вильчанская Ю. Ю. Образ Чичикова в аспекте парадигмы «Отцы и дети». – С. 54–60.

Немировская А. Ф. Гоголевские художественные традиции в творчестве О. Т. Гончара. – С. 61–69.

Самойленко Г. В. Нежинские реминисценции в творчестве Н. Гоголя // Русский язык, литература, культура в школе и вузе: научно-методический журнал. – Киев, 2010. – № 4. – С. 60–63.

Саран А. Гоголь и почта: Орловский аспект биографии гения. – 2-е изд., испр. и доп. – Орел: Картуш, 2010. – 492 с.

Сирорез О. В. Личность Николая Гоголя, ее своеобразие // Все для учителя. – Киев, 2010. – № 13–14. – С. 6.

Тверитинова Т. И. Мифопоэтика гоголевской «Шинели» // Зарубіжна література в школах України. – 2010. – № 5. – С. 14–16.

Халабаджах И. М. «Будьте не мертвые, а живые» // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2010. – № 2. – С. 29–34.

Целиковская О. С. Суггестия как способ преодоления межпредметной дистанции (на материалах к урокам по творчеству Н. В. Гоголя) // Русский язык и литература в школах Украины. – Киев, 2010. – № 2. – С. 25–29.

Эмирова Л. А. Категория пространства в произведениях Чехова и Гоголя // Современные проблемы науки и образования. – Махачкала, 2010. – С. 115–118.

Юденкова А. В. Исследование топоса Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя (на материале «Петербургских повестей») // Актуальні проблеми слов'янської філології. – Бердянськ, 2010. – Вип. 23. – Ч. 1: Лінгвістика і літературознавство. – С. 64–72.

2011

Изд.:

Вечера на хуторе близ Диканьки; Ревизор; Повести. – Харьков; Белгород: Изд-во Клуб семейного досуга, 2011. – 397 с.: ил. – (Шедевры на все времена).

[Повести: Шинель, Нос, Записки сумасшедшего.]

Вечера на хуторе близ Диканьки; Тарас Бульба. – Харьков: Фолио, 2011. – 363 с. – (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы).

Записки сумасшедшего: [повесть] /Худож. Ю. Чарышников. – Киев: Грани-Т, 2011. – 41, [4] с.: ил.

Мистические произведения русских писателей. – Харьков: Клуб семейного досуга, 2011. – 384 с.

Повесть о капитане Копейкине. – Феодосия: Арт Лайф, 2011. – 119 с. : ил. На обл. указано: Похождения Чичикова.

Ревизор; Вечера на хуторе близ Диканьки: повести. – Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2011. – 396, [1] с.: ил. – (Шедевры на все времена. Т. 7).

[Повести: Шинель, Нос, Записки сумасшедшего.]

Русская драматургия: лучшие классические произведения / Ред.-сост. С. Н. Заготова. – Донецк: ПКФ «БАО», 2011. – 444, [1] с.

Русская классическая литература: Ужасы, мистика, страшные истории: [повести]. – Донецк: ПКФ «БАО», 2011. – 319 с.

Лит.:

Айтасова С. И. Особенности семантики неопределенного местоимения какой-то (на примере поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя) // Вестник Поволжской гос. социально-гуманитарной академии. Филологический факультет. – Вып. 4. – Самара: ПГСГА, 2011. – С. 35–39.

«Гоголевское время в рисунках». Оригинальный рис. Я. Де-Бальмена / Переиздание 1909 г. – 2011. – 100 с.

Баландина Н. Ф. Речевые портреты старосветских помещиков: языковой аспект (по материалам повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики») // Русский язык и литература в учебных заведениях. – Киев, 2011. – № 6. – С. 44–53.

Балуев С. М. Анализ иронии в художественной критике Н. В. Гоголя // Европейский журнал социальных наук. – М., 2011. – № 5. – С. 89–98.

Бочарова Л. Д. Нет маленьких страданий, нет маленьких людей! Урок представление исследовательского проекта «Гуманизм повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2011. – № 6. – С. 35–37.

Бычкова А. Ю. Воплощение образа Петербурга в повести Н. В. Гоголя «Нос» // Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты. – Granada: Industrias Graficas Abulenses, 2011. – С. 306–311.

Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности /Предисл. А. Синявского. – М.: Изд-во КоЛибри, Азбука Аттикус, 2011. – 256 с.: ил.

Русский бог. Гоголь. – С. 120–131.

[О повести «Тарас Бульба».]

Бремя маленького человека. Гоголь. – С. 132–140.

[Образ Чичикова в «Мертвых душах».]

Вестник Крымских литературных чтений: сб. научных статей и материалов. – Вып. 7. – Симферополь: Крымский Архив, 2011.

Из содерж.:

Викулова В. П., Митарчук Е. А., Овсянникова Е. Н. Малороссийская тема в изобразительных и книжных фондах московского Дома Н. В. Гоголя. – С. 105–117.

Литвиненко Т. Н. Гоголевский миф в современной русскоязычной литературе Украины. – С. 132–143.

Михед П. В. Автобиографическая повесть Н. В. Гоголя <«Повар»>. – С. 144–159.

Павельева А. А. Идиллический хронотоп в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики». – С. 160–171.

Волоконская Т. А. Сон и пробуждение как форма странных превращений в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. – Вып. 14: В 2 кн. – Ч. 1–2. – Саратов, 2011. – С. 36–41.

Волошина А. Культмассовый психоз // Петербургский театральный журнал. – СПб., 2011. – № 1. – С. 94–96: ил.

[О постановке «Записок сумасшедшего» Гоголя, режиссер К. Гинкас, художник С. Бархин, МТЮЗ.]

Ворожеева З. А. Мир природы и мир человека в изображении Н. В. Гоголя. Урок-исследование по повести «Тарас Бульба» // Все для учителя. – Киев, 2011. – № 13–14. – С. 93–96.

Галкина И. Ю., Гарник И. А., Кальчук Л. В., Тресер Б. Н. Горьким смехом моим посеюсь. Сценарий заседания литературно-искусствоведческого салона, посвященного Н. В. Гоголю // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2011. – № 4. – С. 48–55.

Генина Н. Е. Ансамблевая «Тройчатка» в русской литературе 1830-х гг.: «Дом сумасшедших» В. Ф. Одоевского, «Арабески» Н. В. Гоголя, «Современник» А. С. Пушкина //

Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых. – Томск, 2012. – С. 116–120.

Гольденберг А. Х. Мифологические концепты славянского фольклора в художественном мире Гоголя // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию А. Ф. Журавлева. – М., 2011. – С. 90–96.

Гольденберг А. Х. «Не собирайте себе сокровищ на земле...» (Проблема цены богатства в творчестве Гоголя) // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Михайловка, 21–22 октября 2010 г. – Волгоград, 2011. – С. 195–199.

Гольденберг А. Х. Предки и потомки как архетипические категории гоголевского хронотопа // Двести лет Гоголя. Сборник научных работ /Под ред. В. Щукина. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. – С. 69–81.

Гольденберг А. Х. Анималистическая символика в мифопоэтическом пространстве «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Восток-Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. – Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2011. – С. 32–39.

Гольденберг А. Х. Часы в доме Коробочки (Опыт мифопоэтического комментария) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Педагогические науки, Филологические науки, Социально-экономические науки и искусство. – 2011. – № 8 (62). – С. 156–161.

Гольденберг А. Х. Коды традиционной славянской культуры как универсалии мифопоэтики Гоголя // Универсалии русской литературы. 3 /Воронежский гос. ун-т. – Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 399–406.

Гольденберг А. Х. Антология вещи: гоголевский концепт в эстетике «Бубнового валета» (заметки к теме) // Актуальные проблемы изучения творчества И. И. Машкова и художников «Бубнового валета»: Материалы Международной научно-практической конференции к 100-летию со времени организации общества «Бубновый валет» и 130-летию со дня рождения И. И. Машкова, 18, 19 октября 2011 г. – Волгоград: Парадигма, 2011. – С. 218–224.

Горшечникова Е. А. Поэтика образа «Маленького человека» (переписчика) в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Наукові записки Харківського національного пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. – Харків, 2011. – Вип. 3 (67). – Ч. 1. – С. 29–34.

Григорьева Е. Н. Как рассказана повесть Гоголя «Невский проспект» // Проза Н. В. Гоголя. Поэтика нарратива: Сб. статей / Санкт-Петербургский гос. ун-т; Отв. ред. В. М. Маркович. – СПб. Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 183–194.

Греков В. Н. Гоголь в публицистике славянофилов // Третьи аксаковские чтения: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 года; Сост. и отв. ред. Л. А. Сапченко. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2011. – С. 147–156.

Джафарова К. К. Идиллия и идиллические ценности в повести Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тегушка» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – Махачкала, 2011. – Вып. 3. – С. 9–12.

Дмитриевская Л. Н. Мотив портрета в русской литературе как способ воплощения философского взгляда на искусство // Европейский журнал социальных наук. – М., 2011. – № 8. – С. 28–36.

[На примере произведений Гоголя, Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого.]

Донченко А. С. Семантико-стилистические особенности антропонимикона пьес Н. В. Гоголя и А. П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. областной ун-т. – М., 2011. – 18 с.

Дорошкевич В. А. Гоголь, Чехов и Россия // Науковий часопис. – Киев, 2011. – Вип. 26 (39). – С. 134–139.

Дубровская С. А. Образ степи в смеховом мире Н. В. Гоголя // Вестник Мордовского ун-та. – Саранск, 2011. – №1. – С.109–112.

Иванова Н. П. Символика зеркала в творчестве русских романтиков (на примере творчества Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского) // Наукові записки Харківського національного пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. – Харків, 2011. – С. 3–10.

Игнатий Брянчанинов, святитель. Полное собрание писем: В 3 т. /Сост. О. И. Шафрановой. – М.: Паломник, 2011.

Т. 2: Переписка с монашествующими. – 704 с.

Из содерж.:

Воропаев В. Обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой. – С. 682–694.

Т. 3: Переписка с мирянами. – 672 с.

Из содерж.:

Письмо святителя Игнатия Брянчанинова к художнику К. П. Брюллову /Публ. и коммент. И. А. Виноградова. – С. 593–596.

Письмо святителя Игнатия Брянчанинова по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя /Публ. и коммент. И. А. Виноградова. – С. 600–603.

Казакова С. К. Образ литератора в русском живописном портрете эпохи романтизма: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. /МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2011. – 26 с.

3.2.2. Иконография Гоголя и проблема поиска портретного образа. – С. 20–21.

[См. также С. 9, 22, 23.]

Казанцева Г. В. Беллетризованные жизнеописания В. П. Авенариуса в контексте эволюции биографической прозы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Российский ун-т дружбы народов. – Москва, 2011. – 45 с.

Гл. 5. § 1. Образ героя-писателя в беллетризованной биографии В. П. Авенариуса («Пушкин», «Михаил Юрьевич Лермонтов», «Ученические годы Гоголя»): система образов-персонажей как средство актуализации образа главного героя.

[Трилогия «Ученические годы Гоголя» (Гоголь-гимназист», «Гоголь-студент», «Школа жизни великого юмориста).]

Казарин В. П., Батрак И. С. Грибоедов и Гоголь: об одном трансвременном сближении // Вопросы русской литературы: межвузовский научный сборник. – Симферополь: Крымский архив, 2011. – Вып. 19 (76). – С. 160–163.

Казарин В. П., Остапенко И. В. Стихотворения Б. А. Чичибабина «Я почувял беду и проснулся от горя и смуты...» (1978) (Опыт комментария) // Современная русская поэзия: традиции и авторство. Вестник Международных Крымских чтений Б. А. Чичибабина. – Симферополь: Крымский Архив, 2011. – Вып. 7. – С. 32–35.

[О стихотворении Б. А. Чичибабина, посвященном Гоголю. – С. 34–35.]

Кардаева Е. В. Расцвеченная украинскими красками, освященная украинским светом: урок по изучению авторского стиля Гоголя на материале повести «Ночь перед Рождеством» // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2011. – № 6. – С. 26–28.

Карякина В. Л. Особенности речевого поведения Кочкарева в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» // Вестник Поволжской гос. социально-гуманитарной академии. Филологический факультет. – Самара, 2011. – Вып. 4. – С. 63–75.

Кауфман С. Н. Фольклорный мотив в повествовательной структуре «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Молодая филология – 2011. – Новосибирск, 2011. – С. 35–49.

[Мотив «девичьего зеркала» в повестях Гоголя «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством».]

Качор М. И. Функции украинизмов в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Язык. Культура. Общество. – Саранск, 2012. – Вып. 4. – С. 11–12.

Ковалев Г. Ф. Автобиографизм ономастики Н. В. Гоголя // Записки з ономастики: зб. наукових праць /Одеський національний ун-т ім. І. І. Мечникова; Редкол.: О. Ю. Карпенко (відп. ред.) та ін. – Одесса: Астропринт, 2011. – Вып. 14. – С. 97–112.

Кокарева В. В. Изгнание Чичикова – нравственный императив Н. В. Гоголя в поэме «Мертвые души» (акцентное прочтение поэмы) // Русский язык и литература в школах Украины. – Киев, 2011. – № 8. – С. 30–33.

Кораблева Н. В. Пушкинские и гоголевские традиции в романе А. Битова «Оглашенные» // Русская литература в Украине: проблемы изучения и преподавания: сб. научных статей /Горловский гос. пед. ин-т иностранных языков; Международный фонд «Русский мир». – Горловка: ГГПИИЯ, 2011. – С. 44–52.

Корин А. Грек, ставший первым русским миллионером // Иные берега. – М., 2011. – № 3. – С. 88–97.

[Русский предприниматель греческого происхождения Д. Е. Бенардаки в истории русской литературы и культуры. В частности его дружеские связи с Гоголем.]

Кохашвили Н. Е. Николай Гоголь в грузинской прессе XIX века // Література та культура Полісся. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2011. – Вып. 66. – С. 11–16.

Кравченко О. А. «Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти»: антология страстей в творчестве Гоголя // Актуальні проблеми слов'янської філології. Сер. Лінгвістика і літературознавство. – 2011. – Вип. 24. – Ч. 1. – С. 219–230.

Кучеренко О. Чудотворная икона, у которой мать Гоголя вымолила сына, 40 лет погибала в запасниках музея // Комсомольская правда в Украине. – 2011. – 4 апреля.

Лепяхин В. Полное собрание сочинений и писем Н. В. Гоголя // Балтийский филологический курьер. – Калининград, 2011. – № 8. – С. 333–336.

Рец. на изд.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Література та культура Полісся: зб. наукових праць. – Вип. 67: Проблемі історії, літератури, та культури у регіональному науковому вимірі / Відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко; Ніжинський державн. ун-т ім. М. Гоголя. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2011. – 290 с. – На рус. і укр. яз.

Из содерж.:

Жаркевич Н. М. Народность «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Проблемы интерпретации. – С. 3–8.

Самойленко Г. В. Второй том «Мертвых душ» Н. Гоголя: история создания и его текстологическая судьба // Література та культура Полісся. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2011. – Вип. 67. – С. 9–33.

Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. XIX век: Сборник. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Изд-во К. Тублина», 2011. – 464 с.

Из содерж.:

Секацкий А. Гоголь – откровенное и сокровенное. – С. 81–110.

Любецкая В. Особенности художественного стиля Н. В. Гоголя // Філологічні науки: зб. наукових праць / Редкол.: Степаненко М. І. (головн. ред.) та ін.; Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. – Полтава: ПНПУ ім. В. Г. Короленка, 2011. – Вип. 8. – С. 66–72.

Макаричев В. В. Художественная реинкарнация стихий в творческих исканиях Ф. М. Достоевского // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. – Сургут, 2011. – № 1. – С. 96–102.

[«Карамазовщина» как стихийная сила, совмещающая в себе стихии «хлестаковщины» и «обломовщины» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».]

Манолакев Х. Грибоедов – Гоголь – Достоевский: Типология и герменевтика Слова /Пер. с болг. Л. А. Дубовой. – [В. Търново:] Изд-во «Фабер», 2011. – 182 с.

Из содерж.:

Гл. 2. «Усомненное» Слово. «Мертвые души» Н. В. Гоголя. – С. 61–103.

Рец.: Хомук Н. В. Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – Томск, 2013. – № 6 (26). – С. 123–127.

[Межтекстовый диалог между комедией «Горе от ума» А. С. Грибоедова, поэмой «Мертвые души» Гоголя, романом «Идиот» Ф. М. Достоевского.]

Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 4 т. М.: Терра, 2011.

Т. 3: Гоголь и чорт; Царство Зверя (Ч. 1, 2). – 672 с.

Мельник О. В. Викторина по пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2011. – № 1. – С. 35–37.

Михед П. Гоголь и западноевропейская христианская мысль (проблемы изучения) // Біблія і культура: науково-теоретичний журнал. – Чернівці: Чернівецький національний ун-т ім. Юрія Федьковича. – 2011. – Вип. 14. – С. 168–172.

Михед П. В. Автобиографическая повесть Н. В. Гоголя <«Повар»>: соотношение мифа аллегорического и реального // Біблія і культура: науково-теоретичний журнал. – Чернівці: Чернівецький національний ун-т ім. Юрія Федьковича. – 2011. – Вип. 15. – С. 155–162.

Найдена М. А. Образ колдуна в сборнике Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Молодая наука – 2011. – Пятигорск, 2011. – Ч. 6. – С. 186–187.

Небеленчук И. А. Самое насыщенное народной поэзией произведение. Изучение повести повести Н. В. Гоголя «Ночь

перед Рождеством» по методике учебного диалога // Русская словесность в школах Украины. – Киев, 2011. – № 6. – С. 28–31.

Одекова Ф. Р. Лексикография Н. В. Гоголя как особенность его метапоэтики // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания: материалы 56-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011 – С. 157–164.

Одекова Ф. Р. Лексикографическая деятельность Н. В. Гоголя в свете энциклопедизма его метапоэтики: Автореф. дис... канд. филол. наук / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2011. – 25 с.: табл.

Ольховая Н. А. Гоголевский Иерусалим в стихах Виктора Кривулина // Русская литература в Украине: проблемы изучения и преподавания: сб. научных статей / Горловский гос. пед. ин-т иностранных языков; Международный фонд «Русский мир». – Горловка: ГТПИИЯ, 2011. – С. 76–81.

Павельева А. А. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя: идиллический и хаотический хронотоп // Наукові записки Харківського національного пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. – Харків, 2011. – С. 11–22.

Павельева А. А. Художественное время в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и народный календарь // Филологічні науки: зб. наукових праць / Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. – Полтава, 2011. – Вип. 8. – С. 60–65.

Прохоренко Е. Е. Гоголь и Лесь Курбас // Література та культура Полісся. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2011. – Вип. 65. – С. 26–36.

Ржевский след кончины Гоголя // Тверская жизнь. – Тверь, 2011. – 14 ноября.

Ролик А. В Мотив Ухода-и-Возврата в жизни и творчестве Гоголя // Література та культура Полісся. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2011. – Вип. 63. – С. 45–48.

Росовецкий С. К. О национальной принадлежности литературного наследия Н. В. Гоголя // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2011. – № 1. – С. 29–33.

Савостьянов В. Гоголю: [стихи] // Наш современник. – М., 2011. – № 5. – С. 111–112.

Сарычев В. А. Константин Аксаков и Виссарион Белинский. Полемика о Гоголе и о России // Вестник Липецкого гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Липецк, 2011. – Вып. 1. – С. 80–99.

Син Хе Чо. Интерпретации произведений Н. В. Гоголя в российской книжной иллюстрации XIX–XX вв.: Автореф. дис.... канд. культурологии / Российский государственный гуманитарный ун-т. – М., 2011.

Смолина М. Г. Средства комического в иллюстрациях Марка Шагала к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1923–1927) // Полигнозис. – М., 2011. – № 3/4 (43). – С. 157–168.

Станичук И. А. Образы ночи в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – Тверь, 2012. – № 4. – Вып. 1. – С. 293–297.

Тихоненко С. Душная тюрьма или прекрасный оазис? Особенности художественного мира повести Н. Гоголя «Старосветские помещики» // Зарубіжна література. – Киев, 2011. – № 15/16. – С. 40–45.

Третьи аксаковские чтения: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 года; Сост. и отв. ред. Л. А. Сапченко. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2011. – 294 с.

Из содерж.:

Греков В. Н. Гоголь в публицистике славянофилов. – С. 147–156.

Тюнин А. Полтавщина и ее обыватели в произведениях Н. В. Гоголя // Імідж сучасного педагога. – 2011. – № 3. – С. 49–53.

Универсалии русской литературы. – Воронеж, 2011. – Вып. 3.

Из содерж.:

Молиар А. Овидий – Гоголь – Гончаров: универсалии еды и обилия. – С. 127–140.

[Идиллический хронотоп в «Обрыве» И. А. Гончарова в свете отсылок к «Старосветским помещикам» Гоголя, содер-

жащих аллюзии на эпизод с Филимоном и Бавкидой из «Метаморфоз» Овидия.]

Зайонц Л. О. Родословная Меджи и Фидели, или «Табакерка» Поприщина. – С. 266–281.

[«Собачий сюжет» в «Записках сумасшедшего» Гоголя и его связь с литературным и повседневным бытом второй половины XVIII – начала XIX в., со свойственным этой эпохе культом декоративных собак.]

Козубовская Г. П. Деформации тела: мотив сломанных ног («Женитьба Н. В. Гоголя»). – С. 282–293.

[Фольклорно-мифологические подтексты в комедии Гоголя.]

Кривонос В. Ш. Универсалии метаповествования в «Мертвых душах» Гоголя. – С. 294–317.

Успенский П. Ф. К интерпретации стихотворения Мандельштама «Дикая кошка – армянская речь...». – С. 346–352.

[Пушкинско-гоголевские подтексты стихотворения О. Э. Мандельштама.]

Гольденберг А. Х. Коды традиционной славянской культуры как универсалии мифопоэтики Гоголя. – С. 399–406.

[Интерпретация эпизода ночного визита Чичикова к Коробочке в «Мертвых душах» Гоголя (аллюзии на потусторонний мир).]

Ципко А. Кому и чкму служит миф о «коммунистическом инстинкте» русского человека? // Наука и жизнь. Научно-популярный журнал. – М., 2011. – № 5. – С. 35–44.

[О русском национальном характере в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.]

Чоботько А. В. Религия и вера в понимании В. В. Розанова и Н. В. Гоголя // Література та культура Полісся. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2011. – Вип. 61. – С. 30–37.

Шолохова А. С. Переводы произведений Н. В. Гоголя на английский и немецкий языки как проблема интерпретации (На примере «Вечеров на хуторе близ Диканьки»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Российский гос. гуманитарный ун-т. – М., 2011. – 27 с.

Изд.:

Вечера на хуторе близ Диканьки, Тарас Бульба. – Харьков: Фолио, 2012. – 361, [2] с. – (Библиотека русской классики для школ).

Вечера на хуторе близ Диканьки, Тарас Бульба. – Харьков: Фолио, 2012. – 361, [2] с. – (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы).

«Вий» и другие мистические повести. – Донецк: БАО, 2012. – 319 с.: ил.

Мертвые души: поэма. – Харьков: Фолио, 2012. – 474, [2] с.: ил. – (Библиотека русской классики для школ).

Мертвые души: поэма /Послесл. и примеч.

Т. В. Надозирной. – Харьков: Фолио, 2012. – 474, [2] с. – (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы – школьная библиотека. Украинская литература).

Петербургские повести. – Харьков: Фолио, 2012. – 302, [2] с.: ил. – (Библиотека русской классики для школ).

Петербургские повести. – Харьков: Фолио, 2012. – 302, [4] с. – (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы).

(Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы).

Петербургские повести /Вступ. статья и коммент. В. А. Воропаева; худож. Ф. Москвитин. – М.: Детская лит., 2012. – 232 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гоголевский Петербург. – С. 5–14.

Коммент. – С. 211–233.

Ревизор. Женитьба. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 218 [6] с. – (Внеклассное чтение).

Тарас Бульба. – М.: Искательпресс, 2012. – 80 с. – (Библиотечка школьника).

Лит.:

Александрова В. А. Новации в образной системе второго тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Дни славянской

письменности и культуры. Рождественские чтения во Владимире. – Владимир, 2012. – Т. 5. – С. 143–146.

Александрова Э. К. «Гоголевское» в романе Гайто Газданова «История одного путешествия»: (Статья I) // Вестник СПбГУТД. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. – СПб., 2012. – № 1. – С. 65–69.

Александрова Э. К. «Гоголевское» в романе Гайто Газданова «История одного путешествия»: (Статья II) // Вестник СПбГУТД. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. – СПб., 2012. – № 2. С. 51–55.

Бабаева З. Э. Образные параллели в русских фантастических повестях 1830-х гг. «Пиковая дама», «Штосс», «Портрет» // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2012. – № 2. – С. 154–158.

[Мотивы карточной игры, оживающего портрета, сна в повестях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Гоголя.]

Бабаева З. Э. Реалистический план в повести Н. В. Гоголя «Портрет» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2012. – № 2. – С. 16–19.

[Интерпретация сюжета 1-й части повести.]

Белоногова В. Ю. Гете и Германия в творческом сознании Гоголя. К вопросу о духовной эволюции писателя // Перспективы возрождения и модернизации России – от Н. А. Добролюбова до наших дней. – Н. Новгород, 2012. – С. 187–192.

Благородний вимір наукового подвижництва: зб. наук. прац / НАН України, Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка; Редкол.: М. Г. Жулинський (голова) та ін. – Киев: Наукова думка, 2012.

Из содерж.:

Киченко А. С. Гоголь в поэтической системе романтизма. – С. 36–42.

Звinyaцковский В. Я. Преемники Гоголя в самопознании (К вопросу о П. А. Кулише как гоголеведе). – С. 42–54.

Якушева Г. В. Шиллеровское в Гоголе (к проблеме специфики национального восприятия). – С. 60–68.

Казарин В. П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин. – С. 74–80.

Большухин Л. Ю., Александрова М. А. «...Вскоре после достославного изгнания французов»: эмблема исторического рубежа в поэме Гоголя «Мертвые души» // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2012. – Вып. 16. – С. 231–240.

[Функции аллюзий на эпоху наполеоновских войн в поэме «Мертвые души».]

Бондаренко С. Гоголь, Ступка, Якутович // Літературна Україна: газета письменників України. – 2012. – № 3 (19 січня). – С. 15.

Булкина И. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. – М., 2012. – № 118. – С. 399–401.

Рец. на кн.: Марчуков А. В. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М.: REGNUM, 2011. – 294 с.: ил.

Бычкова А. Ю. Антропологический образ носа в произведениях Н. В. Гоголя и Э. Т. А. Гофмана // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы всероссийской молодежной конференции. 23–25 августа 2012 г. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – С. 69–73.

Вахренева П. Е. Философские открытия Н. В. Гоголя // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Философия. – Воронеж, 2012. – № 2 (8). – С. 33–46.

[Религиозно-философские аспекты концепции человека в творчестве Гоголя.]

Вдовиченко В. Гоголь и современность // Полярная звезда. – Якутск, 2012. – № 4. – С. 88–96.

[Актуальность поэмы Гоголя «Мертвые души» в постсоветской России.]

Вдовиченко В. Гоголь и современность: [Продолжение] // Полярная звезда. – Якутск, 2012. – № 5. – С. 89–96.

Вестник Крымских литературных чтений: сб. научных статей и материалов. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – Вып. 8.

Из содерж.:

Гребенщикова А. Г. Визуальное в прозе Н. Гоголя и М. Булгакова. – С. 57–70.

Мацапура В. И. Повесть Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: особенности поэтики. – С. 94–105.

Михед П. В. Василий Гоголь-Яновский в культурном контексте времени. – С. 105–136.

Волоконская Т. А. Мотив заколдованного места в мало-российских циклах Н. В. Гоголя: от описаний к поискам перво-причины // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2012. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 61–64.

Волоконская Т. А. Один день Невского проспекта (О пространстве в повести Н. В. Гоголя) // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. – Саратов, 2012. – Вып. 15: В 2 кн. Ч. 1–2. – С. 36–41.

Волоконская Т. А. Автор в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя: метаморфозы образа // Литература в системе культуры: сб. материалов научно-практической конференции молодых исследователей / Науч. ред. Е. Н. Строганова. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. – С. 116–121.

Волоконская Т. А. Бегство носа и бегство автора (К вопросу о соотношении сюжета и стилистики повести Н. В. Гоголя «Нос») // XXXIII Зональная конференция литературоведов Поволжья: сб. научных трудов и методических материалов. – Саратов, 2012. – С. 247–253.

Воронцова К. В. Пространство русской литературы в поэзии Елены Шварц // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – Волгоград, 2012. – № 6. – С. 136–139.

[Петербургский миф и образ Гоголя в поэзии Е. А. Шварц.]

Гагаев А. А., Гагаев П. А. Православие и русская литература (Теория и практика прочтения художественного текста на культурно-исторической основе): Учебное пособие / Петровская Академия наук и искусств; Ин-т деловых коммуникаций. – М.; СПб: Издательский дом «Мирь», 2012. – 288 с. – (Б-ка духовной культуры; Вып. 29).

Из содерж.:

Н. В. Гоголь. Мертвые души. – С. 158–170.

Гафаров Р. М. Гоголь и Державин: несколько слов в развитие темы // Г. Р. Державин и диалектика культур. – Казань, 2012. – С. 119–122.

Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. – 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2012. – 232 с.

Рец.: Шульц С. А. Переиздание монографии об архетипах в творчестве Гоголя // Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии

/Редкол.: П. В. Михед (відп. ред.), С. Д. Абрамович, В. О. Воропаев [та ін.]; Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. – Вып. 3 (20). – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2013. – (Сер. Гоголезнавчі студії). – С. 404–405.

Горшечникова Е. Образ маленького человека в повестях «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя и «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского // Філологічні науки: зб. наук. прац /Редкол.: Степаненко М. І. (головн. ред.) та ін.; Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. – Полтава: ПНПУ ім. В. Г. Короленка, 2010. – Вип. 3 (6). – С. 65–71.

Гуминский В. М. Путешествие Гоголя по Святой Земле // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим. К 150-летию основания. Материалы конференции. – М.: Индрик, 2012. – С. 144–175.

Давыдов А. П. Неполитический либерализм в России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», «Мысль», 2012. – 644 с.

Из содерж.:

Гл. 3. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. – С. 353–494.

Дзюба Е. М. Рецепция Вертера в контексте авторского осмысления Н. В. Гоголем образа Чичикова // Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2012. – С. 33–41.

[Комментарий к сцене чтения Чичиковым Собакевичу послания Вертера к Шарлотте в 7-й главе «Мертвых душ» Гоголя.]

Денисов В. Д. Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Российский гос. гидрометеорологический ун-т. – М., 2012. – 30 с.

Денисов В. Д. Гоголевский «Портрет» и его герои // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. – Сургут, 2012. – № 1. – С. 66–71.

Джафарова К. К. О пространным языке Н. В. Гоголя // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. – М., 2012. – С. 258–262.

Джафарова К. К. К вопросу о жанровом мышлении Н. В. Гоголя в сборнике «Миргород» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – Махачкала, 2012. – Вып. 3. – С. 105–106.

Дубровская С. А. Карнавальная традиция в письмах Н. В. Гоголя 1820–30-х годов // Традиции в русской литературе. – Н. Новгород, 2012. – С. 42–48.

Евлампиев И. И. Фома Опискин и король Лир. Проблема соотношения «жизни» и «слова» в повести «Село Степанчиково и его обитатели» // Вопросы философии. – М., 2012. – № 9. – С. 97–108.

[Повесть Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» в контексте сопоставления с трагедией У. Шекспира «Король Лир» и «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя.]

Егоров О. Г. Русская литература за сто лет (1800–1900 гг.). Идеи. Образы. Открытия. – М.: «ДПК Пресс», 2012. – 300 с.

Из содерж.:

Жанр исповеди в русской литературе XIX века. – С. 193–206.

Жаднова Е. Н. Петербургский текст К. Вагинова // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2012. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 73–76.

[Традиции А. С. Пушкина и Гоголя в петербургских текстах К. К. Вагинова (роман «Труды и дни Свистонова»).]

Жаркевич Н. М. Юмор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя как литературоведческая категория // Наукові записки Ніжинського держ. ун-ту ім. Гоголя. Філологічні науки – Ніжин: НДУ ім. Гоголя, 2012. – Кн. 1. – С. 18–22.

Житкова Л. Н. Мифологический метод Д. С. Мережковского-критика // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2012. – Т. 2. – С. 131–137.

[Мифотворческий подход Д. С. Мережковского к анализу творчества русских классиков (в частности, на материале книги «Гоголь и чорт».)]

Завьялова Е. Е. «Петербургские повести» Н. В. Гоголя: гротеск в изображении «странного города» // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2012. – Т. 14. – № 2. – С. 727–731.

Замыслова Е. Е. Н. В. Гоголь о Шлецере (статья «Шлецер, Миллер и Гердер») в контексте журнальных публикаций 1810–1830-х годов // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – М., 2012. – № 2. – С. 152–166.

Захаров К. М. Нескрытые цитаты. Гоголевские аллюзии в комедиях А. В. Сухова-Кобылина // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2012. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 69–73.

Захаров К. М. В ожидании игры. К вопросам поэтики русской драматургии XIX века // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2012. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 58–61.

[Мотив карточной игры в драматургии М. Ю. Лермонтова, А. В. Сухова-Кобылина, Гоголя.]

Звоняцкий В. Я., Дацко Е. А. Как на Гоголя именины...: о двух Международных конференциях, приуроченных к 202-й годовщине рождения Н. В. Гоголя // Русский язык и литература в учебных заведениях: научно-методический журнал /Национальный пед. ун-т им. М. Драгоманова. – Киев: Этносфера, 2012. – № 2. – С. 76–80.

Ито М. Музыкальность «Ревизора» в постановке Вс. Э. Мейерхольда // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – М., 2012. – № 4. – С. 29–41.

Золотусский И. П. Сочинения: В 3 ч. – Ч. 3: Оправдание Гоголя: Литературный сценарий 10-серийного телевизионного фильма; Слово о Гоголе. – М.: ОАО «Московские учебники», 2012. – 160 с.: ил.

Иванова С. И. Функционирование образа «маленького человека» в русской литературе первой половины XIX в. // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2012. – № 3. (43). – С. 115–119.

История русской литературы XIX века: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования: В 3 т. Т. 2 /Е. И. Анненкова, Ю. В. Балакшина, Т. В. Дьячук и др.; Под ред. О. В. Евдокимовой. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 448 с. – (Сер. Бакалавриат).

Николай Васильевич Гоголь. – С. 3–47.

Карпов А. С. Поэтика филологического романа А. Синявского /А. Терца // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. – М., 2012. – № 4. – С. 54–66.

[Жанровое своеобразие книг А. Д. Синявского (Терца) «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя».]

Катермина В. В. Этническая оценка человека в произведениях Н. В. Гоголя // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность. – Оренбург, 2012. – С. 180–182.

Катермина В. В. Соматизмы в номинации человека (на материале произведений Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса) // Человек, культура, образование. – Сыктывкар, 2012. – № 3 (5). – С. 99–110.

Кафанова О. Б. Тургенев – интерпретатор и переводчик Гоголя // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. – М., СПб., 2012. – Вып. 3. – С. 214–230.

[О совместной работе И. С. Тургенева и Л. Виардо над переводами повестей Гоголя «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий» на французский язык.]

Клапка Й. Николай Васильевич Гоголь в Чехии, художник Михаил Бромберг // Меценат и мир. – Рязань, 2012. – № 53–56. – С. 491–496.

[Об иллюстрациях чешского художника М. Бромберга к произведениям Гоголя.]

Ковалева Т. М. Диегетические проекции рецепции в повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. – Барнаул и др., 2012. – № 3. – С. 49–53.

[Особенности сказового нарратива в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

Кокарева В. В. Изгнание Чичикова – нравственный императив Н. В. Гоголя в поэме «Мертвые души» (акцентное прочтение поэмы) // Русский язык и литература в школах Украины. – Киев, 2012. – № 2. – С. 35–39.

Коковина Л. В. Экспликативы модального значения в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и их английские эквиваленты в тексте перевода // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований. – Калининград, 2012. – Ч 2. – С. 49–55.

[«Мертвые души» в переводах Дж. Хогарта и Р. А. Магваера на английский язык.]

Коковина Л. В. Ядерные экспликативы модального значения уверенности /неуверенности в поэме Н. В. Гоголя

«Мертвые души» и их эквиваленты в тексте английского перевода // Вестник Балтийского федерального ун-та: Научно-теоретический журнал. Сер. Филологические науки. – Калининград, 2012. – № 2. – С. 123–127.

Кондакова С. Ю. Изучение сатирических произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. В. Гоголя // Профильная школа. – 2012. – № 4. – С. 41–45.

Кондакова Ю. В. Феномен ономастического хамелеонства Н. В. Гоголя // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2012. – Т. 2. – С. 157–163.

[Смена псевдонимов в раннем творчестве Н. В. Гоголя (от поэмы «Ганц Кюхельгартен» до «Вечеров на хуторе близ Диканьки»)].

Крейцер А. В. Николай Коробка и Николай Гоголь: творческое единение // Universum: Вестник Герценовского ун-та. – СПб., 2012. – № 3. – С. 217–221.

[Интерпретация образа Петромихали как дьявольского порождения Петербурга в статье Н. Коробки «Оригинал ростовщика в гоголевском «Портрете»].

Кривонос В. Ш. Читатель и авторская рефлексия в «Мертвых душах» Гоголя // Studia rossica posnaniensia. – Poznań, 2012. – Z. 37. – С. 129–137.

Крылова А. В. Источники противоречивости смеха Н. В. Гоголя // Художественная концепция личности в мировой литературе. – Армавир, 2012. – С. 147–149.

Кузнецова А. Редкие книги аксаковского времени в коллекции музея-заповедника «Абрамцево» // Библиофилы России. – М., 2012. – Т. 9. – С. 55–84.

Кук О. Е. Заколдованный мир русалок в произведениях Андрея Белого // Русский символизм и мировая культура. – М., 2012. – Вып. 4. – С. 75–82.

[Фольклорно-мифологические коннотации женских образов в романах А. Белого в свете гоголевской традиции.]

Курилов А. С. В. Г. Белинский в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2012. – 152 с.: ил. – (В помощь школе).

Из содерж.:

В. Г. Белинский и Н. В. Гоголь. – С. 119–127.

Кучина С. А. Эквиваленты авантюрного героя в русской и европейской драматургии // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2012. – № 1. – С. 59–62.

[Модификации авантюрного героя в творчестве Гоголя (Ноздрев – Хлестаков – Кочкарев) в контексте русской и западной литературной традиции.]

Ланин Б. А., Артюхова И. С. История изучения Н. В. Гоголя в русской школе // Вестник Московского городского пед. ун-та. Сер. Филологическое образование. – М., 2012. – № 1 (8). – С. 60–68.

[Гоголь в учебниках, хрестоматиях и программах XIX–XX вв.]

Левкиевская Е. Е. Мифологические рефлексy в литературных текстах: возможности семиотических сдвигов (На примере восточнославянской русалки) // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 485–515.

[Трансформация образа русалки в произведениях А. С. Пушкина (стихотворение и драма «Русалка»), Гоголя («Майская ночь»), А. А. Блока («Пузыри земли»).]

Лепешкина Е. Наш бессмертный Гоголь: литературная гостиная // Зарубіжна література. – Киев, 2012. – № 21. – С. 24–30.

Лобастов Н. А. Записки сельского учителя. Ч. 1. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Региональный общественный фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2012. – 431 с. – (О русской литературе).

Гл. 7. Николай Васильевич Гоголь. – С. 370–424.

Лобастов Н. А. Записки сельского учителя: <В 3 ч.>. Ч. 1. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Региональный общественный фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2012. – 527 с. – (О русской литературе).

Гл. 7. Николай Васильевич Гоголь. – С. 451–519.

Любецкая В. В. Проявление разлада в художественном творчестве Н. В. Гоголя // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 1–3.

[Некоторые аспекты религиозно-философской проблематики в творчестве Гоголя.]

Любецкая В. В. Литературно-художественный стиль и словесный лад в творчестве Н. В. Гоголя: монография /Науч. ред. А. В. Домашенко. – Кривой Рог: Видав. дім, 2012. – 195 с.

Манн Ю. В. Гоголь и утопический социализм (Штрихи к теме) // Новый филологический вестник. – М., 2012. – № 3 (22). – С. 23–27.

[Близость идеи Гоголя об исправлении общества путем исправления каждого человека идеям утопического социализма.]

Митрофанова Л. «Чужие среди своих»: Мотив «изгнания из рая» в творческой биографии Н. В. Гоголя и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Нева. – СПб., 2012. – № 11. – С. 217–227.

[Оппозиция «малая родина – Петербург» в творчестве Гоголя и Д. Н. Мамина-Сибиряка: восприятие провинции (Малороссия, Урал) как утраченного рая.]

Михалёв А. Избранные работы. – Харьков: Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина, 2012.

Из содерж.:

Русско-православные объединительные идеи Переяславской рады и творчество Н. В. Гоголя. – С. 298–302.

Н. В. Гоголь как провозвестник возрождения русской цивилизации. – С. 312–318.

Михед П. В. Василий Гоголь-Яновский в культурном контексте времени // Радуга. – Киев, 2012. – № 11–12. – С. 212–235.

Молиар А. Метаморфозы воды в «Обломове» И. А. Гончарова и «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова, Ульяновск, 18–21 июня 2012 г. – Ульяновск, 2012. – С. 346–353.

Монахова И. Гоголь и Белинский о путях развития России: «Выбранные места из переписки с друзьями» и письма Белинского к Гоголю // Место и роль В. Г. Белинского в развитии русской литературы, критики и журналистики (К 200-летию со дня рождения критика). – М.; Пенза, 2012. – С. 77–96.

Манолакев Х. Грибоедов – Гоголь – Достоевский: Типология и герменевтика Слова /Пер. с болг. Л. А. Дубова. – Без м. изд. Изд-во «Фабер», 2011. – 182 с.

Материалы X Международного семинара «Диалог культур. Украина и Россия: Нежинский Санкт-Петербург», 11–13, 26–28

мая 2010 г. /Под ред. Т. Н. Лебединской, В. П. Леонова. – Нежин: ЧП Лысенко Н. М., 2012.

Из содерж.:

Тверитинова Т. И. Провинциал в Петербурге: гоголевские традиции в творчестве Е. П. Гребенки – С. 36–43.

Сидоренко В. А. «Верная, живая картина России...» (к вопросу о категории связности в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»). – С. 43–46.

Бондарь Н. А. Функции терминологической лексики в художественном тексте (на материале повести Н. Гоголя «Вий»). – С. 46–50.

Ленская В. В. «Странное странствие» Гоголя, или «Любовь нечаянно нагрянет...». – С. 57–63

Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности XIX века /Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2012. – 503 с.

[В частности, речь о духовных исканиях Гоголя.]

Мусулевская Е. Водевильные элементы в творчестве русских драматургов 1810–1840-х гг. // Зарубіжна література. – Киев, 2012. – № 7–8. – С. 15–18.

Мяо Цзюнь. Фантастический мир в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2012. – № 3 (65). – С. 36–40.

Налетова Т. Б. Фольклорные истоки и неомифологизм в повести «Вий» Н. В. Гоголя // Сапоговские штудии: Современное гуманитарное знание в России. – Кострома, 2012. – С. 72–82.

Налетова Т. Б. Христианские мотивы возмездия и пути спасения души в раннем творчестве Н. В. Гоголя // Вестник Костромского гос. ун-та. – Кострома, 2012. – Т. 18. – № 5. – С. 130–133.

Некрасова А. В. О спеси в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве. – Ярославль, 2012. – Т. 2. – С. 66–70.

Нестеренко О. В. Феномен «насильственного перевода»: На материале англоязычных переводов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск, 2012. – № 2. – С. 5–11.

Нечипоренко Н. В. Предромантические мотивы сюрприза и подделки в драматургии Н. В. Гоголя (на материале пьес «Игроки» и

«Владимир 3-й степени») // Известия Самарского научного центра РАН. Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. – Самара, 2012. – Т. 14. – № 2 (2). – С. 462–467.

[Художественные приемы комической оперы в пьесах Гоголя.]

Никитина Е. Н. «Бывают странные сближенья»: О соединении несоединимого в художественных текстах // Русская речь. – М., 2012. – № 5. – С. 24–30.

[Алогизмы в произведениях русской литературы XIX–XX вв. (Гоголь, А. П. Чехов и др.).]

Никанорова Ю. В. Жанровое своеобразие оригинала в немецких переводах поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» конца XIX–XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 6 (24). – Ч. 2. – С. 139–141.

[Полифонизм в жанровой трактовке «Мертвых душ» (поэма, повесть, плутовской роман) в немецкой переводческой рецепции произведения Гоголя.]

Одекова Ф. Р. Слово в метапоэтике Н. В. Гоголя // Речь. Речевая деятельность. Текст. – Таганрог, 2012. – С. 328–335.

Одекова Ф. Р. Понятия и термины лингвистики как лингвистическая особенность художественных текстов Н. В. Гоголя-художника-экспериментатора // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь, 2012. – Вып. 10. – С. 316–320.

От текста к контексту. – Ишим, 2012. – Вып. 11.

Из содерж.:

Семенова А. А. Народнопоэтическое начало в структуре цикла Н. В. Гоголя «Миргород»: эстетика и аксиология. – С. 4–7.

Сквира Н. М. Рецептивные стратегии второго тома «Мертвых душ» Николая Гоголя. – С. 8–10.

[Переосмысление, реконструкция и завершение текста 2-го тома «Мертвых душ» Гоголя в творчестве современных писателей.]

Патапенко С. Н. Мотив дороги в драматургии Н. В. Гоголя // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда, 2012. – Ч. 2. – С. 125–129.

Пахомова Я. И. Современные театральные постановки произведений Н. В. Гоголя в России // Вестник Пермского гос. ин-та искусства и культуры. – Пермь, 2012. – № 13/14. – С. 94–100.

Пахомова Я. И. Мистическое своеобразие художественного мира Н. В. Гоголя в интерпретации пермского театра «У моста» // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. – Киров, 2012. – № 4 (4). – С. 136–141.

Переяслова М. [Рецензия] // Вопросы литературы. – М., 2012. – Вып. 5. – С. 488–491.

Рец. на кн.: Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. – М.: РГГУ, 2012. – 341 с.

Перцова Н. Н. [Рецензия] // Известия РАН Сер. лит. и яз. – М., 2012. – Т. 71. – № 5. – С. 70–74.

Рец. на кн.: Записки Русской Академической группы в США. Т. XXXV. От Гоголя к «Победе над солнцем». Траектория русского авангарда. Собрание статей. – Нью-Йорк, 2008–2009. – 451 с.

Петров Ф. А., Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университет для России. Т. 4. Московский университет в николаевскую эпоху. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. – 400 с.: ил.

[См.: Ук. имен.]

Полякова Л. В. В. Г. Белинский: уроки литературной теории и методологии (К прочтению прозы А. Платонова и Е. Замятина) // Место и роль В. Г. Белинского в развитии русской литературы, критики и журналистики (К 200-летию со дня рождения критика). – М.; Пенза, 2012. – С. 217–236.

[В частности, опыт прочтения В. Г. Белинским произведений Гоголя.]

Рамазанова Г. Г. Литературный диалог «белого» и «черного» человека (об одной публикации журнала «Московский наблюдатель») // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2012. – Вып. 65. – № 13. – С. 94–99.

[Быль Н. Ф. Павлова «Черный человек» (журнал «Московский наблюдатель», 1835), рассказ П. И. Сумарокова «Белый человек» и повесть Гоголя «Вий»: переключки тем и мотивов.]

Роговер Е. С. «Игроки» – новаторская «комическая сцена» Н. В. Гоголя // Писатель. XXI век. – СПб., 2012. – Вып. 3. – С. 2–8.

Роговер Е. С. Сборник Н. В. Гоголя «Миргород» // Писатель. XXI век. – СПб., 2012. – Вып. 4 (17). – С. 2–9.

Розен В. Тарас Бульба: рифмованное повествование. – Киев: Синописис, 2012. – 67 с.: ил.

[Интерпретация повести Гоголя «Тарас Бульба».]

Ромашенко С. А. К вопросу о возможности интерпретации повести Н. В. Гоголя «Вий» через метафорический субтекст «избиение – преображение» // Сибирский филологический журнал. – Барнаул и др., 2012. – № 4. – С. 31–37.

Садеги-Сахлабад З. О восприятии творчества Н. В. Гоголя в Иране // Вестник ЦМО МГУ / Центр международного образования. – М., 2012. – № 3. – С. 90–92.

[Традиции Гоголя в современной прозе Ирана.]

Салтымакова О. А. Композиционно-речевые типы повествования в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 6 (24). – Ч. 1. – С. 186–191.

Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя. – Нежин: Изд-во НГУ им. Н. В. Гоголя, 2012. – 162 с.

Самойленко Г. В. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. Гоголя. – Нежин: Изд-во НГУ им. Н. В. Гоголя, 2012. – 360 с.

Рец.: Киченко А. С. Проблемы текстологии второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Киченко А. С. Проблемы текстологии второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. – С. 399–404.

Сверстюк Е. «Для официальных кругов Гоголь был если не врагом, то уж точно диссидентом»: 160 лет со дня смерти великого писателя Николая Гоголя // Факты. – Киев, 2012. – 29 марта. – С. 12.

Синцова С. В. Мотив утрачиваемых мужских ценностей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Казань, 2012. – Т. 154. – Кн. 5. – С. 216–222.

Скрипник А. В. Прорыв сквозь молчание в творчестве Н. В. Гоголя и А. С. Грибоедова // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск, 2012. – № 1 (09). – С. 137–140.

[Мотив прозрения героя в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и повести Гоголя «Записки сумасшедшего».]

Субина М. Ю. П. В. Анненков и В. А. Панов – переписчики Гоголя // Вестник Ленинского мемориала. – Ульяновск, 2012. – Вып. 12. – С. 35–40.

Участие П. В. Анненкова и В. А. Панова в переписывании поэмы Гоголя «Мертвые души».

Таракин П. М. Творчество Н. В. Гоголя в восприятии С. Т. Аксакова // Образотворческие и смыслопорождающие функции художественного текста. – Стерлитамак, 2012. – С. 229–236.

Третьяков Е. О. От «Ганца Кюхельгартена» к «Миргороду»: смена парадигм творчества Н. В. Гоголя в свете синергетической парадигмы (замечания к постановке проблемы) // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции. – Томск, 2012. – С. 518–523.

Тулякова Е. И. Категория центра мира в мировоззрении раннего Гоголя // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2012. – № 364. – С. 22–25.

[Натурфилософская система Гоголя (на материале статей, писем, записных книжек и цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки»)].

Универсалии русской литературы. – Вып. 4. – Воронеж, 2012.

Из содержания:

Зыкова Г. В. Печальный Вакх: Статья С. П. Шевырева «Горельефы альтемпской урны» как существенный момент в русской истории парадокса. – С. 322–325.

[Парадоксальное совмещение вакхического и скорбного, грусти и наслаждения в статье С. П. Шевырева и ее возможное влияние на финал «Сорочинской ярмарки» Гоголя.]

Молиар А. Дерево и деревянность в «Старосветских помещиках» Гоголя. – С. 326–337.

[Коннотативная связь концепта «деревянность» с мифом о превращении человека в дерево («Метаморфозы» Овидия, повествование о Филемоне и Бавкиде) в повести Гоголя «Старосветские помещики».]

Кривonos В. Ш. 'Гоголь' как универсальный симулякр в романе Леонида Гиrшовича «'Вий'», вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя». – С. 645–655.

Филонов Е. А. Как Диканька стала вселенной? (О стратегии рамочного повествования в «Вечерах на хуторе...» Н. В. Гоголя) // Человек, культура, образование / Коми гос. пед. ин-т. – Сыктывкар, 2012. – № 3 (5). – С. 155–162.

Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). – М.: Индрик, 2012. – 240 с.

Из содерж.:

«Тарас Бульба» в Польше. – С. 51–58.

Цыпуштанова М. А. Гоголевский текст в современном культурном пространстве // Дергачевские чтения – 2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2012. – Т. 1. – С. 186–192.

[Гоголь и театр рубежа XX–XXI вв.: инсценировки и диалог с гоголевским текстом в драматургии постмодернизма.]

Черемисина Т. А. Взгляд как средство выражения эмоционального состояния персонажей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Сб. материалов Международной научной конференции. – Вып. 3. – Тамбов, 2012. – С. 221–224.

Чоботько А. В. Русский футуризм и творчество Н. Гоголя // Література та культура Полісся. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2012. – Вип. 70. – С. 24–29.

Чумак-Жунь И. И. Языковые средства создания образа ирреального пространства в индивидуально-авторской картине мира Н. В. Гоголя // Лінгвістика. – 2012. – № 1. – Ч. 2. – С. 107–115.

Шелестова З. А. «Из Ада в Рай»: К вопросу о творческом замысле поэмы «Мертвые души» // Русская словесность. – М., 2012. – № 4. – С. 5–14.

[О связи замысла поэмы Гоголя с «Божественной комедией» Данте.]

Шустов А. Н. На могиле Гоголя // Берега. – СПб., 2012. – Вып. 16. – С. 56–65.

[Обстоятельства похорон Гоголя и посмертная судьба его праха.]

Шустов М. П. Роль сказочной традиции в русской литературе XIX века // Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2012. – С. 315–320.

Шутова Е. В. Архетипы «Дом» и «Бездомье» в произведениях Н. В. Гоголя // Универсальное и культурно-специфическое в языках и литературах. – Курган, 2012. – С. 46–49.

Jesse Russell, Ronald Cohn. Константиновский, Матвей Александрович. VSD /Bookvika publishing. – Edinburg (Sc.), 2012. – 60 с.: ил.

Подгот. В. А. Воронаев (Москва)

**БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ И
ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (2013)**

Изд.:

Вечера на хуторе близ Диканьки. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 320 с.

Вечера на хуторе близ Диканьки. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 288 с. – (Нескучная классика).

Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком /Вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова; Рис. А. Лаптева. – М.: Детская литература, 2013. – 300 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: И по ту, и по эту сторону Диканьки. – С. 5–46.

Коммент. – С. 282–297.

Вий: Повести и рассказы /Вступ. статья А. Пыпина, коммент. О. Дорофеева. – М.: ЗАО Фирма «Бертель: Медиа Москау АО»; Литература; Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного чтения», 2013. – 400 с.

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). – С. 3–18.

Коммент. – С. 382–397.

Прилож.:

Шенрок В. Происхождение повести «Вий» и отношение ее к народным малороссийским сказкам. – С. 375–381.

Мертвые души: [поэма]. – М.: АСТ, 2013. – 413 [3] с. – (Русская классика).

Мертвые души: поэма, том первый /Коммент. И. А. Виноградова и В. А. Воропаева; Худож. А. М. Лаптев. – М.: Детская литература, 2013. – 350 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Приложения и комментарии:

Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». – С. 304–312.

Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». – С. 313–318.

Воропаев В. А. Главы из книги «Н. В. Гоголь: жизнь и творчество». – С. 319–340.

- Коммент. – С. 341–351.
- Миргород /Сост., подгот. текста, примеч., статья, подбор ил. В. Д. Денисова. – СПб.: «Наука», 2013. – 570. с.: ил.
- Загл. статьи: Историческая проза Гоголя. – С. 251–411.
- Примеч. – С. 412–540.
- Миргород /Автор предисл. и сост. И. И. Мурзак. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 256 с. – (Pocket Classic).
- Загл. предисл.: Нужно верить во все, что приносит с собой любовь... – С. 5–6.
- Петербургские повести /Автор предисл. и сост. И. И. Мурзак. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 256 с. – (Pocket Classic).
- Загл. предисл.: У нас, в России, не мечтать считается в порядке вещей. – С. 5–8.
- О Н. В. Гоголе. – С. 252–253.
- А в это время... – С. 254–255.
- Петербургские повести: Повести, комедии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 512 с. – (Мировая классика).
- Полн. собр. соч. и писем: В 17 т /Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2013.
- Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород. – 664 с. – цв. вклейка 16 с.
- От издателей. – С. 7.
- Виноградов И., Воропаев В. Об издании собраний сочинений Гоголя. – С. 8–12.
- Воропаев В. Жизнь и сочинения Николая Гоголя. – С. 13–78.
- Виноградов И. ...И по ту, и по эту сторону Диканьки. – С. 504–541.
- Коммент. – С. 542–569.
- Виноградов И. Неизвестный «Миргород». – С. 570–630.
- Коммент. – С. 631–660.
- Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. – 688 с.
- Виноградов И. От «Невского проспекта» до «Рима». – С. 505–570.
- Коммент. – С. 571–617.
- Виноградов И. Завязка «Ревизора». – С. 618–655.

Коммент. – С. 656–680.

Т. 5: Мертвые души. – 680 с.

Воропаев В. «Дело, взятое из души...» I. – С. 516–530.

Виноградов И. «Дело, взятое из души...» II. – С. 531–572.

Коммент. – С. 573–672.

Т. 6. Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика. – 744 с.

Виноградов И. А. К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя.

1. «Выбранные места из переписки с друзьями»: идейные предпосылки и мотивы создания. – С. 419–445.

2. Цензурная история «Выбранных мест из переписки с друзьями». – С. 445–464.

3. «Размышления о Божественной Литургии»: творческая и цензурная история. – С. 464–542.

Коммент. – С. 543–738.

Т. 7: Юношеские опыты. Первоначальные редакции. – 816 с.

Виноградов И., Воропаев В. Юношеские опыты Николая Гоголя. – С. 627–634.

Коммент. – С. 635–809.

Т. 8: Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте. – 720 с.

Виноградов И. Гоголь – историк и наблюдатель быта. – С. 587–617.

Коммент. – С. 618–709.

Т. 9: Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки. – 968 с.

Виноградов И. Церковное и народное слово в творческом наследии Гоголя. – С. 767–787.

Коммент. – С. 788–950.

Т: 10: Переписка 1820–1834. – 392 с.

Виноградов И., Воропаев В. Об издании переписки Гоголя. – С. 285–289.

Коммент. – С. 290–378.

Т. 11: Переписка 1835–1841. – 488 с.

Коммент. – С. 373–470.

Т. 12: Переписка 1842–1844. – 704 с.

Коммент. – С. 573–686.

Т. 13: Переписка 1845–1846. – 592 с.

Коммент. – С. 463–576.

Т. 14: Переписка 1847. – 608 с.

Коммент. – С. 493–598.

Т. 15: Переписка 1848–1852. – 624 с.

Коммент. – С. 473–602.

Т. 16: Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя. – 816 с. – цв. вклейка.

Т. 17. Песни, собранные Гоголем. Стихотворения разных авторов, переписанные в разное время Гоголем. Выписки из журнальных статей.

Ревизор. – М.: Искательпресс, 2013. – 96 с. – (Библиотечка школьника).

Ревизор. Комедия в пяти действиях / Вступ. статья В. Воропаева; Коммент. И. Виноградова, В. Воропаева; Худож. В. Бритвин. – М.: Детская литература, 2013. – 125 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор»: С. 5–20.

Коммент.: С. 120–126.

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева; Коммент. И. Виноградова; худож. Е. А. Кибрик. – М.: Детская литература, 2013. – 187 с.: ил. – (Школьная б-ка).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. – С. 5–12.

Коммент. – С. 167–188.

Лит.:

А. М. П. Памяти А. М. Пескова / Редкол.: А. С. Бодрова, С. Н. Зенкин и др. – М.: РГГУ, 2013. –

Из содерж.:

Дмитриева Е. Е. «Религия от искусства» в художественных исканиях Гоголя. – С. 410–422.

[Сакрализация искусства в творчестве Гоголя в контексте рецепции писателем традиций немецкого романтизма.]

Ковех А. В. Народность, подражательность и Министерство народного просвещения (на материале публикаций

«Журнала Министерство народного просвещения» 1834–1835 годов). – С. 423–430.

[Проблемы народности литературы в статьях П. А. Плетнева, А. А. Краевского, С. П. Шевырева, Гоголя, опубликованных в журнале.]

Айтасова С. И. Усечение речи как эвфемистический прием в творчестве Н. В. Гоголя // Язык как функционирующая система. – Самара, 2013. – С. 116–120.

Айтасова С. И. Система средств эвфемизации в творчестве Н. В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. – Самара, 2013. – 18 с.

Аксакова В. С. Дневники. Письма /Сост., подгот. текстов, вступ. и сопроводит. статьи, коммент. Т. Ф. Пирожковой. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. – 592 с.: [32] с. ил., портр. – (Славянофильский архив; Кн. 2).

[См. Ук. имен.]

Алексеева У. С. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: читатель и его аудитория в контексте культурной и литературной традиции // Наука и культура России. – Самара, 2013. – Т. 1. – С. 6–8.

Анисимова Е. Е. В. А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 2. Торжества 1902 г.: совмещение юбилеев, стратегия автоканонизации // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – Томск, 2013. – № 6 (26). – С. 53–60.

[Конструирование литературного канона В. А. Жуковского и Гоголя в юбилейном 1902 г.]

Арькова Я. А. Париж и его противопоставление Вечному городу в повести Н. В. Гоголя «Рим» // Сравнительное и общее литературоведение. – М., 2013. – Вып. 4. – С. 35–47.

Бархота М. А. Экономическая интерпретация поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русский язык. Традиции и новаторство в обучении и преподавании. – М., 2013. – С. 19–29.

[Чичиков как предприниматель.]

Башкиров А. Н. Душа России. Пушкин и Рубцов: православный взгляд. – М.: ИП Бурина А. В. («Традиция»), 2013. – 496 с. – (Б-ка журнала «Голос Эпохи»).

Пушкин – Гоголь – Рубцов. – С. 458–495.

Бельская О. В. Символика кулинарного мира в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Материалы научно-практической конференции «Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции». – Казань, 2013. – С. 11–15.

Бельская О. В. «Заморские кушанья» в противовес национальным как средство идентификации «свой» – «чужой» в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Теоретические и методологические проблемы современных наук». – Новосибирск, 2013. – С. 27–31.

Белый А. Собрание сочинений. Мастерство Гоголя. Исследование / Общ. ред., сост., послесл. и коммент. Л. А. Сугай. – М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013. – 559 с.: ил.

Приложения:

Мастерство Гоголя (Из черновых материалов):

Гоголь в тенденции стиля. План книги Андрея Белого. – С. 351–357.

Из черновых подготовительных материалов к книге «Мастерство Гоголя». – С. 358–359.

Гоголь. – С. 360–364.

[Впервые: Киевская мысль. – Киев, 1909. – 19 марта. – № 78.]

Из стенограммы диспута в ГосТИМ'е о спектакле «Ревизор». Выступление Андрея Белого. – С. 365–368.

Гоголь и Мейерхольд. – С. 369–386.

[Впервые: Сборник / Лит. исслед. ассоц. ЦДРП; Под ред. Е. Ф. Никитиной. – М., 1927. – С. 9–38.]

Непонятый Гоголь. – С. 387–394.

[Впервые: Советское искусство. – М., 1933. – 20 января. – № 4.]

Сугай Л. А. «Всю жизнь я живу с Гоголем...» (Андрей Белый – исследователь Гоголя). – С. 395–440.

Коммент. – С. 441–539.

Шагова Т. И. (сост.) Указатель имен. – С. 540–556.

Бологова К. О. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя и «Украинские дипломаты» Г. Ф. Квитки-Основьяненко: сходства и разли-

чия // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Орел, 2013. – № 5 (55). – С. 115–121.

Большухин Л. Ю., Александрова М. А. Двойничество в контексте «пушкинского мифа» Гоголя // Поэзия мысли: К 80-летию проф. И. Л. Альми: Сб. научных статей. – Владимир, 2013. – С. 65–80.

[К характеристике полемических и пародийных отсылок к текстам А. С. Пушкина в произведениях Гоголя.]

Бычкова А. Ю. Нос и его обонятельная функция как художественный образ в творчестве Н. В. Гоголя и в произведениях западноевропейской литературы // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2013. – № 372. – С. 13–18.

[Ринологические мотивы в творчестве Гоголя в сопоставлении с произведениями Э. Т. А. Гофмана, У. Шекспира, Э. Ростана и др.]

Бычкова А. Ю. Мотив жертвоприношения в творчестве Н. В. Гоголя. Сравнительно-типологический аспект // В мире научных открытий. – 2013. – № 9.1 (45). – С. 175–191.

Виноградова В. В. По Риму – гоголевским маршрутом. Записки журналиста // Филологические науки. – М., 2013. – № 3. – С. 90–95.

Виноградская Н. Л. «Музей древностей» (Об одной реалии в черновом автографе «Мертвых душ» // Новый филологический вестник. – М., 2013. – № 3. (26). – С. 73–87.

[«Русский музеум» П. П. Свинына, представляющий собой экспозицию произведений искусств, раритетов, минералов в Петербурге, как прообраз «Музея древности», упомянутого в черновой редакции «плюшкинской» главы «Мертвых душ» Гоголя.]

Владимиров Г. [Рецензия] // Вопросы литературы. – М., 2013. – Вып 5. – С. 483–485.

Рец. на кн.: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 7 (в 2 кн.). – М., 2012. – Кн. 1. – 805 с. Кн. 2. – 887 с.

Волоконская Т. А. Кузнец Вакула в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» как образ «порогового человека» // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2013. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 26–28.

Воропаев В. А. Что означают слова «прелесть» и «просвещение» у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя // Литература в школе. – М., 2013. – № 1. – С. 10–11.

Воропаев В. А. Творить без любви нельзя (Н. В. Гоголь за чтением Библии) // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2013. – № 1. – С. 66–71.

Воропаев В. А. «Творить без любви нельзя». Священное Писание в жизни и творчестве Н. В. Гоголя // Русская речь. – М., 2013. – № 3. – С. 83–92.

Воропаев В. Однажды Гоголь. Выбранные места из будущей книги // Фома. Православный журнал для сомневающих. – М., 2013. – Апрель. – № 4 (1020). – С. 78–82.

Воропаев В. А. Однажды Гоголь... Рассказы из жизни писателя // Православное книжное обозрение. – М., 2013. – Март. – № 3 (027). – С. 50–65.

Воропаев В. А. Н. В. Гоголь и его окружение: Материалы к биобиблиографическому словарю // Московский журнал. – М., 2013. – № 4 (268). – Апрель. – С. 36–52.

Воропаев В. Книги для Гоголя. О величайшей приятности чтения // Библиотечное Дело. – СПб, 2013. – № 4 (190). – С. 18–26.

Воропаев В. Путешествие ко Гробу Господню: К 165-летию паломничества Гоголя на Святую Землю // Радуга. – Киев, 2013. – № 3–4 – С. 224–235.

Воропаев В. Однажды Гоголь... Рассказы из жизни писателя // Простор. – Алматы, 2013. – № 5. – С. 99–118.

Воропаев В. А. Гоголь и отец Матфей Константиновский. Из материалов к биобиблиографическому словарю «Н. В. Гоголь и его окружение» // Московский журнал. – М., 2013. – № 7 (271). – Июль. – С. 2–15.

Воропаев В. А. Гоголь и отец Матфей // Странник. Историко-литературный журнал. – Смоленск, 2013. – № 1 (7). – С. 66–77.

Воропаев В. А. Протоиерей Матфей Ржевский: материалы к житию // Концепт святости в историческом контексте. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию первого упоминания Смоленска в русских летописях. Сб. докладов. – Смоленск: Маджента, 2013. – С. 46–58.

Воропаев В. Путешествие ко Гробу Господню: К 165-летию паломничества Гоголя на Святую землю // Прямые инвестиции. – М, 2013. – № 7 (135). – С. 84–89.

Воропаев В. Путешествие ко Гробу Господню: К 165-летию паломничества Н. В. Гоголя на Святую Землю // Православная беседа. – М., 2013. – № 3. – С. 82–89.

Воропаев В. А. Николай Гоголь и отец Матфей Ржевский: на путях к святости // Простор. – Алматы, 2013. – № 7. – С. 103–122.

Воропаев В. А. «Творить без любви нельзя...». Н. В. Гоголь за чтением Библии // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования: Материалы новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений (2007–2013) / Отв. ред. М. И. Стрельцова. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2013. – С. 81–93.

Воропаев В. А. Почему царю понравился «Ревизор» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2013. – № 4. – С. 26–28.

Воропаев В. А. Почему царю понравился «Ревизор» // Русская речь. – М., 2013. – № 5. – С. 74–78.

Воропаев В. А. Почему царю понравился «Ревизор» // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования: Материалы новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений (2007–2013) / Отв. ред. М. И. Стрельцова. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2013. – С. 94–99.

Воропаев В. А. «Меня очень занимал Гоголь». Из «Записок» В. О. Шервуда // Вестник славянских культур. – М., 2013. – Т. 28. – № 2. – С. 54–60.

Воропаев В. А. Забытый ржевский проповедник // Православная беседа. – М., 2013. – № 5. – С. 34–39.

Воропаев В. А. Окно в мир евангельских истин: стихия русской народной речи в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Проблемы исторической поэтики / М-во образования и науки РФ, ФГБОУВПО ПетрГУ; [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – Рез.: англ. – Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. – С. 108–120.

Воропаев В. А. Гоголь и отец Матфей // Верхневолжье Православное. – Тверь, 2013. – Июль. – № 7 (139). – С. 18–20.

Воропаев В. Николай Гоголь и отец Матфей Ржевский // Литературная учеба. – М., 2013. – № 6. – С. 128–157.

Воропаев В. А. Когда родился Гоголь // Контекст: Литературно-теоретические исследования – 2013. Ежегодник теории и истории литературы /Редкол.: Е. В. Иванова (сост. и отв. ред), П. В. Палиевский, С. А. Небольсин. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 145–148.

Вранчан Е. В. Восприятие образа итальянки и его языковое воплощение в творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2013. – № 9 (76). – С. 42–44.

[Образ венецианки в лирической поэзии Пушкина и образ римлянки в повести Гоголя «Рим».]

Вранчан Е. В. Содержание понятия «медиация» и функция медиаторов в ранней прозе Н. В. Гоголя // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2013. – № 9 (76). – С. 45–47.

[Мотив медиации мира живых и мира мертвых и сказочно-мифологические образы медиаторов в творчестве Гоголя.]

Высоцкая В. В. Ритуально-иерархические маркеры в повести Гоголя «Шинель» // Ритуал в языке и коммуникации. – М., 2013. – С. 327–335.

[Отражение социальной иерархии в повести Гоголя.]

Гаврилова Л. А. Литературные реминисценции как способ продолжения дискуссии с читателем в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2013. – № 1. – Т. 1. – С. 186–190.

Функции реминисценций из «Страданий молодого Вертера» И. В. Гете и «Мертвых душ» Гоголя в «Дневнике писателя» (1876) Ф. М. Достоевского.

Ганичев В. Н. Слово. Писатель. Отечество: Статьи, очерки, выступления. М., 2013. – 599 с.: ил.

Гармата А. В. Образ Тараса Бульбы в одноименном произведении Н. Гоголя «Тарас Бульба» как синтез исторического и авторского начал // Всероссийский журнал научных публикаций. – М., 2013. – № 5 (20). – С. 80–81.

Гафаров Р. М. Драматургия Н. В. Гоголя и традиции классицизма // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. – М., 2013. – № 1. – С. 5–11.

Геранчева О. П. Режиссерские и актерские способности героев комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» // Филологические этюды. – Саратов, 2013. – Вып. 16. – Кн. 1. – С. 41–45.

Гиллеспи Д. Евгений Попов и Николай Гоголь: два века сатиры и смеха // Селькупская литература: Материалы и исследования. – М., 2013. – С. 541–546.

[Традиции Гоголя в прозе Е. Попова.]

Глазунова С. И. Демонические образы в эссе В. Набокова «Николай Гоголь» // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – Краснодар, 2013. – № 1. – С. 181–188.

Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии / Редкол.: П. В. Михед (відп. ред.), С. Д. Абрамович, В. О. Воропаев [та ін.]; Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. – Вып. 3 (20). – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2013. – (Сер. Гоголезнавчі студії). – 508 с. – На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Виноградов И. А. Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ». – С. 14–30.

Воропаев В. А. Гоголь на Святой Земле. К 165-летию создания Русской Духовной миссии в Иерусалиме. – С. 31–44.

Денисов В. Д. К творческой истории повести «Записки сумасшедшего». – С. 86–96.

Падерина Е. Г. Пробовал ли Гоголь свои силы в жанре мелодрамы? (О первом драматическом замысле Гоголя). – С. 97–112.

Шульц С. А. Н. В. Гоголь и А. Н. Радищев. – С. 113–126.

Абрамович С. Д. Любовь в художественном мире Гоголя. – С. 127–133.

Александрова Э. К. Жизнь как «бесконечно длинное меню» (О гоголевских «литературных прототипах» в романе Газданова «История одного путешествия»). – С. 134–143.

Кошелев В. А. Константин Аксаков и герои Гоголя. – С. 204–211.

Краснобаева О. Д. «Реальное» и «фантастическое» как оппозиция в художественном мире Гоголя и Гофмана. – С. 212–224.

Кривонос В. Ш. «Горе от ума» в «Мертвых душах». – С. 225–237.

Любецкая В. В. Икона мира в поэтике Н. В. Гоголя. – С. 238–245.

Михед П. В. Гоголь и Ламенне. – С. 266–282.

Мусий В. Б. Чествование 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя в Одессе. – С. 283–293.

Ольховська Л. В., Рейнхарт Р. «Победа человеческого духа» (В. Г. Короленко о Н. В. Гоголе). – С. 293–304.

Удалов В. Л. Н. В. Гоголь и А. П. Чехов: сходство драматургических принципов. – С. 328–338.

Шошура С. Н. Традиции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в произведениях М. А. Булгакова. – С. 338–347.

Голубева Е. Пометы Н. В. Гоголя на Библии 1820 года издания: к истории вопроса. – С. 348–354.

Воропаев В. А. [Рецензия.] – С. 384–387.

Рец. на кн.: Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. – Т. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 904 с.

Евдокимов А. А. [Рецензия.] – С. 387–395.

Рец. на кн.: Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография /Науч. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 456 с.

Киченко А. С. Проблемы текстологии второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. – С. 399–404.

Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. – Нежин: Изд-во НГУ им. Н. В. Гоголя, 2012. – 162 с.; Самойленко Г. В. Нежинский список второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. – Нежин: Изд-во НГУ им. Н. В. Гоголя, 2012. – 360 с.

Шульц С. А. Переиздание монографии об архетипах в творчестве Гоголя. – С. 404–405.

Рец. на кн.: Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. – 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2012. – 232 с.

Анкета «Гоголевзнавчих студій».

Падерина Е. – С. 406–407.

Шульц С. – С. 208–410.

Список научных и учебно-методических работ
В. Д. Денисова – С. 411–416.

Воропаев В. (сост.) Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009): Дополнения. – С. 417–433.

Воропаев В. (сост.) Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2010). – С. 434–473.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. – Т. 3 / Издание подгот. И. А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 1168 с.

Голубева С. В. Добро и зло в нравственном мире Н. В. Гоголя // Научное мнение. – СПб., 2013. – № 12. – С. 13–20.

Голубкова А. А. Литературная критика В. В. Розанова: Опыт системного анализа / Науч. ред. И. А. Едошина. – Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. – 2013. – 432 с. – (Библиотека журнала «Энтелехия»).

Реф.: Миллионщикова Т. М. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения. – М., 2014. – № 4. – С. 139–147.

Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: Монография. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 232 с.

Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя [Электронный ресурс]: Монография. – 4-е изд., стер. – М.: Флинта, 2013. – 232 с.

Гольденберг А. Х. Мифопоэтическая символика в художественном пространстве Гоголя // Шестые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: Материалы Международной научной конференции. Челябинск, 26–27 февраля 2013 г.: В 2 ч. / Челябинская гос. академия культуры и искусств; Сост. Л. Н. Лазарева. – Челябинск, 2013. – Ч. 1. – С. 111–114.

Гольденберг А. Х. Смех и слезы в метапоэтике Гоголя // Категории рационального и эмоционального в художественной словесности: сб. научных статей по итогам VII Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». Волгоград, 28–30 октября 2013 г. /Отв. ред. и сост. Е. Ф. Манаенкова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 54–61.

Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. – Szombathely, 2013. – (Bibliotheca Slavica Savariensis. Tomus XIII). – 532 с.

Из содерж.:

Лоскутникова М. Б. Иван Гончаров как аналитик литературы. – С. 23–37.

[Становление и развитие русской литературы. Рождение классического стиля. <Гоголь>. – С. 30–32.]

Гуминский В. Гоголь и святитель Спиридон Тримифунтский. К истории путешествия писателя на Святую Землю // Новая книга России. – М., 2013. – № 5. – С. 34–38.

Гуминский В. Гоголь и Киево-Печерский патерик // Новая книга России. – М., 2013. – № 11. – С. 27–30.

Гуминский В. М. К проблеме мифологизации истории (Гоголь и некоторые факты и умонастроения в эпоху 1812 года) // 1812 год и мировая литература. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 141–194.

Даниэль С. Заметки о гоголевском «Портрете» // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сб. статей к 65-летию Б. А. Каца. – СПб., 2013. – С. 257–270.

Денисова Ю. В. «О способах письма быть графическим изображением духа времени» (Н. Ф. Федоров и Н. В. Гоголь) // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2013. – № 1. – С. 37–45.

[Сравнительный анализ идей Гоголя и Н. Ф. Федорова о письменной графике как источнике знания о характере и духе эпохи. В частности, на материале повести Гоголя «Шинель».]

Джафарова К. Формы жанрового диалога в сборнике Н. В. Гоголя «Миргород» // Вестник Дагестанского научного центра. – Вып. 51. – Махачкала, 2013. – С. 155–160.

Джафарова К. Функции топонимов в раннем творчестве Н. В. Гоголя // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Махачкала, 2013. – Вып. 3. – Махачкала, 2013. – С. 22–26.

[Поэтика художественного пространства в циклах «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» Гоголя.]

Дмитриева Е. Экфрасис у Гоголя и дискуссия о границах живописи и поэзии в европейской эстетике второй половины XVIII века // «Невыразимо выразимое»: Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте / Сост. Д. В. Токарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 323–341.

Дуккон А. Из истории венгерского восприятия Гоголя (переводы и литературная критика) // Гуманитарное пространство. – М., 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 269–281.

Духовная традиция в русской литературе. Сборник научных статей / Науч. ред., сост. Г. В. Мосалевой. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2013. – 514 с.

Из содерж.:

Виноградов И. А. Неузнанное произведение Гоголя. – С. 236–248.

Воропаев В. А. В сердце полученный урок. Тайна предсмертных дней Н. В. Гоголя. – С. 249–261.

Любецкая В. В. О стиле Н. В. Гоголя в новой филологической теории. – С. 262–272.

Евдокимов А. Новое исследование о Н. В. Гоголе // Москва. – М., 2013. – № 1. – С. 199–203.

Рец. на кн.: Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 456 с.

Ермишова О. А. Скука и тоска в «Арабесках Н. В. Гоголя: несколько наблюдений // Филологические записки. – Воронеж, 2012–2013. – Вып. 31. – С. 403–406.

[Мотив омертвления души в сборнике Гоголя.]

Житкова Л. Н. Литературная критика К. Аксакова в аспекте феноменологического опыта // Филологические записки. – Воронеж, 2012–2013. – Вып. 31. – С. 112–119.

[К характеристике критического метода К. С. Аксакова. В основном на материале его статьи «Несколько слов о поэме Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души"».]

Завьялова Е. Е. Эмоциональные междометия в «Игроках» Н. В. Гоголя // Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения. – Астрахань, 2013. – С. 8–11.

Завьялова Е. Е. О закономерности в гоголевских описаниях: фасад: окно // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2013. – № 2 (46). – С. 70–75.

Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. – М.: Изд-во «Индрик», 2013. – 456 с.: ил.

[См. Ук. имен.]

Захарченко С. О. Адресаты Макария Оптинского с именем «Антоний» (к вопросу об атрибуции рукописных текстов XIX в.) // Проблемы современной науки и образования. – Иваново, 2013. – № 1 (15). – С. 56–58.

Знобищева М. И. С. Есенин Н. Гоголь: потусторонний мир как цель сакрального пути // Philologos. – Елец, 2013. – Вып. 18 (3). – С. 50–55.

[Соотнесенность образа «небесной Отчизны» («Сокровенного града») с образом Русской земли в художественном сознании С. А. Есенина и Гоголя.]

Иваницкий А. О. О «тайне мертвых душ», или Как не сломать ключ метода в замке текста // Вопросы литературы. – М., 2013. – Вып. 4. – С. 173–185.

[Полемика с основными выводами статьи Б. Левинова «Есть ли тайные смыслы в поэме Гоголя «Мертвые души» (Там же. С. 151–172).]

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Особенная судьба народа русского / Сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. – 752 с.

Из содерж.:

О книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». – С. 357–359.

Истинный рыцарь духа: Статьи о жизни и творчестве В. Г. Белинского / Сост. И. Р. Монахова; Науч. ред. и автор вступ. статьи Ю. В. Манн. – М.: Прогресс-Традиция, 2013. – 560 с.

Из содерж.:

Демченко А. А. В. Г. Белинский, В. Н. Майкови и К. Д. Кавелин в 40-е годы XIX века. – С. 288–308.

[Трактовка творчества Гоголя и «натуральной школы» в русской литературной критике.]

Монахова И. Р. Гражданство небесное и земное. Гоголь и Белинский о путях развития России. – С. 376–397.

История русской литературы XIX века: учебник для бакалавров /Н. М. Фортунатов, М. Г. Уртминцева, И. С. Юхнова. 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 671 с. – (Сер. Бакалавр. Базовый курс).

Н. В. Гоголь (1809–1852). – С. 165–187.

Йылмаз М. Воздействие русского комизма на прозу Азиза Несина // Преподаватель XXI век. – М., 2013. – Ч. 2. – № 3. – С. 352–355.

[В частности, гоголевские мотивы в малой прозе А. Несина.]

К юбилею ОПОЯЗа // Киноведческие записки. – М., 2013. – № 104/105. – С. 5–90.

[Теория кино в работах русских формалистов. В частности, публикуется киносценарий Ю. Н. Тынянова «Шинель» (со вступительной статьей С. Огудова).]

Карташов В. С. Ботанические тексты Н. В. Гоголя. Ч. 1. – М.: Изд-во «Спутник+», 2013. – 110 с.

Карташов В. С. «Лекарственный Арзамасский травник» Н. В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2013. – № 3 (71). – С. 304–306.

Карташов В. С. Травник «По Южней» и отдельные записи Н. В. Гоголя // Вопросы филологических наук. – М., 2013. – № 3 (61). – С. 20–21.

[Ботанические выписки Гоголя из книги С. Г. Гмелина «Путешествия по России для исследования трех царств естества...» (СПб., 1771).]

Карташов В. С. «Травник Симбирской» Н. В. Гоголя // Вопросы филологических наук. – М., 2013. – № 3 (61). – С. 22–24.

[Ботанические выписки Гоголя из книги «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства...» (СПб., 1771).]

Карташов В. С. Источники названий растений в «Материалах для словаря русского языка» Н. В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. – М., 2013. – № 5. – С. 45–50.

[Список названий книг и статей, использованных Гоголем.]

Карташов В. С. Неопубликованная выписка из книги П. С. Палласа о Даурском крае Н. В. Гоголя // Вопросы филологических наук. – М., 2013. – № 5 (63). – С. 9–11.

[О выписке Гоголя из книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1788). Текст публикуется по рукописи, хранящейся в НИОР РГБ.]

Карташов В. С. Список названий растений на латинском языке Н. В. Гоголя // Вопросы филологических наук. – М., 2013. – № 5 (63). – С. 12–13.

Кашурников Н. А. Ранний Достоевский: литературные связи. – СПб.: ИД «Петрополис», 2013. – 48 с.

Из содерж.:

Сюжетообразование в ранних произведениях Достоевского и повестях Гоголя. – С. 3–15.

Псалтирь в творчестве Достоевского (рассказ «Скверный анекдот»). – С. 31–35.

Климова М. Н. «Страшная месть» в свете «мифа о великом грешнике»: К вопросу о генезисе сюжета гоголевской повести // Сюжетология и сюжетография. – Новосибирск, 2013. – № 1. – С. 28–36.

[Древнерусские повести о кровосмесительстве в качестве возможного источника повести Гоголя «Страшная месть».]

Ковалева Т. Н. Диегетические коммуникативные модели в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н. В. Гоголя // Филология и человек. – Барнаул, 2013. – № 1. – С. 154–160.

Ковалева Ю. Н. Многомерность и «зигзаги» эстетической мысли Н. В. Гоголя // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград, 2013. – Вып. 12. – С. 176–181.

Рец. на кн.: Фаустов А. А. Эстетическая теология Н. В. Гоголя (шесть лекций о повестях «третьего тома»). – Воронеж, 2010. – 131 с.

Колева И. П. Михаил Зощенко: искусство пародии. Традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зощенко. – М.: Вече, 2013. – 192 с.

Из содерж.:

Гл. 2. Юмор М. М. Зощенко в свете традиций Н. В. Гоголя. – С. 90–132.

2. 1. Влияние юмористического мировидения Н. В. Гоголя на творчество прозаика: генезис и специфика взаимодействия. – С. 90–98.

2. 2. Гоголевские реминисценции в зощенковских текстах. – С. 98–111.

2. 3. Использование Зощенко-юмористом гоголевских приемов комического: традиции и новаторство. – С. 111–132.

Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время /Перепечатка с изд. Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), 1970, перераб. и доп. – Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2013. – 688 с.: ил.

Гл. XIX: Оптина Пустынь и писатели, ее посещавшие
Николай Васильевич Гоголь. – С. 612–615.

[См. также Ук. имен.]

Коробова Л. В. Категория интенсива и ее роль в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи: Материалы XXV Международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 33–39.

Коробова Л. В. Грамматические средства экспрессивности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Рациональное и эмоциональное в русском языке. – М., 2013. – С. 85–88.

Кошелев В. А. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. – М., 2013. – № 120. – С. 396–398.

Рец. на кн.: Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2012. – 752 с.

Кравцова Н. С. Плутовская стихия в пьесах Н. В. Гоголя «Ревизор» и «Женитьба» // Филологические этюды. – Саратов, 2013. – Вып. 16. – Кн. 1. – С. 35–41.

Кривонос В. Ш. «Автор» как символическое имя в «Мертвых душах» Гоголя // Новый филологический вестник. – М., 2013. – № 1 (24). – С. 39–50.

[Сакрализация слова «автор» в повествовательной структуре «Мертвых душ» Гоголя.]

Кудрин О. Песня на два голоса: о национальной идентичности Николая Гоголя-Яновского // Урал. – Екатеринбург, 2013. – № 9. – С. 193–204.

Куркин Б. Перечитывая «Игроков» // Наш современник. – М., 2013. – № 4. – С. 258–265.

Лазарева Е. Ю. Н. В. Гоголь в экзистенциальной интерпретации Н. Коляды // Преподаватель. XXI век. – М., 2013. – № 1. – Ч. 2. – С. 351–355.

[Гоголевский текст в пьесе Н. В. Коляды «Старосветская любовь».]

Ланьянь Янь. Термины изобразительного искусства в художественном тексте (повесть Н. В. Гоголя «Портрет») // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2013. – № 3. – С. 179–184.

Левинов Б. Есть ли тайные смыслы в поэме Гоголя «Мертвые души»? Об историзме произведения русского классика // Вопросы литературы. – М., 2013. – Вып. 4. – С. 151–172.

[Аллюзии на события Отечественной войны 1812 г. в поэме Гоголя (в частности, «наполеоновский» подтекст в образе Чичикова).]

Левинов Б. Есть ли тайные смыслы в поэме Гоголя «Мертвые души»? // Знания – сила. – М., 2013. – № 3. – С. 113–119.

[Аллюзии на события Отечественной войны 1812 года в поэме Гоголя (в частности, соотнесенность образа Чичикова с Наполеоном и образа Манилова с Александром I).]

Лёвина Е. В. Н. В. Гоголь – «русский Гомер», или Диалог с античностью в создании русского эпоса // Россия и Греция: диалоги культур. – Петрозаводск, 2013. – С. 104–125.

[Традиции гомеровского эпоса в «Тарасе Бульбе» и «Мертвых душах» Гоголя.]

Леоновичус А. В. Бал-скандал: «Горе от ума», «Мертвые души», «Двойник» // Новый филологический вестник. – М., 2013. – № 3 (26). – С. 88–101.

[Скандальный тип «бального» хронотопа в русской литературе XIX в.]

Лопатина М. М. Лексико-семантическое поле «нечистая сила» в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Воронеж, 2013. – Вып. 24. – С. 85–92.

«Любить дело в себе...» Книга Памяти профессора Валентина Айзиковича Зарецкого: воспоминания, материалы личного архива, статьи / Ред.-сост. А. С. Акбашева. – Стерлитамак: СФ Башкирский гос. ун-т, 2013. – 500 с.: ил.

Из содерж.:

Зарецкий В. А. «Мертвые души». Безмерность предания (глава монографии «Народные исторические предания в творчестве Н. В. Гоголя: история и биография», 1999). – С. 62–93.

Зарецкий В. А. О лирическом сюжете «Миргорода» Н. В. Гоголя (1978). – С. 93–106.

Зарецкий В. А. Три ступени творческого открытия. Множащиеся путешествия (глава учебного пособия «Три литературных путешествия по России. Аввакум – Радищев – Гоголь», 2002). – С. 157–180.

Кривонос В. Ш. Городские разговоры в повестях Н. В. Гоголя. – С. 323–328.

Михед П. В. Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания к проблеме). – С. 328–337.

Буранбаева Л. М. «Как слово наше отзовется...»: О назначении поэта (по страницам гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями»). – С. 370–381.

Денисов В. Д. О творческой истории уникальных гоголевских «Записок». – С. 397–410.

Кагарманова. Н. В. Гоголь и Л. Н. Толстой: к вопросу о преемственности в русской реалистической литературе. – С. 433–440.

Матвеева О. И. «Вечный город» в восприятии Н. В. Станкевича и Н. В. Гоголя (отражение эстетических взглядов в письмах). – С. 462–468.

Манн Ю. В. «Прощальная повесть» Гоголя: Мистификация или реальность? // Гуманитарное пространство = Humanity space. – М., 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 327–334.

Манн Ю. В. Сквозь призму художественной детали (дополнение к теме) // Гуманитарное пространство = Humanity space. – М., 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 702–710.

[Деталь как элемент характеристики персонажа в творчестве Гоголя.]

Манн Ю. В. Гоголь. Книга третья Завершение пути: 1845–1852. [2-е изд., перераб. и доп.] – М.: РГГУ, 2013. – 497 с.: ил.

Мильдон В. И. Вся Россия – наш сад: Русская литература как одна книга. – М.: Серебряные нити, 2013. – 490 с. – (Humanitas).

[Основные темы русской классической литературы, обусловившие ее мировое значение.]

Манушин А. «Откровение внутреннего созерцания...» (Рисунки Гоголя) // Подъем. – Воронеж, 2013. – № 7. – С. 239–242.

Монахова И. «Сделаться весь одна любовь...» О диалоге Гоголя и Белинского («Выбранные места из переписки с друзьями» и «зальцбруннское» письмо Белинского к Гоголю) // Литература в школе. – М., 2013. – № 6. – С. 8–12.

Монахова И. «Сначала смешно, потом грустно». Об истоках одной из особенностей творчества Н. В. Гоголя // Литературная учеба. – М., 2013. – № 4. – С. 153–159.

Русские и украинские народные песни как источник юмора Гоголя.

Монахова И. «Неподвижно стою я, а уже голову осенило грозное облако...»: О памятниках Н. В. Гоголю в Москве // Наш современник. – М., 2013. – № 4. – С. 266–269.

Мухачев Д. А. Мистика, тщеславие и безумие: Петербургские сюжеты в прозе В. Набокова (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский) // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 2 (39). – С. 262–264.

[Интерпретация образов «петербургских безумцев» (Германа, Поприщина, Раскольникова) в русскоязычной прозе В. Набокова.]

М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Антология /Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья

В. М. Марковича, коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. – СПб.: РХГА, 2013. – 1090 с. – (Русский Путь).

Из содерж.:

Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. <Фрагмент> – С. 184185.

[См. также Ук. имен.]

Незовибацько О. Е. Самоистолкование и поиск «внутреннего человека» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2013. – Т. 13. – Вып. 2 – С. 61–69.

[Связь религиозно-философской проблематики книги Гоголя с исповедальным дискурсом произведения.]

Незовибацько О. Е. Психологизм и «внутренний» человек: к вопросу о соотношении понятий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. № 2 (2). – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2013. – С. 467–472.

Незовибацько О. Е. Философия поприща Н. В. Гоголя и идея «сродности» Г. С. Сковороды // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 15. – № 2 (4). – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2013. – С. 1031–1035.

Никанорова Ю. В. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в немецкой литературной критике 1840–1890-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 9 (27). – Ч. 2. – С. 144–147.

Никанорова Ю. В. Особенности стиля и языка поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в интерпретации немецких переводчиков XIX–XX вв.: заглавие как «аббревиатура смысла» произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 12. – Ч. 2. – С. 143–145.

Никанорова Ю. В. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в немецкой рецепции 1900–1940-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 12. – Ч. 2. – С. 146–150.

Николюкин А. Н. Наедине с русской классикой /РАН ИНИОН. – М., 2013. – 442 с. – (Сер. Теория и история литературоведения).

[В частности, В. В. Розанов о Гоголе.]

[Реф.: Петрова Т. Г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ /РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения. – М., 2012. – № 4. – С. 147–154.

[О Гоголе. – С. 149–150].

Манн Ю. В. Гоголь и «Гомеровский вопрос» // Гуманитарное пространство. М., 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 116–124.

[Гоголь об императоре Николае I как истинном адресате стихотворения А. С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» («Выбранные места из переписки с друзьями»)].

Матвеева Т. С. Временные парадоксы человеческого бытия (На материале повести Н. Гоголя «Страшная месть» и романа И. Франко Петри и домбушки») // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи: Материалы X Международной заочной научно-практической конференции (2 апреля 2013 г.). – М., 2013. – С. 105–110.

Минералов Ю. И. Национальное как фактор художественности в русской литературе. Русские в «Тарасе Бульбе» // Сила слова: история литературы, стиль, художественная практика. – М., 2013. – С. 303–316.

Монахова И. Р. Н. В. Гоголь: размышления о вечном // Дельфис. – М., 2013. – № 2 (74). – С. 30–35.

[«Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной Литургии» в творческой биографии Гоголя.]

Немзер А. С. При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. – М.: Время, 2013. – 896 с. – («Диалог»).

Из содерж.:

В поисках «окончательного слова». *О Гоголе*. – С. 283–307.

[Первоначально: Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Время, 2009. Т. 1. – С. 5–26.]

Еще раз о Гоголе и В. Т. Нарезном. – С. 308–319.

[Первоначально: Новый круг. 3. – 1993. – № 1.]

Некрасова А. В. Выявление авторского мировидения в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – Тверь, 2013. – № 1. – С. 133–138.

Новый филологический вестник /Российский гос. Гуманитарный ун-т. Ин-т филологии и истории; Редкол.: В. И. Тюпа (гл. ред.) и др., О. В. Федунина (отв. секр.). – М., 2013. – № 1 (24).

Из содерж.:

Кривонос В. Ш. «Автор» как символическое имя в «Мертвых душах» Гоголя. – С. 39–50.

Невская Д. Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя. – С. 106–139.

[Празднования юбилеев Гоголя в 1886 г. (пятидесятилетие со дня постановки «Ревизора»), в 1902 и 1909 гг.]

Огурцова В. С. Н. В. Гоголь и В. И. Даль // Филологические этюды. – Саратов, 2013. – Вып. 16. – Кн. 1. – С. 184–188.

[К истории творческих связей писателей.]

XI Гоголівські читання: зб. наукових праць Міжнародної наукової практичн. конференції (Полтава, 1-3 квіт. 2013 р.) /Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка; Редкол.: Степаненко М. І. (головн. ред., Ніколенко О. М (заст. головн. ред.) и др. – Полтава: ПНПУ ім. В. Г. Короленка, 2013. – 188 с. – (на рус. и укр. яз.).

Из содерж.:

Воропаев В. А. Николай Гоголь и отец Матфей Ржевский: на путях к святости. – С. 3–21.

Денисов В. Д. К творческой истории сборника «Миргород» Н. В. Гоголя. – С. 26–33.

Николенко О. Н. «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя в традиционно-мифологическом аспекте. – С. 34–39.

Ларионова М. Ч. Ведьмы Н. В. Гоголя и А. П. Чехова: проблема этнокультурного контекста. – С. 44–49.

Мацапура В. И. О роли живописности и функциях экфрасиса в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». – С. 49–55.

Михилев А. Д. Геополитические аспекты творчества Н. В. Гоголя и современность. – С. 55–61.

Краснобаева О. Д. Рецепция гоголевских произведений в постгоголевской литературе. – С. 61–65.

Мальцева О. А. Гоголевская традиция «духовной биографии» в повести Б. Пастернака «Охранная грамота». – С. 66–71.

Люлька В. Н. «Вечера на хуторе близ Диканьки» в критике и литературоведении XIX века. – С. 104–107.

Любецкая В. В. Элементы «светлого» и «темного» барочных стилей в поэтике Н. В. Гоголя. – С. 107–111.

Фисак И. В. Традиции украинского фольклора и народная мифология в художественной структуре «Вечера накануне Ивана Купала» Н. В. Гоголя. – С. 111–115.

Волошко А. В. Темы божественного провидения и смерти в эпистолярном диалоге Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. – С. 116–119.

Ларионова С. Г. Фольклорные мотивы в творчестве Н. Гоголя и Н. Клюева. – С. 120–123.

Захарченко С. О. Чудо у мощей Спиридона Тримифунтского. – С. 136–139.

Карташов В. травники Н. В. Гоголя. – С. 140–146.

Скавыш В. А. Миф о «психозе» у Н. В. Гоголя. С. 146–150.

Кузнецова Е. В. Гоголевские традиции создания интродуктивного портрета в рассказах А. П. Чехова. – С. 157–160.

Кашуба Е. И. Два взгляда на искусство: Н. Гоголь и Р. Акутагава. С. 171–174.

Казарин В. П. Мой учитель профессор Г. П. Макогоненко: нравственные и научные итоги общения. – С. 178–183.

Одинокое В. Г. Драматургия Н. В. Гоголя в контексте творческого процесса // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. – Новосибирск, 2013. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 209–216.

Орлицкий Ю. [Рецензия] // Новый мир. – М., 2013. – № 2. – С. 208.

Рец. на кн.: Дмитриева Е. Е. Н. В. Гоголь в западно-европейском контексте: между языками и культурами. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 391 с.: ил.

Отрошенко В. Гоголиана и другие истории. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2013. – 392 с.

Из содерж.:

Гоголиана. – С. 8–116.

Певак Е. А. Ментальный орнамент: Гоголевский след в прозе К. Бальмонта // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2013. – № 2. – С. 86–97.

Переяслов Н. В. Коробушка: Поэзия, проза, драматургия, литературоведение, поэтика, перевод, юмор и др. жанры. – М.: У Никитских ворот, 2013 – 543 с.

Из содерж.:

Ч. 2. Перечитывая классику: литературоведческие штудии. С. 51–86.

Очерки о творчестве Гоголя, В. Г. Белинского и поэтов XX в.

Петрова Т. В. Истоки образа Хлестакова и архетипическая основа хлестаковского типа в творчестве Н. В. Гоголя // Актуальные вопросы филологии в работах студентов, магистрантов и аспирантов. – М.: МПГУ, 2013. – С. 44–45.

Пискунова С. Н. От Пушкина – до «Пушкинского Дома»: Очерки истории поэтики русского романа. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 269 с. – (Studia philologica).

[Жанр романа в русской литературе в контексте сопоставления с «Дон Кихотом» М. де Сервантеса (в частности, на материале творчества Гоголя).]

Попова О. С. Концептуализация понятий «пошлость» и «катарсис» в лекциях И. А. Ильина о Гоголе // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста. – Краснодар, 2013. – С. 129–135.

[Тезис о единстве сатирического и религиозно-мистического начала в работах И. А. Ильина о Гоголе.]

Поройков С. Ю. Типические характеры в произведениях А. С. Пушкина. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 183 с. – (Научная мысль).

Гл. Сравнительный анализ героев Пушкина и персонажей «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Прасковьяна М. В. Функции границы и ее пересечение в Петербургских повестях Н. В. Гоголя // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2013. – Т. 15. – № 2 (2). – С. 478–480.

Прасковьяна М. В. Сказочные архетипы в повести Гоголя «Шинель» // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2013. – Вып. 2. – С. 58–61.

Преславные чудотворцы. Святитель Николай чудотворец. Великомученики целитель Пантелеимон. Святитель Спиридон

Тримифунтский: Житие. Акафист. Чудеса. – М.: Даниловский благовестник, 2013. – 224 с.

Из содерж.:

Рассказ Н. В. Гоголя о чуде у раки святителя Спиридона. – С. 208–209.

Печ. по: Щеглов И. Л. Подвижник слова. СПб., 1909.

Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. – Вып. 6 (45): Комплексный комментарий к произведениям Пушкина / Под ред. Н. Л. Дмитриевой, Е. О. Ларионовой, Н. Н. Мазур. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 440 с.

Из содерж.:

Булкина И. С. «Российский Жиль Блаз»: от Нарезного до Гоголя. – С. 298–308.

Ранчин А. М. Переключка Камен: Филологические этюды. – М.: Новое литературное обозрение, 2013 – 648 с. – (Новое литературное обозрение: Научное приложение; Вып. 118) (Научная б-ка).

О Гоголе. – С. 7–55.

Расев А, протоиерей. Он служил в глубинке. И был в центре духовной жизни России // Тверская Жизнь. – Тверь, 2013. – 5 июня. – № 104. – С. 3.

Беседовала Светлана Костенко.

[Об отце Матфее Константиновском, духовнике Гоголя.]

Расев А, протоиерей. Подвижник Тверской земли отец Матфей Ржевский // Верхневолжье православное. – Тверь, 2013. – 29 июня.

[Беседу вела Светлана Костенко.]

Расев А, протоиерей. Подвижник отец Матфей Ржевский // Русский Дом. – М., 2013. – № 8. – С. 24–25.

[Беседовала Светлана Васильевна Костенко.]

Роговер Е. С. Повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Писатель. XXI век. – СПб., 2013. – Вып. 1. – С. 2–9.

Роговер Е. С. Сборник Н. В. Гоголя «Нос» // Писатель. XXI век. – СПб., 2013. – Вып. 2. – С. 2–12.

Роговер Е. С. Творчество Н. В. Гоголя. – СПб., 2013.

Рец.: Бондарчук А. Ф. О монографии Е. С. Роговера «Творчество Н. В. Гоголя» // Литература в школе. – М., 2014. – № 3. – С. 43.

Руденко Т. Е. Категория информации в свете проблемы интерпретации содержания художественного произведения (На материале повести Гоголя «Ночь перед Рождеством») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 4. – Ч. 2. – С. 159–162.

[Функции подтекстовой и вербальной информации в повести Гоголя.]

Руднев В. П. Энциклопедический словарь безумия. – М.: Гнозис, 2013. – 560 с.

Из содерж.:

Хлестаков. – С. 480–484.

Русская драма и литературный процесс: к 75-летию А. И. Журавлевой /Сост. Г. В. Зыкова, Е. Н. Пенская. – М.: Совпадение, 2013. – 440 с.

Из содерж.:

Журавлева А. И., Некрасов В. Н. «Женитьба» Н. В. Гоголя (постановщик Ю. Резниченко, художник Ю. Виноградов). – С. 69–87.

[Внутренняя рецензия на постановку комедии Гоголя в Кинешмском драматическом театре им. А. Н. Островского (1985).]

Пенская Е. Н. К вопросу о контекстном окружении драматической трилогии Сухова-Кобылина. – С. 277–334.

[А. В. Сухово-Кобылин и Гоголь. – С. 310–319.]

Рябова О. Д. Символистская поэтика образа Гоголя в романе О. Д. Форш «Современники» // Филологические этюды. – Саратов, 2013. – Вып. 16. – Кн. 1. – С. 151–159.

Рясов Д. Л. Образы немцев в прозе Н. В. Гоголя // Филологические этюды. – Саратов, 2013. – Вып. 16. – Кн. 1. – С. 139–145.

Сазанович Е. Николай Васильевич Гоголь. Живые и мертвые души // Юность. – М., 2013. – № 4. – С. 90–91.

[Эссе в рубрике «100 книг, которые потрясли мир».]

Салтымакова О. А. Композиционно-речевые типы повествования в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 6 (24). – Ч. 1. – С. 186–191.

Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин в русском общественном и литературном сознании середины и второй половины XIX века /

Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Ульяновск, 2013. – 257 с.

[В частности, рецепция творчества Н. М. Карамзина Гоголем.]

Сапченко Л. А., Терехина А. А. Почему «сгорела» церковь в гоголевском «Ревизоре» // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики. – М., 2013. – С. 132–136.

[Символический смысл образа «сгоревшей церкви» в «Ревизоре» Гоголя.]

Сартаков Е. В. Возможности «семасиометрического» подхода к публицистике и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2013». Секция «Журналистика». Подсекция «История русской журналистики (до 1917 г.) и литературы». – М., 2013. – С. 1–3.

Сартаков Е. В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: помещик и крестьянин // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – М., 2013. – № 3. – С. 57–71.

Сартаков Е. В. Формирование консервативной идеологии как общественная миссия журналов в 1840-е гг. // Журналистика в 2012 году: Социальная миссия и профессия: Материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2013. – С. 136–137.

Сартаков Е. В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: попытка статистического анализа // Сборник тезисов участников XIV Международной конференции молодых филологов: Текст в тексте. – Таллин, 2013. – С. 21–22.

Сартаков Е. В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и русская журналистика первой половины 1840-х годов: проблема консервативной идеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 23 с.

Светлова И. Гоголь и онтологическая поэтика // Новый мир. – М., 2013. – № 11 (1063). – С. 160–164.

[Анализ поэтики Гоголя в кн.: Карасев Л. Гоголь в тексте. – М.: Знак, 2012. – 224 с.]

Сегень А. Московский Златоуст. Жизнь, свершения и проповеди святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. – М.: Благовест, 2013. – 608 с.

[О Гоголе. – С. 411–416.]

Синцов Е. Динамика мотивов как основа драматургии комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Вопросы литературы. – М., 2013. – Вып. 5. – С. 415–438.

[Сквозные мотивы («сон-кошмар», «инкогнито») как способ бесконфликтной организации действия в комедии «Ревизор».]

Сироткина Н. В. Семантика молчания и ее движение от ранних произведений Н. В. Гоголя к повести «Портрет» // Личность. Культура. Общество. – М., 2013. – Т. 15. – Вып. 1. – № 77. – С. 166–170.

Сироткина Н. В. Мотив молчания и его роль в гоголевской концепции искусства // Молодая наука в классическом университете: Тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых (Иваново, 22-26 апреля 2013 г.): В 7 ч. – Ч. 6: Язык. Литература. Массовые коммуникации. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2013. – С. 57–58.

Скворцов А. Э. Об источниках некоторых стихов Владислава Ходасевича // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Казань, 2013. – Т. 155. – Кн. 2. – С. 143–153.

[В частности, отсылки к произведениям Гоголя.]

Скрипник А. В. Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2013. – № 376. – С. 32–36.

[Отражение автоматизированного сознания светского общества в образах кукол-манекенов и актуализация традиций народного театра в повести Гоголя.]

Соломонова В. В. В. Белинский и К. Аксаков в контексте общественно-литературной борьбы между западниками и славянофилами // Вестник Омского ун-та. – Омск, 2013. – № 1. – С. 124–127.

Стебунова К. К. Ассоциативно-образная доминанта как свойство фразеобразующего дискурса (на материале переводов произведений Н. В. Гоголя) // Европейский журнал социаль-

ных наук = *Europ. social science j.* – М., 2013. – № 9 (36). – Т. 1. – С. 143–149.

[Анализ переводов произведений Гоголя на английский язык.]

Стеклова И. А. Историзм архитектуры как достояние русской литературы // *Обсерватория культуры.* – М., 2013. – № 2. – С. 124–129.

[Архитектурные образы в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Гоголя.]

Степаненко Т. В. Особенности речевого поведения помещика Ноздрева (поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души») // *Человек в информационном пространстве* – 2013. – Ярославль, 2013. – С. 344–347.

Страда В. Россия как судьба: Сб. статей /Пер. с ит. – М.: Три квадрата, 2013. – 535 с.

[Статьи о творчестве А. С. Пушкина, Гоголя, Ф. М. Достоевского и др.]

Стрельникова А. А. Европейское эстетическое наследие в осмыслении А. Штифтера и Н. В. Гоголя // *Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики.* – М., 2013. – С. 340–345.

[Искусствоведческие вопросы в романе А. Штифтера «Бабье лето» («Nachsommer», 1857) и статьях Гоголя об искусстве, опубликованных в сборнике «Арабески».]

Суханова Т. И. Передача приемов сказа в повести Н. В. Гоголя «Шинель» при переводе на английский язык // *Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире.* – Чита, 2013. – С. 82–89.

Сухих И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! (От Гоголя до Чехова). – СПб: Издательская группа «Лениздат», «Команда-А», 2013. – 496 с.

Из содерж.:

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). – С. 5–78.

Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения: Сб. научных статей по материалам Международной научной конференции. Москва. 31 марта – 3 апреля 2013 г. /Департамент культуры г. Москвы;

«Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. – М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2013. – 320 с.: ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. – С. 8–13.

Викулова В. П. Вместо предисловия. – С. 14–16.

Гоголь и общественная мысль его времени.

Манн Ю. В. Гоголь в силовом поле философской мысли (штрихи к теме). – С. 18–28.

Анненкова Е. И. Тема итогов жизненного пути в творческом сознании Гоголя и мемуарном наследии декабристов. – С. 29–39.

Денисов В. Д. Наследие Любомудров и раннее творчество Гоголя. – С. 40–50.

Гоголь и православие:

Гуминский В. М. Гоголь и русский исихазм (по материалам «Киево-Печерского патерика»). – С. 52–59.

Кравченко О. А. «Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей церкви...» (от риторики проповеди к пафосу молчания). – С. 60–67.

Гольденберг А. Х. Смех Гоголя и русская гомилетическая традиция. – С. 68–77.

Воропаев В. А. «...Вечно помнить в сердце моем полученный урок» (Н. В. Гоголь и Е. М. Хомякова). – С. 78–86.

Творчество Гоголя в историко-литературном контексте:

Есаулов И. А. Корректно ли творчество Гоголя рассматривать в историческом контексте общественной мысли его времени? – С. 88–93.

Джафарова К. К. О соотношении жанрового и исторического мышления Н. В. Гоголя. – С. 94–99.

Белоногова В. Ю. Индийский купец из города Мохтана и образ ростовщика в повести Гоголя «Портрет» (к вопросу об индоазиатском мотиве в русском литературном сознании). – С. 100–106.

Прохорова И. Е. Н. В. Гоголь и мейнстрим в русской журналистике второй четверти XIX века. – С. 107–116.

Дубровский А. В. Нуждался ли Пушкин в защите Гоголя? (к вопросу об авторстве «Лекарства от холеры». – С. 117–127.

Потапенко С. Н. После «Ревизора» (комедия Гоголя и театральная ситуация второй половины 1830-х годов). – С. 128–134.

Зорин А. Н. «Зеленый кафтан с зеленым воротником» (Хлестаков и чиновничество Николаевской эпохи). – С. 135–143.

Ельницкая Л. М. Об античных реминисценциях в поэме Гоголя «Мертвые души» и «Выбранных местах из переписки с друзьями». – С. 144–152.

Сартаков Е. В. Концепция самодержавия в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и в русской консервативной журналистике 1840-х годов. – С. 153–160.

Мильдон В. И. Чичиков как славянофил. – С. 161–166.

Сугай Л. А. Генерал Бетрищев у Гоголя и Бетрищевы после Гоголя. – С. 167–175.

Луцевич Л. В. Авторрецепция как попытка формирования литературной репутации в <Авторской исповеди> Николая Гоголя. – С. 176–184.

Поэтика Гоголя:

Барабаш Ю. Я. «Старосветские помещики» – идиллия? пародия? драма? – С. 186–193.

Кулагин А. В. Гоголь и пушкинское стихотворение «Полководец». – С. 194–202.

Высоцкая В. В. Неизменность и изменчивость в произведениях Гоголя: возможности перехода и сверхъестественная составляющая. – С. 203–210.

Кацадзе К. Г. Преобразующая власть слова: автор и внефабульные образы писателей в прозе Гоголя. – С. 211–218.

Соливетти К. Повесть «Шинель»: семантика и структура. – С. 219–229.

Кораблев А. А. Литературный контекст 1840-х годов в подтексте «Мертвых душ»: Тентетников и его окружение – возможные прообразы и прототипы. – С. 230–240.

Восприятие гоголевских произведений:

Михед П. В. Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания о проблеме). – С. 242–251.

Кривонос В. Ш. Гоголь, Сенковский, Поль де Кок. – С. 252–261.

Виноградов И. А. Гоголь и Лермонтов как «собеседники» Белинского («услуги» критика и ответы Гоголя). – С. 262–271.

Шульц С. А. Гоголь – Аполлон Григорьев – Дильтей. – С. 272–279.

Вайскопф М. Фет и Гоголь: Предисловие к теме. – С. 280–288.

Балакшина Ю. В. «Нам нужно еще смириться перед Гоголем и перед смехом...» (творчество Н. В. Гоголя в критической оценке Н. П. Аксакова). – С. 289–296.

Розанов Ю. В. Очерк А. М. Ремизова «Тайна Гоголя»: опыт комментария. – С. 297–301.

Мусатова Т. Л. «По поводу разных духовно-дипломатических дел...» (Гоголь в Италии). – С. 302–312.

Тихомиров Д. С. Черты романтической поэтики в творчестве Н. В. Гоголя и Л. Андреева // Гуманитарные исследования = Humanitaria studia. – Астрахань, 2012. – № 4 (48). – С. 94–99.

Ткаченко Е. И. П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь: мысль и слово // Гуманитарные научные исследования. – М., 2013. – № 4 (20). – С. 24.

Третьяков Е. О. «Гибель “вселенной”»: амбивалентность мира и места человека в нем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя (на материале первой и последней повестей книги «Сорочинская ярмарка» и «Заколдованное место») // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей: материалы VII (XL) Международной научно-практической конференции. – Кемерово, 2013. – Вып. 14. – С. 304–308.

Третьяков Е. О. Философия и поэтика четырех стихий в поэме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельgarten» // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2013. – № 372. – С. 49–52.

Третьяков Е. О. Утверждение и разрушение онтологии в раннем творчестве Н. В. Гоголя: «Вечера на хуторе близ Диканьки» в свете антиномии «странствователь – домосед» // Студент и научно-технический прогресс. Литературоведение: материалы 51-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 26–27.

Третьяков Е. О. Концепция мира и человека в поэме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы XIV Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 135-летию Томского государственного университета: В 2 т. – Томск: Томский гос. ун-т, 2013. – Вып. 14. – Т. 2: Литературоведение и издательское дело. – С. 6–10.

Третьяков Е. О. «Гибель "вселенной"»: амбивалентность мира и места человека в нем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя (на материале первой и последней повестей книги «Сорочинская ярмарка» и «Заколдованное место» // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей: материалы VII (XL) Международной научно-практической конференции. – Кемерово, 2013. – Вып. 14. – С. 304–308.

Троша Н. В. Рецепция Гоголя в творчестве Александра Довженко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7 (25). – Ч. 1. – С. 194–197.

[Гоголевские мотивы в кинодраматургии и рассказах А. П. Довженко.]

Трыков В. П. Русские в повести Э. М. де Вогюэ «Шуба Осипа Оленина» // Знание. Понимание. Умение. – М., 2013. – № 1. – С. 142–149.

[В частности, влияние «Шинели» Гоголя на поэтику повести Э. М. де Вогюэ.]

1812 год и мировая литература. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 536 с.

Из содерж.:

Виноградов И. А. 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя. – С. 91–140.

Гуминский В. М. К проблеме мифологизации истории (Гоголь и некоторые факты и умонастроения в эпоху 1812 года). – С. 141–194.

Унгуряну Д. Ироническая вещественность знака: Мотивы письменного документа и вывески в литературе позднего романтизма // Альманах «Аполлон» № 4: Вещь: Метафизика предмета в искусстве. – СПб., 2013. – С. 5–16.

[Различные формы иронического повествования в произведениях Гоголя и А. С. Пушкина.]

Уроки литературы. Приложение к журналу «Литература в школе». – М., 2013. – № 11. –16 с.: ил.

Содерж.:

Воропаев В. А. Однажды Гоголь... Рассказы из жизни писателя. – С. 1–9.

Мехедов В. Н. Работа с портретами Н. В. Гоголя. – С. 10–16.

Федотов О. И. Православная Пасха на родине и на чужбине // Религиоведение. – Благовещенск, М., 2013. – № 1. – С. 149–158.

[На материале произведений Гоголя и др. писателей.]

Феномен Вятской земли в отечественной литературе /Вятский гос. гуманитарный ун-т; Науч. ред. В. А. Поздеев. – Киров, 2013. –244 с.

[Вятская земля в жизни и творчестве ряда писателей, в том числе Гоголя. Коллективная монография.]

Фесенко Э. Я. Русская литература XIX века в поисках героя. – М.: Академический Проект, 2013. – 653 с. – (Gaudeamus).

Из содерж.:

Гл. 2. Бремя «маленького человека». – С. 44–70.

«Сосед Акакия Акакиевича»: «Медный всадник» А. С. Пушкина. – С. 50–53.

Жизнеописание Башмачкина: «Шинель» Н. В. Гоголя. – С. 53–58.

«Самосознание» «маленького человека» Ф. М. Достоевского. – С. 58–70.

Гл. 4. «Что делать... век такой. Иду за веком»: «практические натуры» в русской литературе.

Павел Иванович Чичиков: «обольщение богатством». – С. 197–210.

Гл. 10. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»: Pro et contra «Мертвые души» помещиков в произведениях русских писателей. – С. 566–588.

«Хлестаков – лицо фантазмагорического». – С. 588–595.

Фефелова А. Г. Гоголевские «ночи» Н. А. Римского-Корсакова // Мировая литература в контексте культуры. – Пермь, 2013.– Вып. 2 (8). – С. 186–192.

[Интерпретация повестей Гоголя в текстах либретто Н. А. Римско-Корсакова «Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством».]

Филонов Е. А. Граница «вымысла» и «реальности» в эволюции сказового повествования Н. В. Гоголя // Русская литература. – СПб., 2013. – № 3. – С. 5–15.

Филонов Е. А. Повествование Н. В. Гоголя: история и перспективы изучения // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26–31 марта 2012 г.: Избранные труды /Отв. ред. А. С. Асиновский, С. И. Богданов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 197–205.

Фиртич Н. Николай Гоголь и Эдвард Лир: Нонсенс, носы-романтики и освобождение вещей // Альманах «Аполлон» № 4: Вещь: Метафизика предмета в искусстве. – СПб., 2013. – С. 217–260.

[Гоголь и Э. Лир как создатели жанра нонсенса. На материале повести Гоголя «Нос» и стихотворения Э. Лира «Донг с Сияющим Носом».]

Холондович Е. Н. Современный взгляд на проблему гениальности (На примере изучения гениев русской словесности) // Психологические исследования проблем современного российского общества. – М., 2013. – С. 112–131.

[Психологические портреты Гоголя и Ф. М. Достоевского.]

Хомук Н. В. [Рецензия] // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – Томск, 2013. – № 6 (26). – С. 123–127.

Рец. на кн.: Манолакев Х. Грибоедов – Гоголь – Достоевский: Типология и герменевтика Слова /Пер. с болг. Л. А. Дубовой. – [В. Търново:] Изд-во «Фабер», 2011. – 182 с.

[Межтекстовый диалог между комедией «Горе от ума» А. С. Грибоедова, поэмой «Мертвые души» Гоголя, романом «Идиот» Ф. М. Достоевского.]

Цветкова Н. В. Слово современников Гоголя о «Мертвых душах»: Что актуальнее: оценка критики или науки? // Русская словесность. – М., 2013. – № 1. – С. 15–22.

[«Мертвые души» в критике В. Г. Белинского, С. П. Шевырева и К. С. Аксакова.]

Цветкова Н. В. Отзывы о «Мертвых душах» в «Отечественных записках» и «Москвитянине» // Печать и слово Санкт-

Петербурга – 2012: Петербургские чтения. – СПб, 2013. – Ч. 2. – С. 28–36.

[Анализ статей В. Г. Белинского и С. П. Шевырева о поэме Гоголя.]

Цыпкина С. И. Об источниках порождения индивидуально-авторских топонимических номинаций // Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск, 2013. – Ч. 2. – С. 176–179.

[О происхождении авторских топонимов в творчестве ряда писателей, в том числе Гоголя.]

Черемисина Т. А. Жест как средство выражения эмоционального состояния персонажей в произведениях Н. В. Гоголя // Вестник Тамбовского ун-та. Исследовательские проекты студентов. Приложение. – Тамбов, 2013. – С. 329–332.

Чуйков П. Л. «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: общность мотивов // Русская речь. – М., 2013. – № 1. – С. 13–18.

Шалев М. Секреты обманчивых чудес: Беседы о литературе / Пер. с иврита Р. Нудельмана, А. Фурман. – М.: Текст: Книжники, 2013. – 411 с. – (Чейсовская коллекция).

[Эссе о творчестве ряда писателей, в том числе Гоголя.]

Шаров К. С. [Рецензия] // Вопросы философии. – М., 2013. – № 8. – С. 184–186.

Рец. на кн.: Карасев Л. В. Гоголь в тексте. – М.: Знак, 2012. – 224 с.

Шведова А. Н. «Смысловость» малой прозы Велимира Хлебникова («Жители гор») // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – Саратов, 2013. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 88–92.

[Анализ рассказа В. Хлебникова в контексте его преемственной связи с русской классической литературой, в частности, Гоголем.]

Швецова-Водка Г. Н. Фантаст ли Гоголь?: Какие чувства вызывает повесть «Вий» // Мир библиографии. – М., 2013. – № 9. – С. 46–49.

Шолохова А. С. Н. В. Гоголь за рубежом: обзор ранних переводов произведений писателя // Вопросы развития филологии

и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции. – Казань, 2013. – С. 129–131.

[Произведения Гоголя на чешский, немецкий, французский и английский языки.]

Шрага Е. А. Литературность против литературы: Пути развития циклизованной прозы 1820-30-х годов. – СПб.: Новое литературное пространство, 2013. – 147 с.

[В частности, на материале прозы Гоголя.]

Штаб В. А. Гоголевский тип героя в творчестве Л. Н. Толстого (На материале произведения «Два гусара») // Сибирский филологический журнал. – Барнаул и др., 2013. – № 3. – С. 69–73.

[Образ героя-мечтателя в повести Л. Н. Толстого в свете комедии Гоголя «Ревизор».]

Шульц С. А. Художественное время и пространство в первом томе «Мертвых душ» Гоголя // Восток – Запад: типология пространства в русской литературе и фольклоре. – Волгоград, 2013. С. 324–332.

Щепотьев С. И. «Пионеры» и «потерянные»: Очерки о писателях США и Великобритании. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2013. – 285 с.

Из содерж.:

Эдгар По и Николай Гоголь.

Щербакова В. «Счастливая» улица Гоголя // Эхо планеты. – М., 2013. – № 16. – С. 42–43.

[В связи с открытием в Риме на улице Систина (дом № 126) культурно-исторического салона-гостиной имени Гоголя.]

Яхонтов А. Мертвые души (третий том) // Московский комсомолец. – М., 2013. – 2 марта. – С. 5.

[Политический памфлет.]

Kosik W. I. [Рецензия] // Славяноведение. – М., 2013. – № 6. – С. 74–77.

Рец. на кн.: Н. В. Гоголь и славянские литературы – М.: Изд-во «Индрик», 2012. – 598 с.

Составил В. А. Воропаев (Москва)

**БІБЛІОГРАФІЯ УКРАЇНИ
ПРО ЖИТТЯ І ТВОРЧІСТЬ МИКОЛИ ГОГОЛЯ (2013)**

Твори М. Гоголя

1. Вечера на хуторе близ Диканьки : повести, изданные пасичником Рудым Паньком : избранное / [ил. Моллер Ф. А. и др.]. — Харьков : Аргумент Принт, 2013. — 124, [1] с. : ил. — (Школьная библиотека).

2. Вечера на хуторе близ Диканьки. Тарас Бульба / [предисл. Николенко О. Н.]. — К. : Шанс, 2013. — 398 с. — (Шкільна бібліотека).

3. Вий : повести и рассказы / [вступ. ст. А. Пыпина]. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; М. : БММ, 2013. — 397 с.

4. Золотая русская классика : рассказы и повести любимых писателей / [сост. С. Н. Зотова]. — Донецк : ПКФ «БАО», 2013 — 383 с. — Содерж. авт.: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, М. Горький.

5. Петербургские повести / [прим. Т. В. Надозирной]. — Харьков : Фолио, 2013. — 303 с. : ил. — (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы) (Школьная библиотека. Украинская литература).

6. Петербургские повести. — Харьков : Фолио, 2013. — 189 с. — (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы).

7. Тарас Бульба : [повесть] / [послесл. и примеч. Т. В. Надозирной]. — Харьков : Фолио, 2013. — 142, [1] с. — (Школьная библиотека украинской и зарубежной литературы).

8. Тарас Бульба : повесть / [пер. з рос. А. Ніковського]. — [Вид. 3-тє]. — Львів : Експрес Медіа Принт, 2014. — 192 с. — (Бук. Бібліотека українця. Золота колекція) (Література світового класу).

9. Гоголь-Головня О. В. Из семейной хроники Гоголей : мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни., перепеч. изд. 1909 г. — Полтава : АСМИ, 2013. — VIII, 87, [15] с. : ил.

Критико-біографічна література

10.Абрамович С. Д. Градація від «чужинця» до сатани у «Зниклій грамоті» Гоголя / С. Д. Абрамович // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 7—14.

11.Абрамович С. Д. Любов в художественном мире Гоголя / С. Д. Абрамович // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 127—133.

12.Александрова Э. К. (Санкт-Петербург) Жизнь как «бесконечно длинное меню» (О гоголевских «литературных прототипах» в романе Газданова «История одного путешествия») / Э. К. Александрова // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 134—143.

13.Барабаш Ю. Я. «ІНЬ» і «ЯНЬ» української духовної культури (Шевченко і Гоголь: національний дискурс) / Ю. Я. Барабаш // Слов'янські обрії : зб. наук. пр. / НАН України ; Укр. ком. славістів ; Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського ; В. С. Онищенко (голова) та ін. — К. : НБУВ, 2013. — Вип. 18. — С. 100—117.

14.Барабаш Ю. Я. Не відверну лица / Ю. Я. Барабаш. — К. : Темпора, 2013. — 756 с.

15.Барабаш Ю. Я. «Я мушу на Гоголі зупинитись надовше...» (Гоголівський дискурс як осердя концепції «чотирьох [трьох] літератур» Михайла Драгоманова) / Ю. Я. Барабаш // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 144—155.

16.Бояновська Едита М. Микола Гоголь: між українським і російським націоналізмом / пер. Андрій Бондар. — К. : Темпора, 2013. — 616 с.

17.Виноградов И. А. Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ» / И. А. Виноградов // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 14—30.

18.Винтилэ Д. С. Дорога и путишествие в поэме «Мертвые души» / Д. С. Винтилэ // Информационный вестник форума

русистов України. Вип. 16. «Русистика: синтетическая наука или форма идеологии?» — Симферополь, 2013. — С. 96—102.

19.Водолажський В. П. Збритий вус : трилогія : майже за Гоголем / Віталій Петрович Водолажський. — Харків : Федорко, 2013. — 157 с. : іл., ноти.

20.Воропаєв В. А. В серці отриманий урок, или Тайна предсмертних днів Гоголя / В. А. Воропаєв // Інформаційний вестник форуму русистов України. Вип. 16. «Русистика: синтетическая наука или форма идеологии?» — Симферополь, 2013. — С. 102—111.

21.Воропаєв В. А. Гоголь на святой землі. К 165-літтю створення Русської Духовної місії в Ієрусаліме / В. А. Воропаєв // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 31—44.

22.Воропаєв В. А. [Рецензії та відгуки] / В. А. Воропаєв // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 384-387. — Рец. на кн.: І. А. Виноградов. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание : в 3 т. - М. : ИМЛИ РАН, 2011. - Т. 1. — 904 с.

23.Воропаєв В. Путешествие ко Гробу Господню : к 165-літтю паломництва Гоголя на Святую Землю / Владимир Воропаєв // Радуга. — 2013. — № 3—4. — С. 224—235.

24.Воропаєва Т. С. Творча спадщина Миколи Гоголя крізь призму етнічної психології та українознавства / Т. С. Воропаєва // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 155—165.

25.Генералюк Л. С. «Не пропускаючи нічого з того, що бачить око...». Візуальний образ України у прозі Миколи Гоголя / Л. С. Генералюк // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 45—86.

26.Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — 508 с.

27.Гоголь. Містика та реальність / [авт.-упоряд. Людмила Цурика]. — К. : АВІАЗ, 2013. — 127 с. : іл.

28. Голубева Е. Пометы Н. В. Гоголя на Библии 1820 года издания: к истории вопроса / Е. Голубева // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 348—354.

29. Денисов В. Д. К творческой истории повести «Записки сумасшедшего» / В. Д. Денисов // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 86—97.

30. Джулай Ю. В. Про витоки нарративу «науки випитування поглядом» в поемі «Мертві душі» / Ю. В. Джулай // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 165—177.

31. Дикарева Л. Ю. Імпресіоністичні мотиви в портретних описах ранніх творів Миколи Гоголя / Л. Ю. Дикарева // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 177—181.

32. Дудюк Л. П. Сюжети й образи українських народних дум у повісті М. В. Гоголя «Тарас Бульба» / Л. П. Дудюк // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 182—189.

33. Евдокимов А. А. [Рецензії та відгуки] / А. А. Евдокимов // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 387—395. — Рец. на кн.: Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции : коллективная монография. — Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2012. — 456 с.

34. Ємець Т. М. Українознавчий аспект творчості Миколи Гоголя / Т. М. Ємець // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 189—196.

35. Иванова О. Гоголевский «Портрет» в иллюстрациях Кибрика / О. Иванова // Юный художник. — 2013. — № 1. — С. 23—27.

36. Ісаєнко К. П. [Рецензії та відгуки] // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 396—399. - Рец. на кн.: Гоголь і Гімназія вищих наук: біографічний та ейдологічний виміри : монографія / Ю. В. Якубіна. — Ніжин : НДУ ім. Миколи Гоголя, 2012. — 366 с.

37.Калинкин В. М. Конкорданс к онимии текстов Н. В. Гоголя в контексте словаря языка писателя / В. М. Калинкин // Информационный вестник форума русистов Украины. Вып. 16. «Русистика: синтетическая наука или форма идеологии?» — Симферополь, 2013. — С. 15—24.

38.Киченко А. С. Проблемы текстологии второго тома «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 399-403. - Рец. на кн.: Самойленко Г. В. Хроника написания второго тома «Мёртвых душ» Н. Гоголя. — Нежин : Издательство НГУ им. Н. В. Гоголя, 2012. — 360 с.

39.Клипа Н. І. Конфесійна лексика в духовній прозі Миколи Гоголя / Н. І. Клипа, Г. М. Вакуленко // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 196—203.

40.Кокуленко Б. Г. Творчість Миколи Васильовича Гоголя в театрі й танці / Кокуленко Борис Григорович // Культура і сучасність. — 2013. — № 1. — С. 143—147.

41.Кошелев В. А. Константин Аксаков и герои Гоголя / В. А. Кошелев // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 204—212.

42.Кравченко О. А. «Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей церкви...» (от риторики проповеди к пафосу молчания) / Оксана Анатольевна Кравченко // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., Москва. 31 марта — 3 апреля 2013 г. / под общ. ред. В. П. Викуловой. — Новосибирск : Новосиб. изд. дом, 2013. — С. 60—67.

43.Краснобаева О. Д. «Реальное» и «фантастическое» как оппозиции в художественном мире Гоголя и Гофмана / О. Д. Краснобаева // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 212—225.

44.Кривонос В. Ш. Гоголь, Сенковский, Поль де Кок / В. Ш. Кривонос // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., Москва. 31 марта —

3 апреля 2013 г. / под общ. ред. В. П. Викуловой. — Новосибирск : Новосиб. изд. дом, 2013. — С. 252—261.

45.Кривонос В. Ш. «Горе от ума» в «Мертвых душах» / В. Ш. Кривонос // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 225—237.

46.Любецкая В. В. (Кривой Рог) Икона мира в поэтике Н. В. Гоголя / В. В. Любецкая // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 238—246.

47. McCone B. (Dublin) A Brief Overview of the Grounds for Comparison of Gogol and Wilde / В. McCone // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 246—253.

48.Малиновский И. А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя / Иоанникий Алексеевич Малиновский ; [под ред. и с предисл. В. А. Попелюшка]. — Переизд. 1909 г. — Острог : Изд-во Нац. ун-та «Острож. акад.», 2013. — 23 с. — (Антология просветительской мысли).

49.Мельниченко В. Ю. Микола Гоголь у Москві : автор. енциклопедія-хроноскоп / Володимир Мельниченко ; [гол. ред. Світлана Головки]. — К. : Либідь, 2013. — 542 с. : кольор. іл.

50.Меншій А. М. Семантико-змістове наповнення концепту страх у «Петербурзьких повістях» М. Гоголя та новелістиці М. Коцюбинського / А. М. Меншій // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 254—265.

51.Михед П. В. Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания к проблеме) / П. В. Михед // Любить дело в себе... Книга Памяти профессора Валентина Айзиковича Зарецкого: воспоминания, материалы личного архива, статьи / ред. сост. А. С. Акбашева. — Стерлитамак : СФ БГУ, 2013. — С. 328—337.

52.Михед П. В. Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания к проблеме) / П. В. Михед // Радуга : журнал худож. лит. и общест. мысли. — 2013. — № 7—8. — С. 174—181.

53. Михед П. В. Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания к проблеме) / П. В. Михед // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., Москва. 31 марта — 3 апреля 2013 г. / под общ. ред. В. П. Викуловой. — Новосибирск : Новосиб. изд. дом, 2013. — С. 242—251.

54. Михед П. В. Гоголь и Ламенне / П. В. Михед // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 266—283.

55. Михед П. В. Гоголь и Ламенне / П. В. Михед // Информационный вестник форума русистов Украины. Вып. 16. «Русистика: синтетическая наука или форма идеологии?» — Симферополь, 2013. — С. 199—214.

56. Михед П. Микола Гоголь між Україною і Росією: до історії буття в канонах культури / Павло Михед // Слов'янські обрії : доповіді XV Міжнародного з'їзду славистів / НАН України, Укр. ком. славистів, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. — К., 2013. — Вип. 6, ч. 2. Літературознавство, культурологія, фольклористика. Історія славистики. — С. 122—132.

57. Михед П. Про односторонню критику, або для чого потрібен псевдонім / Павло Михед // Слово і Час. — 2013. — № 1. — С. 111—117.

58. Михед П. В. Про односторонню критику, або для чого потрібні псевдоніми / П. В. Михед // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 373—383.

59. Михед П. В. Гоголь и польская литература 30-х — 40-х годов XIX века / П. В. Михед // XV Міжнародны з'езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists (Мінск, Беларусь, 20-27 жніўня 2013 г.) : тезісы докладаў : у 2 т. Т. 2. Літаратурознаўства. Культуралогія. Фалькларыстыка / рэдкал. А. А. Лукашенец (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінськ : Беларус. Навука, 2013. — С. 122.

60. Моціяка П. Кімната-музей Миколи Гоголя й інші колекції Історико-філологічного інституту князя Безбородька в Ніжині / Петро Моціяка // Ніжинська старовина. Серія «Ніжинознавчі студії». — 2013. — № 10, вип. 15. — С. 88—89.

61. Мусий В. Б. Чествование 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя в Одессе / В. Б. Мусий // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 283—293.

62. Никулина А. «Мертвые души» взяли за живое : [спектакль «Мертвые души по одноимен. роману Н. Гоголя в Николаев. акад. укр. театре драмы и музык. комедии] / Анна Никулина // Рідне Прибужжя. — 2013. — 19 груд. (№ 51). — С. 15.

63. Новикова М. А. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и их английских переводов) : учеб. пособие для студентов филол. фак. и фак. иностр. филологии ун-тов / М. А. Новикова, И. Н. Шама. — Изд. 2-е, испр. — Запорожье : Акцент Инвест-трейд, 2013. — 210 с.

64. Ольховська Л. В. «Победа человеческого духа» (В. Г. Короленко о Н. В. Гоголе) / Л. В. Ольховська, Р. Рейнхарт // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 293—304.

65. Онищенко Н. Попелюшка в Гоголівській шинелі / Надія Онищенко // Ніжинський вісник. — 2013. — 27 лип. (№ 56). — С. 2.

66. Падерина Екатерина: Анкета Гоголезнавчих студій // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 406—407.

67. Падерина Е. Г. Пробовал ли Гоголь свои силы в жанре мелодрамы? (О первом драматическом замысле Гоголя) / Е. Г. Падерина // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 97—113.

68. Панасюк Б. Українські цукрозаводчики у творчості М. В. Гоголя / Броніслав Панасюк // Світогляд. — 2013. — № 4 (42). — С. 36—45.

69. Переломова О. С. Гетерогенність мовної картини світу М. Гоголя / О. С. Переломова // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 304—312.

70. Проха И. В. Авторская оценка в портрете литературного персонажа (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») / И. В. Проха // Материалы XIII Международного семинара

«Українськими дорогами Санкт-Петербурга» 14-15 мая 2013 года / под ред. Т. Н. Лебединской, А. А. Воловой. — Нежин : Лысенко Н. М., 2013. — С. 222—225.

71. Проха И. В. Вербализация «внешнего человека» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / И. В. Проха // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 74, № 1. — С. 259—264. — (Серія «Філологічні науки»).

72. Прохоренко Є. Є. Вертепна модель міста у М. Гоголя та В. Підмогильного / Є. Є. Прохоренко // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 74, № 1. — С. 72—85. — (Серія «Філологічні науки»).

73. Ріхтер З. Рим і Гоголь. Розділ 3. Гоголь і католицька церква. Ставлення Гоголя до католицького життя. До питання про наміри Гоголя змінити віру / переклад А. Роліка // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 355—372.

74. Розсоха Л. О. Козацтво й духівництво Миргородщини як генетична складова творчості Миколи Гоголя / Л. О. Розсоха // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 312—327.

75. Руденко О. Нетлінна класика : [про виставу «Одруження» за однойм. п'єсою М. Гоголя в Донец. нац. академ. укр. муз.-драм. театрі : за матеріалами бесіди з реж. Ольгою Гаврилук] / Ольга Руденко // Донеччина. — 2013. — 22 жовт. (№ 70).

76. Сверстюк Є. О. Гоголь і українська ніч : есеї / Євген Сверстюк. — Вид. 2-ге, виправл. — К. : КЛЮ, 2013. — 328 с. — Парал. анот. англ.

77. Сверстюк Є. Ім'я : а народився Гоголь, що не кажіть, 1 квітня... / Є. Сверстюк // Літературна Україна. — 2013. — № 15 (11 квіт.). — С. 1,4 : ил.

78. Сверстюк Є. Про Гоголя : уривок із книжки «Гоголь і українська ніч» / Є. Сверстюк // Літературна Україна. — 2013. — № 21 (23 трав.). — С. 4 : ил.

79. Симакова Л. А. «Какую глубокую и могучую поэзию нашел он тут» : (культурол. направленность изучения повести

Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством») / Л. А. Симакова // Русская словесность в школах Украины. — 2013. — № 6. — С. 28—32.

80. Скавыш В. А. Симулякры о психозе Гоголя / В. А. Скавыш // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 74, № 1. — С. 59—71. — (Серія «Філологічні науки»).

81. Сквіра Н. М. До питання про творення канону, деканонізацію та роль інтерпретаційної традиції / Н. М. Сквіра // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 74, № 1. — С. 54—58. — (Серія «Філологічні науки»).

82. Сквіра Н. М. Проблеми поетики другого тому «Мертвих душ» Миколи Гоголя (англ.) / Н. М. Сквіра // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 72. — С. 19—21.

83. Тома Л. В. Микола Гоголь / Леонід Васильович Тома. — Харків : Антологія, 2013. — 121, [2] с.

84. Удалов В. Л. Н. В. Гоголь и А. П. Чехов: сходство драматургических принципов / В. Л. Удалов // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 328-337.

85. Хроменко І. Система уроків з вивчення повісті Миколи Гоголя «Шинель» / І. Хроменко // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. — 2013. — № 1. — С. 13—16.

86. Цвілюк С. А. Шевченко і Гоголь: Геніальні виразники української історії і культури в епоху відродження нації : іст. аспект / Семен Антонович Цвілюк. — Одеса : Астропринт, 2013. — 527 с. — Бібліогр.: с. 520—524.

87. Цвілюк С. А. Шевченко і Гоголь: провід. постаті укр. нац. відродження / Семен Цвілюк // Чорноморські новини. — 2013. — 28 груд.

88. Чоботько А. В. Художественное пространство повести Н. Гоголя «Страшная месьть» / А. В. Чоботько // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 74, № 1. — С. 45—53. — (Серія «Філологічні науки»).

89.Шошура С. Н. Традиции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в произведениях М. А. Булгакова / С. Н. Шошура // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 338—347.

90.Шульц С. А. Н. В. Гоголь и А. Н. Радищев / С. А. Шульц // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 113—126.

91.Шульц С. А. Переиздание монографии об архетипах в творчестве Гоголя / С. А. Шульц // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 404—405. - Рец. на кн.: Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. — 2-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2012. — 232 с.

92.Шульц Сергей: *Анкета Гоголезнавчих студій* // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 408—410.

93.Янковий С. Л. Система уроків з вивчення повісті Миколи Гоголя «Тарас Бульба» / С. Л. Янковий // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. — 2013. — № 1. — С. 6—12.

94.Яремчук, Л. Обозначить свое существование в мире : интеллектуальная игра по творчеству Н. Гоголя / Л. Яремчук // Світова література. — 2013. — № 7. — С. 10—13.

95.Якубина Ю. В. Гоголь и его сестры «брат по небесному, высшему юродству...» / Ю. В. Якубина // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 74, № 1. — С. 38—44. — (Серія «Філологічні науки»).

96.Якубина Ю. В. Мемуари як джерело біографії М. Гоголя (англ.) / Ю. В. Якубина // Література та культура Полісся / відп. ред. і упоряд. Г. В. Самойленко. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — Вип. 72. — С. 38—44.

Бібліографія

97. Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009): дополнения / подгот. В. А. Воропаев // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 417—433.

98. Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2010) / подгот. В. А. Воропаев // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 434—473.

99. Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2010) / підгот. Н. В. Кузьменко, П. В. Михед // Гоголезнавчі студії: Вип. III (20). — Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2013. — С. 474—493.

Підготували Н. В. Кузьменко та П. В. Михед (Ніжин)

ЗМІСТ ПОПЕРЕДНІХ ВИПУСКІВ «ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДІЙ»

Гоголезнавчі студії: статті і дослідження. Випуск перший. Гоголеведческие студии. Выпуск первый. – Ніжин, 1996. – 63 с.

Статті, дослідження

Дмитро Наливайко (*Київ*). Первинні образи в творчості Гоголя.

Вадим Скуратівський (*Київ*). Гоголь у становленні нової української літератури.

Нинель Арват (*Нежин*). Художественно-изобразительная роль ритма в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Владимир Воропаев (*Москва*). «Горьким словом моим посмеюся» (о духовном смысле комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»).

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Любов – порятунок від страху (стратегія пошуку шляхів порятунку суспільства у «Вибраних місцях...» М. Гоголя).

Павел Михед (*Нежин*). Гоголь на путях к новой эстетике слова.

Юрий Хоменко (*Нежин*). Гоголь и Твардовский (из опыта интерпретации).

Павел Михед (*Нежин*). «Из лона скорби к утешению...» (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н. В. Гоголя).

Гоголезнавчі студії: статті і дослідження. Випуск другий. Гоголеведческие студии. Выпуск второй. – Ніжин, 1997. – 138 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (*Москва*). От чего умер Гоголь?

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). «Авторська сповідь» М. Гоголя (своєрідність бачення світу «українською людиною»).

Юрій Барабаш (*Москва*). Бінарна опозиція «батьківщина – чужина» в Гоголя і Шевченка.

Марина Новикова (*Симферополь*), **Ірина Шама** (*Запорожье*). Символика позднего Гоголя.

Ігорь Виноградов (*Москва*). «Тарас Бульба» и отношение Н. В. Гоголя к католицизму (к изучению вопроса).

Семен Абрамович (*Черновцы*). Заметки об изучении писательской позиции позднего Гоголя.

Павел Михед (*Нежин*). Способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (заметки к новой эстетике писателя).

Вадим Скуратовский (*Киев*). На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя).

Владимир Звизняцковский (*Киев*). К проблеме художественного метода Гоголя.

Рецензії

Н. М. Жаркевич, Ю. В. Якубина (*Нежин*). Старый новый Гоголь. Рец. на кн.: *Воропаев В. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете православия.* – М., 1994. – 159 с.

О. Ковальчук (*Ніжин*). Українська русистика – крок у гоголезнавчому напрямку. Рец. на кн.: *Стромецький О. Гоголь.* – Львів, 1994.

Г. Киричок (*Нежин*). Адекватность – точность или множественность прочтения? Рец. на кн.: *Есаулов И.* Спектр адекватности в истолковании литературного произведения «Миргород» Н. В. Гоголя. – М., 1995. – 101 с.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1995-1996 рр. Уклала **Лариса Гранатович** (*Нежин*).

Бібліографія произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1995-1996). Составил **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск третій. Гоголеведческие студии. Випуск третій. Гоголь: бібліографічні посібники і джерела. Анований покажчик / Упоряд. Гранатович Л. В., Михальський Є. М., Михед П. В. – Ніжин, 1998. – 80 с.

Павло Михед (*Нежин*). З історії гоголівської бібліографії.

Гоголезнавчі студії. Випуск четвертий. Гоголеведческие студии. Випуск четвертий. – Ніжин, 1999. – 213 с.

Статті, дослідження

Владимир Воропаев (*Москва*). Поздний Гоголь (1842-1852): новые аспекты изучения.

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Метафора Храма в художественной прозе Н. В. Гоголя.

Юрій Барабаш (*Москва*). «Страшна помста»: релігійно-етичний вимір (фрагменти).

Семен Абрамович (*Черновцы*). «Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать»? (Польский и еврейский мир в «Тарасе Бульбе»).

Владислав Кривонос (*Елец*). «Петербургские повести» Н. В. Гоголя и евангельская топика.

Игорь Виноградов (*Москва*). Гоголь и Белинский: к проблеме полемики.

Олександр Ковальчук (*Нежин*). Гоголь – «русский Христос»? (Текст поэмы «Мертві душі» як засіб самоідентифікації автора).

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*). Гоголь: от драматургии к «Размышлению о Божественной литургии» (аспект исторической поэтики).

Людмила Остапенко, Павел Михед (*Нежин*). Две вехи пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский.

Елена Анненкова (*Санкт-Петербург*). Две книги переходного десятилетия («Сумерки» Е. А. Баратынского и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя).

Дебют

Владислав Томачинский (*Москва*). К вопросу о своеобразии стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

Огляди, рецензії

Григорий Киричок (*Нежин*). О почве и судьбе Гоголя. Рец. на кн.: *Барабаш Ю.* Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М., 1995.

Тетяна Михед (*Ніжин*). Дволикий страдник: Микола – Николай Гоголь. Рец. на кн.: *Georg Lucky. The Anguish of Mykola Hohol a.k.a. Nikolai Gogol.* – Toronto – 1998, 117 p.

Бібліографія

Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1997 року. Підгот. **Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем, вышедшая в России в 1997 году. Сост. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголь в литературе русского зарубежья. Сост. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск п'ятий. Гоголеведческие студии. Випуск пятый. – Ніжин, 2000. – 243 с.

Статті і дослідження

Павло Михед (*Ніжин*). Основні напрямки вивчення творчості Гоголя: підсумки і перспективи.

Олександр Ковальчук (*Ніжин*). Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція).

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя и его «Взгляд на составление Малороссии» (о замысле поэтической истории народа).

Юрій Барабаш (*Москва*). «Страшна помста»: релігійно-етичний аспект – II («Тарас Бульба»).

Надія Поліщук (*Львів*). «Страшна помста» М. Гоголя: спроба відчитання міфологічного тексту.

Семен Абрамович (*Чернівці*). Макабристика в повісті Гоголя «Страшна помста».

Ігорь Виноградов (*Москва*). Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации.

Нинель Арват (*Нежин*). О троичности в повести Н. В. Гоголя «Вий».

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*). Миф о художнике в контексте нарративной дуплановости повести «Вий».

Владислав Кривонос (*Елец*). Собачья тема в «Тарасе Бульбе» Гоголя.

Андрей Фаустов (*Воронеж*). Заколдованное место у Гоголя и Пушкина (несколько замечаний).

Валентина Мацапура (*Полтава*). Синтез языческих и христианских мотивов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя.

Владимир Воропаев (*Москва*). «Нет другой двери...». Евангелие в жизни Гоголя.

Юрій Луцький (*Торонто*). На хуторі біля Диканьки.

Дебют

Катерина Ісаєнко (*Ніжин*). Уваги до дискусії П. Куліша і М. Максимовича про українські повісті Гоголя.

Огляди, рецензії

Григорий Киричок (*Нежин*). Гоголь сквозь религиозно-мистическую призму. Рец. на кн.: *Гончаров С. А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 340 с.

Людмила Остапенко (*Нежин*). Исследование мотивики Гоголя, или О колдовской силе его «заколдованных мест». Рец. на кн.: *Кривонос В. Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 251 с.

Бібліографія

Бібліографія творів Миколи Гоголя і література про нього, що вийшла в Україні 1998 року. Підгот. **Лариса Гранатович** (*Нежин*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1998). Сост. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке: дополнение (1995-1997). Сост. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск шостий. Гоголеведческие студии. Випуск шестой. – Ніжин, 2000. – 60 с.

Павло Михед (*Нежин*). Сучасна ніжинська гоголіана.

Бібліографія

Бібліографія праць ніжинських вчених про Гоголя (1979– 1999). Уклад. **Лариса Гранатович** (*Нежин*).

Гоголезнавчі студії. Випуск сьомий. Гоголеведческие студии. Випуск седьмой. – Ніжин, 2001. – 183 с.

Статті, дослідження

Павел Михед (*Нежин*). Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения.

Юрій Барабаш (*Москва*). Європейське малярство чи візантійський іконопис? (До питання про Гоголеву концепцію християнського мистецтва).

Юлія Якубіна (*Нежин*). К истокам страха у Гоголя (нежинский период).

Олександр Ковальчук (*Нежин*). Страх як проблема українського буття (гоголівська проекція).

Владислав Кривонос (*Самара*). Экзистенциальные аспекты в «Риме» Гоголя.

Сергей Шульц (*Ростов*). «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: топика и нарратив.

Peter Sawczak (*Мельбурн*). The Passions of Chichikov: Gogol's Soteriological Scheme.

Ігорь Виноградов (*Москва*). Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души».

Николай Хомук (*Томск*). Архитектоника лабиринта в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя (идея «исторического романа»).

Семен Абрамович (*Чернівці*). Предметний світ у Гоголя.

Марія Янушкевич (*Томск*). Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра.

Ювілеї

Владимир Воропаев (*Москва*). Жизнь с Гоголем (К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева).

Наші публікації

Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева.

Огляди, рецензії

Григорій Киричок (*Ніжин*). Гоголь і художнє творення історії (сучасні інтерпретації). Рец. на кн.: *Зарецький В. А.* Народные исторические предания в творчестве Н. В. Гоголя. История и биографии. Монография. – Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. – 463 с.; *Сенько І. М.* Історія у дзеркалі літератури. – Ужгород, 2000. – 100 с.

Федор Евсеев (*Нежин*). Об архетипах земли и власти в творчестве Н. В. Гоголя. Рец. на кн.: *Иваницкий А. И.* Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. – М.: РГУ, 2000. – 188 с.

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (1945-2000). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про нього, що вийшла в Україна 1999 року. Підгот. **Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1999). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Гоголезнавчі студії. Випуск восьмий. Гоголеведческие студии. Випуск восьмой. Летопись жизни и творчества Н. Гоголя. Нежинский период (1820-1828) / Сост. Жаркевич Н. М. – от составителей, 1821, 1823, 1825, 1827 гг., примечания; Кирилук З. В. – 1820 г.; Якубина Ю. В. – 1822, 1824, 1826, 1828 гг., примечания, аннотированный указатель имен / Вступ, ст. Михед П. В. – Нежин: НГПУ, 2002. – 232 с.

Павел Михед (*Ніжин*). Н. В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородько (проблемы изучения).

Гоголезнавчі студії. Випуск дев'ятий. Гоголеведческие студии. Випуск девятый. – Ніжин, 2002. – 232 с.

Статті, дослідження

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя (бунтовщик Тарас и другие).

Іван Сенько (*Ужгород*). Гоголівський Шпонька у контексті історії України.

Владимир Кривonos (*Самара*). Сон Тараса в «Тарасе Бульбе» Гоголя.

Ігорь Виноградов (*Москва*). Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: к истории замысла и его интерпретации.

Семен Абрамович (*Черновцы*). Эротика в «Мертвых душах».

Елена Балдина (*Москва*). Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики.

Ігор Мойсєв (*Київ*). Гоголівські перемови (діалогіка роздвоєння та увязмнення).

Сергей Шульц (*Ростов*). «Женитьба» Гоголя и «Живой труп» Толстого в житийном контексте.

Павло Михед (*Ніжин*). Про гоголівський ідіолект російської мови, або Як Олександр Македонський завоював Росію.

Всеволод Сахаров (Москва). Пророки романтизма.

Наші публікації. З історії гоголезнавства

Михаил Погодин. Кончина Гоголя.

Владимир Воропаев. Некролог М. П. Погодина «Кончина Гоголя».

Віктор Петров. Петербурзькі повісті М. Гоголя.

Світлана Матвієнко. Межі інтерпретації.

Владимир Воропаев. Воровский и его «Гоголь».

Огляди і рецензії

Олена Моціяка (Ніжин). «Ти смієшся, а я плачу». Рец. на кн.: *Барабаш Юрій*. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. – Харків: Акта, 2001. – 373 с.

Сергей Шульц (Ростов). Диалог символистов с Гоголем. Рец. на кн.: *Сугай Л. А.* Гоголь и символисты. – М., 1999. – 376 с.

Юлия Якубина (Нежин). Поздний Гоголь: духовная проза. Рец. на кн.: Н. В. Гоголь. Духовная проза / Сост., вступ, ст., комментарии И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2001. – 567 с.

Григорий Киричок (Нежин). Гоголь: границы литературы – границы религии. Рец. на кн.: *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мировоззрения. – М.: Наследие, 2000. – 448 с.

Александр Чоботьюк (Нежин). Диалог христианских душ. Рец. на кн.: Переписка Н. В. Гоголя и Н. Н. Шереметьевой / Вступ. ст. И. А. Виноградова, подг. текста, комментарии И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – М., 2001. – 255 с.

Владимир Воропаев (Москва). Песнь благодарения Богу. О новых текстах Гоголя. Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Изд. подгот. И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2001. – 660 с.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Юрій Барабаш (Москва).

Юрий Манн (Москва).

Бібліографія

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2000). Подгот. **Владимир Воропаев** (Москва).

Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про його життя і творчість, що вийшла в Україні (2000). Підгот. **Лариса Гранатович** (Ніжин).

Гоголезнавчі студії. Випуск десятій. Гоголеведческие студии. Випуск десятый. Ковальчук О. Г. Гоголь: буття і страх. – Ніжин, 2002. – 80 с.

1. Страх як проблема українського буття.

2. Російське буття і страх.

3. «Авторська сповідь» М. Гоголя (своєрідність бачення світу «українського людиною»).

4. Незаангажованість буттям – дорога в смерть (останні дні Гоголя).

Гоголезнавчі студії. Випуск одинадцятій. Гоголеведческие студии. Випуск одинадцатый. Луцький Ю. О. Странництво Миколи Гоголя, званого також як Ніколай Гоголь. – К.: Знання України, 2002. – 113 с. (Переклад з англ. Тетяни Михед).

Павло Михед (Ніжин). Остання книга Юрія Луцького (передмова).

Нові гоголезнавчі студії. Випуск перший (дванадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск первый (двенадцатый). Юрій Барабаш. Гоголь у літературній свідомості українського зарубіжжя (Нариси сприйняття та інтерпретації). – Сімферополь: Кримський Архів, 2004. – 128 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск другий (тринадцятий). Новые Гоголеведческие студии. Выпуск второй (тринадцатый). – Сімферополь-Київ, 2005. – 292 с.

Доповіді, статті і дослідження

Юрій Барабаш (*Москва*). Гоголезнавство в Україні й поза нею.

Ігорь Виноградов (*Москва*). «Необыкновенный наставник» И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ».

Александр Киченко (*Черкасы*). «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: мифопоэтическая организация пространства.

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*). Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя. Посвящение в «лицарі».

Всеволод Сахаров (*Москва*). Потемкин и запорожцы у Гоголя: материалы к историческому комментарию.

Владислав Кривонос (*Самара*). Трудные места в «Шинели» Гоголя.

Елена Балдина (*Москва*). Музыка в художественном мышлении Гоголя.

Екатерина Падерина (*Москва*). О жанровой специфике пьесы Гоголя «Игроки».

Павел Михед (*Київ*). Рим в творческом сознании Гоголя.

О. Василь Мольнар (*Полтава*). З історії Свято-Миколаївської церкви Диканьки.

Владимир Воропаев (*Москва*). Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя.

Comparative

Світлана Матвієнко (*Київ*). Дмитро Чижевський – формаліст. Порівняльний аналіз статей Дмитра Чижевського та Бориса Ейхенбаума про повість Миколи Гоголя «Шинель».

Ольга Ніколенко, Юлія Баракова (*Полтава*). Микола Гоголь і Фрідріх Дюрренматт.

Дебют

Сергей Овечкин (*Санкт-Петербург*). Повести «Миргорода»: жанровая трансформация и неоднородность нарратива.

Огляди, рецензії

Елена Балдина. Новая книга о Гоголе.

Елена Балдина. Новый гоголевский сборник: традиции и перспективы.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Елена Анненкова (*Санкт-Петербург*).

Владимир Воропаев (*Москва*).

Владислав Кривонос (*Самара*).

Бібліографія

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, що вийшли в Україні 2001 року. Підгот. **Лариса Гранатович** (*Ніжин*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2001). Подгот. **Владимир Воропаев** (Москва).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002). Подгот. **Владимир Воропаев** (Москва).

Нові гоголезнавчі студії. Випуск третій (чотирнадцятий). Новые Гоголевские студии. Выпуск третий (четырнадцатый). Владимир Денисов. Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя. – Симферополь-Киев, 2005. – 150 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск четвертий (п'ятнадцятий). Новые Гоголевские студии. Выпуск четвертый (пятнадцатый). Александр Киченко. Молодой Гоголь: поэтика романтической прозы. – Нежин: «Издательство «Аспект-Полиграф», 2007. – 224 с.

Нові гоголезнавчі студії. Випуск п'ятий (шістнадцятий). Новые Гоголевские студии. Выпуск пятый (шестнадцатый). – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2007. – 414 с.

Доповіді, статті і дослідження

Юрій Барабаш (Москва). Франкові причинки до української Гоголіани.

Іван Мегела (Київ). Человек и мир в творчестве Н. В. Гоголя.

Аркадий Гольденберг (Волгоград). Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема сюжета и стиля.

Владимир Воропаев (Москва). Гоголь и Московский университет.

Ігорь Виноградов (Москва). Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери.

Вячеслав Кошелев (Новгород Великий). Об одной университетской лекции Гоголя.

Владислав Кривонос (Самара). Порог и лестница в «Мертвых душах» Гоголя.

Александр Звездин (Симферополь). Проблема генезиса гоголевского Вия в мировой русистике: поиск синтетического решения.

Семен Абрамович (Черновцы). Отрывок «Девуцы Чабловы»: погибший эмбрион социально-психологического романа.

Анатолий Кошелев (Новгород Великий). Гоголь и А. О. Смирнова: обстоятельства знакомства (по «Запискам А. О. Смирновой»).

Нина Крутикова (Київ). Украина в поэзии и прозе И. Бунина.

Ганна Улюра (Київ). Гоголівський текст в російській жіночій літературі 1990-х років.

Comparative

Павло Михед (Ніжин). Микола Гоголь і Велика польська еміграція (проблеми вивчення).

Ірина Рождественская (Днепропетровск). Последний польский перевод «Тараса Бульбы».

Із зарубіжного гоголезнавства

Василь Гришко (*Сіетл*). Николай Гоголь та Микола Гоголь: Париж 1837. Розділ зі студій про Гоголів комплекс «двох душ» (Переклад **Тетяни Михед**).

Дебют

Андрей Евдокимов (*Москва*). «...Вещь может быть славная»: Вопросы творческой истории драмы Н. В. Гоголя об украинском казачестве.

Рецензії і відгуки

Елена Балдина (*Москва*). Новое в современном гоголеведении.

Павло Михед (*Ніжин*). Зауваги на берегах.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Нина Крутикова (*Київ*).

Владимир Денисов (*Санкт-Петербург*).

Владимир Казарин (*Симферополь*).

Бібліографія

Бібліографія гоголеведческих публикаций **В. П. Казарина**.

Бібліографія произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2003–2005). Подгот. **Владимир Воропаев** (*Москва*).

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2002-2005). Підгот. **Лариса Гранатович, Катерина Ісаєнко, Надія Кузьменко** (*Ніжин*).

Тарас Шевченко і Микола Гоголь (бібліографія). Підгот. **Павло Михед**. (*Ніжин*).

Гоголезнавчі студії. Випуск шостий (сімнадцятий). Гоголеведческие студии. Випуск шестой (семнадцатый). – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2008. – 292 с.

Доповіді, статті і дослідження

Михед П. В. (*Київ-Ніжин*). Проблеми українського гоголезнавства: попередні підсумки й найближчі перспективи.

Подрига В. М. (*Переяслав*). Проза М. Гоголя в контексті української російськомовної беллетристики.

Мацапура В. И. (*Полтава*). Незавершенный роман Гоголя «Гетьман»: особенности поэтики, проблема контекста.

Поплавская И. А. (*Томск*). Поэтические принципы в повествовательной структуре «Миргорода».

Кошелев В. А. (*Новгород Великий*). О «Предисловии» к гоголевской повести о двух Иванах.

Абрамович С. Д. (*Черновцы*). Мотив наркотического транса у Гоголя в контексте эволюции романтического культа фантазии.

Кравченко О. А. (*Донецк*). Проблема возвышенного в творчестве Н. В. Гоголя.

Звнянцковский В. Я. (*Київ*). Комедия «Смешнее черта» («Ревизор») как образчик смехового искусства «украинской школы».

Колосова Н. А. (*Київ*). «Ревизор» Н. В. Гоголя в 20-30 годы XX века.

Кривонос В. Ш. (*Самара*). Пародийний модус в «Мертвых душах» Гоголя («Повесть о капитане Копейкине»).

Сквіра Н. М. (*Київ*) Функціональність предметного світу в другому томі «Мертвых душ».

Мусій В. Б. (*Одесса*). О жанровых особенностях «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя.

Comparative

Попова-Бондаренко И. А. (*Донецк*). «Гоголевский код» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Дебют

Фадеева А. В. (*Біла Церква*). Три роки на чужині: особливості гоголівського епістолярію 1836-1839 років.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Аркадий Гольденберг (*Волгоград*).

Григорий Самойленко (*Нежин*).

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (2006-2007). Подгот. **Владимир Воропаев**.

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2006-2007). Подгот. **Владимир Воропаев**.

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2006-2007). Підгот. **Кузьменко Н. В.**

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій

Гоголезнавчі студії. Випуск I (вісімнадцятий). Гоголеведческие студии. Выпуск I (восемнадцатый). – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Полиграф», 2009. – 412 с.

Доповіді, статті і дослідження

Абрамович Семен (*Черновцы*). «Наброски плана драмы из украинской истории» как ностальгия по барокко.

Воропаев Владимир (*Москва*). Когда родился Гоголь?

Послесловие: **Владимир Казарин** (*Симферополь*),

Владимир Воропаев (*Москва*).

Гундорова Тамара (*Київ*). Микола Гоголь і колоніальний кітч.

Джулай Юрій (*Київ*). Невідомі складові авторської будови відповіді про «натуру» Чичикова в поемі «Мертві душі».

Звinyaцковский Владимир (*Киев*). Поэтическое призвание гимназиста Гоголя (О значении личности и творчества И. В. Гете в нежинский период).

Киченко Александр (*Черкасы*). Творчество Гоголя в интерпретации Ю. М. Лотмана: эволюция семиотического метода.

Ковальчук Олександр (*Нежин*). Творчість М. Гоголя як проблема української гуманітаристики.

Козлик Ігор (*Івано-Франківськ*). Творча спадщина М. В. Гоголя в площині теоретико-літературної проблематики.

Колосова Наталья (*Киев*). Лабиринты и Минотавры 20-30-ых годов XX века в ракурсе гоголевского слова.

Кравченко Оксана (*Донецк*). Проблематика художественного целого «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя.

Кривонос Владислав (*Самара*). Неопределенность и символика в «Мертвых душах» Гоголя.

Мацапура Валентина (*Полтава*). О роли живописных и звуковых деталей в поэме Гоголя «Мертвые души».

Мусий Валентина (*Одесса*). Мотив странничества в поэме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен».

Сквіра Наталія (*Київ*). «Да мечет пастырь, как камнем, грозным словом...» («Лествица» Иоанна Лествичника та другий том «Мертвых душ» Миколи Гоголя).

Ткачук Микола (*Тернопіль*). Семантика екзистенційного світу повісті Миколи Гоголя «Шинель».

Улора Ганна (*Київ*). Гоголівські сюжети в творах Єкатеринбурзької школи новітньої драми.

Шульц Сергей (*Ростов*). «Повесть о капитане Копейкине» в художественной структуре «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Из зарубіжного гоголезнавства

Dibrova Volodymyr (*Harvard*). What are we to make of Gogol's nationality?

Romanets Maryna (*Prince George*). Daughters of Darkness: Intertextuality in Le Fanu's «Carmilla» and Gogol's «Viy».

Дебют

Евдокимов Андрей (*Москва*). Читал ли Гоголь Шекспира в подлиннике?

Лебедев Алексей (*Москва*). Идиллическое в повести «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя и поэме «Герман и Доротея» И. В. Гёте.

Рецензії та відгуки

Балдина Елена (*Москва*). Наука о Гоголе в XXI веке: открытия и перспективы. Авторецензия-шарада на поэму прочтения криптографии «Мертвых душ» **Александром Кораблевым** (Донецк).

Михед Павел (*Нежин*). О поисках гоголевских прототипов.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Александр Киченко (*Черкасы*).

Валентина Мацапура (*Полтава*).

Бібліографія

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2008). Подгот. **Владимир Воропаев**.

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2008). Підгот. **Надія Кузьменко**.

Список наукових праць Михеда П. В. Підгот. **Надія Кузьменко**.

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій

Гоголезнавчі студії: Вип. II (дев'ятнадцятий). Гоголеведческие студии. Выпуск II (девятнадцатый). – Ніжин : 2011. – 538 с.

Доповіді, статті і дослідження

Абрамович С. (*Черновцы*). Сыноубийство в «Тарасе Бульбе» инициация или жертвоприношение?

Виноградов И. (*Москва*). Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ».

Воропаев В. (*Москва*). Гоголь и его окружение. Материалы к библиографическому словарю.

Денисов В. (*Санкт-Петербург*). Первые петербургские повести Н. В. Гоголя: типология героев и методология автора.

Джафарова К. (*Махачкала*). Идиллия и диалог жанров в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики».

Джулай Ю. (*Київ*). Гоголівські уроки «Журналу гожих мистецтв» на сторінках поеми «Мертві душі».

Карташов В. (*Москва*). Травники Гоголя.

Кошелев В. (*Новгород Великий*). «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Гоголя и писателей «гоголевского направления».

Кривонос В. (*Самара*). Сон Коробочки и его роль в «Мертвых душах» Гоголя.

Лабынцев Ю., Щавинская Л. (*Москва*). «Гоголевская молитва» в массовой рукописной религиозной книжности восточных славян.

Михед П. (*Киев-Нежин*). Автобиографическая повесть Н. В. Гоголя <«Повар»>.

Comparative

Шульц С. (*Ростов-на-Дону*). Гоголь і Апулей.

Із зарубіжного гоголезнавства

Кайль Р.-Д. (*Бонн*). Гоголь і апостол Павло (*Переклад А. Роліка*).

Лю Хунбо (*Пекин*). Гоголеведение в Китае и как меняется облик Гоголя у китайского гоголеведа.

Дебют

Баншиков Ю. (*Усть-Илимск*). Еще к поездке Гоголя за границу летом 1829 года.

Рецензії та відгуки

Каплин А. (*Харьков*). Гений Гоголя.

Лепехин В. (*Сегед*). Важнейшее событие в гоголеведении.

Мельник В. (*Москва*). Сокровенный Гоголь.

Анкета «Гоголезнавчих студій»

Игорь Виноградов (*Москва*).

Екатерина Дмитриева (*Москва*).

Бібліографія

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009). Подгот. **В. Воропаев**.

Бібліографія літератури про життя і творчість Миколи Гоголя, надрукована в Україні (2009). Підгот. **Н. Кузьменко**.

Список научных работ **В. А. Воропаева**.

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій.

Гоголезнавчі студії: Вип. III (двадцятий). Гоголеведческие студии. Выпуск III (двадцатый). – Ніжин : 2013. – 507 с.

Доповіді, статті і дослідження

Абрамович С. Д. (*Чернівці*). Градація від «чужинця» до сатани у «Зниклій грамоті» Гоголя.

Виноградов И. А. (*Москва*). Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ».

Воропаев В. А. (*Москва*). Гоголь на святой земле. К 165-летию создания Русской Духовной миссии в Иерусалиме.

Генералюк Л. С. (*Київ*). «Не пропускаючи нічого з того, що бачить око...». Візуальний образ України у прозі Миколи Гоголя.

Денисов В. Д. (*Санкт-Петербург*). К творческой истории повести «Записки сумасшедшего».

Падерина Е. Г. (*Москва*). Пробовал ли Гоголь свои силы в жанре мелодрамы? (О первом драматическом замысле Гоголя).

Шульц С. А. (*Ростов-на-Дону*). Н. В. Гоголь и А. Н. Радищев.

Матеріали XI Міжнародної конференції

«Творча спадщина Миколи Гоголя і світовий культурний контекст»

(до 160-ліття із дня смерті письменника)

Абрамович С. Д. (*Черновцы*). Любовь в художественном мире Гоголя.

Александрова Э. К. (*Санкт-Петербург*). Жизнь как «бесконечно длинное меню» (О гоголевских «литературных прототипах» в романе Газданова «История одного путешествия»).

Барабаш Ю. Я. (*Москва*). «Я мушу на Гоголі зупинитись надовше...» (Гоголівський дискурс як осердя концепції «чотирьох [трьох] літератур» Михайла Драгоманова).

Воропаєва Т. С. (*Київ*). Творча спадщина Миколи Гоголя крізь призму етнічної психології та українознавства.

Джулай Ю. В. (*Київ*). Про витоки нарративу «науки випитування поглядом» в поемі «Мертві душі».

Дикарева Л. Ю. (*Київ*). Імпресіоністичні мотиви в портретних описах ранніх творів Миколи Гоголя.

Дудюк Л. П. (*Миколаїв*). Сюжети й образи українських народних дум у повісті М. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Ємець Т. М. (*Київ*). Українознавчий аспект творчості Миколи Гоголя.

Клипа Н. І., Вакуленко Г. М. (*Ніжин*). Конфесійна лексика в духовній прозі Миколи Гоголя .

Кошелев В. А. (*Новгород Великий*). Константин Аксаков и герои Гоголя.

Краснобаева О. Д. (*Луцк*). «Реальное» и «фантастическое» как оппозиции в художественном мире Гоголя и Гофмана.

Кривонос В. III. (*Самара*). «Горе от ума» в «Мертвых душах».

Любецкая В. В. (*Кривой Рог*). Икона мира в поэтике Н. В. Гоголя.

McCone В. (*Dublin*). A Brief Overview of the Grounds for Comparison of Gogol and Wilde.

Менший А. М. (*Миколаїв*). Семантико-змістове наповнення концепту страх у «Петербурзьких повістях» М. Гоголя та новелістиці М. Коцюбинського.

Михед П. В. (*Київ-Нежин*). Гоголь и Ламенне.

Мусий В. Б. (*Одесса*). Чествование 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя в Одессе.

Ольховська Л. В. (*Полтава*), **Рейнхарт Р.** (*Майнц*). «Победа человеческого духа» (В. Г. Короленко о Н. В. Гоголе).

Переломова О. С. (*Суми*). Гетерогенність мовної картини світу М. Гоголя.

Розсоха Л. О. (*Миргород*). Козацтво й духівництво Миргородщини як генетична складова творчості Миколи Гоголя.

Удалов В. Л. (*Луцьк*). Н. В. Гоголь и А. П. Чехов: сходство драматургических принципов.

Шошура С. Н. (*Николаев*). Традиции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в произведениях М. А. Булгакова.

Дебют

Голубева Е. (*Москва*). Пометы Н. В. Гоголя на Библии 1820 года издания: к истории вопроса.

Из зарубіжного гоголезнавства

Ріхтер З. (*Гамбург*). Рим і Гоголь. Розділ З. Гоголь і католицька церква. Ставлення Гоголя до католицького життя. До питання про наміри Гоголя змінити віру. (Переклад **А. Роліка** (*Ніжин*)).

Зауваги на берегах

Михед П. В. (*Київ-Ніжин*). Про односторонню критику, або для чого потрібні псевдоніми.

Рецензії та відгуки

Воропаев В. А. (*Москва*). И. А. Виноградов. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. – 904 с.

Евдокимов А. А. (*Москва*). Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 456 с.

Ісаєнко К. П. (*Ніжин*). Гоголь і Гімназія вищих наук: біографічний та ейдологічний виміри: монографія / Ю. В. Якубіна. – Ніжин : НДУ ім. Миколи Гоголя, 2012. – 366 с.

Киченко А. С. (*Черкасы*). Проблемы текстологии второго тома «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя.

Шульц С. А. (*Ростов-на-Дону*). Переиздание монографии об архетипах в творчестве Гоголя.

Анкета Гоголезнавчих студій

Екатерина Падерина (*Москва*).

Сергей Шульц (*Ростов-на-Дону*).

Бібліографія

Список научных и учебно-методических работ **В. Д. Денисова** (*Санкт-Петербург*).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009): Дополнения. Подгот. **В. А. Воропаев** (Москва).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2010). Подгот. **В. А. Воропаев** (Москва).

Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2010). Підгот. **Н. В. Кузьменко** (Ніжин).

Зміст попередніх випусків гоголезнавчих студій.

Гоголезнавчі студії: Вип. IV (двадцять перший). Гоголеведческие студии. Выпуск IV (двадцать первый). – Ніжин : ФОП Лук'яненко В. В. ТПК «Орхідея», 2014. – 306 с.

Доповіді, статті та дослідження

Абрамович С. Д. (Чернівці). «Ай! Кто это?» — «Это я, твоя жена!» (о подтексте повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Виноградов И. А. (Москва). Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками.

Воропаев В. А. (Москва). Гоголь и отец Матфей Ржевский.

Казарин В. П. (Симферополь). Одиночество Николая Гоголя (Готовы ли мы к новому прочтению творческого наследия нашего классика?).

Кривонос В. Ш. (Самара). Путь, учительство, иной мир во втором томе «Мертвых душ» Гоголя.

Люсый А. П. (Москва). Путевая эдемософия: в просторе Гоголя

Михед П. В. (Киев). Гоголь і польська література 30-х – 40-х років XIX ст. (проблеми вивчення).

Садыкова Л. В. (Киев). Эссеистические студии Н. В. Гоголя.

Із зарубіжного гоголезнавства

Кайль Р.-Д. (Бонн). Гоголь у дзеркалі своїх біблійних цитат. Переклад **А. Роліка** (Ніжин).

Рецензії та відгуки

Киченко О. С. (Черкаси). Поетика українського Гоголя.

Анкета Гоголезнавчих студій

Гуминский Виктор Мирославович (Москва).

Бібліографія

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н. В. Гоголя (1945–2013). Сост. **В. А. Воропаев** (Москва).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009–2010): Дополнения. Сост. **В. А. Воропаев** (Москва).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2011). Сост. **В. А. Воропаев** (Москва).

Библиография произведений Н. В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2012). Сост. **В. А. Воропаев** (Москва).

Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2011–2012). Підгот. **Н. В. Кузьменко** (Ніжин).

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій»

Благодійний фонд
«Богуслав»

Наукове видання

ГОГОЛЕЗНАВЧІ СТУДІЇ

Випуск V (22)

ГОГОЛЕВЕДЧЕСКИЕ СТУДИИ

Выпуск V (22)

Науковий редактор – Тетяна Михед
Літературний редактор – Надія Бондар
Комп'ютерний набір,
верстка та макетування – Євгенія Прохоренко
В оформленні обкладинки
використовувався малюнок Олександра Лаврухіна

Віддруковано з оригінал-макету замовника

Підписано до друку 28.09.2015р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний. Друк ризограф.
Гарнітура Times. Ум. друк. арк. 29,06.
Обл. друк. арк. 25,90. Тираж 300 прим.
Зам. № 446

Видавець - ФОП Лук'яненко В.В. ТПК «Орхідея»
*Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3020 від 02.11.2007 р.*

*16600, Чернігівська обл., м. Ніжин, вул. Леніна, 13 а.
Тел.: (04631) 5-15-05,
E-mail: holdingvv@gmail.com*